№ 1. Апрѣль 1901-го г.

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 2 руб.
Preis 4 Mark 5 Francs.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):
J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.
Verantwortlich für die Redaktion: K. Fentz in Stuttgart.

Оглавленіе.

Стран.

Отъ редакціи V

Еще разъ соціализмъ и политическая борьба. Г. Плеханова . . . 1

Воспоминанія. Переводъ съ рукописи Карла Каутскаго 33

Что случилось? Старовѣра 47

Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова 75

Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“. Н. Рязанова 118

О старомъ и новомъ. Бывалаго 137

Чему учитъ харьковская маевка? А. Б. 148

Гимнъ новѣйшаго русскаго соціалиста. Нарциса Тупорылова . . . 152

Четырнадцатое декабря 1825 года. Г. Плеханова 154

Борьба въ тюрьмѣ. В. Засуличъ 175

Европейскіе рабочіе и ихъ русскій историкъ. П. Молотова 187

Нѣсколько словъ о послѣднемъ парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ. Г. Плеханова 231

Случайныя замѣтки. Т. Х. 247

Библіографія:

Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу — Масарика, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева 271

La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde 280

Bibliothèque socialiste, Paris 1900. № 1: Manuel du coopérateur socialiste, par Maurice Lauzel. — № 2—4: Le collectivisme et l'évolution industrielle, par Emile Vandervelde. — № 5: Proudhon, par Hubert Bourgin 284

Штундистъ Павелъ Руденко. Романъ С. Степняка (С. М. Кравчинскаго) В. З. 286

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 51, стр. 3 св.: Вмѣсто „въ томъ“, читай: „не въ томъ“

Стр. 55, стр. 3 св.: Вмѣсто „немало“, читай „немного“.

Къ читателямъ.

Лозунгъ стараго міра когда-то гласилъ: le roi est mort vive le roi! Начиная нашъ органъ, „Зарю“, мы говоримъ подцензурный русскій марксизмъ скончался, пережившъ себя, — миръ праху его и да здравствуетъ свободная мысль революціонной соціаль-демократіи — этого палладіума русскаго освобожденія!

Волны рабочаго движенія хлещутъ все выше и выше, общественное возбужденіе противъ давящихъ оковъ абсолютизма растетъ, и на русскаго соціаль-демократа — писателя все повелительнѣе надвигается задача: осмысливать каждый шагъ въ поступательномъ ходѣ движенія, въ процессѣ полустихійнаго его наростанія, указывать пути и средства, намѣчать программу, формировать агитаторовъ и, ведя безпощадную борьбу съ представителями современнаго „критицизма“, будить теоретическую мысль и нести въ широкіе слои читающей массы тотъ „духъ живъ“, безъ котораго никогда не окрѣпнетъ великое освободительное движеніе.

Удастся ли „Зарѣ“ въ настоящій моментъ теоретическаго кризиса и практическаго хаоса выполнить хотя часть намѣченныхъ задачъ, покажетъ будущее. Сейчасъ мы выпускаемъ на судъ читателей нашъ первый опытъ.

Das Denkmal für Karl Marx in Petersburg.

Еще разъ соціализмъ и политическая борьба.

Осенью 1883 года вышла въ Женевѣ моя брошюра *„Соціализмъ и политическая борьба“*, положившая начало литературной пропагандѣ группы *„Освобожденіе Труда“* и посвященная вопросу о политическихъ задачахъ русскихъ соціалистовъ. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить съ читателемъ о томъ же вопросѣ. И я надѣюсь, что никто не назоветъ его устарѣлымъ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ не устарѣлъ и до сихъ поръ. Нынѣшнее положеніе русской соціалистической партіи въ очень многомъ и очень сильно отличается отъ того, въ которомъ она находилась семнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь дѣйствительно устарѣло очень многое изъ того, что занимало и волновало тогда ея приверженцевъ, но вопросъ объ ея политическихъ задачахъ и теперь принадлежитъ, — какъ принадлежалъ тогда — къ числу нашихъ Zeit- und Streitfragen. Болѣе того, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что теперь, какъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ является самымъ важнымъ, самымъ насущнымъ и самымъ жгучимъ изо всѣхъ практическихъ вопросовъ, требующихъ отъ насъ отвѣта: отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ все будущее нашей партіи. А между тѣмъ онъ до сихъ поръ нѣкоторыми изъ насъ рѣшается ошибочно; до сихъ поръ онъ представляетъ собою какое-то „заколдованное мѣсто“, о которое запинаются подчасъ люди, имѣющіе рѣшительно всѣ данныя для того, чтобы легко справиться и не съ такими трудностями. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какъ и кѣмъ заколдовано „мѣсто“, относящееся къ нашимъ политическимъ задачамъ? Чтобы уяснить себѣ это, полезно будетъ припомнить, какъ развивалась въ русской революціонной средѣ идея политической борьбы въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ.

I.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ этой средѣ почти безраздѣльно господствовало *народничество*, которое, однако, не надо смѣшивать съ *ученіемъ г. г. В. В. и компаніи*. Уче-

ніе этихъ господъ представляетъ собою что-то въ родѣ злѣйшей каррикатуры на старое народничество. Правда, въ основѣ стараго народничества лежали, въ общемъ, тѣ же самыя *теоретическія* посылки, на которыя опираются теперь г. В. В. и его единомышленники, но *практика* народничества семидесятыхъ годовъ не похожа на ту практику, которой занимаются теперь г. В. В. съ братіей. Эта почтенная братія твердо уповаетъ на царское правительство: она помнитъ тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что это правительство заводило когда-то военныя поселенія, и дѣлаетъ изъ этого факта тотъ нѣсколько сомнительный выводъ, что это же правительство могло бы взяться и за организацію фаланстеровъ. Народники семидесятыхъ годовъ и слышать не хотѣли о *царскомъ правительствѣ*. Г. В. В. — реакціонеръ, народники семидесятыхъ годовъ были *революціонерами*, отъ души ненавидѣвшими всякую реакцію. Поэтому они, навѣрное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что современемъ народничество выродится въ доктрину, проповѣдующую экономическое освобожденіе русской трудящейся массы посредствомъ мирныхъ реформъ сверху.

Но народники семидесятыхъ годовъ были въ значительной степени пропитаны духомъ *анархизма*. Я сказалъ, что они и слышать не хотѣли о *царскомъ* правительствѣ. Мнѣ слѣдовало прибавить: какъ и о *правительствѣ вообще*. Они смотрѣли на государство глазами анархистовъ, и если этотъ анархическій взглядъ на государство предохранялъ ихъ отъ всякихъ ложныхъ шаговъ по отношенію къ царизму, то *онъ же мѣшалъ имъ понять характеръ и значеніе ихъ собственной революціонной борьбы*.

Съ точки зрѣнія анархиста, стремящагося къ непосредственному разрушенію государства, борьба за политическую свободу, т. е. за *извѣстный видъ государственнаго устройства*, представляется жалкой непослѣдовательностью, постыднымъ компромиссомъ. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать у нашихъ тогдашнихъ народниковъ сильное предубѣжденіе противъ *„политики“*. Но къ этому у нихъ присоединялось другое соображеніе, подсказанное имъ ихъ *экономическими воззрѣніями*. Они боялись, что конституціонный строй, окончательно развязавъ руки буржуазіи, тѣмъ самымъ дастъ могучій толчокъ *развитію* у насъ *капитализма*, а слѣдовательно и разрушенію тѣхъ *старинныхъ „устоевъ“* нашей экономической жизни, которые представлялись имъ зародышами будущаго соціалистическаго строя. Это, такъ сказать, *са-*

мобытное соображеніе еще болѣе предубѣждало ихъ противъ „политики“. Всякая мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу встрѣчала съ ихъ стороны такое же страстное осужденіе, съ какимъ они относились ко всѣмъ видамъ и родамъ экономической эксплуатаціи трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу значитъ косвенно его поддерживать. Отрицая „политику“, наши народники повторяли ошибку „истинныхъ“ нѣмецкихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, такъ мѣтко и такъ жестоко осмѣянныхъ въ *„Манифестѣ Коммунистической Партіи“*.

По словамъ Манифеста, эти соціалисты не упускали случая „противопоставить политическому движенію соціалистическія требованія и расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкурренціи, буржуазной свободѣ и равенству и проповѣдывать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять“. Это какъ разъ та самая проповѣдь, которую вели наши народники, и какъ разъ тѣ самыя проклятія, которыя расточались ими. И поскольку они вели *такую* проповѣдь и расточали *такія* проклятія, они невольно и незамѣтно для себя превращались изъ рѣшительныхъ революціонеровъ въ косвенныхъ сторонниковъ *застоя*. Это была большая ошибка. Къ счастью для самихъ себя и для всего нашего революціоннаго движенія, народники *дѣлали* въ этомъ случаѣ *не то, что думали и говорили*.

Они называли себя *бунтарями*. Это значитъ, что они старались поднимать народъ противъ правительства вездѣ, гдѣ это было возможно. Собственно *„бунтовъ“* изъ этихъ стараній никакихъ не вышло, но это не помѣшало „бунтарямъ“ сослужить нашему движенію хорошую службу. Ихъ „бунтарскія“ стремленія сдѣлали изъ нихъ усердныхъ, неутомимыхъ и очень искусныхъ *агитаторовъ*. Они агитировали въ деревнѣ и въ городѣ, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разныхъ „земель“ и студентами разныхъ „вѣдомствъ“. Они энергично, „не щадя своего живота“, поддерживали всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направлявшееся противъ существующаго порядка, и въ этой неутомимой агитаціонной дѣятельности, въ этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявленіе общественнаго недовольства заключается все значеніе революціоннаго народничества. Правильный *революціонный инстинктъ спасалъ народниковъ семи-*

десятыхъ годовъ отъ реакціонныхъ выводовъ, вытекавшихъ изъ ихъ ошибочныхъ теоретическихъ посылокъ.

Но какъ ни велико значеніе революціоннаго *инстинкта*, онъ не можетъ замѣнить собою революціонную *теорію*. Теоретическія ошибки народниковъ не остались безъ вреднаго вліянія на ихъ агитаціонную практику.

Какъ уже сказано мною выше, въ ихъ программѣ не было мѣста для борьбы за политическую свободу. Имъ оставалось, поэтому, направить всѣ свои силы въ сторону *агитаціи на экономической почвѣ*. И дѣйствительно, агитація этого рода составляетъ самую выдающуюся черту ихъ революціонной дѣятельности. Но въ ней была своя неумолимая логика. Агитація на экономической почвѣ во имя ближайшихъ требованій крестьянъ и рабочихъ велась *не въ государствѣ вообще, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ*. Агитаторамъ, равно какъ и волнующейся массѣ, приходилось сталкиваться не съ правительствомъ вообще, а съ правительствомъ русскаго самодержца. Столкновенія съ этимъ правительствомъ вызывали въ умахъ массы извѣстные *политическіе вопросы*, на которые *не могли не отвѣчать* агитаторы. Такимъ образомъ *экономическая* агитація естественнымъ и неотвратимымъ ходомъ вещей превращалась въ *политическую*. Но такъ какъ она превращалась въ нее *вопреки народнической теоріи*, то превращеніе оставалось незаконченнымъ, и народники сами старались остановить начинавшееся въ рабочей средѣ политическое движеніе. Если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ моей брошюрой: *„Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“*, онъ увидитъ изъ нея, какъ искусно вели народники (напримѣръ, во время стачекъ на Новой Бумагопрядильнѣ) дѣло первоначальнаго политическаго воспитанія массы. Но эта же брошюра напомнитъ ему о томъ, что когда *„Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“* выставилъ въ своей программѣ конституціонныя требованія, то тѣ же народники осудили ихъ, какъ несовмѣстимыя съ соціализмомъ.

А когда народникамъ приходилось агитировать въ такъ называемомъ *обществѣ*, тогда противорѣчіе между ихъ *мнѣніями* и ихъ *дѣйствіями* обнаруживалось съ еще большею ясностью. „Ближайшими требованіями“, дававшими поводы для агитаціи, являлись здѣсь требованія, имѣвшія самый несомнѣнный политическій характеръ. Удовлетвореніе этихъ требованій (напримѣръ, требованіе неприкосновенности личности и подсудности присяжнымъ дѣлъ по „политическимъ преступленіямъ“) предполагало установленіе того конституціоннаго порядка, который пугалъ народниковъ своими „бур-

жуазными“ послѣдствіями. Много умственныхъ силъ потратили народники на борьбу съ этимъ противорѣчіемъ, но такъ какъ побороть, т. е. разрѣшить его можно было лишь отказавшись отъ народничества, то ихъ усилія приводили къ мало убѣдительнымъ софизмамъ или къ такимъ страннымъ заявленіямъ, которыя способны были только уменьшить престижъ революціонеровъ въ глазахъ либеральнаго общества. Чтобы подтвердить мою мысль примѣромъ, достаточно напомнить о брошюрѣ *„Смерть за смерть“*, которая издана была обществомъ *„Земля и воля“* тотчасъ послѣ удачнаго покушенія на жизнь шефа жандармовъ Мезенцева и въ которой говорилось, что революціонеры вовсе не считаютъ нужнымъ нападать на правительство и очень охотно оставили бы его въ покоѣ, если бы только оно, съ своей стороны, не вмѣшивалось въ ихъ борьбу съ буржуазіей. Такое заявленіе могло бы быть признано умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, если бы „землевольцы“ задались цѣлью совершенно испортить чрезвычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на общество отчаянно-смѣлымъ поступкомъ С. М. Кравчинскаго.

II.

Такъ называемая террористическая борьба означала въ дѣйствительности полный разрывъ со старой народнической программой. Но, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, *мысль* отстаетъ отъ *жизни*, и тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ нанесли смертельный ударъ старому образу мыслей, продолжали держаться за него обѣими руками. *„Народовольцы“* называли себя *народниками* и подобно своимъ предшественникамъ — „землевольцамъ“, были убѣждены въ томъ, что конституціонный порядокъ, расшатавъ старые „устои“, нанесетъ существенный ущербъ интересамъ народной массы. Чтобы устранить вызываемыя этимъ сомнѣнія и опасенія, публицисты „Народной Воли“ сначала старались убѣдить себя и другихъ, что депутаты, которыхъ нашъ народъ пошлетъ въ Учредительное собраніе, окажутся, въ огромномъ большинствѣ своемъ, соціалистами; впослѣдствіи тѣ же публицисты остановились на *теоріи захвата власти*.

Съ помощью захвата власти они надѣялись однимъ зарядомъ убить двухъ зайцевъ: свергнуть царское правительство и устранить буржуазію отъ вліянія на общественно-экономическую жизнь Россіи. Имъ казалось, что разъ политическая власть попадетъ въ руки революціонеровъ, то соціалистическая организація общества не представитъ большихъ трудностей въ виду существованія у насъ общиннаго землевла-

дѣнія и неразвитаго состоянія нашего капитализма. Излишне критиковать здѣсь эту теорію. Ея критика сдѣлана мною уже въ первыхъ изданіяхъ группы „Освобожденіе Труда“, т. е. въ такое время, когда жизнь еще не произнесла надъ нею своего приговора „въ окончательной формѣ“, и когда еще очень немногимъ приходило на мысль сомнѣваться въ ея основательности.

Изо всего сказаннаго слѣдуетъ такой отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ заколдовано „мѣсто“, относящееся къ политическимъ задачамъ нашихъ соціалистовъ: *соціалисты второй половины семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили отъ анархистовъ противоположеніе соціализма политикѣ, а отчасти потому, что они держались ошибочнаго взгляда на такъ называемые „устои“ нашей старой экономической жизни.*

Когда въ 1883 году возникла группа *„Освобожденіе Труда“*, она поставила своей ближайшей цѣлью именно критику этихъ двухъ вредныхъ предразсудковъ. Она стала доказывать, во-первыхъ, что развитіе капитализма въ Россіи не отдалитъ торжество нашего соціалистическаго идеала, а напротивъ, впервые создастъ прочную экономическую основу для его будущаго торжества, и, во-вторыхъ, что противопоставленіе соціализма политикѣ лишено смысла, такъ какъ *всякая классовая борьба есть борьба политическая.* Въ то время эти, чрезвычайно простыя, мысли встрѣчены были въ нашей соціалистической средѣ какъ опасная ересь. Группѣ *„Освобожденіе Труда“* пришлось выслушать не мало упрековъ за ея будто бы вредныя новшества. Теперь въ нашей революціонной средѣ господствуетъ *соціаль-демократическое* направленіе, а между соціальдемократами днемъ съ огнемъ не найдешь такого чудака, который боялся бы капитализма или находилъ бы, что политическая борьба не согласима съ соціализмомъ. Теперь огромное большинство русскихъ революціонеровъ окончательно разорвало съ *теоретическими* предразсудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и въ нашей *практикѣ* стали невозможны прежнія народническія ошибки. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло иначе. Такъ называемое *экономическое* направленіе воспроизводитъ ихъ иногда съ поразительной точностью. Какимъ же путемъ пришли къ этимъ народническимъ ошибкамъ люди, придерживающіеся соціальдемократическаго образа мыслей?

Какъ извѣстно, экономическое направленіе съ наибольшей яркостью выразилось у насъ въ „Рабочей Мысли“, не разъ

высказывавшей совершенно „несуразныя“ сужденія по политическимъ вопросамъ. Но я не стану говорить о „Рабочей Мысли“ именно потому, что сужденія ея публицистовъ часто бываютъ совершенно „несуразны“. Мнѣ хочется заглянуть „въ корень вещей“ и рѣшить, не были ли эти публицисты введены во искушеніе нѣкоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у насъ и высказанными впервые очень серьезными и основательными людьми. Съ этой цѣлью я остановлюсь на извѣстной брошюрѣ *„Объ агитаціи“*.

III.

Въ этой брошюрѣ говорится, что „какъ бы широко ни было рабочее движеніе, успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы“ и что „достиженіе политической власти является главной задачей борющагося пролетаріата“.*) Это именно та элементарная неоспоримая политическая истина, признаніе которой составляетъ огромный шагъ впередъ въ развитіи нашего политическаго міросозерцанія. Далѣе авторъ брошюры утверждаетъ, что „какъ соціальдемократы, мы ставимъ своей задачей привести пролетаріатъ къ сознанію необходимости политической свободы, какъ предварительнаго условія для возможности его широкаго развитія“.**) Это опять вполнѣ справедливо. Задача поставлена авторомъ правильно; весь вопросъ въ томъ, какъ приходитъ онъ къ ея рѣшенію.

Послушаемъ опять его самого.

„Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притомъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необходимыми потребностей не будетъ (не сдѣлается?) невозможнымъ въ предѣлахъ существующихъ политическихъ условій. Какъ для сознанія противоположности интересовъ недостаточно только возникновенія этой противоположности, а необходима постоянная борьба, такъ и для сознанія политическаго безправія недостаточно самаго факта этого безправія, до тѣхъ поръ, пока оно не столкнется съ стремленіями рабочей массы къ улучшанію своего положенія“.***)

---

*) Объ агитаціи, Женева 1896, стр. 7.
**) Тамъ же, та же страница.
***) Тамъ же, стр. 7—8.

Авторъ и тутъ правъ. Дѣйствительно, никогда, нигдѣ и ни одинъ классъ не начиналъ политической борьбы до тѣхъ поръ, пока его стремленія (экономическія и другія) не наталкивались на серьезное препятствіе, на существующій политическій порядокъ. Но эта вѣрная мысль сопровождается у нашего автора слѣдующимъ положеніемъ: „Народная масса вовлекается въ борьбу не разсужденіями, но объективной логикой вещей, самимъ ходомъ событій, наталкивающихъ ее на борьбу". Это положеніе можно признать справедливымъ только съ очень большими оговорками, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ брошюрѣ *„Объ агитаціи"*.

Для того, чтобы вліять на поступки людей, а слѣдовательно и на ихъ борьбу, *„объективная логика вещей" должна отразиться въ ихъ сознаніи*, т. е. *повліять и на ихъ разсужденія*. Когда рабочіе данной фабрики объявляютъ предпринимателю, что они несогласны работать на данныхъ условіяхъ, это значитъ, что ихъ „объективное" положеніе вызвало въ нихъ рядъ *„разсужденій"*, въ результатѣ которыхъ явилось *рѣшеніе начать забастовку*. Противопоставленіе *„объективной логики вещей"* человѣческимъ *„разсужденіямъ"* можетъ быть допущено лишь въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности объективная логика вещей (точнѣе — общественныхъ отношеній) не только не отрицаетъ разсужденій, а напротивъ, вызываетъ и опредѣляетъ ихъ, т. е. наполняетъ извѣстнымъ содержаніемъ и направляетъ ихъ въ извѣстную сторону. Въ этомъ не могутъ сомнѣваться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые держатся матеріалистическаго пониманія исторіи. Пониманіе это указало и объяснило причинную *связь, существующую между развитіемъ общественныхъ отношеній, съ одной стороны, и ходомъ человѣческихъ разсужденій съ другой*. Но оно признало и объяснило также и тотъ, давно уже подмѣченный, фактъ, что разсужденія людей, — особенно массы — очень часто, чтобы не сказать всегда, отстаютъ отъ хода развитія общественныхъ отношеній. Признавъ и объяснивъ этотъ фактъ, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ разрѣшило и знаменитый, вызвавшій у насъ такъ много устныхъ и печатныхъ споровъ, вопросъ о *„роли личности въ исторіи"*. Тамъ, гдѣ общественныя отношенія не стоятъ на одномъ мѣстѣ, задача *передовыхъ личностей*, — а слѣдовательно и передовыхъ *партій* — заключается прежде всего въ содѣйствіи тому, чрезвычайно важному по своимъ практическимъ послѣдствіямъ процессу, благодаря которому *сознаніе* массы приходитъ въ соотвѣтствіе съ ея *положеніемъ*, и субъективная логика ея *„разсужденій"* перестаетъ противо-

рѣчить объективной логикѣ *„вещей“*. Революціонеры обязаны содѣйствовать росту революціоннаго сознанія въ массѣ, должны быть акушерами ея революціонной мысли. Но само собою разумѣется, что этого никакъ невозможно сдѣлать, не повліявъ на ея *„разсужденія“*.

По всему видно, что авторъ брошюры *„Объ агитаціи“* стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Поэтому онъ и самъ знаетъ, конечно, какъ неосновательно ходячее противопоставленіе *„разсужденій“* *„объективной логикѣ вещей“*. Ему извѣстно, что этому противопоставленію мы обязаны всей *нелогичностью субъективизма*. Но онъ, повидимому, не подумалъ о томъ, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ подать поводъ его собственное замѣчаніе о томъ, что не разсужденіями вовлекается въ борьбу трудящаяся масса. Отъ этого замѣчанія, взятаго въ его буквальномъ смыслѣ, до практической программы „Рабочей Мысли“ совсѣмъ не такъ далеко, какъ это, навѣрно, думаетъ нашъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если разсужденія не играютъ никакой роли при вовлеченіи массы въ борьбу, то они совсѣмъ не нужны. Мы должны говорить рабочимъ только о томъ, что понятно и доступно имъ и безъ нашихъ разсужденій. Но безъ нашихъ разсужденій понятны и доступны массѣ именно ея ближайшіе экономическіе интересы: нѣтъ такого рабочаго, который не понималъ бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, намъ слѣдуетъ сосредоточить свои усилія именно на *экономической агитаціи*. Нашимъ девизомъ должна стать прибавка нѣсколькихъ копеекъ на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ пустая идеологія. Если же интеллигенціи не понравится такая программа, то для насъ это не важно. Интеллигенція насъ не интересуетъ; ея мнѣнія намъ не импонируютъ. Она заражена идеализмомъ и испорчена разсужденіями, не имѣющими въ глазахъ рабочихъ ни малѣйшаго смысла.

Что такія „разсужденія“ не разъ проскальзывали даже въ нашу соціаль-демократическую печать, это, разумѣется, прекрасно знаетъ авторъ брошюры „Объ агитаціи“. Онъ скажетъ, что онъ никогда не сочувствовалъ имъ. Я охотно повѣрю этому. Но я утверждаю, что въ его брошюрѣ есть мѣста, — напримѣръ, только что разсмотрѣнное мною мѣсто о „разсужденіяхъ“ — которыя даютъ поводъ и теоретическое основаніе для такихъ разсужденій. А это, къ крайнему моему сожалѣнію, неоспоримо.

„Роль партіи, взявшей на себя политическое воспитаніе и организацію народа, — читаемъ мы далѣе — въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы вѣрно опредѣлить моментъ, когда борьба назрѣла настолько, чтобы перейти въ борьбу политическую и подготовить въ самой массѣ элементы, необходимые для того, чтобы этотъ переходъ совершился съ наименьшей тратой силъ.“*)

Если роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ *останется преждевременной, а потому и вредной.* Но всякій общественный дѣятель обязанъ всѣми честными средствами *препятствовать распространенію вредныхъ для его дѣла мыслей.* Слѣдовательно, въ продолженіе перваго періода нашего рабочаго движенія *мы обязаны всѣми честными средствами препятствовать распространенію мысли о политической борьбѣ.* Мы можемъ, конечно, обнаружить при этомъ большій или меньшій талантъ, большій или меньшій тактъ, большее или меньшее остроуміе. Но если кто-нибудь изъ насъ, — напримѣръ, какой-нибудь публицистъ „*Рабочей Мысли*“ — и выкажетъ въ этой борьбѣ нѣкоторый недостатокъ таланта, такта или остроумія, то ему надо великодушно простить его погрѣшность, помня, что онъ нападаетъ на *мысль, дѣйствительно заслуживающую осужденія*, и что, по французской пословицѣ, самый красивый офицеръ не можетъ быть красивѣе самого себя.

Обратимъ вниманіе еще вотъ на какое мѣсто: „Такимъ образомъ, задачей соціаль-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія и въ концѣ концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы, требующіе разрѣшенія. Подготовленный такимъ образомъ къ болѣе серьезной борьбѣ, рабочій классъ приступаетъ къ рѣшенію своихъ насущныхъ вопросовъ, и агитація на почвѣ этихъ вопросовъ должна имѣть цѣлью выработку классового самосознанія. Классовая борьба въ этомъ, болѣе сознательномъ видѣ создастъ почву для политической агитаціи, цѣлью

*) Тамъ же, стр. 9.

которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса.*)

Отсюда опять видно, что, по мнѣнію нашего автора, мысль о политической борьбѣ была бы преждевременна въ первыхъ „фазисахъ“ воспитанія рабочаго класса. Поэтому я снова скажу: то, что преждевременно — вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачѣмъ же мы станемъ нападать на „*Рабочую Мысль*“, прославившуюся своимъ усердіемъ въ дѣлѣ такого устраненія и побиванія? Положимъ, она „*немножко деретъ*“, но за то ужъ, „*въ ротъ хмѣльного не беретъ*“ и не проповѣдуетъ ничего преждевременнаго. Она стоитъ за систематическое проведеніе пролетаріата черезъ всѣ „фазисы“ и находитъ, что еще рано „разсуждать“ съ нимъ о политикѣ. И если мы примемъ въ соображеніе, какъ много въ Петербургѣ рабочихъ, еще не окончившихъ перваго класса... — я хочу сказать, не вышедшихъ изъ перваго „фазиса“, — то выйдетъ, пожалуй, что „*Рабочая Мысль*“ совсѣмъ права, и что совсѣмъ неправы ея порицатели. Что скажетъ на это авторъ брошюры? По моему, такое „*разсужденіе*“ грѣшитъ противъ „*объективной логики*“ нашей общественной жизни, но не противъ „*субъективной логики*“ его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмысленна: *Чисто экономическая агитація не только возможна, но прямо обязательна въ теченіе цѣлыхъ двухъ „фазисовъ“ нашего рабочаго движенія. И пока не кончились эти „фазисы“, существованіе у насъ чисто экономическаго направленія не только возможно, но вполнѣ законно и очень желательно.*

Окончены ли у насъ эти „фазисы“? Объ этомъ могутъ спорить между собою даже тѣ, которые раздѣляютъ основныя положенія брошюры „*Объ агитаціи*“. Одни изъ нихъ скажутъ, можетъ быть, что пора уже чистымъ экономистамъ уходить со сцены, такъ какъ уже пришелъ „моментъ“ политической агитаціи, а другіе возразятъ, что если имѣть въ виду весь нашъ рабочій классъ въ его цѣломъ, то надо признать, что намъ рано еще толковать не только о политической борьбѣ, но и о постановкѣ передъ рабочими тѣхъ „болѣе важныхъ вопросовъ“, которые, — по словамъ брошюры „*Объ агитаціи*“ — потребуютъ ихъ рѣшенія во второмъ фазисѣ воспитанія. Мнѣ сдается, что *субъективная* логика брошюры будетъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ защитниковъ политической агитаціи.

*) Объ агитаціи, стр. 16.

IV.

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру „*Объ агитаціи*“. Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движенію, нанеся сильный ударъ той „кружковщинѣ“, которая процвѣтала у насъ прежде и которая могла создавать очень образованныхъ людей изъ *отдѣльныхъ рабочихъ*, но рѣшительно неспособна была повліять на *массу*. Брошюра „Объ агитаціи“ дала намъ *многихъ агитаторовъ*. Но авторъ ея боролся съ кружковщиной такими доводами, которые скоро подали поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и къ ошибочнымъ „разсужденіямъ“. Въ этомъ—слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она въ теченіе нѣкотораго времени была евангеліемъ „*чистыхъ экономистовъ*“ и оказывала вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашего движенія. *Эта слабая сторона характеризуется смѣшеніемъ понятія „классъ“ съ понятіемъ „партія“*. А это смѣшеніе и служитъ теперь источникомъ тѣхъ заблужденій, которыя препятствуютъ извѣстной части русскихъ соціаль-демократовъ не только вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно оно приводитъ нѣкоторыхъ изъ насъ къ повторенію старыхъ народническихъ ошибокъ.

Чтобы обнаружить указанное смѣшеніе, достаточно вдуматься въ ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т. е. рабочій классъ?) отзывается только на вопросы, поставленные передъ нею самой жизнью. Мысль эта сама по себѣ, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами „*моментъ*“ и скажите—какіе же вопросы ставитъ жизнь передъ нашимъ рабочимъ классомъ? Я думаю, что передъ различными слоями этого класса она ставитъ различные вопросы. Промышленный рабочій значительно развитѣе сельскохозяйственнаго, и потому наши общественныя отношенія представляются шуйскому прядильщику не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ ихъ тамбовскій батракъ. Это не требуетъ доказательствъ. Не требуетъ ихъ и то, что въ средѣ промышленныхъ рабочихъ существуютъ *слои*, довольно значительно отличающіеся одинъ отъ другого своимъ умственнымъ развитіемъ, а слѣдовательно и не одинаково отвѣчающіе на вопросы жизни. Извѣстно, наконецъ, что даже рабочіе одной и той же отрасли промышленности неодинаковы по своему умственному развитію въ различныхъ районахъ. Выходитъ, что передъ слесарями южнаго промышленнаго района жизнь ставитъ иные вопросы, чѣмъ передъ петербургскими. Въ ка-

комъ же „фазисѣ“ движенія находится *вся* русская рабочая *масса?* По моему, она находится въ *нѣсколькихъ „фазисахъ“ сразу.* А если это такъ, то не легко опредѣлить наступленіе того, искомаго нашимъ авторомъ, „момента“, когда *экономическая* борьба должна будетъ перейти въ *политическую.* Повидимому, онъ для разныхъ слоевъ рабочаго класса наступитъ въ разные „моменты“. Какъ же намъ быть? По словамъ автора, агитаторъ всегда долженъ идти на одинъ шагъ впереди массы. Пусть будетъ такъ. Но впереди какого же именно слоя пойдемъ мы, *какъ партія?* Какой именно слой опередимъ мы на шагъ? Если — самыхъ передовыхъ, то моментъ перехода къ политической борьбѣ, вѣроятно, уже наступилъ. Если — самыхъ отсталыхъ, то онъ, вѣроятно, никогда не наступитъ, потому что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ до сихъ поръ существуютъ и будутъ существовать вплоть до окончательной побѣды соціализма такіе рабочіе, которые слѣпы и глухи по отношенію къ вопросамъ жизни.*) Если же мы будемъ имѣть въ виду рабочихъ средняго уровня развитія, то, — не говоря уже о трудности опредѣленія этого уровня — спрашивается, какъ же поступимъ мы съ наиболѣе развитыми рабочими? Неужели оставить на второй годъ въ среднемъ классѣ, осудивъ ихъ на повтореніе того, что уже пройдено ими въ среднемъ „фазисѣ“? Авторъ скажетъ, вѣроятно, что партія должна идти впереди каждаго изъ этихъ слоевъ, примѣняясь въ своей агитаціи къ достигнутой имъ степени умственнаго развитія. Я спорить и прекословить не стану; я только спрошу: какъ же намъ быть съ „моментомъ“ перехода экономической борьбы въ политическую? Съ одной стороны, *онъ уже наступилъ*, потому что у насъ уже есть слои, созрѣвшіе для политической борьбы. А съ другой стороны, *онъ еще не пришелъ*, такъ какъ у насъ есть слой, для нея не готовый. Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ можетъ быть найденъ.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, какъ только мы вспоминаемъ, что иное дѣло *весь рабочій классъ*, а иное дѣло *соціалъ-демократическая партія*, представляющая собою лишь передовой — и въ началѣ очень малочисленный — отрядъ рабочаго класса. Если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ (то есть, точнѣе, въ *большинствѣ своихъ членовъ*), еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ

*) „So wird — замѣчаетъ Каутскій — die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus ... bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist“. Die Agrarfrage, S. 322.

этого вовсе не слѣдуетъ, что „моментъ“ такой борьбы еще не насталъ *для партіи*, задавшейся цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ *политической борьбы* наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для *политической агитаціи*. А у насъ въ Россіи поводы для такой агитаціи встрѣчаются никакъ не рѣже, чѣмъ поводы для агитаціи на экономической почвѣ.

V.

Экономическая агитація — политическая агитація. Какъ легко произнести эти всѣмъ извѣстные термины, какъ легко изъ-за нихъ перессориться, и какъ трудно въ то же время русскому агитатору разграничить связанныя съ ними понятія! Какъ трудно отдѣлить въ нашей русской агитаціонной практикѣ экономію отъ политики! Мы уже видѣли, что народники семидесятыхъ годовъ, осуждавшіе борьбу за политическую свободу, какъ грѣшную сдѣлку съ дьяволомъ оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, гдѣ агитація на почвѣ ближайшихъ экономическихъ требованій народа приводила ихъ и волнуемую ими массу къ столкновеніямъ съ правительствомъ. Но именно потому, что они вели ее *вопреки собственному теоретическому убѣжденію*, они не доводили ея до конца и, возставая противъ политической части программы „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“, они старались разрушать то теченіе, возникновенію котораго они сами содѣйствовали. Наши соціаль-демократическіе „экономисты“ окажутся—и вѣроятно, уже оказывались много разъ—въ такомъ же двойственномъ положеніи. Полицейское правительство заставитъ ихъ — и, вѣроятно, уже заставило не однажды — заговаривать о политикѣ тамъ, гдѣ они собирались ограничиться „пока“ одною экономіей; но заговоривъ о политикѣ наперекоръ собственной программѣ, т. е. задолго до того *„момента“*, когда *весь рабочій классъ созрѣетъ* для политической *борьбы*, они по необходимости будутъ противорѣчить самимъ себѣ, не скажутъ и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будутъ ослаблять дѣйствіе своихъ собственныхъ усилій. Не лучше ли разъ навсегда отказаться отъ вреднаго предразсудка? Не пора ли ясно сознать, что тамъ, гдѣ рабочіе лишены всѣхъ способовъ законной защиты своихъ интересовъ, почти всякое столкновеніе ихъ съ предпринимателями является въ то же самое время столкновеніемъ съ полицейскимъ государствомъ и потому дѣлаетъ политическую агитацію не только возможной, но совершенно неизбѣжной для всякаго серьезнаго агитатора.

Для насъ, соціаль-демократовъ, въ высшей степени важно выяснить рабочимъ, что въ полицейскомъ государствѣ они всегда будутъ осуждены на болѣе или менѣе полное безправіе. Когда они поймутъ это, полицейское государство затрещитъ по всѣмъ швамъ. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“, разумѣется, прекрасно знаетъ это. Но онъ почему-то думаетъ, что такое выясненіе можетъ начаться лишь во второмъ „фазисѣ“ рабочаго движенія, лишь тогда, когда рабочіе выдвинутъ „то или иное требованіе значительнаго измѣненія въ существующихъ на данной фабрикѣ или въ данной отрасли промышленности порядкахъ“*). Это слишкомъ схематично. На самомъ дѣлѣ указанное выясненіе можетъ и должно имѣть мѣсто даже и тогда, когда требованія рабочихъ сами по себѣ не принадлежатъ къ числу „значительныхъ“ и когда движеніе, вызванное ими, еще далеко не охватываетъ цѣлой отрасли промышленности. Такое выясненіе должно быть начинаемо всегда и вездѣ, когда и гдѣ полицейскій произволъ поддерживаетъ хозяйскую прижимку. А гдѣ же и когда же онъ не поддерживаетъ ея? Всякій, кому приходилось дѣйствовать въ рабочей средѣ, легко воскреситъ въ своей памяти не мало такихъ случаевъ борьбы рабочихъ „съ отдѣльными предпринимателями“ (первый „фазисъ“ по схемѣ нашего автора), которые могли бы дать хорошій поводъ для нагляднаго выясненія рабочимъ нѣкоторыхъ сторонъ нынѣшняго нашего полицейскаго порядка. Я сошлюсь на самого автора. Вотъ какими чертами изображаетъ онъ психологическій процессъ, совершающійся въ душѣ борющихся съ фабрикантомъ рабочихъ.

„Въ сознаніи всей правоты своего требованія рабочіе сначала держатся спокойно, увѣренные въ томъ, что всѣ должны быть на ихъ сторонѣ, всѣ должны имъ сочувствовать. Вѣдь все это такъ просто, требованіе ихъ такъ ясно, притѣсненіе такъ несправедливо! Они отправляютъ депутацію къ фабричному инспектору. Онъ навѣрное имъ поможетъ, вѣдь онъ защитникъ, онъ знаетъ всѣ законы, а законы навѣрное говорятъ въ ихъ пользу... Точно ушатомъ холодной воды обливаетъ ихъ инспекторъ... Въ законахъ ничего объ этомъ нѣтъ; фабрикантъ стоитъ на вполнѣ законной почвѣ, ничего не могу сдѣлать... Дверь закрывается передъ носомъ... Какъ! чтобы законы за насъ не заступались! Быть этого не можетъ, чтобы насъ не защищалъ нашъ батюшка! Инспекторъ подкупленъ фабрикантомъ, онъ вретъ, нахально вретъ!..

*) Объ агитаціи, стр. 15.

Рабочіе пробуютъ другіе пути, — вездѣ отказъ, кое-гдѣ съ угрозой, которая скоро принимаетъ реальныя формы — въ помощь фабрикантамъ посылаются войска. Рабочіе получаютъ первый урокъ политической науки, гласящей, что право на сторонѣ сильнаго, что противъ организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда"*).

Здѣсь предполагаемое умозаключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому практическому опыту, на основаніи котораго оно строится. Если *правительство* становится на сторону *предпринимателей*, то изъ этого слѣдуетъ прежде всего тотъ выводъ, что борьба противъ капитала должна сопровождаться *борьбой съ правительствомъ*, а не тотъ, что организаціи капиталистовъ надо противопоставить организацію рабочихъ. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка вызвана уже знакомымъ намъ схематизмомъ автора. Но мнѣ теперь нѣтъ нужды въ этомъ. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели въ первомъ „фазисѣ" движенія, т. е. когда рабочіе борются „съ отдѣльными предпринимателями", имъ не представляется случая получить изображенныя авторомъ впечатлѣнія и убѣдиться не только въ томъ, что „право на сторонѣ сильнаго", но также и въ томъ, что сила экономически сильнаго заключается часто въ политическомъ безправіи экономически слабаго? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый авторомъ психологическій процессъ *совершается преимущественно въ первомъ „фазисѣ"*. Тамъ, гдѣ столкновенія учащаются и охватываютъ цѣлыя отрасли промышленности, рабочіе уже имѣютъ обыкновенно много предварительнаго опыта и врядъ ли отличаются тою наивностью, какую приписываетъ имъ нашъ авторъ и едва ли они могутъ думать, что „всѣ (т. е. главнымъ образомъ всѣ *власти*) будутъ на ихъ сторонѣ.

Но если „уроки политической науки" доступны рабочимъ уже въ первой порѣ ихъ движенія, то зачѣмъ мы будемъ откладывать политическую агитацію въ долгій ящикъ, зачѣмъ мы будемъ ждать момента ея наступленія? Онъ не *наступитъ*, потому что онъ *уже наступилъ*.

Выше я сказалъ, что рабочіе (и, конечно, не одни только рабочіе, а всѣ человѣческія существа безъ различія возраста, пола и общественнаго положенія) *никогда не вовлекаются въ борьбу иначе, какъ путемъ разсужденій*. Теперь пора прибавить, что характеръ этихъ разсужденій зависитъ отъ умственнаго развитія борющихся, и что степенью этого разви-

*) Тамъ же, стр. 15—16.

тія должны опредѣляться *агитаціонные пріемы* тѣхъ людей, которые хотятъ повліять на ходъ борьбы въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ примѣненіи къ интересующему насъ вопросу это означаетъ, что *въ разныхъ слояхъ рабочаго класса политическая агитація непремѣнно должна принимать различный видъ*. Но необходимое разнообразіе ея *пріемовъ* не можетъ и не должно измѣнить ея *содержаніе, заключающееся въ выясненіи враждебности и непримиримой противоположности интересовъ рабочихъ съ интересами царизма*. Эта противоположность не можетъ быть выяснена сразу; ея пониманіе будетъ лишь понемногу, лишь малыми дозами усваиваться рабочимъ классомъ. Но что жъ изъ этого? И какая же великая общественная истина *сразу* усваивается тѣми, которые заинтересованы въ ея усвоеніи? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала. Но развѣ кто-нибудь умозаключитъ отсюда когда либо, что мы не можемъ приступить къ выясненію этой мысли уже въ самомъ первомъ фазисѣ рабочаго движенія?

У рабочихъ возникаетъ недовѣріе къ царскимъ чиновникамъ, — мы углубляемъ и расширяемъ его какъ можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недовѣрія къ самому царю.

У рабочихъ родится сомнѣніе въ выгодности для нихъ нынѣшняго политическаго порядка, — мы поддерживаемъ его всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи; мы старательно выставляемъ на видъ всѣ тѣ факты, которые способны дать ему новую пищу; мы растимъ его и заботливо охраняемъ до тѣхъ поръ, пока оно не уступитъ мѣста непримиримой ненависти къ царизму.

Рабочихъ начинаетъ тяготить рабское ярмо, — мы принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они узнали „свободы гордой вдохновенье“.

Мы лишь постепенно подвигаемся къ этой великой цѣли; но мы ни на минуту не упускаемъ ея изъ виду. Дѣло не въ томъ, можемъ или не можемъ мы высказать въ данномъ частномъ случаѣ нашу политическую мысль *во всей ея полнотѣ*, а въ томъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ мы передаемъ рабочей массѣ возможно большую часть того запаса политическихъ понятій, которымъ мы обладаемъ. Поскольку мы передаемъ ей эти понятія, мы *боремся съ царскимъ правительствомъ, и всякій новый успѣхъ нашъ въ этомъ дѣлѣ будетъ новымъ пораженіемъ абсолютизма*.

VI.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Въ нашихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ до сихъ поръ очень распространено то представленіе о политической борьбѣ, согласно которому необходимыми ея аттрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, или, по меньшей мѣрѣ, баррикады и манифестаціи. Но это одно изъ тѣхъ ошибочныхъ представленій, которыя унаслѣдованы нами отъ анархизма и которыя очень сильно мѣшаютъ распространенію у насъ правильнаго взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, баррикады и манифестаціи, — все это не болѣе, какъ *пріемы* политической борьбы, очень полезные и даже вполнѣ неизбѣжные при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но вовсе не исключающіе возможности, пользы и даже полной неизбѣжности *другихъ пріемовъ при другихъ обстоятельствахъ. Сущность политической*, — какъ и всякой другой — *борьбы* заключается въ томъ, что *каждая изъ борющихся сторонъ старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающія существованіе другой стороны.* Тотъ или иной пріемъ хорошъ лишь постольку, поскольку онъ служитъ для достиженія этой цѣли. Спрашивается теперь, ослабляются ли силы правительства тѣмъ, что мы распространяемъ недовѣріе и ненависть къ нему въ средѣ рабочаго класса? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно. И само правительство отвѣчаетъ на него такъ своими дѣйствіями. Оно всѣми силами старается поддержать и упрочить вѣковые политическіе предразсудки нашего народа. Оно понимаетъ, что каждая удача его на этомъ мрачномъ поприщѣ означаетъ пораженіе *„революціонной гидры“*. Оно понимаетъ также, что и наоборотъ, — всякій успѣхъ „революціонной гидры“ въ борьбѣ съ этими предразсудками приближаетъ время его паденія. И можно утверждать, нимало не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый дѣйствительный пріемъ борьбы съ нимъ состоитъ именно въ развитіи политическаго сознанія трудящейся массы посредствомъ устной и печатной пропаганды и агитаціи.

„Критика оружія, — справедливо говоритъ Марксъ — не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собой массу.“ Намъ именно нужно теперь создавать и увеличивать матерьяльную силу революціи, распространяя въ массѣ, —

посредствомъ пропаганды и агитаціи — „теорію“ противоположности интересовъ самодержавія съ ея собственными насущнѣйшими интересами*). Успѣшное распространеніе этой „теоріи“ обѣщаетъ намъ теперь самые блестящіе успѣхи: *именно оно дастъ намъ возможность добиться отъ правительства нѣкоторыхъ уступокъ.*

Это тоже можетъ показаться сомнительнымъ, но это тоже несомнѣнно. Доказательство на лицо. Наши польскіе товарищи твердо и рѣшительно выступили на путь *политической* агитаціи. Чистo *экономическая* программа давно уже внушаетъ имъ презрительное сожалѣніе. И что же? Русское правительство уже задумывается объ уступкахъ польскимъ рабочимъ. Въ запискѣ, поданной царю въ январѣ 1898 года варшавскій генералъ-губернаторъ, князь Имеретинскій требуетъ пересмотра законодательства о рабочихъ, ссылаясь на то, что стѣсненія, налагаемыя на рабочій классъ отсталыми законами, *могутъ усилить вліяніе на нихъ „соціально-революціонной пропаганды“*. Разсудительный князь такъ и говоритъ, что законодатель въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ дѣлать различіе между Польшей и „другими, *болѣе спокойными* районами внутри Россіи“.**)

Это чрезвычайно интересный и поучительный примѣръ діалектики общественной борьбы. Энергичная *политическая* агитація, предпринятая нашими польскими товарищами, сдѣлала польскій край *менѣе спокойнымъ*, чѣмъ „другіе районы“, и правительство заявляетъ, что „удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ“ польскаго рабочаго класса „*пріобрѣтаетъ*“ значеніе государственной важности“.***) Если экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями могутъ порождать политическое недовольство рабочихъ, то политическое недовольство рабочихъ можетъ, — какъ видимъ, — съ своей стороны повести къ улучшенію позиціи рабочихъ въ ихъ *экономической* борьбѣ съ капиталистами. Экономія переходитъ въ политику; политика въ экономію.

Да нужно ли было намъ ходить въ Польшу за подтвержденіемъ этой истины? Ее какъ нельзя лучше подтвержда-

*) Революціонеры классической эпохи нашего „терроризма“ прекрасно понимали значеніе „теоріи“. Большинство террористическихъ дѣйствій предпринято было для того, чтобы *произвести извѣстное впечатлѣніе „на общество“*, т. е. другими словами, для того, чтобы *измѣнить отношеніе общественныхъ силъ посредствомъ вліянія на умы извѣстной части обывателей.*

**) „Тайны нашей государственной политики въ Польшѣ“, сборникъ секретныхъ документовъ. London, 1898, стр. 36. (Курсивъ въ цитатѣ мой).

***) Тотъ же сборникъ, стр. 33.

етъ исторія закона 2-го іюня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужнымъ уступить требованіямъ рабочихъ насчетъ сокращенія рабочаго дня? Послушайте одного изъ членовъ комиссіи для составленія проекта названнаго закона. Во время поднявшихся въ комиссіи преній о томъ, долженъ ли тотъ же законъ регулировать заработокъ рабочихъ, вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Щегловитовъ, высказалъ основныя побужденія правительства слѣдующимъ недвусмысленнымъ образомъ: „Если рабочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ (г. Щегловитовъ хочетъ сказать: если *рабочіе* не будутъ имѣть такого впечатлѣнія *отъ закона*), то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственной пропагандѣ".*) Кажется, ясно: кажется, *политическая* цѣль правительства не можетъ подлежать сомнѣнію? А если — да, то вѣдь изъ этого прямо слѣдуетъ, что чѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе станутъ наши политическія *„внушенія"* рабочему классу, тѣмъ чаще будетъ уступать ему правительство въ интересахъ самосохраненія. Конечно, эти уступки не могутъ идти дальше извѣстнаго предѣла: въ противномъ случаѣ мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочихъ непримиримы съ интересами самодержавія. Но пока еще не наступилъ этотъ предѣлъ, оно непремѣнно будетъ уступать въ надеждѣ пересилить этимъ наше вліяніе на рабочихъ.

Интересно, что сами предприниматели, — и при томъ даже и районовъ сравнительно очень *„спокойныхъ"*, начинаютъ сознавать теперь, что русское законодательство о рабочихъ устарѣло и нуждается въ пересмотрѣ. Горный инженеръ В. В. Жуковскій, который былъ командированъ совѣщательной конторой желѣзозаводчиковъ въ Австрію для изученія тамъ отношеній между предпринимателями и рабочими, издалъ по своемъ возвращеніи въ Россію брошюру, гдѣ высказываетъ, между прочимъ, ту мысль, что *лѣтъ черезъ 20 у насъ нужно легализировать рабочіе союзы*. Само собою разумѣется, что мы, соціаль-демократы, относимся къ вопросу о правахъ рабочихъ не такъ *терпѣливо*, какъ г. Жуковскій. *Мы постараемся завоевать многія изъ нихъ гораздо раньше назначеннаго имъ срока.*

*) См. „Тайные документы, относящіеся къ закону 2-го іюня 1897 года". Женева 1898, стр. 21; ср. также стр. 19 и 28.

Но я увѣренъ, что къ этому завоеванію насъ приведетъ *только путь политической агитаціи.*

Но пусть не считаютъ меня исключительнымъ сторонникомъ политической борьбы посредствомъ живого и печатнаго слова. Я безусловно настаиваю *только на необходимости политической борьбы, а вопросъ объ ея пріемахъ всегда былъ и останется для меня вопросомъ цѣлесообразности.* Пріемы эти опредѣляются общимъ состояніемъ страны, соотношеніемъ существующихъ въ ней общественныхъ силъ и — главное — степенью политическаго развитія рабочихъ. Чѣмъ дальше уйдетъ это развитіе, тѣмъ разнообразнѣе будутъ становиться пріемы нашей политической борьбы съ правительствомъ. Теперь мы боремся преимущественно посредствомъ живого и печатнаго слова. Но именно потому, что эти пріемы борьбы въ высшей степени цѣлесообразны, именно потому, что они хорошо вліяютъ на политическое развитіе рабочихъ, у насъ становится возможнымъ употребленіе въ дѣло новаго могучаго пріема: *манифестаціи.* Событія, имѣвшія мѣсто въ Харьковѣ весною нынѣшняго года, можетъ быть, знаменуютъ собою начало новой эпохи въ исторіи нашей борьбы. Въ теченіе этой эпохи еще болѣе разовьется политическое сознаніе рабочаго класса, т. е., слѣдовательно, еще болѣе возрастутъ наши силы, и тогда... Но зачѣмъ забѣгать впередъ, *довлѣетъ дневи злоба его!*

Послѣ всего сказаннаго ясна, надѣюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ излагалъ дѣло такъ, какъ будто въ первыхъ двухъ „фазисахъ“ рабочаго движенія политическая агитація неумѣстна; по моему, она становится у насъ умѣстной всюду, гдѣ показываются признаки такого движенія. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ разсуждаетъ такъ, какъ будто политическая борьба можетъ быть только дѣломъ *пролетаріата, какъ цѣлаго класса*, достигшаго извѣстной высоты развитія: я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата *нашей партіей*, которая представляетъ собою *передовой отрядъ* пролетаріата, его наиболѣе сознательный и революціонный *слой*, — и что политическая борьба нашей *партіи* явится однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ дальнѣйшаго развитія рабочаго класса. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ склоняется, повидимому, къ той мысли, что политическая борьба съ царизмомъ начинается только тогда, когда борющіеся предъявляютъ правительству опредѣленныя политическія требованія, т. е. гдѣ заходитъ рѣчь о той или другой законодательной реформѣ; а мнѣ эта мысль кажется

ошибкой, сильно затрудняющей намъ исполненіе нашей политической задачи; въ моихъ глазахъ первой реформой, которую мы должны имѣть въ виду, является *реформа политическаго сознанія рабочаго класса*, и я полагаю, что, начавъ дѣло этой реформы, мы тѣмъ самымъ начинаемъ политическую борьбу съ правительствомъ, — великую революціонную борьбу за вліяніе на умы рабочихъ, которая естественнымъ и логическимъ ходомъ своимъ приведетъ и къ извѣстнымъ требованіямъ со стороны пролетаріата, и къ извѣстнымъ уступкамъ со стороны правительства. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ смѣшиваетъ понятіе „*классъ*“ съ понятіемъ „*партія*“ и, сосредоточивъ свое вниманіе на предполагаемомъ ходѣ развитія нашего рабочаго движенія, онъ забываетъ о политической иниціативѣ нашей *партіи*; а я считаю, что указанное смѣшеніе служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, которыя вызвали въ послѣдніе годы такъ много споровъ и разногласій въ нашей партіи, и что устраненіе этого смѣшенія необходимо для того, чтобы мы могли опредѣлить политическую *обязанность соціаль-демократической партіи по отношенію къ рабочему классу*.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры „Объ агитаціи“ не сторонникъ „экономическаго“ направленія. Но мы уже видѣли, что на нѣкоторые его доводы съ полнымъ основаніемъ могутъ опираться „чистые экономисты“. И поскольку онъ смѣшиваетъ классъ съ партіей, онъ безсознательно и невольно вноситъ каплю своего меду въ тотъ улей, въ которомъ работаютъ теперь авторы извѣстнаго „Credo“ и ихъ единомышленники. Если о *политической борьбѣ* съ царизмомъ можно будетъ заговорить только тогда, когда для нея созрѣетъ *весь русскій рабочій классъ*, то позволительно ли вести рѣчь о *соціализмѣ* раньше, чѣмъ *весь пролетаріатъ* въ его цѣломъ не „*потребуетъ*“ устраненія капиталистическаго хозяйства? Но пролетаріатъ въ его цѣломъ *еще не* „требуетъ“ этого даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Поэтому существованіе соціаль-демократіи не имѣетъ теперь смысла. Какъ представители рабочаго *класса*, мы имѣемъ право говорить теперь лишь о нѣкоторыхъ второстепенныхъ реформахъ рабочаго законодательства. А для этого нѣтъ надобности въ особой соціаль-демократической партіи. Мы были соціаль-демократами; мы должны перестать быть ими. Таковъ ходъ мыслей, приведшій къ появленію „Credo“. Въ своемъ *окончательномъ результатѣ* онъ очень далекъ отъ того, съ которымъ мы встрѣчаемся въ брошюрѣ „*Объ агитаціи*“. Но въ своемъ *началѣ* онъ *совпадаетъ съ нимъ*, и этимъ объясняется тотъ

общеизвѣстный фактъ, что единомышленники авторовъ „Credo“ очень часто и охотно ссылались на брошюру „Объ агитаціи“ и противопоставляли ее программѣ группы *„Освобожденіе труда“*.

VII.

Я указывалъ на стачки, какъ на явленіе, дающее поводъ для политическаго воздѣйствія соціаль-демократовъ на рабочую массу. Но кто знакомъ съ условіями русской жизни, тотъ понимаетъ, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встрѣчаются всюду, гдѣ на русскаго работника давитъ тяжелая лапа русскаго администратора. Рабочій страдаетъ отъ своего политическаго безправія не только какъ продавецъ рабочей силы, но и какъ обыватель, котораго начальство *„тащитъ“* туда, откуда ему хотѣлось бы вырваться и *„не пущаетъ“* туда, куда ему хотѣлось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызываетъ въ рабочихъ чувства неудовольствія и протеста, а тамъ, гдѣ зародились эти чувства, готово мѣсто и для политическаго воздѣйствія на нихъ соціаль-демократической партіи.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ ходилъ слухъ о томъ, что одесскій градоначальникъ, Зеленый — о которомъ вообще разсказывали множество курьезовъ, достойныхъ изложенія перомъ Щедрина, — издалъ постановленіе, воспрещавшее „простонародію“ ходить по троттуарамъ, которые предоставлялись такимъ образомъ въ исключительное распоряженіе „чистой публики“. Это постановленіе не относилось непосредственно къ условіямъ продажи рабочими своей рабочей силы; оно было чуждо какихъ-нибудь экономическихъ соображеній: оно явилось однимъ изъ проявленій до сихъ поръ сильнаго у насъ *сословнаго предразсудка и крѣпостническаго самодурства*. Но это не мѣшало ему быть возмутительнымъ, и многіе одесскіе рабочіе, навѣрное, приняли его, какъ *жестокое оскорбленіе*. Соціаль-демократія должна была *высказать* что *чувствовали* эти рабочіе; она должна была поставить частные случаи административнаго произвола въ связь со всей правительственной системой и, бичуя одесскаго *сатрапа*, зацѣпить петербургскаго *самодержца*. Тактично составленное и широко распространенное въ массѣ воззваніе непремѣнно заронило бы сѣмя политическаго сознанія во многія рабочія головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый дѣйствительно издалъ указанное постановленіе. Можетъ быть, слухъ о немъ былъ невѣренъ. Но для меня это не важно. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ для поясненія моей мысли, и если читатель

ее понялъ, то онъ самъ иллюстрируетъ ее другими, совершенно достовѣрными примѣрами. Затрудненіе можетъ представиться ему развѣ лишь въ виду крайняго изобилія такихъ примѣровъ.

Я позволю себѣ указать ему случаи, освѣщающіе обязанность нашей партіи при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Именно, я укажу на антиеврейскіе безпорядки. Какихъ дѣйствій требуютъ они отъ нашей партіи? Скажетъ ли намъ кто-нибудь, что мы должны подстрекать бунтующую толпу и поддерживать буяновъ? Этого не скажетъ никто, кромѣ антисемитовъ. Почему не скажетъ? По тысячѣ соображеній, ясно показывающихъ, что національный антагонизмъ крайне вреденъ для рабочаго движенія и что антисемитизмъ полезенъ *только* его противникамъ. Но если эти соображенія ясны и убѣдительны, то почему же не довести ихъ до свѣдѣнія рабочихъ? Почему не высказать ихъ кратко, но рѣшительно, въ то смутное и печальное время, когда масса не слышитъ ничего, кромѣ безсмысленныхъ науськиваній? Наше воззваніе не остановитъ толпы, но оно все-таки не пройдетъ безслѣдно, оно все-таки занесетъ лучъ свѣта въ темное царство и будетъ содѣйствовать развитію политическаго сознанія массы.

Въ первые часы или даже дни антиеврейскихъ безпорядковъ полиція обыкновенно потворствуетъ буянамъ и смотритъ на ихъ подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормошить „жидовъ“. Но она любитъ „порядокъ“ и потому рѣшается, наконецъ, дѣйствовать. Начинаются „*внушенія*“ и „*усмиренія*“, которыя по своимъ пріемамъ сами составляютъ вопіющее преступленіе противъ человѣческой личности. Достаточно сказать, что *розги* играютъ очень видную роль въ этихъ „внушеніяхъ“, расточаемыхъ безъ суда и слѣдствія, по усмотрѣнію пьяныхъ приставовъ и по указаніямъ безсовѣстныхъ сыщиковъ. Русскій народъ уже вышелъ изъ того варварства, въ которомъ онъ могъ равнодушно переносить такія расправы. Теперь онѣ оскорбляютъ его нравственное чувство, и мы можемъ посѣять много благородной ненависти на почвѣ, подготовленной такимъ оскорбленіемъ.

Еще примѣръ. Студенческіе безпорядки ни прямо, ни косвенно не касаются условій найма рабочихъ капиталистами. Но они вызываютъ толки, доходящіе до слуха рабочаго класса: о нихъ пишутъ въ газетахъ; о нихъ говорятъ лавочники; о нихъ лжетъ полиція. Въ трудящемся населеніи большихъ городовъ найдется не мало лицъ, интересующихся такого рода явленіями, и *наша партія обязана, въ интересахъ своей*

борьбы за политическую свободу, выяснить имъ истинный смыслъ студенческихъ „*бунтовъ*“. Она должна показать имъ, что дѣйствія „бунтовщиковъ“ направляются противъ того самаго порядка, отъ котораго больше всего достается именно рабочему народу, и, что, поэтому, рабочій народъ долженъ видѣть въ бунтовщикахъ не враговъ, а *союзниковъ*. Чѣмъ шире распространится такой взглядъ въ народной массѣ, тѣмъ болѣе ослабѣетъ вліяніе на нее охотно-рядскихъ элементовъ, составляющихъ самый надежный оплотъ политической реакціи, и тѣмъ болѣе усилится вліяніе на нее революціонной соціаль-демократіи.*)

А народныя школы? А народныя чтенія? А разнообразныя просвѣтительныя попытки интеллигенціи, которыя отвѣчаютъ *серьезной и вполнѣ сознанной рабочимъ классомъ духовной потребности* и которыя встрѣчаютъ со стороны правительства такое множество препятствій? Трудящаяся масса настойчиво проситъ умственной *пищи*, правительство осуждаетъ ее на умственный *голодъ* и неотступно преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли бы придти къ ней на помощь, а мы будемъ молчать, успокаивая свою совѣсть революціонеровъ тѣмъ соображеніемъ, что все это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ фабричнымъ порядкамъ и прямой связи съ вопросомъ о разцѣнкахъ? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если бы мы поступали такимъ образомъ, мы сдѣлались бы смѣшными доктринерами, жалкими педантами, неспособными пріобрѣсти широкое вліяніе на общественную жизнь и недостойными выступать въ качествѣ носителей великой, освободительной „*идеи рабочаго сословія*“.

Такъ называемые культурники съ любовью къ дѣлу и съ самоотверженіемъ несутъ знаніе въ пробуждающуюся отъ многовѣкового сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурныя рѣшетки и полицейскія рогатки, они останавливаются въ нерѣшительности и не смѣютъ сообщить народу самое лучшее изъ того, что они могутъ сообщить ему. Иногда имъ удается преподать своимъ слушателямъ нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія по естествознанію, исторіи и географіи, но они не дерзаютъ затронуть передъ ними *важнѣйшій вопросъ*

---

*) Сюда же надо отнести и распространеніе въ рабочей средѣ агитаціонныхъ воззваній по поводу жестокихъ расправъ правительства съ отдѣльными представителями свободо-мыслящей интеллигенціи, напримѣръ, съ Вѣтровой. Зачѣмъ станемъ мы молчать о томъ, что этихъ людей пытаютъ и терзаютъ тѣ самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякаго пролетарія, въ голову котораго проникаетъ мысль о борьбѣ за лучшее будущее?

народнаго образованія, не рѣшаются указать на царя и на царскихъ опричниковъ, какъ на сильнѣйшее теперь препятствіе этому образованію. Соціаль-демократія и здѣсь, — *какъ вездѣ*, — пойдетъ гораздо дальше другихъ направленій; она выскажетъ то, о чемъ молчатъ другіе, произнесетъ то слово, которое обходятъ культурники въ своемъ преподаваніи. Она объяснитъ народу, *кто* и *зачѣмъ* заслоняетъ отъ него свѣтъ знанія; она разоблачитъ политику *„народнаго образованія“*; она будетъ въ своихъ воззваніяхъ безпощадно клеймить продѣлки нашихъ обскурантовъ. И это будетъ новымъ видомъ политической *агитаціи*; это явится однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ *борьбы* за политическую свободу!

Еще одинъ примѣръ, на этотъ разъ послѣдній. Неурожаи сдѣлались у насъ постояннымъ явленіемъ, несущимъ множество несказанныхъ бѣдствій населенію пострадавшихъ мѣстностей. Въ такихъ случаяхъ прямая обязанность правительства — оказать серьезную помощь голодающимъ. Но наше правительство не только не оказываетъ крестьянамъ серьезной помощи, но всячески стѣсняетъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя хотѣли бы послужить народу въ тяжелую для него годину. Русская соціаль-демократія обязана разоблачать передъ трудящейся массой эти тиранническія и постыдныя дѣйствія русскаго правительства. Промышленные рабочіе навѣрное выслушаютъ ее со вниманіемъ; вѣдь для многихъ изъ нихъ неурожай означаетъ разореніе оставшейся въ деревнѣ родной семьи, нищету родителей и братьевъ. Иные изъ этихъ рабочихъ принесли, можетъ быть, съ собою изъ деревни наивное убѣжденіе въ томъ, что всякая помощь голоднымъ оказывается по царскому почину и распоряженію. Каково же будетъ ихъ негодованіе, когда мы обнаружимъ ихъ ошибку, когда мы покажемъ имъ, какъ ведетъ себя въ такихъ случаяхъ *„надежа-государь“*! Мы не можемъ ограничиваться болѣе или менѣе длинными статьями въ предназначенныхъ для рабочихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы должны во множествѣ распространять летучіе листки и воззванія, доступные пониманію самыхъ неразвитыхъ рабочихъ. Тутъ недостаточно *пропаганды*: тутъ необходима *агитація*.

Замѣчу кстати, что въ листкахъ и воззваніяхъ намъ слѣдуетъ обращаться при этомъ не только къ рабочимъ, но также и къ *крестьянамъ*, которыхъ этотъ вопросъ касается всего ближе. Я уже сказалъ, что многіе промышленные рабочіе имѣютъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ. Но вѣдь кромѣ *промышленныхъ* рабочихъ есть еще и *сельско-хозяйственные*. Такими являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначи-

тельности своего земельнаго надѣла живутъ *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне — тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы позабудемъ объ этомъ! Правда, промышленные рабочіе воспріимчивѣе сельско-хозяйственныхъ, и потому *первыя* наши усилія естественно направляются на промышленные центры. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ увѣнчаются эти наши усилія, т. е. чѣмъ болѣе возрастетъ наше вліяніе на *промышленныхъ* рабочихъ, тѣмъ возможнѣе и необходимѣе станетъ для насъ революціонное *воздѣйствіе на деревню*. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себѣ дорогу въ нее всякій разъ, когда къ этому представляется удобный поводъ. А между такими поводами едва ли не первое мѣсто принадлежитъ хроническимъ голодовкамъ и сопровождающимъ ихъ полицейскимъ распоряженіямъ нашего попечительнаго начальства.

VIII.

„Располагая фактами и сообщеніями изъ разныхъ мѣстъ, сотрудники „Р. М." („Рабочей Мысли") должны дѣлать сводки и указывать, какъ слагается общее насиліе царской власти отъ этихъ частныхъ, чиновничьихъ и хозяйскихъ притѣсненій, при чемъ нужна простота, ясность и воодушевленность."

Такъ говоритъ въ письмѣ, напечатанномъ въ № 8 „Рабочей Мысли", „*практикъ рабочій*", очевидно мало опытный въ программныхъ спорахъ, но хорошо понимающій требованія жизни и положеніе своего класса въ нашемъ полицейскомъ государствѣ. Редакція „Рабочей Мысли" въ особомъ примѣчаніи обратила вниманіе читателей лишь на непослѣдовательность автора письма, который осуждаетъ употребленіе иностранныхъ словъ въ статьяхъ, предназначенныхъ для рабочихъ, и самъ во множествѣ употребляетъ ихъ въ своемъ письмѣ. Оставляя открытымъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, я замѣчу въ свою очередь, что цитированное мною мѣсто письма „практика рабочаго" прекрасно опредѣляетъ общую агитаціонную задачу нашей партіи: *ставить мелкія притѣсненія, испытываемыя рабочимъ со стороны хозяина и чиновниковъ, въ связь съ „общимъ насиліемъ царской власти"*. Это какъ разъ та задача, на которую я указываю и отъ посильнаго рѣшенія которой мы не имѣемъ права уклоняться даже въ самомъ первомъ „фазисѣ" рабочаго движенія. Но если это такъ, если „практикъ рабочій" вѣрно опредѣляетъ намъ нашу практическую задачу, то стремиться къ чисто экономической агитаціи значитъ дѣлать огромную и непростительную тактическую ошибку.

„Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его загорбкѣ, охъ какъ знаетъ! — говорится еще въ письмѣ, — нужно только, чтобы съ перваго же слова сердце его забилось сильнѣй, и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и... не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій." Это опять то самое, что говорю я: въ своей агитаціи наша партія не можетъ ограничиться указаніемъ рабочему факта экономической его эксплуатаціи; она непремѣнно должна касаться той „*тьмы насилій*", которая окружаетъ рабочаго со всѣхъ сторонъ и отъ которой родится сомнѣніе въ его головѣ и накопляется горечь въ его сердцѣ. Если мы сумѣемъ дать надлежащее направленіе этимъ сомнѣніямъ и найти яркое выраженіе этой горечи, то и въ самомъ дѣлѣ отъ нашихъ воззваній будетъ сильнѣе биться сердце въ груди пролетарія и быстрѣе обращаться кровь въ его жилахъ. „Дайте просторъ агитаціи и публицистикѣ — прекрасно говоритъ „практикъ рабочій", — и вы увидите, какъ заискрятся тысячи глазъ нашихъ рабочихъ, какъ воодушевятся лица и какъ быстро полетитъ вѣсть о дружномъ единеніи"... О какой же публицистикѣ говоритъ онъ? Ясно, что о *политической*, т. е. о той самой, которая, по моему мнѣнію, должна быть неразрывно связана съ агитаціей на *экономической почвѣ*. Это письмо рабочаго есть *первое* (а можетъ быть уже и не первое?) *предостереженіе* г. г. „экономистамъ", идущее изъ среды нашего пролетаріата. Надо надѣяться, что за нимъ скоро послѣдуютъ другія.

Въ письмѣ „практика-рабочаго" есть еще одно, очень замѣчательное мѣсто. Привожу его цѣликомъ.

„Можетъ быть, вамъ покажется смѣшнымъ, что рабочіе зачитывали до дыръ народовольческую брошюру „*Подпольная Россія*" и жили вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго. Я не сторонникъ разныхъ заговоровъ и терроровъ, но для меня ни мало не смѣшно видѣть человѣка, перемѣнившаго Бову Королевича на Желябова и спящую красавицу на Вѣру Перовскую. Я указываю только на психологію рабочаго и вовсе не хочу сказать о какомъ-нибудь новомъ направленіи или воскрешеніи народовольческихъ утопій."

Указываемая здѣсь „психологія": — увлеченіе „*народовольческой*" брошюрой „Подпольная Россія" и біографіями Желябова и „*Вѣры*" Перовской, — дѣлаетъ большую честь русскимъ рабочимъ и доказываетъ лишній разъ то, что мнѣ часто приходилось высказывать устно и въ печати: что русскій пролетаріатъ отомститъ русскому правительству за многократныя

пораженія, нанесенныя имъ русской революціонной интеллигенціи. Но почему же авторъ письма думаетъ, что такая психологія русскихъ рабочихъ можетъ вызвать насмѣшки со стороны людей, называющихъ себя друзьями пролетаріата? Вѣроятно, онъ имѣетъ къ тому свои основанія; вѣроятно, онъ встрѣчалъ людей, осмѣивавшихъ сочувствіе рабочихъ героямъ „Подпольной Россіи“. Если это такъ, если такіе люди дѣйствительно существуютъ, то да будетъ имъ очень стыдно. Они могутъ искренно считать себя друзьями рабочаго класса; но въ дѣйствительности они *не друзья рабочихъ, а ихъ враги, не просвѣтители, а усыпители.*

„Заговоры и терроры“ теперь совершенно неумѣстны; но память о заговорщикахъ и террористахъ, преслѣдовавшихъ святую цѣль экономическаго и политическаго освобожденія русскаго народа, должна быть такъ же дорога всѣмъ сознательнымъ рабочимъ, какъ дорога всѣмъ искреннимъ христіанамъ память ихъ мучениковъ. Желябовы и Перовскія составляютъ славу нашей родины.

Тактика, предложенная „рабочимъ практикомъ“, нуждается въ одномъ только дополненіи: наша партія въ своей агитаціи должна указывать рабочимъ *не только на ту „тьму насилій“*, отъ которой *страдаютъ они сами, но*, какъ я указывалъ выше, *также и на ту, которая тяготѣетъ* надо всей трудящейся и надо всей свободо-мыслящей Россіей. Такія указанія будутъ расширять политическій кругозоръ пролетаріата и въ то же время пріобрѣтать новыхъ, многочисленныхъ друзей его передовому отряду, т. е. нашей партіи. Они распространятъ наше политическое вліяніе далеко за предѣлы рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Наша агитація и теперь уже въ значительной степени имѣетъ политическій характеръ. Намъ необходимо еще ярче и рѣшительнѣе оттѣнить этотъ характеръ, разъ навсегда разорвавъ со всякими „экономическими“ преданіями. Пріемы нашей политической агитаціи должны стать гораздо разнообразнѣе, область ея распространенія много шире, чѣмъ прежде. Я понимаю, что все это предполагаетъ, можетъ быть, такую организацію, какой у насъ пока еще нѣтъ, и такія матерьяльныя средства, какими мы пока еще не располагаемъ. Но многое можно сдѣлать въ указанномъ направленіи уже и въ настоящее время. А каждый шагъ, сдѣланный нами въ этомъ направленіи, будетъ укрѣплять нашу организацію и увеличивать наши матерьяльныя средства, по той простой причинѣ, что будетъ увеличивать и укрѣплять сочувствіе къ намъ всѣхъ демократическихъ элементовъ нашего отечества. Эти элементы

окажутъ намъ незамѣнимую поддержку въ политической борьбѣ съ царизмомъ.

На основаніи этихъ послѣднихъ словъ меня обвинятъ, пожалуй, — какъ обвиняли недавно П. Аксельрода, — въ намѣреніи покинуть точку зрѣнія классовой борьбы и содѣйствовать сближенію пролетаріата съ буржуазіей. Но я не боюсь такихъ обвиненій. Болѣе того, я убѣжденъ, что пора уже *обратить ихъ противъ обвинителей*. И я сдѣлаю это немедленно.

Русскій рабочій классъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Самымъ тяжелымъ для пролетаріевъ послѣдствіемъ *неразвитости* нашей *экономики* является ихъ *политическое безправіе*, дѣлающее изъ нихъ рабовъ первой встрѣчной кокарды и чрезвычайно затрудняющее ихъ *борьбу съ капиталистами*. Завоеваніе политическихъ правъ, разрушеніе абсолютизма составляетъ, поэтому, необходимое условіе правильнаго развитія этой борьбы. Русскій соціаль-демократъ обязанъ выяснять рабочему не только ту враждебную противоположность, которая раздѣляетъ его интересы отъ интересовъ предпринимателей, но также и ту, которая существуетъ между его интересами, съ одной стороны, и интересами самодержавія, съ другой. Но интересы самодержавія враждебны интересамъ не однихъ только рабочихъ. Поэтому и въ борьбѣ съ самодержавіемъ заинтересованы не одни только рабочіе. Русская соціаль-демократія сдѣлала бы непростительную ошибку, если бы она упустила изъ виду это важное обстоятельство и не сумѣла воспользоваться имъ въ интересахъ освободительнаго движенія пролетаріата. Она не можетъ игнорировать тѣ слои русскаго населенія, въ которыхъ живетъ духъ оппозиціи. Марксъ и Энгельсъ высказали въ Манифестѣ Коммунистической Партіи ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значеніе и для нашего времени. Она должна руководить насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ „обществу“. Мы не только не имѣемъ права игнорировать существующія въ его средѣ оппозиціонныя теченія, но обязаны старательно и постоянно выставлять на видъ сторонникамъ этихъ теченій тѣ наши политическія стремленія, которыя дѣлаютъ изъ насъ *самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ непримиримыхъ враговъ абсолютизма*. Намъ нечего бояться *сближенія* съ оппозиціонными слоями нашего общества; намъ надо позаботиться только о томъ, *чтобы они не подчиняли насъ своему вліянію и руководству*. А такое подчиненіе сдѣлалось бы возможнымъ, — и даже *неминуемымъ* —

только въ томъ случаѣ, если бы у насъ восторжествовало *экономическое направленіе*.

Сторонники этого направленія не хотятъ политической борьбы по крайней мѣрѣ для настоящаго „момента“. Но мы уже знаемъ, что у насъ въ Россіи эта борьба — та же природа: если вы гоните ее въ дверь, она возвращается черезъ окно. Но, возвращаясь такимъ необычайнымъ образомъ, она производитъ вреднѣйшую путаницу тамъ, гдѣ нельзя обойтись безъ самаго строгаго порядка. Благодаря этой путаницѣ, люди, идущіе въ одну комнату, противъ собственнаго вѣдома и желанія попадаютъ въ другую. Этотъ непріятный пассажъ уже случился съ нѣкоторой, — замѣтьте: съ *наиболѣе вѣрной себѣ, наиболѣе послѣдовательной*, — частью нашихъ „экономистовъ“.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, то есть послѣдовательно, логически развивая свои основныя положенія, „экономистъ“ неизбѣжно приходитъ къ программѣ, изложенной въ не разъ уже упомянутомъ мною „Credo“. Авторы этого произведенія считаютъ излишнимъ существованіе соціаль-демократіи, *какъ особой политической рабочей партіи*. Но они уже не высказываются противъ политической борьбы. Они только хотятъ, чтобы ея иниціатива принадлежала не рабочимъ, а именно тѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ нашего общества, о которыхъ я говорилъ выше. Къ чему же привела бы такая борьба при участіи въ ней соціаль-демократовъ, но при отсутствіи особой соціаль-демократической партіи? Понятно къ чему. Къ чрезвычайному ослабленію вліянія *соціаль-демократовъ*, которые, растворясь въ массѣ другихъ анти-правительственныхъ элементовъ, *на дѣлѣ* превратились бы въ простыхъ *демократовъ*. *Но превращеніе соціаль-демократовъ въ простыхъ демократовъ именно и означало бы забвеніе классовой борьбы и сближеніе пролетаріата съ буржуазіей*. Выходитъ, стало быть, что къ этому результату ведетъ не та тактика, которую мы рекомендуемъ, а *та, которая подсказывается логикой „экономическаго“ направленія*.

Но такой результатъ совсѣмъ для нихъ нежелателенъ. Если въ той борьбѣ, которая не можетъ не начаться у насъ въ Россіи, — въ борьбѣ за политическую свободу, — наши рабочіе, въ средѣ которыхъ уже пробуждается классовое самосознаніе, выступятъ вассалами другихъ, чуждыхъ имъ партій, то отъ этого не выиграетъ никто, кромѣ буржуазіи. Пусть же идеологи буржуазіи и стараются направить рабочихъ на этотъ путь. Мы, соціаль-демократы, постараемся повести ихъ по другому.

Наша партія, не имѣющая рѣшительно никакой склонности къ самоубійству, возьметъ на себя *инціативу* борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ; чѣмъ болѣе многочисленны и разносторонни станутъ ея пріемы, тѣмъ яснѣе сдѣлается для всѣхъ искреннихъ враговъ существующаго политическаго порядка, — для всѣхъ тѣхъ, въ душѣ которыхъ любовь къ политической свободѣ не перевѣшивается стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочихъ, — что они должны поддержать нашу партію въ интересахъ своего собственнаго дѣла. Мало по малу они привыкнутъ смотрѣть на ея побѣды и на ея пораженія, какъ на свои собственныя побѣды и пораженія. И наша партія сдѣлается такимъ образомъ *освободительницей* par excellence, центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты. Тогда въ ея распоряженіи окажутся такія силы и такія матерьяльныя средства, о какихъ безумно было бы и мечтать при нынѣшнихъ условіяхъ. Но ни одна единица этихъ силъ и ни одна копейка изъ этихъ средствъ не будетъ затрачена на подчиненіе пролетаріата какому-нибудь чуждому вліянію и на достиженіе какихъ-нибудь вредныхъ для него цѣлей. Напротивъ, всѣ эти силы и всѣ эти средства будутъ служить достиженію его собственныхъ цѣлей и упрочивать его собственное вліяніе на другіе общественные элементы, потому что направлять и распредѣлять ихъ будетъ *его собственный передовой отрядъ*: **соціаль-демократическая партія.**

Торжество „экономическаго“ направленія привело бы къ политической эксплуатаціи русскаго рабочаго класса демократической и либеральной буржуазіей.

Тактика, защищаемая мною въ этой статьѣ, столь же неизбѣжно дала бы русской соціаль-демократіи — этому передовому отряду русскаго рабочаго класса, — политическую гегемонію въ освободительной борьбѣ съ царизмомъ.

Сколько застарѣлой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться въ выборѣ хотя бы на одну минуту!

Г. Плехановъ.

Воспоминанія.

Переводъ съ рукописи Карла Каутскаго.

Русскіе товарищи просили меня написать для нихъ мою автобіографію. На это я не могъ согласиться. Взятая въ отдѣльности, моя особа не представляется мнѣ настолько достопримѣчательной, чтобы стоило заниматься ея судьбой. Исторія развитія тѣхъ сторонъ жизни нашей партіи, въ которыхъ я участвовалъ, изображеніе тѣхъ личностей, съ которыми вступалъ въ сношенія, могли бы правда представить много поучительнаго; но для такого рода воспоминаній у меня не хватаетъ ни времени, ни спокойствія. Наши силы до такой степени поглощены борьбой за будущее, что на изображеніе прошедшаго не остается почти ничего.

Но въ моемъ прошломъ есть воспоминанія, бросающія свѣтъ на нѣкоторыя явленія настоящаго времени, и я охотно подѣлюсь ими съ русскими товарищами, если они удовлетворятся моими бѣглыми набросками.

Я родился въ Прагѣ 16 Октября 1854 года въ международной семьѣ: мой отецъ былъ чехъ, моя мать нѣмка, и оба въ свою очередь произошли отъ такихъ-же смѣшанныхъ браковъ.

Мое происхожденіе предрасполагало, такимъ образомъ, къ интернаціонализму, но, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, я началъ, тѣмъ не менѣе, съ націонализма. Въ 1863 году мои родители переселились въ Вѣну, населеніе которой, по части чехоненавистничества, превосходило въ то время самое себя. Въ школѣ меня преслѣдовали какъ чеха, и въ видѣ отпора я не могъ не чуждаться окружавшей меня среды и не презирать ее.

Я упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не одинъ только личный интересъ. Присмотрѣвшись поближе къ элементамъ, приходящимъ къ соціаль-демократіи изъ буржуазіи, мы увидимъ, что огромный процентъ среди нихъ составляютъ выходцы изъ буржуазныхъ слоевъ, по той или иной причинѣ не полноправныхъ въ своей собственной средѣ.

Въ Германіи и Австріи, напримѣръ, большинство соціалистовъ изъ буржуазной среды — евреи.

Но какъ разъ въ тѣ годы, когда начиналось мое политическое развитіе, не евреи, а волновавшіеся чехи были въ Австріи наиболѣе угнетеннымъ и преслѣдуемымъ элементомъ. Въ каждомъ чехѣ таились тогда зародыши государственнаго преступленія и оскорбленія величества, каждый лелѣялъ традиціи Гусситовъ. Не мудрено, что разрушеніе Австріи и Чешская республика стали моимъ идеаломъ.

Началась война 1870 года. Мои симпатіи, какъ и симпатіи всѣхъ чеховъ, принадлежали Франціи. Но въ мартѣ, при извѣстіи о парижскомъ возстаніи, революціонный инстинктъ заставилъ меня перенести ихъ цѣликомъ на коммуну. Ея геройское паденіе произвело на меня глубочайшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ я съ жадностью читалъ все, что могъ достать о соціализмѣ, въ особенности французскомъ, а также о французской революціи. Рядомъ съ этимъ на меня сильно вліяли Бёрне, Гейне, Милль, Бокль, Дарвинъ и нѣмецкіе дарвинисты Геккель и Бюхнеръ.

Въ 1874 году моей выборъ былъ сдѣланъ, я рѣшилъ присоединиться къ Австрійской соціаль-демократіи и предложилъ ей свои услуги. Во время студенчества мои статьи въ партійной прессѣ, какъ нѣмецкой, такъ и австрійской, были анонимны или подписаны псевдонимомъ („Symmachos“).

Австрійская соціаль-демократія переживала въ то время критическій моментъ. Промышленный кризисъ совершенно обезсилилъ рабочія организаціи. При этомъ въ самой партіи шла ожесточенная борьба. Та же самая противоположность двухъ направленій, проникшая теперь во всѣ соціалистическія партіи, уже тогда раскалывала на два лагеря австрійскую соціаль-демократію. На одной сторонѣ стояла фракція *Обервиндера*, придававшая первостепенное значеніе хорошимъ отношеніямъ съ либеральной буржуазіей и рекомендовавшая ограничиться лишь такими задачами, которыя обѣщаютъ мгновенный успѣхъ; въ противоположность Обервиндеру фракція *Шея* высоко держала революціонное знамя и утверждала, что распространеніе соціалистическихъ идей и пробужденіе народныхъ массъ важны никакъ не менѣе практическихъ успѣховъ.

Ни минуты не колеблясь, я присоединился къ Шею, не по сознательному убѣжденію, а по революціонности моего настроенія.

Настало время объединеній. Въ Германіи, гдѣ лассальянцы расходились съ Эйзенахцами, не столько въ принципіальныхъ и тактическихъ вопросахъ, сколько во взглядахъ на форму организаціи, разрушеніе лассальянской организа-

ціи прусскимъ правительствомъ привело къ объединенію (1875 г.). Въ Австріи къ нему привело постепенное исчезновеніе вожаковъ оппортюнизма изъ рядовъ партіи и ея собственная слабость, при которой всякая практическая политика, всякая дѣятельность, кромѣ пропаганды, казалась немыслимой въ ближайшемъ будущемъ. Но противоположность направленій въ сущности не исчезла, и борьба снова разгорѣлась, какъ только явилась возможность практической дѣятельности. Новый разрывъ ступевался предъ событіями въ Германіи, ослабившими тѣсную связь, существовавшую между австрійскими и нѣмецкими соціальдемократами до изданія закона противъ соціалистовъ. До октября 1878-го года соціаль-демократическая партія Германіи была для насъ, австрійцевъ, путеводной звѣздой, которой мы довѣряли больше, чѣмъ самимъ себѣ. И она-то, казалось намъ, вдругъ погасла. У насъ въ Австріи получилось такое впечатлѣніе, будто нѣмецкая соціаль-демократія пала подъ ударами исключительнаго закона, оказалась не на высотѣ положенія. Въ нашихъ рядахъ недовольство отсутствіемъ сопротивленія мѣрамъ Бисмарка со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ было всеобщимъ. Радостно привѣтствовали мы, какъ первый признакъ возмущенія, основанную въ Лондонѣ „Freiheit“, въ которой Мостъ, безпощадно изобличая позорное хозяйничанье правительства, не щадилъ также и товарищей по партіи. Мы отъ души соглашались съ нимъ. Что я тоже началъ сотрудничать во „Freiheit“, это само собою разумѣется.

Еще до исключительнаго закона я закончилъ свое первое сравнительно большое произведеніе, вышедшее подъ заглавіемъ: „Вліяніе размноженія населенія на общественный прогрессъ“. Въ существенныхъ пунктахъ оно было направлено противъ Маркса. Я присоединился къ партіи не какъ сознательный марксистъ, а какъ полусознательный революціонеръ и чрезвычайно опасался подпасть подъ вліяніе какаго нибудь „авторитета“ или „школы“. Съ недовѣріемъ приступилъ я къ изученію Маркса и Энгельса и чѣмъ меньше понималъ ихъ, тѣмъ выше поднимался въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ ихъ „односторонностью“ и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность ихъ критиковать. Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось наблюдать то же явленіе на сотняхъ экземпляровъ; не мудрено поэтому, что я до нѣкоторой степени закаленъ уже противъ такаго рода побѣдъ надъ Марксомъ и вижу признаки дѣтской болѣзни, свойственной студентамъ соціализма, въ томъ, что въ глазахъ самихъ паціентовъ является результатомъ ихъ научной зрѣлости. „Превзойти“ Маркса

несравненно проще, нежели понять его, и я тоже началъ съ этой болѣе легкой задачи.

Къ услугамъ партіи имѣлось тогда два научныхъ изданія „Neue Gesellschaft“ и „Zukunft“. Послѣднее считалось даже непосредственнымъ органомъ партіи. Но Маркса редакціи обоихъ органовъ, по ихъ мнѣнію, уже „превзошли“.

Я не участвовалъ ни въ одномъ изъ этихъ изданій, такъ какъ при всемъ моемъ критическомъ жарѣ, партійная пропаганда казалась мнѣ важнѣе критики. При этомъ я и тогда уже думалъ, что для дальнѣйшаго критическаго развитія теоріи нужны книги, а не журнальныя статьи на текущія темы. Самымъ слабымъ пунктомъ нашей теоріи я считалъ ея отношеніе къ теоріи Мальтуса. Пополнить и укрѣпить ее съ этой стороны казалось мнѣ важнѣйшей теоретической задачей, которой я посвятилъ, какъ выше упомянуто, свою первую книгу.

Но не смотря на мою антипатію къ „авторитету“ Маркса, въ двухъ существенныхъ пунктахъ я и тогда уже стоялъ на его точкѣ зрѣнія.

Первымъ изъ этихъ пунктовъ было убѣжденіе, что освобожденіе пролетаріата можетъ быть достигнуто лишь имъ самимъ въ борьбѣ противъ всѣхъ имущихъ классовъ. Этотъ взглядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ моимъ революціоннымъ инстинктамъ, а также и тому политическому опыту, который можетъ дать Австрія, гдѣ либерализмъ и буржуазная демократія менѣе способны къ борьбѣ и стоятъ ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Вторымъ пунктомъ было марксистское пониманіе исторіи. Въ университетѣ я набросился на исторію и въ то же время увлекался дарвинизмомъ. Ввести дарвинизмъ въ исторію стало моимъ идеаломъ. Еще студентомъ, я составилъ планъ, никогда не вышедшій, правда, изъ зачаточнаго состоянія, написать всемірную исторію, руководящей нитью которой служила бы борьба за существованіе расъ и классовъ. Мои взгляды имѣли много общаго съ „Борьбой расъ“ Гумпловича, появившейся въ 1883 году. Но, какъ соціалистъ, я не могъ остановиться на борьбѣ расъ, какъ на исключительномъ двигателѣ исторіи. Я не могъ проглядѣть такого двигателя, какъ экономическое развитіе, образующее классы и обусловливающее ихъ борьбу. По мѣрѣ моего ознакомленія съ исторіей экономическаго развитія, дарвинистская, чисто зоологическая борьба за существованіе расъ отступала въ моемъ пониманіи на задній планъ предъ соціальной марксистской борьбой классовъ.

Такимъ образомъ я сдѣлался сперва марксистомъ въ качествѣ историка, оставаясь какъ соціалистъ еще тѣмъ же эклектикомъ, какими мы всѣ тогда были, съ тою лишь разницею, что къ моему лассаліанизму, составлявшему въ то время въ Германіи и Австріи теоретическую основу соціализма, примѣшивались нѣсколько устарѣлые, но проникнутые духомъ великой революціи, французскіе элементы — Луи Бланъ, Бланки и даже Руссо, тогда какъ Дюрингъ, произведшій сильное впечатлѣніе на нѣмецкихъ студентовъ соціалистовъ, былъ мнѣ всегда антипатиченъ, а у Альберта Ланге, тоже сильно вліявшаго на нѣмецкихъ „интеллигентовъ“, меня интересовали лишь его попытки ввести дарвинизмъ въ соціализмъ, философія-же и этика этого писателя для меня, какъ революціонера и матеріалиста, были не привлекательны.

Между тѣмъ время моего ученья кончалось, и приходилось выбирать профессію. Я подготовлялся къ академической карьерѣ лишь повинуясь нуждѣ, въ противорѣчіи со всѣми моими стремленіями, дѣлавшими для меня ненавистнымъ всякое оффиціальное положеніе и привлекательной лишь работу для партіи. Не мудрено, что при первомъ же удобномъ случаѣ, я превратилъ эту работу въ свою единственную профессію и забросилъ съ легкимъ сердцемъ всякіе помыслы объ академической карьерѣ.

За „годами ученья“ (Lehrjahren) наступали для меня „годы странствія“ (Wanderjahren), которые и въ настоящее время не кажутся мнѣ законченными.

По странной волѣ случая послѣдній толчекъ въ этотъ рѣшительный для меня моментъ я получилъ отъ противника марксизма, молодого, богатаго ученаго, Карла Хёхберга. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ присоединился къ нѣмецкой соціальдемократіи и, полный энтузіазма, отдавалъ ей, не только себя, но и свое значительное состояніе. Имъ издавался уже упомянутый мною „Zukunft“.

Разстроенное здоровье заставило его незадолго до исключительнаго закона переѣхать въ итальянскую Швейцарію. Въ качествѣ частнаго секретаря его сопровождалъ молодой банковскій служащій, Эдуардъ Бернштейнъ. Въ Лугано они встрѣтили Бенуа Малона, эмигранта коммунара, стоявшаго въ Интернаціоналѣ на сторонѣ Бакунина. Ко времени встрѣчи съ Хёхбергомъ въ головѣ Малона начала образовываться та смѣсь мирнаго анархизма, марксизма и катедеръ-соціализма, изъ которой сложился впослѣдствіи его „Socialisme intégral“. Не знаю, кто на кого сильнѣе повліялъ въ Лугано: Малонъ

ли на Хёхберга и Бернштейна, или они на него, по всему вѣроятію вліяніе было обоюднымъ.

Удаленіе изъ Германіи не ослабило интереса Хёхберга къ дѣламъ партіи и не уменьшило его готовности отдавать ей свои средства. Если разстройство партіи подъ ударами закона противъ соціалистовъ было не такъ полно, какъ можно было опасаться, то не малая доля заслуги въ этомъ принадлежитъ Хёхбергу. Всюду, гдѣ требовалась помощь, — онъ помогалъ.

Весной 1879 года онъ вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Малономъ переселился изъ Лугано въ Цюрихъ, чтобы отсюда помогать стѣсненной партіи также и посредствомъ печати. Лѣтомъ 1879 года онъ издалъ первый томъ своихъ „Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik“, подъ фирмой нѣкоего доктора Рихтера; онъ же редактировалъ изъ Цюриха выходившія въ Лейпцигѣ „Staatswissenschaftliche Abhandlungen“, періодическое изданіе, посвященное соціальнымъ реформамъ, при подставномъ редакторѣ докторѣ Зейффертѣ. Законъ противъ соціалистовъ требовалъ такихъ уловокъ. Наконецъ онъ-же далъ партіи возможность основать за границей собственный органъ, въ противовѣсъ мостовской „Freiheit“, именно „Соціаль-демократъ“, начавшій выходить съ осени 1879 года.

Для этихъ предпріятій Хёхбергъ нуждался въ литературныхъ силахъ, найти которыя было въ то время не такъ-то легко.

Законъ противъ соціалистовъ уничтожилъ, правда, многочисленные органы партіи и оставилъ ихъ редакторовъ безъ заработка; но тотъ же законъ отпугнулъ отъ соціаль-демократіи „интеллигенцію“. Однихъ наиболѣе безхарактерныхъ изъ соціалистическихъ писателей онъ толкнулъ въ лагерь буржуазіи, другіе въ поискахъ за заработкомъ уѣхали въ Америку, изъ молодыхъ писателей, оставшихся вѣрными партіи и не пожелавшихъ покинуть Германію, многіе считали нужнымъ хоть на время стушеваться, чтобы не компрометтировать себя партійной дѣятельностью. Поэтому писатели, оставшіеся на службѣ партіи, были завалены работой, не успѣвая удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Этому недостатку литературныхъ силъ я приписываю мысль Хёхберга обратиться въ Австрію и пригласить меня къ себѣ въ Цюрихъ, въ качествѣ постояннаго сотрудника въ его партійныхъ изданіяхъ.

Возможность расширить свой горизонтъ, ставъ въ тѣсныя сношенія съ большой нѣмецкой партіей, и посвятить всѣ свои силы партійной дѣятельности, сдѣлавъ изъ нея свою

единственную профессію — все это было слишкомъ привлекательно, и я тотчасъ же отвѣтилъ согласіемъ.

Правда, мои взгляды были діаметрально противоположны взглядамъ Хёхберга. Революція и классовая борьба были ему ненавистны. Онъ хотѣлъ привлечь къ соціализму, если не всю буржуазію, то ея значительную часть и считалъ, поэтому, необходимымъ избѣгать всего, что могло бы испугать этихъ будущихъ соціалистовъ. Матеріалистическій взглядъ на исторію представлялся ему чѣмъ-то чудовищнымъ.

Но какъ ни противна была Хёхбергу борьба съ буржузіей, раздѣленіе въ собственныхъ рядахъ было еще противнѣе. Онъ по самой природѣ своей не былъ борцомъ, а исключительныя обстоятельства не допускали большой разборчивости въ выборѣ сотрудниковъ. Необходимо было соединить противъ общаго врага всѣ наличныя силы. Такъ и поступилъ Хёхбергъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного возраженія противъ передачи редакціи Соціаль-демократа Фольмару, принадлежавшему тогда къ лѣвой сторонѣ партіи, и вызвалъ меня въ Цюрихъ, несмотря на мои откровенно выражаемыя симпатіи къ мостовской „Freiheit“. Эти симпатіи, впрочемъ, ко времени переселенія въ Цюрихъ уже начали ослабѣвать, такъ какъ Мостъ, все болѣе и болѣе взвинчивая свой радикализмъ, сталъ доходить до абсурдовъ, завершившихся, наконецъ, прославленіемъ анархической пропаганды дѣйствіемъ, куда я, разумѣется, уже не могъ за нимъ слѣдовать. Направленіе, данное Фольмаромъ цюрихскому Соціаль-демократу, всего ближе подходило къ моей точкѣ зрѣнія и вообще удовлетворяло огромное большинство тогдашнихъ членовъ партіи. Когда Мостъ сдѣлался наконецъ совершенно невозможнымъ, всѣ революціонные элементы партіи сгруппировались вокругъ „Соціаль-демократа“, придавая ему тѣмъ самымъ такое направленіе, которое всего меньше подходило Хёхбергу.

Къ Хёхбергу я навсегда сохраню благодарное чувство за то, что онъ вырвалъ меня изъ узкой глуши австрійскихъ отношеній и открылъ мнѣ широкое поле дѣятельности, ни чуть не стѣсняя моей свободы, не дозволяя себѣ ни малѣйшихъ попытокъ передѣлывать мои взгляды по своей мѣркѣ. Ему же обязанъ я и важнѣйшимъ событіемъ моей жизни, личнымъ знакомствомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Это случилось такимъ образомъ:

Вмѣстѣ со Шраммомъ, съ Курти и при участіи Бернштейна, Хёхбергъ составилъ и помѣстилъ въ „Jahrbuch“ статью въ высшей степени несообразную и неумѣстную въ тактическомъ

отношеніи, но имѣвшую достоинство опредѣленности, не допускавшей больше сомнѣній относительно истиннаго характера направленія Хёхберга и его сторонниковъ. Хёхбергу показалось, что обнаружившееся, вслѣдъ за изданіемъ исключительнаго закона, подавленное настроеніе партіи благопріятствуетъ пропагандѣ его воззрѣній. Онъ развилъ въ статьѣ ту мысль, что въ появленіи этого закона не совсѣмъ безвинна и сама партія, что своими грубыми выходками и революціонной фразеологіей она запугала буржуазію, лучшую часть которой ей небходимо привлечь на свою сторону, такъ какъ иначе побѣда немыслима. Отказаться отъ революціонной пропаганды и ограничиться ближайшими задачами было бы лучшимъ отвѣтомъ на исключительный законъ; буржуазія увидѣла бы тогда, какими мы стали умниками, всѣ хорошіе люди пошли бы съ нами рука объ руку, и такимъ образомъ законъ противъ соціалистовъ могъ бы быть устраненъ.

Таковъ былъ основной мотивъ статьи „Взглядъ на прошлое соціалистическаго движенія въ Германіи. Критическіе афоризмы ***“. Она вызвала въ партіи общій взрывъ негодованія. Марксъ и Энгельсъ написали выдающимся членамъ партіи окружное письмо, въ которомъ грозили выступить открыто противъ новаго направленія, если подобные взгляды будутъ проповѣдываться въ органахъ партіи.

Такого пріема своимъ взглядамъ Хёхбергъ, очевидно, не ожидалъ. Вызвать въ это трудное время раздоры внутри партіи было бы для него всего больнѣе. Онъ пересталъ публично высказывать вызвавшіе бурю взгляды и пытался даже убѣдить Маркса и Энгельса въ томъ, что его точка зрѣнія не препятствуетъ совмѣстной работѣ съ ними. Онъ самъ ѣздилъ въ Лондонъ, чтобы разсѣять недовѣріе стариковъ, но потерпѣлъ неудачу. Установить modus vivendi между Лондономъ и Цюрихомъ взялись тогда Бебель съ Бернштейномъ и съ этой цѣлью осенью 1880 года переплыли каналъ.

Ихъ поѣздка не только увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но имѣла также и дальнѣйшія послѣдствія. Она подготовила дружескія отношенія между Энгельсомъ и Бернштейномъ, длившіяся до самой смерти Энгельса, и положила начало правильной перепискѣ между ними по всѣмъ сколько нибудь важнымъ очереднымъ вопросамъ. До тѣхъ поръ эклектикъ, какъ и всѣ мы въ то время, Бернштейнъ былъ такимъ образомъ введенъ въ область послѣдовательнаго и цѣльнаго марксистскаго мышленія, къ которому его, впрочемъ, уже значительно подготовило изученіе Энгельсовскаго „Антидюринга“.

Весною 1881 года Хёхбергъ и меня также отправилъ въ Лондонъ, чтобы поддержать добрыя отношенія со стариками. Я пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и результатъ получился для меня тотъ же, какъ и для Бернштейна.

Такимъ образомъ мы съ разныхъ сторонъ, Бернштейнъ отъ Дюринга и Хёхберга, я отъ Шёя и Моста, — пришли къ марксизму. Его изученіе и защита сдѣлались нашей общей жизненной цѣлью. При этомъ единствѣ цѣли, самое несходство нашихъ темпераментовъ и различіе пройденныхъ путей лишь помогали намъ дополнить другъ друга и давать при совмѣстной работѣ больше, чѣмъ могли бы мы дать, работая порознь. Это была идеальная дружба, выросшая изъ самаго тѣснаго братства по оружію въ постоянныхъ битвахъ съ внѣшними и внутренними врагами.

Въ послѣднихъ тоже не было недостатка. Послѣдовательный марксизмъ слишкомъ безпокойное ученіе, онъ предъявляетъ мысли слишкомъ много требованій, чтобы овладѣть умами хотя бы только всѣхъ тѣхъ членовъ партіи, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“. Большинство предпочитаетъ эклектизмъ, сложившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса, но сходящійся съ послѣдовательнымъ марксизмомъ скорѣе въ его результатахъ, чѣмъ въ методѣ. А рядомъ съ такими марксистами, въ соціалъ-демократіи всегда встрѣчались также элементы, стоявшіе на совершенно иной теоретической почвѣ и поэтому неизбѣжно приходившіе къ антагонизму съ марксистскимъ мышленіемъ.

Изъ этихъ послѣднихъ лично намъ съ Бернштейномъ всего ближе были Хёхбергъ и его сотрудникъ по знаменитой статьѣ въ „Jahrbuch“, К. А. Шраммъ. Какъ только разсѣялось первое подавляющее впечатлѣніе закона противъ соціалистовъ, и партія оправилась, въ ней опять проявилось раздѣленіе на правую и лѣвую стороны, сперва, главнымъ образомъ, среди эмигрантовъ въ Лондонѣ и Цюрихѣ. Естественно, что мы съ Бернштейномъ самымъ рѣшительнымъ образомъ стали на лѣвую сторону и защищали ея точку зрѣнія въ „Соціаль-демократѣ“, редакція котораго перешла отъ Фольмара къ Бернштейну. Также естественно и то, что Хёхбергъ сталъ направо. При этомъ онъ все болѣе и болѣе отодвигался въ правую сторону, пока не дошелъ до воззрѣній очень сходныхъ съ тѣми, которыхъ придерживаются теперешніе соціаль-націоналисты. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, увлекавшимся колоніальной политикой. Та политика, которую мы

проповѣдывали, всюду шла въ разрѣзъ съ его собственной. Такое положеніе становилось нестерпимымъ. Личная дружба съ политическимъ противникомъ возможна, но не тогда, когда приходится сталкиваться съ нимъ на одномъ и томъ же полѣ политической дѣятельности. Ожидать, что Хёхбергъ будетъ снабжать безъ конца самыхъ ярыхъ противниковъ своей политики матеріальными средствами для борьбы съ нею, значило ожидать отъ него какой то сверхчеловѣческой терпимости.

Онъ отнялъ наконецъ у „Соціаль-демократа“ свою субсидію, но отъ этого „Соціаль-демократъ“ только выигралъ, ставъ на собственныя ноги. Онъ уже сталъ необходимъ для партіи и могъ отлично существовать безъ поддержки Хёхберга.

Само собой понятно, что и я не могъ болѣе участвовать въ предпріятіяхъ Хёхберга, которыя къ тому же, въ противоположность „Соціаль-демократу“, одно за другимъ приказывали долго жить, не смотря на самую щедрую матеріальную поддержку.

Весной 1882 г. я распрощался съ Хёхбергомъ и въ 1883 г. основалъ „Neue Zeit“, органъ, который долженъ былъ служить проводникомъ такого же послѣдовательнаго марксизма, какъ и „Соціаль-демократъ“, хотя въ скрытой формѣ, такъ какъ выходилъ подъ режимомъ исключительныхъ законовъ. Кромѣ того онъ предназначался главнымъ образомъ для теоретической пропаганды, тогда какъ „Соціаль-демократъ“ былъ органомъ практической борьбы. Первая полемика въ защиту марксизма завязалась у меня въ 1884 году съ К. А. Шраммомъ, Бернштейнъ помогалъ мнѣ въ „Соціаль-демократѣ“.

Чтобы быть ближе къ Энгельсу, я переселился въ 1885 году въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ съ нѣсколькими перерывами до 1890 года. Для меня это были года сильнаго умственнаго наслажденія и вмѣстѣ роста. Въ постоянномъ общеніи съ такой гигантской умственной силой, какъ Энгельсъ, имѣя подъ руками сокровища британскаго музея, я могъ, подъ руководствомъ опытнаго вождя, пуститься въ свою любимую область матеріалистическаго изслѣдованія исторіи. Среди моихъ литературныхъ дѣтищъ — писанные въ Лондонѣ „Томасъ Моръ“ и „Борьба классовъ въ Франціи“ и теперь еще остаются моими любимцами.

Въ 1888 году всѣ лица, участвовавшія въ редакціи и экспедиціи „Соціаль-демократа“, были изгнаны изъ Швейцаріи. Изданіе было перенесено въ Лондонъ. Бернштейнъ былъ теперь съ Энгельсомъ и со мною, наша дружная работа для общаго дѣла должна была, повидимому, пойти лучше, чѣмъ когда либо.

А между тѣмъ именно въ это время подготовлялся тотъ поворотъ, который въ концѣ концовъ долженъ былъ превратить наше тѣснѣйшее товарищество въ рѣзкую вражду. Въ 1890 году законъ противъ соціалистовъ былъ отмѣненъ. Однимъ изъ слѣдствій этой отмѣны было прекращеніе „Соціаль-демократа“ и превращеніе „Neue Zeit“ въ еженедѣльное изданіе, постояннымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался Бернштейнъ. Но остаться въ личномъ общеніи намъ не пришлось. Теперь редакція должна была находиться въ Германіи, и я переѣхалъ въ Штутгартъ, Бернштейну-же пришлось остаться въ Лондонѣ, такъ какъ нѣмецкіе суды, если бы Бернштейнъ попался имъ въ руки, слишкомъ сурово выместили бы на немъ грѣхи „Соціаль-демократа“.

Въ то же время совершенно измѣнился и самый характеръ нашей дѣятельности. Продолжать чисто академическія историческія изслѣдованія мнѣ уже больше не приходилось. Если въ качествѣ иностранца я не могъ лично дѣйствовать въ Германіи какъ пропагандистъ или политикъ, то въ „Neue Zeit“, превратившемся въ еженедѣльный органъ, политика взяла верхъ надъ теоріей, и къ нему перешли нѣкоторыя изъ функцій прекращеннаго „Соціаль-демократа“. Самое пребываніе въ Германіи заставляло меня заниматься текущими вопросами; такимъ образомъ, начиная съ 1890 года, моя дѣятельность все болѣе и болѣе отличалась отъ моихъ занятій предшествовавшаго десятилѣтія. Написанный мною первый томъ исторіи соціализма былъ подготовленъ еще въ Лондонѣ; другія же мои книги этого десятилѣтія — „Эрфуртская программа“, „Парламентаризмъ, народное законодательство и соціаль-демократія“, „Аграрный вопросъ“, а также и всѣ статьи посвящены пропагандѣ или полемикѣ по текущимъ вопросамъ, а не изслѣдованію прошлаго.

Той же злобѣ дня — полемикѣ противъ Бернштейна — посвящена къ сожалѣнію и моя послѣдняя книга.

Другой характеръ приняла съ 1890 г. также и дѣятельность Бернштейна. Вмѣсто того, чтобы непосредственно вліять на нѣмецкія отношенія, ему пришлось теперь говорить объ англійскихъ; вмѣсто того, чтобы бороться, пришлось наблюдать. Но онъ воспринялъ отъ марксизма, главнымъ образомъ, философію борьбы, а не философію изслѣдованія. Пока приходилось бороться, марксизмъ служилъ ему путеводной звѣздой, когда же пришлось изслѣдовать, онъ не нашелъ ему примѣненія. Ланге и Дюрингъ снова начали дѣйствовать на его умъ, Хёхберговскія и Малоновскія впечатлѣнія снова проснулись.

Англійская среда способствовала пробужденію этихъ старыхъ склонностей. Англійскій рабочій менѣе всякаго другаго доступенъ соціализму, не по враждебности къ этому ученію, а по отсутствію всякаго интереса къ чему бы то ни было, необѣщающему немедленнаго практическаго успѣха. И наоборотъ, среди англійской буржуазіи гораздо больше элементовъ, склонныхъ въ филантропическому соціализму, чѣмъ среди буржуазіи другихъ странъ. Я приписываю это главнымъ образомъ тому обстоятельству, что громадная часть англійскихъ капиталовъ занята внѣ области англійской промышленности и слѣдовательно не заинтересована въ эксплуатаціи англійскаго пролетаріата. Тому же приписываю я и сравнительно сильное соціалистическое движеніе среди буржуазной интеллигенціи въ Голландіи.

Видя полный неуспѣхъ пропаганды среди рабочихъ, часть англійскихъ соціалистовъ, „Фабіанцы“, взялась за пропаганду среди радикальной буржуазіи. Тактика, выработанная этимъ направленіемъ, имѣетъ много общаго съ той, къ которой въ свое время стремился Хёхбергъ въ Германіи. Именно въ послѣднее десятилѣтіе Фабіанцы сильно повліяли на англійскую соціалистическую мысль, и Бернштейнъ, ставшій съ ними въ близкія отношенія, не могъ избѣжать этого вліянія.

Но пока живъ былъ Энгельсъ, и Бернштейнъ находился подъ обаяніемъ его могучей личности, пока въ самомъ Бернштейнѣ не замерло еще боевое настроеніе, которое двѣнадцатилѣтняя борьба противъ исключительнаго закона довела во всѣхъ насъ до сильнѣйшаго напряженія, вліяніе Фабіанцевъ не могло стать преобладающимъ.

Но боевое настроеніе постепенно замирало. Въ 1895 году умеръ Энгельсъ, и одновременно начался новѣйшій періодъ промышленнаго подъема, внесшій нѣкоторый достатокъ въ болѣе широкій кругъ рабочаго класса.

Какое вліяніе имѣло все это на Бернштейна и какъ отразилось оно на его дѣятельности, — извѣстно всѣмъ. Къ тому же я, какъ его противникъ, принималъ слишкомъ близкое участіе въ этихъ событіяхъ, чтобы пытаться излагать ихъ въ качествѣ объективнаго историка. Какъ бы тамъ ни было, между нами образовалась пропасть, черезъ которую нѣтъ моста. Но это не новый разрывъ, а возобновленіе стараго, существовавшаго уже двадцать лѣтъ тому назадъ.*)

*) Не безъинтересно будетъ замѣтить, что теперешняя позиція Шиппеля тоже не совсѣмъ нова для него. Онъ пришелъ къ намъ черезъ Родбертуса, не освободившись еще отъ разныхъ реакціонныхъ воспоминаній. Въ „Staatswissenschaftlichen Abhandlungen“ Хёхберга за 1881—82 г. имѣется,

Онъ представляетъ собою лишь частное проявленіе основнаго антагонизма между революціоннымъ рабочимъ движеніемъ и буржуазно-филантропическимъ соціализмомъ, сказавшагося еще въ разногласіяхъ между овенистами и чартистами, и съ тѣхъ поръ снова и снова потрясающаго соціалистическое движеніе. Въ совершенно чистомъ видѣ противоположность этихъ двухъ направленій рѣдко проявляется въ настоящее время, перекрещиваясь обыкновенно со множествомъ другихъ теченій. Съ измѣненіемъ вещей и теорій она принимаетъ различныя формы, но тѣмъ не менѣе ее всегда можно прослѣдить какъ основу нашихъ партійныхъ столкновеній.

Изъ этой же основной противоположности вытекаетъ, мнѣ кажется, и наше столкновеніе съ Бернштейномъ. Онъ смотритъ на дѣло иначе, но я считаю свой взглядъ не только болѣе вѣрнымъ, но и единственнымъ вносящимъ примиряющій моментъ въ нашъ болѣзненный разрывъ. Я вижу въ немъ борьбу не лицъ, а міровоззрѣній. Какъ представители противоположныхъ міровоззрѣній, мы боремся и должны бороться, но наши непримиримыя точки зрѣнія не нами выдуманы, существовали до насъ и, вѣроятно, переживутъ насъ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что съ первыхъ же шаговъ моей партійной дѣятельности я боролся въ нашей партіи со всѣмъ тѣмъ, что обозначается въ настоящее время словомъ: бернштейновщина. И все, что я узналъ, все что пережилъ за четверть вѣка моей партійной дѣятельности, лишь утвердило меня на моей точкѣ зрѣнія. Многое, правда, произошло иначе, чѣмъ я ожидалъ. Путь къ нашимъ идеаламъ оказался и длиннѣе и тернистѣе, чѣмъ рисовался онъ мнѣ при радостномъ освѣщеніи первой юности. Но когда я измѣряю наши пріобрѣтенія не мѣркою своихъ желаній, своей короткой индивидуальной жизни, когда я смотрю глазами историка, а не борющагося индивидуума, взглядъ на истекшую четверть вѣка наполняетъ меня гордой увѣренностью, что за это время мы значительно приблизились къ нашей цѣли.

напримѣръ, его статья во славу биметаллизма. Въ Берлинѣ онъ заразился постепенно воинственнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ во времена исключительнаго закона, и дошелъ до радикализма, граничившаго съ анархизмомъ. Цюрихско-Лондонскій „Соціаль-демократъ“ былъ для него недостаточно радикаленъ. Послѣ паденія исключительнаго закона этотъ радикализмъ началъ постепенно гаснуть, вспыхнувъ въ послѣдній разъ въ 1895 г. въ Бреславлѣ. Нянчанье со всякими реакціонными штуками снова сдѣлалось за послѣднее время его любимымъ занятіемъ.

L'on revient toujours à ses premiers amours.

Тоже своего рода діалектика.

Когда я вступалъ въ партію, она была еще горстью мечтателей, теперь она повсюду является политической силой перваго разряда. Если общій политическій и соціальный прогрессъ не былъ такъ же быстръ, какъ ростъ нашей партіи, если именно за послѣднюю четверть вѣка онъ находился скорѣе въ застоѣ, то причина этого застоя никакъ не въ недостаточномъ развитіи соціальдемократіи, а въ регрессѣ буржуазной демократіи. Эта послѣдняя предоставила намъ справляться со всѣми реакціонными силами, которыхъ не могла побѣдить.

Но именно поэтому настоящее и не можетъ быть временемъ уже установившагося мирнаго развитія, а лишь подготовительнымъ періодомъ къ громадной соціальной и политической борьбѣ.

Дожить до этихъ великихъ, рѣшающихъ битвъ и встрѣтить ихъ способнымъ къ борьбѣ и радостно идущимъ въ бой борцомъ, — таково мое самое горячее желаніе.

К. Каутскій.

Что случилось?

Мнѣ часто вспоминаются теперь слова Желябова на процессѣ 1-го марта: „въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной". . . .

Вчитываясь въ русскую литературу послѣдняго времени, прислушиваясь къ отзвукамъ нашей слабо пульсирующей жизни, я невольно и не разъ уже спрашивалъ себя: неужели прошла и *наша* „юность", юность того теченія, которое такъ недавно и такъ громко выступило на общественной и литературной сценахъ, полное „розовыхъ" надеждъ, глубоко вѣрящее „въ близость блаженства, въ побѣду желаннаго свѣта"? Всего нѣсколько лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ начала *нашего* „хожденія въ народъ"; всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ на литературно-общественномъ горизонтѣ стали вырисовываться фигуры русскихъ марксистовъ. Онѣ вызвали тогда ожесточенныя нападки съ одной стороны, горячую защиту съ другой, но — во всякомъ случаѣ — и друзьями, и недругами новаго направленія чувствовалось, хотя и не всѣми недругами открыто признавалось, что въ атмосферѣ общественной дряблости, унынія и порождаемаго ими холопства появились новые элементы, имѣющіе свой *„символъ вѣры"* и страстно отстаивающіе его. Непривычно свѣжая струя ворвалась въ спертый воздухъ нашей приниженной журналистики, громкій голосъ критики зазвучалъ, какъ рѣзкій диссонансъ, въ литературѣ шепотовъ, тамъ, гдѣ вмѣсто „рабьи"-иносказательнаго, но полнаго протестующаго лиризма языка великаго сатирика слышался лишь жалкій лепетъ его былыхъ сотрудниковъ, по странному недоразумѣнію воображавшихъ себя блюстителями завѣтовъ прошлаго. Всего нѣсколько лѣтъ! . . . и сколько перемѣнъ! и какія удивительныя перемѣны! Что то подтачиваетъ вѣру, что то умѣряетъ порывъ. Наше движеніе — нашъ храмъ! Мы всѣ — по мѣрѣ нашихъ силъ — трудились надъ его созиданіемъ и никому не отдадимъ его безъ боя! И въ этомъ храмѣ завелась какая то зловѣщая трещина, какіе то чужіе люди расположились въ немъ, какъ у себя дома, и передѣлываютъ его на свой ладъ, подъ стать своему обиходу.

Что это такое? Отчего мы опять стоимъ на распутьѣ, колеблющіеся, нерѣшительные, между тѣмъ какъ еще такъ недавно . . . . дорога была ясна, наша поступь тверда и свободна отъ сомнѣній наша мысль? Отчего, скажите, поблекли страницы нашей марксистской литературы, и мы присутствуемъ при странномъ зрѣлищѣ: марксизмъ — эта вольнолюбивая республика слова — сталъ достояніемъ какихъ то мандариновъ науки, и прекрасная, гибкая русская рѣчь превращена въ своего рода „волапюкъ“, на изумленіе „непросвѣщенной черни“? Отчего въ практикѣ нашего движенія хаосъ растетъ съ каждымъ днемъ, а боги нашего олимпа, безстрастно взирая на суету людскую, продолжаютъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало играть въ свои „олимпійскія“ игры и, галантно похваливая другъ друга, распредѣлять между собою призы — въ этомъ царствѣ тѣней и абстракцій? Отчего въ то самое время, пока боги шалятъ на олимпѣ, предаваясь веселому спорту, все чаще и чаще всплываютъ на поверхность нашего общественнаго теченія вновь испеченные Тяпкины-Ляпкины, которые ждутъ — не дождутся новаго Гоголя, чтобы войти въ храмъ безсмертія?

Отчего нынѣ признакомъ хорошаго тона считается дать пинка Карлу Марксу или, по меньшей мѣрѣ, снисходительно потрепать покойника по плечу: неглупый, молъ, человѣкъ былъ для своего времени, и наоборотъ, непристойно отлучить отъ своей церкви Эдуарда Бернштейна?

Отчего какъ разъ въ наши дни, когда широкая волна „алчущихъ и жаждущихъ правды“ „интеллигентовъ“ устремилась въ рабочую массу, мы услышали карканье какихъ то, вѣроятно, „бѣлыхъ“ воронъ, самоувѣренно изрекшихъ хулу всему вороньему роду интеллигенціи? Отчего слово „революціонеръ“ стало чуть не браннымъ словомъ въ устахъ нашихъ молодыхъ дѣятелей „реалистовъ“, а постепеновщина — лозунгомъ ихъ дѣятельности?

Отчего на родимой нашей почвѣ скептицизмъ пресловутаго „реформатора“ марксизма преуспѣлъ какъ нигдѣ, и отчего въ то же время на Руси такъ много замаскированныхъ, и такъ мало явныхъ сторонниковъ этого ученія, точно бернштейніанство — секретная болѣзнь, въ обладаніи которой не принято признаваться громко и откровенно?

Отчего? отчего? много такихъ и подобныхъ имъ вопросовъ накопилось за послѣднее время у всякаго вдумчиваго наблюдателя русской общественной жизни, жгучихъ, мучительныхъ вопросовъ! Не подлежитъ сомнѣнію — мы переживаемъ моментъ серьезнаго кризиса. Вскрыть его

причины, понять его сущность — настоятельная задача публициста.

Въ настоящей статьѣ своей я дѣлаю посильную попытку разобраться въ сложномъ переплетѣ явленій, породившихъ на свѣтъ этотъ кризисъ, и понять разнообразныя диковини новѣйшаго времени, какъ различныя стороны одного и того же процесса. Итакъ, къ дѣлу!

* * *

Русскій марксизмъ, какъ *идейная струйка*, ведетъ свое происхожденіе отъ начала 80-хъ годовъ, отъ замѣчательной дѣятельности Группы Освобожденія Труда, отъ блестящихъ памфлетовъ Плеханова. Русскій марксизмъ, какъ *широкое общественное теченіе*, родился лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ, когда невоспріимчивая дотолѣ почва русской дѣйствительности принесла вдругъ обильную жатву: какъ искра воспламеняетъ порохъ, такъ два-три печатныхъ произведенія зажгли по всему лицу земли русской горячіе, страстные споры и овладѣли умами.

И что примѣчательно: давно уже высказанныя положенія, теперь повторенныя, прозвучали какъ откровеніе свыше, а ненавистные ранѣе марксисты стали вскорѣ героями дня. Это крупнѣйшее явленіе русской общественной жизни не нашло себѣ до сихъ поръ достодолжной оцѣнки, какъ и вообще не нашло себѣ все то, что входитъ въ сферу нашего самопознанія. Русская увлекавшаяся и увлекающаяся марксизмомъ публика и понынѣ не отдала себѣ отчета въ томъ, что же такое *русскій марксизмъ, какъ явленіе нашей общественной жизни*, — гдѣ его корни, кто его носитель?

Что знаменуетъ собою марксизмъ западно-европейскій, это скажетъ вамъ всякій: марксизмъ — идеологія сознательной части пролетаріата, отраженіе его эмансипаціонной борьбы. Ну, а нашъ отечественный марксизмъ кого и что собой представляетъ? Самый смѣлый оптимистъ не рѣшится сказать, не насилуя фактовъ, что и къ русскому марксизму примѣнима обще-европейская характеристика. Нѣтъ, русское рабочее движеніе дѣлаетъ лишь первые и самые трудные шаги, чтобы сбросить съ себя иго стихійности и встать на сознательный путь. Русскіе соціаль-демократы на опытѣ могли убѣдиться, какъ сложенъ процессъ пробужденія къ жизни новаго общественнаго класса и какъ много еще нужно работы, чтобы создалась сколько нибудь замѣтная и вліятельная *интеллигенція* этого класса.

Худо ли это, хорошо ли, но пора признать неоспоримое свидѣтельство послѣдняго пятилѣтія русской жизни: *марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи, такимъ же ея кровнымъ дѣтищемъ, какъ и знаменитое движеніе 70-хъ годовъ.*

Я знаю: весьма многихъ русскихъ марксистовъ покоробитъ это рѣзко выраженное положеніе — оно звучитъ какъ будто еретически, въ немъ можетъ почудиться какая то уступка тѣмъ общественнымъ взглядамъ, на борьбѣ съ которыми выросло и окрѣпло молодое движеніе. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я постараюсь убѣдить читателя, что это совершенно не вѣрно, что именно, только прилагая матеріалистическую точку зрѣнія къ исторіи развитія нашей такъ называемой „радикальной" интеллигенціи и уразумѣвъ ея психологію, какъ производную ея общественнаго положенія, мы въ состояніи будемъ понять и происхожденіе русскаго марксизма, и пережитыя имъ метаморфозы, и тяготѣющій надъ нимъ въ настоящее время кризисъ.

Что и говорить: „интеллигенція" не въ авантажѣ обрѣталась до сихъ поръ у русскихъ марксистовъ — о ней либо совсѣмъ не говорили, либо, когда подвертывалась она бѣдная подъ тяжелую руку критиковъ, учиняли ей, ничто же сумняшеся и памятуя Помяловскаго, „вселенскую смазь". . .

Какъ извѣстно, первою ласточкой наступавшей марксистской весны была книга Петра Струве — „Критическія Замѣтки". Интересное знаменіе своего времени. О чемъ же щебетала эта ласточка? — А щебетала она, между прочимъ, о томъ, что русская „безсословная интеллигенція" не есть „реальная общественная сила", что „интеллигенція en masse не есть нѣчто существующее отдѣльно отъ экономически господствующихъ классовъ", а „кучка идеалистовъ", при всей своей „интеллектуальной мощи", при всемъ своемъ „этическомъ значеніи" (увы! плохое утѣшеніе для этихъ „идеалистовъ"!) есть въ соціологическимъ отношеніи quantité negligeable. Приговоръ кончался словами — „давно пора это громко признать".

Не входя въ настоящую минуту въ разборъ этого нѣсколько двусмысленнаго положенія, не пытаясь проникнуть въ мысль автора, признавшаго одновременно и „интеллектуальную мощь", и „соціологическое" ничтожество „безсословной интеллигенціи", я обращу вниманіе читателя лишь на одно обстоятельство. Авторъ „Критич. Замѣтокъ", говоря о „безсословной", другими словами „радикальной" нашей интеллигенціи, предвосхитилъ свой выводъ, поставивъ знакъ

ровенства между нею и *„кучкой“* идеалистовъ. Конечно, „кучка идеалистовъ“ — „птичка не величка“, и говорить о ней много не приходится. Но дѣло, вѣдь, въ томъ: требуется еще доказать, что наша „безсословная“ интеллигенція 60-хъ и особенно 70-хъ годовъ была не чѣмъ инымъ, какъ такого рода „кучкою“, что, напримѣръ, массовое „хожденіе въ народъ“, въ короткій срокъ какихъ нибудь 2—3 лѣтъ, несмотря на безпримѣрную суровость преслѣдованій, охватившее по словамъ оффиціальнаго документа (записки гр. Палена) районъ въ 37 губерній и до тысячи *зарегистрированныхъ* лицъ, возможно суверенным мановеніемъ руки смахнуть съ вѣсовъ исторіи, какъ нѣчто невѣсомое.

Глубокому броженію цѣлыхъ дѣсятилѣтій, оставившему неизгладимый слѣдъ на всей русской литературѣ и нестираемую печать на психологіи значительныхъ пластовъ нашей современной общественной формаціи, передъ верховнымъ судомъ исторіи нельзя вынести приговоръ — величина соціологически ничтожная. Люди семидесятихъ годовъ погибли, дуэль между „безсословной интеллигенціей“ и русскимъ правительствомъ окончилась не въ пользу интеллигенціи и *не могла* въ ея пользу окончиться. И что же? Оказалось — *вся русская общественная жизнь восьмидесятыхъ и вплоть до половины 90-хъ годовъ находится подъ знакомъ этого пораженія.* Побѣжденный общественный слой — эта бацилла русскаго освобожденія — временно сошелъ со сцены, и . . . . сцена стала представлять собою мерзость запустѣнія. . . . .

Авторъ „Крит. Зам.“ погрѣшилъ передъ русской интеллигенціей, пренебрежительно обозвавъ ее „кучкой идеалистовъ“. Но — думается мнѣ — изъ всѣхъ многочисленныхъ грѣховъ на душѣ этого писателя это грѣхъ наиболѣе легковѣсный, потому что — не индивидуальный. Онъ грѣшенъ имъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, свои первыя впечатлѣнія сознательнаго бытія получившимъ въ эпоху — если позволено будетъ такъ выразиться — междувременья, въ глубокую ночь свирѣпѣющей реакціи, когда послѣдніе лучи заходящей русской революціи, оставивъ въ сознаніи удрученнаго зрителя лишь кровавый отблескъ разгрома, померкли, казалось, навсегда и навѣкъ похоронили съ собою мятущійся духъ русскаго революціонера — разночинца. Утро представлялось безконечно далекимъ, и шевелилась скептическая мысль: да будетъ ли когда либо это утро?

Предъ взоромъ человѣка, вступавшаго въ жизнь съ тяжкимъ бременемъ вольнолюбивыхъ мечтаній, голой степью разстилалась дѣйствительность, сѣрая, нѣмая, безлюдная. Рус-

ская литература, съ опустошенною душой и съ внѣшностью молодящейся старухи, шепелявыми устами бормотала слова, когда то — дорогія, красивыя. Жизнь . . . . кишѣла ренегатами, людьми „безъ догмата“, чистенькими аккуратными джентльменами, промѣнявшими на благополучіе домашняго очага и прелести канцелярій — идеалы далекой юности. Впрочемъ, и „юность“ была такая то странная, и университетскія аудиторіи, видавшія когда то нашествіе неуклюжаго и лохматаго „разночинца“, стали теперь мѣстоприбываніемъ зубрящихъ школьниковъ, безпутныхъ шалопаевъ и ловкихъ карьеристовъ. Проницательный взглядъ умиравшаго Салтыкова и неутомимое перо быстрокрылаго Боборыкина успѣли вскорѣ отмѣтить это новое явленіе, какъ типичный признакъ времени. Куда же исчезъ былой революціонеръ, и придетъ ли кто ему на смѣну? Настанетъ ли опять когда нибудь весна возрожденія для нашей „радикальной“ интеллигенціи, или же, свершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное, она навѣкъ опочила отъ неравной борьбы?

И „кучка идеалистовъ“ — потому что въ то время это была дѣйствительно только „кучка“ — трепетно искала отвѣта повсюду и взоръ ея падалъ на Западъ . . . . А тамъ развертывался грандіозный историческій процессъ, міровая борьба труда съ капиталомъ. Тамъ армія пролетаріата неудержимо росла со дня на день, и мѣрнымъ увѣреннымъ шагомъ двигались ея батальоны. Но гдѣ же интеллигенція? интеллигенція, сражающаяся за народъ и умирающая во имя идеи? — Она стала легендой былого. Съ напряженнымъ вниманіемъ — помнится мнѣ — читали мы всѣ ту книжку Соціаль-Демократа, гдѣ Вѣра Засуличъ толковала о послѣднихъ дняхъ французской и нѣмецкой интеллигенціи стараго типа и объ окончательномъ исчезновеніи ея съ арены европейской исторіи*).

Сама жизнь, казалось, нашептывала этой „кучкѣ идеалистовъ“: довольно „интеллигентнаго самомнѣнія“, звучащаго насмѣшкой надъ дѣйствительностью — въ средѣ эпигоновъ; довольно безплодной возни съ кружками подростающей юности; довольно словъ, за которыми не слѣдуетъ дѣла и либерально-народовольческихъ программъ, никогда не осуществляемыхъ! Ставьте крестъ надъ нынѣшней русской интеллигенціей, этой разновидностью современнаго „буржуазнаго“ общества и идите, кто можетъ, туда, гдѣ чуются *новыя* силы и близится нашъ избавитель!

---

*) См. статью В. И. Засуличъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды“.

Понятно, что вниманіе малочисленныхъ еще „идеалистовъ“ было цѣликомъ поглощено одной свѣтящейся точкой — пробуждающимся пролетаріатомъ. И шли эти „идеалисты“ на манящій огонь, не осматриваясь по сторонамъ, упорно глядя въ эту гипнотизирующую точку. Нѣсколько упрощенный взглядъ на жизнь — огульное отрицаніе или чаще игнорированіе интеллигенціи — въ эту эпоху *пролога движенія* былъ только на пользу: тѣмъ сильнѣе былъ порывъ, тѣмъ дружнѣе работа, тѣмъ меньше „интеллигентныхъ“ соблазновъ, тѣмъ быстрѣе прокладывалось русло для того потока, который вскорѣ и такъ нежданно запѣнился и забурлилъ. А для ядовитыхъ цвѣтовъ современнаго намъ „экономизма“ еще не было подходящей почвы — *ихъ* расцвѣтъ возможенъ былъ только при особыхъ условіяхъ, тогда несложившихся . . . Но . . . прежде чѣмъ двигаться дальше, надлежитъ подойти къ *знаменитому сфинксу русской жизни* — къ *интеллигенціи*. Кто же она — эта всѣмъ извѣстная незнакомка, изъ за которой наши „рыцари духа“ такъ давно ломаютъ свои копья?

* * *

Сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, на зарѣ реформаціонныхъ увлеченій, всколыхнулась провинціальная Русь, забродило въ глухихъ городкахъ, въ убогихъ домишкахъ сельскаго причта, въ тѣсной квартиркѣ мелькаго чиновника. Молодое поколѣніе всякаго *разночиннаго* люда не захотѣло больше жить, какъ дѣды и отцы живали въ старину, и потянулось къ свѣту, на вольный, широкій просторъ, въ громады большихъ городовъ. Много горя оставляло оно дома: невыплаканныхъ слезъ, непонятыхъ обидъ и, порывая съ родимой семьей, шло на встрѣчу житейскимъ невзгодамъ, страстно желая учиться и помочь родному народу. Труденъ былъ путь, и жизнь не дарила участіемъ: сколько юношей, подобныхъ Левитову, этому первому бытописателю городской бѣдноты, пробиралось пѣшкомъ отъ насиженныхъ гнѣздъ въ столичный невѣдомый міръ съ котомками на плечахъ, съ переполненными мечтаній сердцами и . . . съ пустыми карманами. Предстояло учиться и думать о томъ, какъ бы съ голоду не помереть . . . .

Въ большихъ городахъ скоплялась особаго рода *богема*, пестрая, разносоставная, но быстро оближавшаяся *другъ съ другомъ*. Ея тяжкой борьбѣ за жизнь даже вѣчно смѣющійся Николай Успенскій посвятилъ рядъ горькихъ страницъ. Въ студенческихъ кружкахъ, за товарищеской бесѣдой, подъ

несмолкаемый гулъ безконечныхъ споровъ, отливалась новая среда, новый общественный слой. Здѣсь выходецъ изъ соціальныхъ низинъ столкнулся съ культурнымъ баричемъ и, покоряя его своей нравственной силѣ, переработалъ его на свой образецъ. По совершенно вѣрному замѣчанію г. Михайловскаго, въ тѣсной связи съ пришествіемъ разночинца и прибавимъ — какъ результатъ его вліянія, находилось появленіе другого общественнаго элемента — „кающагося дворянина“.*) Мелко- и среднепомѣщичья семья несомнѣнно внесла свою ленту въ движеніе и немало „дѣтей“ ея обоего пола унесъ этотъ бурный потокъ. Конечно, не всякаго дворянина — „радикала“ можно было бы занести въ категорію „кающихся“. Жизнь — сложное явленіе и не укладывается цѣликомъ въ прокрустово ложе какихъ бы то ни было схемъ, а каждая отдѣльная личность стоитъ на перекресткѣ разнообразныхъ вліяній. Но весьма вѣроятно, — съ своей стороны я не рѣшаю вопроса — что къ распространенію извѣстнаго ученія о неоплатномъ долгѣ народу „кающійся“ интеллигентъ дворянскаго происхожденія „руку свою приложилъ“. А разночинцу, какъ справедливо полагаетъ г. Михайловскій, каяться было не въ чемъ. . . . . .

Какъ бы то ни было, „кающійся дворянинъ“ въ концѣ концовъ затерялся въ рядахъ „безсословной интеллигенціи“, и *разночинецъ*, а не кто-либо другой, наложилъ печать своего мощнаго духа на русскій *интеллигентный пролетаріатъ*. *Жизнь* додѣлала остальное и *выковала своеобразную психологію разночинной интеллигенціи*. Невѣдомый дотолѣ психологическій складъ вошелъ въ русскую литературу, новое лицо замелькало на подмосткахъ русской исторической сцены, и съ той самой поры вышеописаннаго пробужденія разночинца ведетъ свое начало упорная, долгая, то замиравшая, то вновь разгоравшаяся борьба съ существующимъ строемъ, которая наполнила собою четыре послѣдующихъ десятилѣтія и послѣдняя разновидность которой есть новѣйшее движеніе русской марксистской интеллигенціи.

Что же это за слой и какова его психологія?

Интеллигентный пролетаріатъ или его русская разновидность — разночинная интеллигенція, — своеобразная формація, *безъ опредѣленныхъ очертаній*, незамѣтными переходами въ цѣломъ рядѣ профессій связанная съ буржуазной интеллигенціей. Далеко не всѣ представители интеллигентнаго труда чувствуютъ себя пролетаріями, обдѣленными дѣтьми совре-

*) См. сочиненія Михайловскаго, изд. 1896 г., т. II, стр. 647.

менной цивилизаціи, и конечно, въ психологическомъ складѣ моднаго врача, съ одной стороны, и скромнаго фельдшера съ другой, найдется немало общихъ связующихъ чертъ.

Интеллигентный пролетаріатъ есть въ то же время слой *неустойчивый*: значительная часть его членовъ неустанно карабкается вверхъ, — стать поближе къ вершинѣ соціальной пирамиды и подальше отъ ея основанія. Вотъ почему, для того чтобы могла создаться своеобразная среда разночинной интеллигенціи съ своимъ міромъ идейныхъ интересовъ и рѣзко выраженными идеалами, со всей своей психологіей и даже особенной внѣшностью (вспомните „нигилистическую“ внѣшность разночинца 60 — 70-хъ годовъ), необходима специфическая комбинація опредѣленныхъ общественныхъ условій. Необходимо, чтобы *подъ вліяніемъ быстро мѣняющагося склада нашей жизни* всякаго рода маленькіе люди ощутили, по выраженію Горькаго, „безпокойство въ своемъ сердцѣ“, а молодое поколѣніе ихъ заметалось въ поискахъ свѣта. Необходимо, чтобы въ переходное время, когда старое рушится, а новое еще не настроилось и нѣтъ никакихъ традицій, гимназіи, университеты и другія мѣста скопленія подростающей молодежи могли стать импровизированными *организаціями безпокойнаго демократическаго люда*, и ежегодно на рынокъ страны выбрасывалась масса интеллигентнаго человѣческаго матеріала, съ великимъ трудомъ или совсѣмъ не находящаго себѣ приложенія. Необходимо, чтобы общественно-политическая жизнь начинала лишь складываться, а городской и сельскій рабочій человѣкъ безмолвствовалъ, либо, зашевелившись, не успѣлъ еще выдвинуть въ достаточномъ количествѣ *своей* интеллигенціи. Необходимо, наконецъ, и это немаловажное условіе, чтобы свинцовою тучей висѣло надъ жизнью безправіе самодержавнаго режима, и подъ его зловѣщимъ дыханіемъ росла солидарность представителей интеллигентнаго труда, *росла гегемонія ихъ лѣваго, самого рѣшительнаго фланга.*

Но и при наличности вышеназванныхъ условій наиболѣе выразительнымъ представителемъ интеллигентно-пролетарскаго слоя, такъ сказать носителемъ par excellence его идеалистическихъ стремленій, является учащаяся или недавно покинувшая школьныя скамьи молодежь — „молодое поколѣніе“.

„Молодое поколѣніе“ подъ перомъ нашихъ либерально-радикальныхъ публицистовъ превратилось въ особаго рода соціальную категорію, вокругъ да около которой очень много похаживаютъ, но которую весьма мало разумѣютъ. А между тымъ понятіе „молодое поколѣніе“ неизбѣжно сопутствуетъ понятію „интеллигенція“ и, весьма характерное для него,

проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя особенности интеллигентнаго слоя. Скопленія учащейся молодежи — наиболѣе подходящія, а иногда и единственныя лабораторіи для выработки коллективнаго сознанія разночинной интеллигенціи. Въ нихъ отдѣльная личность интеллигентно-пролетарскаго слоя впервые чувствуетъ себя частью какого-то однороднаго цѣлаго, съ общими стремленіями и сходной психологіей. Дружная среда не даетъ затеряться одинокому, а товарищескія связи ложатся въ основаніе единства поведенія. Неудивительно, поэтому, что на разстояніи нѣсколькихъ десятилѣтій разночинно-нигилистическая среда 60-хъ годовъ рисуется намъ во образѣ молодого Базарова, юныхъ героевъ романа „Что дѣлать“ или той безымянной дѣвушки, которая бросила букетъ къ позорному столбу Чернышевскаго. Неудивительно и то, что героическіе дѣятели 70-хъ годовъ въ огромномъ большинствѣ — молодежь, только-что только вступавшая въ жизнь и у самого порога ея пытавшаяся по-своему разрѣшить трудную проблему русской жизни. Роль молодежи въ „интеллигентномъ“ движеніи характерный признакъ извѣстной слабости этого движенія, показатель неустойчивости, непрочности психологическаго склада интеллигентнаго пролетарія. Внѣ товарищеской среды, за предѣлами революціонныхъ организацій, въ моменты общественнаго затишья, очень часто слѣдующіе за періодами подъема, разночинная интеллигенція — разсыпанная храмина, съ головой выдающая своего члена „базару житейской суеты“. Интеллигентъ „одиночка“ весьма скоро теряетъ свои краски и на одного разбитаго жизнью инвалида приходятся десятки „поумнѣвшихъ“, успокоившихся „премудрыхъ пискарей“, стыдливо, а то и съ опаской вспоминающихъ „грѣхи“ легкомысленной „молодости“. Неприглядно-суровая дѣйствительность съ трудомъ лишь даетъ развернуться психологическимъ элементамъ интеллигентно-пролетарскаго типа, срѣзая съ этого своеобразнаго растенія всѣ его лучшіе, наиболѣе обѣщающіе побѣги. Къ счастью, европеизирующаяся жизнь выдвинула за послѣднее время новыя силы и спрыснула увядавшій до времени слой „живой водой“ пролетарской стихіи. Растущее рабочее движеніе отразилось въ сознаніи разнообразныхъ общественныхъ группъ и — что особенно важно для насъ — создало точку опоры для психологіи разночинной интеллигенціи.

Но это еще не все.

Кто присматривался къ медленно, но все же идущему на прибыль броженію послѣднихъ лѣтъ русской жизни, къ пробуждающейся провинціи и къ той просвѣтительной работѣ,

которая въ ней производилась „наперекоръ стихіямъ“ полицейскаго государства, конечно, не могъ не замѣтить все болѣе и болѣе пополняющихся рядовъ маленькихъ культурныхъ работниковъ — учителей народныхъ школъ, фельдшеровъ, служащихъ въ земскихъ и иныхъ учрежденіяхъ, тѣхъ пресловутыхъ „третьихъ лицъ“, что нарушили покой самарскаго администратора. Все это — пестрая публика, тяжелая на подъемъ, запуганная, политически еще мало развитая, до поры до времени неподатливая. Но начавшееся въ ней броженіе обѣщаетъ болѣе прочный демократизмъ, чѣмъ демократизмъ вчерашняго студента, а сегодняшняго чиновника. Свободные отъ карьерныхъ перспективъ, закрѣпленные на сравнительно низкомъ соціальномъ уровнѣ, всѣ эти интеллигенты и полуинтеллигенты, какъ растеніе къ свѣту, неизбѣжно въ силу своей психологіи, продиктованной ихъ общественнымъ положеніемъ, потянутся за освободительнымъ движеніемъ пролетарскихъ массъ, только бы на знамени этого движенія явственно для всѣхъ и безъ экивоковъ стоялъ вдохновляющій лозунгъ, достойный мірового историческаго процесса. Русской соціальдемократіи слѣдуетъ имѣть въ виду, что *новая разновидность* разночинной интеллигенціи *немалое пріобрѣтеніе нашего времени*. Надо сумѣть воспользоваться этимъ пріобрѣтеніемъ, надо сумѣть связать разбросанныхъ по градамъ и весямъ земли русской невѣдомыхъ и невидныхъ „интеллигентовъ“, эту въ истинномъ смыслѣ слова „безымянную Русь“, — съ общепролетарскимъ движеніемъ...

Однако... я забѣжалъ впередъ.

Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ „грѣховныхъ“ особенностяхъ „разночинная интеллигенція“ сказала *свое слово* въ русской исторіи, и звенитъ оно среди сумеречной обстановки обывательскаго существованія вотъ уже пятый десятокъ лѣтъ — призывнымъ, будящимъ звономъ. Къ этому „слову“ прислушиваются — одни съ ненавистью, другіе — съ любовью, но никто — равнодушно. Жизнь сообщила ему — остроту и напоила своимъ ядомъ. Оно жжетъ и мучитъ сердца и манитъ къ себѣ, какъ пѣснь Лорелеи.

А между тѣмъ, это — простое, несложное „слово“! Оно просто, какъ просты вообще основные мотивы классовой или групповой психологіи; два-три взаимнокомбинирующихся элемента создаютъ ту психологическую канву, по которой различныя идеологіи вышиваютъ свои прихотливые узоры. Какой узоръ вышьется, — опредѣлится въ каждомъ данномъ случаѣ сложнымъ переплетомъ разнородныхъ общественныхъ вліяній. Извѣстная группа идей можетъ быть занесена изъ дру-

гой страны, заимствована у иного общественнаго класса. Но сколько бы ни было извилинъ на томъ пути, которому слѣдуетъ „идеологія“, пока не осядетъ, наконецъ, въ данномъ общественномъ слоѣ, разъ осѣвъ, она начинаетъ процессъ своего приспособленія къ психологіи этого слоя. Можно выставить какъ общее положеніе, что слой или классъ, воспринявшій ученіе, которое сформировалось внѣ сферы его вліянія, непремѣнно преобразуетъ его по своему образу и подобію. То, что зовется обыкновенно общественнымъ характеромъ ученія, его цвѣтъ, окраска дается именно психологическимъ содержаніемъ его общественнаго носителя. Только нащупавъ психологическую основу идейнаго „повѣтрія“, возможно оцѣнить его смыслъ и значеніе...

Если оглянуться на истекшія сорокъ лѣтъ въ жизни русской интеллигенціи, то представится, на первый взглядъ, только пестрый калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ идейныхъ воздѣйствій. И, быть можетъ, сорвется съ языка что-то вродѣ упрека, а въ памяти всплыветъ образъ некрасовскаго „современнаго героя“, которому ... „что книга послѣдняя скажетъ, то... на душу сверху и ляжетъ“. Такъ, нѣчто подобное должны были за послѣдніе годы чувствовать многіе и притомъ самые искренніе могикане стараго народничества, видя какъ падаютъ съ шумомъ и трескомъ, при первомъ же натискѣ новомодныхъ идей, старые боги русской интеллигенціи. La donna e mobile! интеллигенція перемѣнчива въ своихъ привязанностяхъ и готова сегодня сдавать въ архивъ забвенія то, что вчера еще вѣнчала цвѣтами!..

Но... я надѣюсь показать, что подобнаго рода упреки справедливы лишь въ очень условномъ смыслѣ или даже совсѣмъ несправедливы: въ нашемъ идейномъ калейдоскопѣ есть своего рода *закономѣрность*, есть то, что можно бы назвать *центральной идеей*. Эта „идея“ дана — *разночинно-интеллигентской психологіей*.

Читатель знаетъ, конечно, слова поэта — „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“.

Можно сказать — разночинецъ принесъ въ міръ нашихъ общественныхъ отношеній свое сердце, исполненное страстной, чисто пролетарской ненависти, и пронесъ эту ненависть, какъ свѣточъ, черезъ цѣлыя десятилѣтія упорной борьбы, поражавшей весь міръ своимъ героизмомъ.

Что ненавидѣлъ онъ?

Онъ ненавидѣлъ ту атмосферу, гдѣ человѣку нельзя сознавать себя человѣкомъ, а только — вѣрноподданнымъ, гдѣ каждое свободное слово конфискуется, какъ контрабанда, а

обладатель его — получаетъ почетное въ нашемъ отечествѣ званіе — государственнаго преступника. Онъ былъ съ головы до пятъ *демократъ*, и свой демократическій духъ протеста влилъ въ русскую литературу, внесъ въ русскую жизнь.

Чернышевскій и Добролюбовъ въ эпоху реформъ уже не были одиноки, какъ былъ одинокъ ихъ геніальный предшественникъ, предтеча разночинно-интеллигентскаго движенія, "неистовый Виссаріонъ" — Бѣлинскій. У нихъ была своя обширная аудиторія: „нигилистъ"-шестидесятникъ чутко прислушивался къ слову, раздававшемуся со страницъ „Современника", къ тому „свисту", который такъ непріятно поражалъ умѣренныхъ людей всѣхъ видовъ и оттѣнковъ. Разночинецъ создалъ бодрую, смѣлую литературу, энергично отстаивавшую свое право на существованіе, и конечно, не думалъ, не гадалъ что настанутъ времена, когда недостойные преемники великихъ отцовъ, цѣпляясь за истерзанноезнамя былого, станутъ волочить его въ грязи компромиссовъ, а вмѣсто удалаго посвиста затянутъ не то Лазаря, не то пѣсню Еремушки.

Онъ зналъ, что ему дѣлать, когда все возрастающій гнетъ сковалъ по рукамъ и по ногамъ нашу легальную литературу, и цензурный шлагбаумъ отрѣзалъ его идеи отъ свѣта публичности. Онъ скрылся въ рѣшительный моментъ въ непривѣтливомъ люкѣ „подполья" и унесъ въ свое подпольное царство добрую долю того энтузіазма, которымъ когда-то зажигала своихъ слушателей литературная проповѣдь Современника. *Русская подъяремная журналистика понесла тогда свой первый, жестокій уронъ...*

Разночинецъ былъ послѣдовательнымъ демократомъ не только въ литературѣ, *но и въ жизни*. Говорятъ — „одинъ въ полѣ не воинъ". Разночинецъ зналъ эту народную мудрость, но волею судебъ и по прихоти русской исторіи сталъ лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ строемъ — безъ союзниковъ, и голосъ его возвышался одиноко среди общаго безмолвія. Неудивительно, что съ первыхъ же шаговъ его историческаго существованія ведетъ свое начало та потрясающая драма, кульминаціонный пунктъ которой пережила Россія двадцать лѣтъ тому назадъ, а развязка — еще завѣшена пологомъ будущаго...

Но разночинецъ принесъ въ нашу общественную жизнь не только демократическій духъ свой, а и свой *революціонный инстинктъ*.

Онъ пришелъ не какъ желанный гость, готовый сѣсть за одинъ столъ съ хозяиномъ, а какъ чуждый пришелецъ во вражій станъ, который *надо* разрушить. Разрушить — дабы

исполнить! Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust — писалъ когда-то Бакунинъ. Разночинецъ отвергалъ старый міръ съ его вѣковѣчной неправдой, міръ слугъ и господъ, міръ, покупающій трудъ человѣка и продажный до мозга костей. Отвергалъ... и изъ отрицанія вырастало утвержденіе, на обломкахъ настоящаго созидалась церковь будущаго, виднѣлась обѣтованная земля, грезилось осуществленіе всемірнаго счастья!

Что за утопіи! — скажетъ иной здравомысленный юноша изъ породы современныхъ „реалистовъ". У насъ вообще вошло теперь въ моду смотрѣть съ высоты своего „научнаго" величія на дѣятельность прошлаго, вести историческое лѣтоисчисленіе съ появленія на свѣтъ первой марксистской легальной книжки и обнаруживать... поразительное невѣжество во всемъ, что касается нашихъ предшественниковъ.

Конечно, разночинецъ временъ „бури и натиска" былъ утопистъ и во многомъ ошибался. Онъ отстаивалъ негодныя теоріи и плохо разбирался въ окружавшей его дѣйствительности. Конечно, любой современный школьникъ, прочитавшій пару книгъ, можетъ смѣло тыкать пальцемъ на „промахи незрѣлой мысли" и очевидныя „увлеченія" семидесятника. И все же... школьникъ останется школьникомъ, а старый разночинецъ — недосягаемымъ образцомъ, до котораго, какъ до звѣзды небесной, далеко ученымъ мудрецамъ нашего времени.

У стараго разночинца былъ надежный соціальный компасъ, выводившій его на путь-дорогу изъ непролазной чащи теоретическихъ блужденій. Онъ могъ быть неисправимымъ утопистомъ и съ безплодной вѣрой взирать на среду, надъ которой витало лишь одно тупое оскудѣніе. Но *непосредственное революціонное чувство* не дозволяло ему рядиться въ костюмъ маркиза Позы, даже сшитый по послѣдней модѣ, и ждать отъ современныхъ ему „данайцевъ" чего либо, кромѣ посахареннаго яда. Оно не давало ему „сводить счетовъ безъ хозяина" и участвовать въ постройкѣ соціальнаго зданія, разъ завѣдомо былъ извѣстно, что планъ строительства находится въ вражьихъ рукахъ. Враждебно чуждый самимъ основамъ существующаго общежитія онъ былъ въ массѣ случаевъ безконечно большій реалистъ, чѣмъ многіе и многіе изъ такъ называемыхъ практиковъ. Его литературная лира не издавала фальшивыхъ звуковъ, и читателямъ-единомышленникамъ не приходилось краснѣть за неожиданныя какофоніи писателя-друга. Онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ массами и на нихъ покоились его мечты и желанія. А достопочтенное русское „общество", столь излюбленное нашими

эпигонами, не служило предметомъ его воздыханій: онъ помнилъ завѣты апокалипсиса и не терпѣлъ тепловатыхъ людей, эту специфическую плѣсень отсталыхъ общественныхъ формацій . . .

Разночинецъ былъ революціонеръ — сказалъ я, но долженъ при этомъ оговориться. Слово „революціонеръ“ захватано руками полицейскихъ толковниковъ, и съ ихъ благосклоннаго почина весьма часто употребляется въ особомъ смыслѣ какого то „вспышкопускательства“. Между тѣмъ — это совершенно невѣрно: мирные пропагандисты 1873 года такіе же революціонеры, какъ и народовольцы конца того же десятилѣтія. Они шли въ народъ съ евангеліемъ отрицанія и смотрѣли на общественную дѣятельность подъ угломъ „соціальной революціи“, другими словами — подъ угломъ „конечной цѣли“. Въ этомъ и только въ этомъ заключается достаточное основаніе для произведенія въ чинъ революціоннаго гражданства.

Итакъ: *разночинная интеллигенція — демократична, разночинная интеллигенція — революціонна.* Въ комбинаціи этихъ двухъ чертъ — залогъ возможнаго сближенія интеллигенціи съ пробуждающимися пролетарскими массами. Но для того чтобы понять всю ту смѣну идей, которую пережила наша интеллигенція, надо принять во вниманіе еще одинъ элементъ ея психологіи, быть можетъ наиболѣе характерный для этого общественнаго слоя.

Появившись на исторической сценѣ, разночинецъ весьма скоро *почувствовалъ коренное противорѣчіе своего общественнаго существованія:* его непосредственное чувство диктовало ему грандіозные планы соціальнаго переустройства, и тоже чувство говорило, что онъ — палецъ отъ ноги общественнаго организма. *Сознаніе несоотвѣтствія силъ громадности подлежащей работы не покидало разночинца во всѣ перипетіи его недолгой, но богатой событіями исторіи.*

Что же дѣлать? какъ быть съ этимъ страшнымъ сознаніемъ, чѣмъ заполнить ту пропасть, которая отдѣляетъ міръ безбрежныхъ мечтаній отъ міра куцой дѣйствительности?

Разночинцу во что бы то ни стало нуженъ былъ выходъ изъ этого психологическаго тупика, и онъ нашелъ его въ своемъ *культѣ народныхъ массъ.* Народныя массы — вотъ палладіумъ революціонера, вотъ тотъ могучій Атласъ, который подыметъ на свои плечи непомѣрное бремя задачи . . . Съ первыхъ же шаговъ своей общественной-литературной карьеры разночинецъ начинаетъ конструировать „прирожденную революціонность“ народа.

Въ народѣ дремлютъ громадныя силы, этихъ силъ нѣтъ въ „развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что нибудь дѣльное“ — писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ Добролюбовъ. Въ народъ не проникъ еще лучъ просвѣщенія, но . . . „не одно скромное ученье подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ фактовъ, никогда пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительные, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести“.*)

И въ другомъ мѣстѣ: существуетъ „постоянно напряженное, неспокойное, недовольное положеніе массъ, даже безропотно, повидимому, подчинившихся наложенному на нихъ закону рабства. Въ исторіи всѣхъ обществъ, гдѣ существовало рабство, вы видите родъ спиральной пружинки: пока она придавлена — держится неподвижно, но чуть давленіе ослаблено или снято — она немедленно выскакиваетъ кверху“**). . . . . .

Добролюбовъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ развертывалась народная „спираль“ въ Италіи, какъ подавленныя массы, ко всеобщему изумленію, сбрасывали иго неаполитанскихъ Бурбоновъ. Казалось: „непостижимая странность“***) могла произойти не въ одномъ благословенномъ Неаполѣ, но и въ нашемъ любезномъ отечествѣ. . . Статьи замѣчательнаго критика одно изъ *первыхъ* проявленій разночинно-интеллигентскаго культа народа.

Но что такое „народъ“ въ сознаніи разночинца, вступавшаго на историческія подмостки? Народъ это — масса того крестьянства, съ котораго только что спали путы крѣпост-

---

*) См. сочиненія Добролюбова, изд. третье, т. IV, ст. „Народное Дѣло“, стр. 63 и 64.

**) Соч. Добролюбова, т. III, ст. „Черты для характеристики русскаго простонародья“, стр. 390.

***) Такъ озаглавлена одна изъ статей Добролюбова, посвященныхъ итальянскимъ дѣламъ.

ного состоянія. Народъ это — сермяжное море, среди котораго затеряны жалкіе островки городской культуры. Въ условіяхъ *того времени* было естественно вѣрѣ въ массы, въ соціальные низы вообще, принять, конкретизируясь, форму вѣры въ русскаго крестьянина, въ міръ общинной, артельной Россіи.

И разночинецъ употреблялъ всѣ силы своего ума, чтобы найти въ нашей печальной дѣйствительности элементы болѣе счастливаго будущаго и изъ русскаго мужика, мірского человѣка, сострапять былиннаго Илью Муромца, который, просидѣвъ сиднемъ „тридцать лѣтъ и три года“, вотъ-вотъ начнетъ свои спасительные подвиги. Но нашъ богатырь продолжалъ себѣ сидѣть и не морщиться, пока скашивались погибавшіе во имя ея лучшіе представители интеллигенціи. Подлинный народъ оказался не тѣмъ, какимъ рисовало его пылкое воображеніе идеалиста; міръ, община, артель — безсильными формами, и даже толки о „черномъ передѣлѣ“ — безрезультатными.

Хожденіе въ народъ было сплошной неудачею, но разочарованіе не сразу овладѣло сознаніемъ семидесятника: онъ хватался за обрывки старой вѣры съ упорствомъ утопающаго, онъ чувствовалъ, что подъ развалинами погибавшихъ иллюзій хоронится — онъ самъ со всѣми своими идеалами. А порывъ былъ великъ, революціонная энергія била ключемъ и требовала себѣ приложенія! Le vin est ouvert, il faut le boire — чего бы это ни стоило! Одинъ на одинъ, безъ союзниковъ, даже безъ секундантовъ, разночинецъ ринулся въ послѣдній смертный бой съ самодержавіемъ . . . . и изошелъ кровью! Такъ поѣздъ безъ тормаза несется впередъ, пока не изсякнетъ энергія или не разобьется онъ въ дребезги . . . . .

Изъ механизма разночинной психологіи выпалъ одинъ только винтикъ — и весь механизмъ пошелъ на смарку. . .

Для разночинца, какъ общественнаго слоя, извѣстное представленіе о народѣ есть conditio sine qua non его собственнаго существованія. *Нѣтъ вѣры въ массы*, значитъ — нѣтъ возможности проявить свою разночинную личность, нѣтъ историческаго оправданія своего всеотрицающаго духа. Съ исчезновеніемъ вѣры неизбѣжно потухала революціонность и съ ними вмѣстѣ увядалъ демократизмъ.

Какъ историческій дѣятель, разночинецъ пересталъ существовать, и въ полѣ зрѣнія наблюдателя остались лишь немногіе „обломки разбитаго корабля“, да пестрая армія всяческихъ дезертировъ . . . Начинались проклятой памяти восьмидесятые годы . . . .

Восьмидесятые годы представляютъ огромный общественно-психологическій интересъ, и я рекомендую ихъ особенному вниманію моихъ единомышленниковъ.

Подъ прикрытіемъ надвигавшейся ночи реакціи, на могилѣ скончавшагося былого, совершалась своеобразная тризна — эскамотировалась идеологія разночинца. Революціонное народничество смѣнялось народничествомъ либеральнымъ; красный „радикалъ“ подмѣнивался безцвѣтнымъ „прогрессистомъ“; въ литературѣ и жизни происходилъ нелишенный пикантности маскарадъ: посторонніе люди завладѣли гардеробомъ покойника и одѣлись въ него, при благосклонномъ содѣйствіи иныхъ архиваріусовъ прошлаго . . .

Почему же произошло, почему могло произойти это идей-переодѣванье? — А вотъ почему. Разночинецъ былъ демократъ, сказалъ я, и притомъ единственный демократъ, достойный этого названія. Его грандіозная борьба съ самодержавнымъ противникомъ, отодвинувъ на задній планъ его соціалистическія перспективы — со дня до день къ тому же тускнѣвшія, — дала ему возможность стать скрытымъ камертономъ нашей оппозиціи. Его открыто поносили, страха ради іудейска отъ него открещивались, но втайнѣ сочувствовали . . и многіе межеумки нашей „интеллигенціи“ пламенѣли къ нему. . . платонической страстью. Сфера вліянія его, какъ своего рода концентрирующаго начала, стала простираться далеко за предѣлы разночинной интеллигенціи, и мало по малу подготавливалась почва для дальнѣйшей ассимиляціи инородныхъ элементовъ. Эти элементы, какъ водится, не только усваивались, но и усваивали, и съ тѣмъ большею легкостью переваривали частички идейнаго продукта разночинно-интеллигентской среды, *что самая среда эта потеряла свою психологическую спайку и шла на встрѣчу собственному разложенію.*

Разночинецъ — демократъ. Но, вѣдь, и они, эти люди подхватывавшіе „наслѣдство“ изъ рукъ умиравшаго прошлаго, — демократы: обожаютъ свободу и подъ сурдинку готовы ругать предержащую власть. Разночинецъ — революціонеръ, но . . . не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ — революціонное отрицаніе, за спиною котораго не стоятъ массы, готовыя къ дѣйствію, не болѣе какъ Самсонъ, остриженный подъ гребенку Далилой, — воздушные замки, праздничныя мечты хорошаго человѣка. Разночинецъ тяготѣетъ къ народу . . . И *они* любятъ народъ, обездоленнаго крестьянина и готовы цѣлыми сотнями печь проекты народолюбивыхъ реформъ: вѣдь безъ посредства широкихъ массъ населенія не добиться, пожалуй, и самой плохенькой конституціи.

Психологическіе запросы праваго крыла нашей интеллигенціи и вообще тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ формировался нашъ мягкотѣлый либерализмъ, начали находить удовлетвореніе въ идеологическихъ формахъ стараго разночинца, разумѣется — тщательно исправленныхъ и дополненныхъ сообразно духу новой общественной формаціи. Процессъ перерожденія старой идеологіи подготавливался годами, но завершился и могъ завершиться онъ только въ то время, когда поле нашей общественной жизни было окончательно очищено отъ славныхъ борцовъ, а остатки разгромленнаго слоя пошли въ Каноссу тихой и скромной — обще-либеральной оппозиціи. Вѣтеръ реакціи сдулъ въ одну кучу разнородные элементы или вѣрнѣе — элементы съ разнороднымъ прошлымъ, и подготовилъ тѣхъ рыцарей печальнаго образа, съ которыми въ 90-хъ годахъ пришлось столкнуться русскому марксизму. Казалось: одно дыханіе смерти вѣетъ надъ этимъ кладбищемъ человѣческаго духа и призываетъ къ дѣятельности лишь паразитовъ разложенія. . . .

Но то было не такъ.

Жизнь вырабатывала въ своихъ нѣдрахъ животворныя начала; огромный стихійный процессъ, полный мукъ и болѣзней, измѣнялъ мало по малу всю общественную структуру Россіи, создавая новыя группировки и дѣйствуя на сознаніе людей. Городской рабочій человѣкъ шевелился все больше и больше, все яснѣе становилась безпокойная физіономія новаго гражданина русской земли и очевиднѣе та роль, которую призванъ играть этотъ „отрѣзанный ломоть“ долготерпѣливой деревни.

И въ то же самое время — заживали старыя раны, молодая поросль всходила на обагренной нивѣ, подрастало новое поколѣніе разночинца-интеллигента, и снова билась, какъ пойманная птица въ тенетахъ, безпомощная мысль нашей интеллигенціи надъ стародавнимъ вопросомъ — что ей дѣлать. Жизнь, немилостивая мачиха, сжалилась, наконецъ, надъ своимъ пасынкомъ и свела его лицомъ къ лицу съ новымъ пришельцомъ нашей дѣйствительности — съ русскимъ пролетаріемъ.

Я знаю, мнѣ скажутъ: и встарину революціонеръ водилъ знакомства съ городскимъ рабочимъ человѣкомъ, и чуть не всѣ сколько нибудь значительныя организаціи поработали въ этой средѣ.*)

*) Такъ, напримѣръ: кружокъ Чайковцевъ начала 70-хъ годовъ, позже общество „Земля и Воля“, еще позже — народовольцы.

Все это такъ, но все это не мѣняетъ выставленнаго мною положенія.

Лозунгъ стараго разночинца былъ: въ народъ, въ крестьянскую массу — *тамъ* нервъ нашей общественности, *тамъ* залогъ нашего освобожденія. Городской рабочій людъ — этотъ крохотный заливъ великаго крестьянскаго моря — не болѣе какъ передаточная инстанція, воспріимчивый ученикъ, способный разнести сѣмена соціалистическаго ученія въ самую глубь деревенской Россіи. Онъ — ничто, какъ самостоятельный агентъ; онъ — такое же незначительное колесо нашей общественной машины, какъ и сама разночинная интеллигенція. Естественно, поэтому, что съ паденіемъ вѣры въ крестьянина, не было силы которая бы могла задержать процессъ разложенія разночинной психологіи. Да и теперь, много лѣтъ спустя, нелегко было преемнику стараго разночинца избавиться отъ гипноза прежнихъ воззрѣній.

Нужно было пережить голодную эпопею начала 90-хъ годовъ и съ горечью убѣдиться, какъ безропотно умираетъ наша деревенщина. Нужно было испытать на дѣлѣ безсиліе старыхъ программъ и все несоотвѣтствіе новѣйшаго прожектерства революціонному духу прошлаго. Нужно было ощутить все растущее обаяніе западно-европейской соціаль-демократіи и понять ея міровое значеніе, — чтобы, наконецъ, измученная мысль и истерзанное сердце интеллигентнаго пролетарія пошли на встрѣчу современному герою русской исторіи и нашли успокоеніе въ новомъ евангеліи.

„Симъ побѣдиши“ — *здѣсь* бьется пульсъ нашего времени, *здѣсь* вербуется грядущая армія. Насъ немного сегодня, завтра будутъ тысячи, а позже — тьмы тысячъ. И если мы погибнемъ, мы знаемъ, изъ костей нашихъ возстанетъ мститель и завершитъ недодѣланное. Стихійный процессъ порукой тому, и никакія силы разгнѣваннаго самодержавія не смогутъ остановить его поступательнаго хода.

Въ молодыхъ сердцахъ загоралась старая вѣра, пробуждался революціонный духъ, *психологія былого разночинца праздновала свое возрожденіе* и смѣло-задорно вступала въ нашу общественную жизнь, прорывая цензурныя плотины и расталкивая публику, дремавшую подъ мѣрное журчанье „прогрессивныхъ“ рѣчей и ошеломленную давно невиданнымъ зрѣлищемъ. Широкой волной разливалось возбужденіе въ столичныхъ кружкахъ молодежи, за ними тянулась провинція и звучали повсюду мудреныя слова: экономика, идеологія, базисъ, надстройка, дифференціація, капитализмъ — вызывая насмѣшки умудренныхъ жизнью скептиковъ и непритворное

изумленіе стороннихъ людей, непосвященныхъ въ скрытый смыслъ этихъ „жупеловъ“. А между тѣмъ, въ это абстрактное одѣяніе закутанъ былъ гамлетовскій вопросъ — быть или не быть разночинцу. Революціонно настроенный интеллигентъ все болѣе и болѣе чувствовалъ — именно чувствовалъ, что только въ дальнѣйшемъ европеизированіи Россіи залогъ возможнаго проявленія его революціоннаго духа и осуществленія его соціалистическихъ надеждъ. Оставалось — это требованіе непосредственнаго чувства реализировать въ формахъ сознанія; и дѣйствительно — въ сознаніи интеллигента произошелъ колоссальной важности переворотъ: какъ прежде онъ употреблялъ всѣ силы своего ума на доказательство особыхъ путей нашего отечественнаго развитія, такъ теперь — со всею страстью неофита отстаивалъ противоположный тезисъ. Теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что стихійный экономическій процессъ ведетъ его прямикомъ къ идеалу, онъ сталъ съ жаромъ отстаивать „экономику“ и распинаться за „матеріализмъ“. При такихъ общественно-психологическихъ предпосылкахъ дѣйствіе на умы марксистской литературы было неотразимо и уже конечно не дряблымъ „прогрессистамъ“ и народникамъ было впору тягаться съ новымъ теченіемъ.

Русскій легальный марксизмъ удачно выполнилъ свою историческую задачу: онъ очистилъ умы отъ пережитковъ устарѣлаго прошлаго, съ успѣхомъ доказалъ развитіе капитализма въ Россіи, популяризировалъ идеи такъ называемаго „экономическаго матеріализма“, указалъ на освободительную роль пролетаріата и растущаго городского уклада. На этомъ кончалась его миссія: онъ свершилъ въ предѣлахъ цензурныхъ все возможное и большаго — не могъ совершить. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen!..

Но *онъ*... не ушелъ, а комфортабельно усѣлся въ журнальныхъ креслахъ, прежній изгой превратился въ излюбленнаго человѣка либеральныхъ редакцій, травленный волкъ сталъ львомъ литературныхъ салоновъ!

Какъ въ сказкахъ по манію жезла кудесника, въ литературѣ и въ жизни начали совершаться волшебныя метаморфозы. Либеральный народникъ и народничествующій прогрессистъ точно сгинули, и многоголовая, разномастная толпа разнообразнѣйшаго люда запѣла „осанна“ марксизму, этому общественному ученію, такъ недавно ими же осмѣянному, оплеванному, гонимому.

Что случилось? За что полюбили нашу красавицу всѣ эти заигрывающіе поклонники? — Увы! — въ жизни нашей интеллигенціи это старая, но вѣчно юная исторія. Съ марк-

сизмомъ приключилось то же, что когда-то произошло — въ нѣсколько иной исторической обстановкѣ — со старымъ революціоннымъ народничествомъ.

При оцѣнкѣ нашихъ „интеллигентныхъ“ теченій слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду особенности положенія интеллигенціи въ группировкѣ общественныхъ элементовъ и вытекающія отсюда послѣдствія. Интеллигенція пролетарскаго типа неуловимыми переходами сливается съ интеллигенціей буржуазно окрашенной, съ интеллигенціей, пустившей корни въ почву нашей общественности. Ихъ *сближаетъ* общая доля подневольнаго существованія, неудовлетворенность элементарнѣйшихъ демократическихъ стремленій. Ихъ сближаетъ — и это важно отмѣтить — сознаніе собственной слабости и необходимости опереться на массы. Если лѣвый флангъ интеллигенціи тяготѣетъ къ массамъ во имя широкихъ соціалистическихъ перспективъ, то правый — во имя ближайшихъ конституціонныхъ требованій. Но уже одна необходимость искать точку опоры въ общественныхъ низахъ наводитъ лакъ соціалистическихъ симпатій не на одну только „лѣвую“, а и на всю нашу интеллигенцію до праваго фланга включительно. Восьмидесятые годы представляютъ для насъ глубокій интересъ именно потому, что въ эту эпоху безотрадной реакціи „правая“ окончательно утвердилась въ печальномъ сознаніи своей слабости и съ этого момента ведетъ свое начало процессъ окрашиванія въ розово-соціалистическій цвѣтъ широкихъ слоевъ либеральной интеллигенціи; какъ я уже выше говорилъ, идеологическія формы она заимствовала у разночинца и приспособила ихъ для собственныхъ надобностей. Революціонность, отрицательное отношеніе къ основамъ современной общественности — вотъ что *отдѣляетъ* лѣвый флангъ нашей интеллигенціи отъ праваго и проводитъ демаркаціонную линію: по одну сторону — соціалисты-революціонеры, по другую — демократы, съ соціализмомъ кокетничающіе... Справедливость требуетъ признать: наша демократія значительно выросла за послѣдніе два десятка лѣтъ и впечатлѣнія голодной годины осѣли уже въ поколѣніи, политически болѣе развитомъ и болѣе дѣеспособномъ, чѣмъ поколѣніе народничествующихъ либераловъ-восьмидесятниковъ. Широкое „культурное“ теченіе, охватившее послѣ 91-го и 92-го годовъ значительную часть столичной и провинціальной интеллигенціи, было уже тѣмъ серьезнымъ и по истинѣ „отраднымъ“ явленіемъ, на которомъ отдыхалъ растерянный взглядъ истомленнаго зрителя. Огромный запасъ общественной энергіи тратился на борьбу за „просвѣтительныя“ цѣли, и въ самыхъ заброшен-

ныхъ уголкахъ нашей родины котломъ кипѣла мелкая, невидная, но полная жизненнаго смысла работа.

Необходимо занести въ активъ „культурничества“, что оно подняло „новь“, которой не касался еще плугъ общественнаго сознанія, и дало начатки политическаго воспитанія той массѣ культурныхъ работниковъ, которая шла подъ его знаменемъ. Просвѣщеніе народа, просвѣщеніе массъ — былъ первый и послѣдній параграфъ его неписанной *политической* программы. Черезъ приготовительный классъ культурничества прошло немало интеллигентныхъ пролетаріевъ и не одинъ энтузіастъ-революціонеръ добромъ вспомянетъ свое „просвѣтительное“ прошлое.

Культурничество росло и ширилось, и постепенно проникало въ русскую журналистику. Оно создало литературу, болѣе или менѣе приноровленную къ потребностямъ „маленькаго человѣка“, новаго читателя русской земли. Оно выработало особый типъ періодическихъ органовъ, оно стало вдохновителемъ цѣлаго ряда издательскихъ фирмъ. И по мѣрѣ того, какъ оно росло, оно сбрасывало, хотя и нерѣшительно, народническіе привѣски къ своей программѣ, и вниманіе его все сильнѣе и сильнѣе привлекалось населеніемъ крупныхъ общественныхъ центровъ, тѣми ищущими свѣта пролетаріями, фигуры которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ мелькали то здѣсь, то тамъ на страницахъ русской литературы.

А въ то самое время какъ фокусъ общественнаго вниманія культурниковъ медленно, но неуклонно перемѣщался изъ деревни въ городъ, на авансценѣ русской литературы завязывался приснопамятный, теперь отошедшій уже въ исторію, турниръ марксистовъ съ такъ называемыми народниками.

Часть молодого поколѣнія русской демократіи быстро капитулировала передъ новымъ ученіемъ, большая часть заняла выжидательную, отчасти враждебную позицію. Однако, жизнь поспѣшила краснорѣчиво отвѣтить на самые жгучіе вопросы, поднятые въ этомъ историческомъ спорѣ, и знаменитая петербургская стачка 1896 года сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать цѣлые фоліанты полемики. Не подлежало болѣе сомнѣнію: русское рабочее движеніе стало виднымъ, вліятельнымъ факторомъ нашей общественной жизни, и ближайшій результатъ этого событія былъ тотъ, что бѣдныхъ народниковъ какъ не бывало — ихъ вымело, точно помеломъ, изъ среды нашей демократіи. Произошло нѣчто въ высокой степени знаменательное: старая идеологическая форма окончательно рухнула, подмытая рѣкою вѣчно текущей исторіи, исчезло одно изъ важнѣйшихъ звеньевъ въ сознаніи широкихъ слоевъ нашей

интеллигенціи, и марксизмъ безпрепятственно ворвался въ это сознаніе, замѣняя старое новымъ, сообразно измѣнившимся условіямъ времени. Онъ являлся эмблемой освободительныхъ вѣяній, олицетвореніемъ молодого, послѣдовательнаго радикализма, онъ входилъ въ ореолъ западно-европейской соціаль-демократіи, ведущей безпощадную борьбу съ остатками абсолютистскаго режима, онъ становился упованіемъ всей передовой части русскаго „общества".

Скромный „культурникъ" начала 90-хъ годовъ съ его тогда еще неразвитой программой валомъ повалилъ въ эту новую Мекку русскаго либерализма, и къ сравнительно небогатой коллекціи русскихъ общественныхъ типовъ прибавился новый: *появился* — да простится мнѣ сіе слово — *марксистообразный*. Марксистообразный либералъ или демократъ былъ первый и очень важный трофей только что одержанной идейной побѣды, яркій симптомъ концентрирующей силы новаго ученія. Марксисту-разночинцу, марксисту-революціонеру на первыхъ порахъ оставалось только радоваться: во имя ближайшихъ освободительныхъ цѣлей начали собираться подъ пролетарское революціонное знамя всѣ искреннія демократическія элементы страны, становилась — казалось — возможной, конкретно осуществимой въ недалекомъ будущемъ насущная историческая задача русской соціаль-демократіи.*)

На дѣлѣ, однако, вышло не такъ: у розы — свои шипы, у концентраціи — свои опасности; и опасности тѣмъ болѣе серьезныя, чѣмъ больше возможности ослабленія концентрирующаго элемента насчетъ концентрируемыхъ. А о томъ, чтобы эта возможность могла превратиться въ дѣйствительность, постаралась позаботиться русская государственная машина.

Разночинная интеллигенція спѣшила справить „именины своего сердца" — воскресеніе былыхъ надеждъ, она устремилась въ рабочую массу и въ растущемъ рабочемъ движеніи нашла исходъ своей психологіи. И въ то самое время, какъ наша „крайняя лѣвая" принимала на свою грудь все учащающіеся удары полицейскаго аппарата, населяла „казенныя квартиры" и предпринимала колонизацію сѣверныхъ и восточныхъ пустырей нашего обширнаго отечества, по-марксистски глаголющая демократія цвѣла, множилась и становилась без-

*) Мимоходомъ замѣчу, что еще въ 1896 году г. П. Инородцевъ въ статьѣ своей „Die Arbeiterbewegung in Russland" (въ „Soziale Praxis") отмѣтилъ существованіе въ средѣ русскихъ марксистовъ изряднаго количества „переодѣтыхъ либераловъ". Я не знаю, зачислилъ ли онъ *тогда* въ эту категорію почтеннѣйшаго П. Струве, но — надо полагать — *теперь* онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь ни мгновенія.

численной, аки песокъ морской. Ея психологія, безусловно враждебная тому, что называется революціоннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, видящая въ этомъ отношеніи давно пройденную ступень обветшалаго утопизма, незамѣтно вкрадчиво подбиралась къ пролетарскому евангелію и робко нащупывала тѣ его стороны, чрезъ которыя легче могло бы проскользнуть въ него новое общественное содержаніе. Предстояла нелегкая задача — справиться со старымъ грѣховодникомъ и влить въ жилы буйному дѣтищу свободы и пролетарской ненависти овечью кровь постепеновца.

Эта деликатная операція въ концѣ концовъ увѣнчалась успѣхомъ при своеобразномъ стеченіи благопріятствующихъ ей обстоятельствъ. Но на первыхъ порахъ зданіе революціоннаго марксизма стояло крѣпко, правда, неотдѣланное, недостроенное, но на прочномъ, незыблемомъ основаніи. Оно было чудно-красиво въ своей стройности, въ своей гармонической цѣльности, точно прекрасное скульптурное произведеніе, вышедшее изъ подъ рѣзца геніальнаго художника. Эта цѣльность или въ переводѣ на „критическій“ языкъ — эта догматичность была первой помѣхой на пути „перестройки“: ее нужно было устранить во что бы то ни стало. Недаромъ такой умный выразитель либерально-демократическихъ тенденцій въ марксизмѣ, какъ Петръ Струве, началъ свою литературную карьеру съ того, что объявилъ себя — неортодоксальнымъ. Нѣтъ надобности оставаться вѣрнымъ *духу* ученія великаго писателя, можно съ легкимъ сердцемъ заняться его исправленіемъ и — подъ благовиднымъ предлогомъ свободы критики — къ торсу Венеры Милосской приставить голову смѣющагося Фавна. . .

Но первый ударъ прошелъ мимо: литературный дебютъ Струве имѣлъ огромный успѣхъ совсѣмъ другими своими сторонами, его „ересь“ получила сейчасъ же достодолжный отпоръ, а самъ авторъ подъ давленіемъ нашей „экстремы“ сдѣлалъ первый изъ поворотовъ своего зигзагообразнаго развитія. Удобный моментъ для торжества демократической психологіи еще не наступалъ, да и много было другой, настоятельно нужной и связующей оба крыла нашей интеллигенціи работы: борьба съ народничествомъ была еще въ самомъ разгарѣ, а въ литературѣ началъ вскорѣ производиться первый и до сихъ поръ единственный успѣшный опытъ веденія русскаго марксистскаго журнала.

Однако, ce qui est ajourné, n'est point perdu — что отложено, не потеряно. Прошло немного лѣтъ, легальный марксизмъ изжилъ свое содержаніе, борьба съ народничествомъ

стала поростать быльемъ забвенія. „Просвѣтительный“ періодъ близился къ концу, на очередь становился вопросъ о ближайшихъ задачахъ, *о необходимости намѣтить основныя формы общественной дѣятельности*. Рабочее движеніе, ставъ крупной величиной, начало предъявлять болѣе сложныя требованія къ русской соціаль-демократіи. Чтобы не потеряться въ лабиринтѣ повседневныхъ запросовъ, въ пестрой сутолокѣ вѣчно мѣняющихся „мелочей жизни“, нужна была руководящая нить, нужна была программа, нужна была своего рода „критика практическаго разума“, публицистическая выучка для тѣхъ, кто собирался вступить и вступалъ на тернистый путь соціаль-демократической работы.

Пережившая себя легальная марксистская литература конечно безмолвствовала въ отвѣтъ на эти требованія жизни. Сдавленная цензурными тисками, причесанная, тихая, она усердно занималась старыми перепѣвами, семейно-литературной перепиской о рынкахъ и другими, столь же животрепещущими вопросами. Къ удивленію прежнихъ ея цѣнителей, она получила даже вкусъ къ раффинированной музѣ самоновѣйшаго искусства и къ своеобразной „морали“ недавно скончавшагося философа. Въ извѣстныхъ, неслишкомъ большихъ дозахъ марксизмъ сталъ неизбѣжной приправой, чѣмъ то вродѣ горчицы или перца, къ литературнымъ блюдамъ искусныхъ журнальныхъ и газетныхъ поваровъ, а небольшая вначалѣ дружина марксистовъ-писателей разрослась до размѣровъ цѣлаго полчища марксистообразныхъ. Словомъ, говоря языкомъ коммерсантовъ, акціи марксизма котировались еще высоко на биржѣ русской литературы въ то самое время, когда политическая цѣнность его съ неудержимой быстротой приближалась къ нулю.

На лицо были несомнѣнные признаки: легальный марксизмъ, переставъ отвѣчать на жизненные запросы „крайней лѣвой“, все болѣе и болѣе приспособлялся къ психологическому складу либеральной демократіи, постепенно переходя въ ея монопольное владѣніе. Но это перерожденіе русскаго марксизма совершалось такъ исподоволь, такъ осторожно, что долгое время оптимисты могли утѣшать себя надеждой, что причина всѣхъ бѣдъ — такъ называемыя „независящія обстоятельства“. Перерожденіе марксизма должно было получить теоретическую санкцію для того, чтобы стало возможнымъ переубѣдить этихъ прекраснодушныхъ людей.

Бернштейновское пронунціаменто принесло, наконецъ, разрѣшающее слово для русской демократіи: оно дало ей то, чего жаждала либеральная душа, изстрадавшаяся въ рево-

люціонной оболочкѣ — оно дало оправданіе ея либеральнопостепеновскимъ тенденціямъ, оно указывало путь ея „рабочелюбивымъ“ стремленіямъ. *Рабочелюбіе* — вотъ формула практической дѣятельности, призванная смѣнить устарѣвшее „народолюбіе“ либераловъ-народниковъ. Программа еще не сложилась, но она придетъ въ свое время, и элементы этой будущей программы ясны: въ нее войдетъ неизбѣжной составной частью былое „просвѣтительство“, въ ней будетъ играть первую скрипку „экономическая организація“ пролетаріата, „общества потребителей“, „кассы взаимопомощи“ и прочія хорошія вещи расположатся на вакантныхъ мѣстахъ, оставшихся отъ вышедшихъ изъ моды кустарныхъ и артельныхъ начинаній незаслуженно изруганныхъ народниковъ. Хлопотали народники, похлопочутъ и марксисты, наша демократія вообще большая хлопотунья, любитъ „хозяйственныя“ заботы и только почему-то, какъ евангельская Марѳа, не терпитъ „безсмысленныхъ мечтаній“ — „конечной цѣли“.

Въ получившемъ довольно обширную извѣстность произведеніи, извѣстномъ подъ именемъ „credo“, въ высшей степени рельефно и точно очерчены основныя пожеланія демократіи; его авторъ съ достойной вниманія смѣлостью выговорилъ то, чего *до сихъ поръ* не рѣшается сказать, просто и безъ ужимокъ, большинство нашихъ марксистообразныхъ писателей. Наша литература блудлива какъ кошка и труслива какъ заяцъ, и въ рѣшительный моментъ, когда ее призываютъ къ отвѣту и спрашиваютъ, что сдѣлала она съ ввѣреннымъ ей сокровищемъ, она, какъ Каинъ говоритъ — я не сторожъ сокровищу, и торопится устроить себѣ alibi на литературномъ олимпѣ, далекомъ отъ водоворота житейскихъ страстей, холодномъ, безстрастномъ.

Чего боится наша марксистообразная демократія? Она боится разночинца, она боится слагающейся соціаль-демократической партіи, она боится того момента, когда русскій соціаль-демократъ, *стряхнувъ съ себя иго демократическаго плѣненія*, отплатитъ ей сторицей за поруганное революціонное чувство и пересчитаетъ ея прегрѣшенія . . . .

И пора бы кажется современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи. Посмотрите: она не умѣетъ быть даже демократичной, она не научилась бороться за свободу, она никогда не способна будетъ стать во главѣ освободительнаго движенія. Но за то она сумѣла растлить цѣлое поколѣніе разночинной интеллигенціи, вливъ въ него ядъ „экономизма“.

У насъ давно уже нѣтъ свободнаго печатнаго станка, на которомъ марксистская интеллигенція могла бы получить свое политическое воспитаніе. Съ тѣхъ поръ какъ пересталъ выходить женевскій Соціаль-демократъ, у насъ есть — немногія исключенія не въ счетъ — печатныя хроники революціонной борьбы, да популярныя брошюры для рабочихъ.

Ищущая общественнаго знанія молодежь начиняется трактатами о цѣнности, о рынкахъ, о лимитаціи, мотиваціи и прочихъ высокомудрыхъ матеріяхъ, но у нея нѣтъ въ рукахъ даже азбуки политическаго знанія, она всецѣло предоставлена своему общественному инстинкту. Не зная, какъ подступиться къ сложному рисунку нашей общественной жизни, она бредетъ въ потьмахъ и спотыкается, и готова въ минуту жизни трудную — а такихъ минутъ много бываетъ въ жизни русскаго революціонера — продать за чечевичную похлебку преходящихъ интересовъ права первородства своихъ идеаловъ — задачи движенія въ его цѣломъ . . . .

Но..современная разночинная интеллигенція и ея блужданія — слишкомъ обширная тема, чтобы касаться ея мимоходомъ. Я посвящу ей особую статью, а пока въ заключеніе замѣчу: я желалъ бы моему поколѣнію хоть сотую долю того революціоннаго размаха, которымъ когда то обезсмертилъ себя семидесятникъ; я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайтесь своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи.*

Старовѣръ.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Nachdem eine Sache zur Klarheit gediehen ist, finden sich immer gewisse Gegner, die sogleich beflissen sind, unter dem Scheine der Neuheit die Sache wieder zu verdunkeln und unklar zu machen. Ich bin dieser Art von Gegnern und Gegenreden häufig begegnet. Kuno Fischer.

Ces messieurs font tous du Marxisme, mais de la sorte que vous avez connu en France, il y a dix ans, et dont Marx disait: tout ce que je sais, c'est que je ne suis pas marxiste, moi! Et probablement, il dirait de ces messieurs ce que Heine disait de ses imitateurs: „J'ai semé des dragons et j'ai récolté des puces".
Изъ письма Энгельса къ П. Лафаргу отъ 27 окт. 1890 г.

Г. П. Струве давно уже упражняется въ „критикѣ" Маркса. Но до недавняго времени его „критическія" упражненія не отличались систематичностью: онъ ограничивался, по большей части, или краткими, горделивыми заявленіями о томъ, что онъ, г. П. Струве, не зараженъ „ортодоксіей" и состоитъ „подъ знакомъ критики", или лаконическими замѣчаніями на ту тему, что вотъ въ такомъ-то и такомъ-то вопросѣ „ортодоксальные" послѣдователи Маркса ошибаются, а правду говорятъ „критическіе" марксисты. Но краткія замѣчанія и лаконическія заявленія почти ровно ничего не разъясняли относительно того, въ чемъ именно коренятся заблужденія „ортодоксальныхъ" марксистовъ, и чѣмъ именно доказывается правота г. г. „критиковъ". По этому поводу можно было лишь строить догадки. Самою вѣроятною изъ нихъ представлялась та, что Марксъ и его „ортодоксальные" послѣдователи заблуждались потому, что не были осѣнены благодатью такъ называемой критической философіи, вносящей яркій свѣтъ въ міросозерцаніе г. П. Струве и его „критическихъ" единомышленниковъ. Но хотя эта догадка и была очень вѣроятна, читатель все-таки имѣлъ слишкомъ мало данныхъ для ея провѣрки. Теперь въ нашемъ распоряженіи находятся эти

необходимыя данныя, и мы можемъ, поэтому, въ свою очередь подвергнуть критикѣ нашего „критика“.

Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы хотимъ разобрать „критическій опытъ“, опубликованный г. П. Струве въ Archiv'ѣ Брауна подъ заглавіемъ „Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung“*) и напечатанную въ той же книгѣ Archiv'a рецензію его на извѣстную книгу Э. Бернштейна: „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie“ и на не менѣе извѣстный отвѣтъ Бернштейну Каутскаго: „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“. Этотъ критическій опытъ и эта не менѣе критическая рецензія очень хорошо характеризуютъ какъ пріемы, такъ и образъ мыслей нашего автора.

Г. П. Струве замѣчаетъ, что онъ въ своемъ опытѣ имѣетъ въ виду не матеріалистическое пониманіе исторіи во всей его полнотѣ, а „только его спеціальное примѣненіе къ развитію отъ капитализма къ соціализму“. Но если его „критика“ непосредственно направляется только *на одну часть* Марксовой теоріи соціальнаго развитія, то попутно она затрогиваетъ *всю* эту теорію вообще и даже нѣкоторыя ея философскія посылки. Такимъ образомъ она даетъ вполнѣ достаточный матеріалъ для нашей *критики критика*. Послушаемъ же г. Струве.

По его словамъ, разбираемая имъ часть теоріи Маркса имѣетъ троякое основаніе: 1) ученіе о развитіи производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ или, другими словами, „теорію обобществленія и концентраціи производства и теорію производительной анархіи въ капиталистическомъ обществѣ“, 2) ученіе объ ухудшеніи положенія низшихъ классовъ общества или „теорію обнищанія и теорію экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ крупными“; наконецъ, 3) ученіе о революціонной роли пролетаріата, т. е. „теорію соціалистической миссіи пролетаріата, создаваемаго развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія“.

Поясняя эту послѣднюю теорію, г. П. Струве прибавляетъ: „пролетаріатъ подвергается обнищанію, но достигаетъ въ то же время такой соціальной и политической зрѣлости, которая дѣлаетъ его способнымъ свергнуть капиталистическую систему путемъ активной борьбы классовъ и замѣнить ее соціалистической системой“.

Что же думаетъ нашъ критикъ объ этомъ троякомъ основаніи Марксовой теоріи?

---

*) Brauns Archiv, XIV. Band, 5. und 6. Heft.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, вѣрно ли опредѣлилъ Марксъ *относительное* значеніе каждой изъ указываемыхъ имъ тенденцій, г. П. Струве признаетъ, что эти тенденціи дѣйствительно существовали въ капиталистическомъ обществѣ первой половины девятнадцатаго вѣка: теорія обнищанія являлась простымъ констатированіемъ дѣйствительности; развитіе производительныхъ силъ било въ глаза; революціонные порывы пролетаріата, — начиная стихійными вспышками и кончая коммунистическимъ движеніемъ, — были вопросами дня. Но по мнѣнію нашего критика, Марксъ сильно ошибался, утверждая, что указанныя имъ тенденціи вели *къ соціализму*. Это его утвержденіе не имѣло никакой реальной основы и было простой *утопіей*.*) Торжество соціализма оставалось совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока обнищаніе народныхъ массъ было неоспоримымъ фактомъ. Обнищаніе рабочихъ несовмѣстимо съ такою зрѣлостью этого класса, которая сдѣлала бы его способнымъ совершить соціалистическій переворотъ. Поэтому фактическое положеніе дѣлъ не оставляло въ сороковыхъ годахъ никакого мѣста для чуждаго утопій соціальнаго оптимизма: если бы капитализму дѣйствительно предстояло потерпѣть крушеніе, то некому было бы взяться за возведеніе на его развалинахъ зданія соціализма. И если Марксъ былъ, тѣмъ не менѣе, совершенно чуждъ всякаго пессимизма, то это объясняется именно неосновательностью его соціально-политическаго міросозерцанія. „*Настоятельная психологическая потребность доказать историческую необходимость экономическаго порядка, основаннаго на коллективизмѣ*, — говоритъ г. П. Струве, — *вынудила въ сороковыхъ годахъ соціалиста Маркса вывести* (deduziren) *соціализмъ изъ болѣе чѣмъ недостаточныхъ посылокъ*“.**)

Впослѣдствіи Марксъ существенно измѣнилъ, — по мнѣнію г. П. Струве, — свой пессимистическій взглядъ на положеніе рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ, но все-таки не отказался отъ него цѣликомъ и вполнѣ сознательно. Вопіющее противорѣчіе между обнищаніемъ рабочаго класса съ одной стороны и развитіемъ общества въ направленіи къ соціализму — съ другой осталось для него незамѣтнымъ. „Это реальное противорѣчіе даже пріобрѣтало въ его глазахъ законный видъ, представляясь ему діалектическимъ противорѣчіемъ, стремящимся къ своему разрѣшенію“.***) Въ виду этой странной психологической аберраціи неудивительно, что

*) Курсивъ нашъ.

**) Archiv, XIV. Band, 5. und 6. Heft. S. 662. Курсивъ нашъ.

***) Тамъ же, стр. 663—64.

г. П. Струве увидѣлъ себя вынужденнымъ обратить свое вниманіе на „ученіе о развитіи посредствомъ роста противорѣчій“ (durch Steigerung der Widersprüche) и подвергнуть это ученіе внимательному разбору.

II.

Нашъ критикъ „беретъ“ два, находящіяся во взаимномъ антагонизмѣ явленія: A и B, и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ.

Если ростъ противорѣчія дѣйствительно имѣетъ здѣсь мѣсто, то развитіе противорѣчащихъ одинъ другому моментовъ выразится такою формулей:

Формула I, которую г-нъ П. Струве называетъ формулой противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	4 B
5 A	5 B
6 A	6 B
...	...
n A	n B

Каждое изъ двухъ явленій A и B растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ (Häufung des Gleichartigen); одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія надъ слабѣйшимъ: n A уничтожаетъ n B.

Но, — по замѣчанію г. П. Струве, — мы можемъ представить себѣ, что въ соціальной дѣйствительности существуютъ противорѣчія совсѣмъ другого рода, выражаемыя совсѣмъ иною формулой.

Формула II, которую мы предлагаемъ назвать формулой притупленнаго противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	2 B
5 A	B
6 A	0 B *)

Въ каждомъ изъ случаевъ, выражаемыхъ этими двумя формулами, между A и B есть *взаимодѣйствіе*. Но между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ ростъ *A* неизмѣнно обусло-

*) У г. П. Струве въ подлинникѣ стоитъ не нуль B, а „kein B“. Читатель понимаетъ, что это — одно и тоже.

вливаетъ собою также ростъ *B*, т. е. слѣдовательно и *обостреніе противорѣчія* между этими двумя явленіями, во второмъ — дѣйствіе постоянно растущаго *A* только сначала вызываетъ увеличеніе коеффиціента *B*, а затѣмъ, *перейдя извѣстный предѣлъ*, ведетъ уже къ его уменьшенію, а значитъ и къ *ослабленію* указаннаго *противорѣчія*. Такимъ образомъ противорѣчіе постепенно разрѣшается здѣсь посредствомъ *притупленія* (durch Abstumpfung*).

Г. П. Струве объявляетъ „баснословной“ ту мысль, что „соціальное развитіе въ своихъ рѣшительныхъ поворотахъ совершается исключительно по первой формулѣ“. Но кѣмъ и когда была высказана эта „догма“? У г. П. Струве выходитъ, будто за нее держатся всѣ „ортодоксальные“ марксисты. Это совсѣмъ не вѣрно. Мы думаемъ, что врядъ-ли кто изъ серьезныхъ послѣдователей Маркса согласится признать правильной „первую формулу“ г. П. Струве. А не признавая правильности той или другой формулы, нельзя, конечно, и утверждать, что именно („исключительно“) по этой формулѣ совершается историческое движеніе. Г. П. Струве слишкомъ поторопился наградить „баснословной догмой“ своихъ „ортодоксальныхъ“ противниковъ.

Ниже, въ предпослѣдней главѣ этой статьи, мы подробно разберемъ первую формулу г. П. Струве и покажемъ ея ошибочность. Теперь же мы приглашаемъ читателя обратить вниманіе на вторую его формулу.

Она должна выражать взаимодѣйствіе между *A* и *B*. Но взаимодѣйствіе предполагаетъ какъ дѣйствіе A на B, такъ и обратное дѣйствіе B на A. Г. П. Струве не говоритъ, въ чемъ заключается это послѣднее; онъ ограничивается тѣмъ, что опредѣляетъ дѣйствіе *A* на *B*. Мы узнали изъ самой формулы и изъ сопровождающихъ ее объясненій, что вплоть до извѣстнаго предѣла возрастаніе *A* обусловливаетъ собою также и *ростъ B*, а потомъ, *за этимъ предѣломъ*, ведетъ напротивъ, къ *уменьшенію B*. Что же это означаетъ? Это означаетъ то, что указанный предѣлъ является пунктомъ, перейдя который, *дѣйствіе A на B превращается въ прямую свою противоположность*. Вторая формула г. П. Струве можетъ, поэтому, служить недурнымъ, такъ сказать, алгебраическимъ примѣромъ того *перехода количественныхъ измѣненій въ качественныя*, который на каждомъ шагу встрѣчается и въ природѣ, и въ общественной жизни, и который тѣмъ не менѣе относится нашими „критиками“ (изъ лагеря „теорети-

*) Слово — Abstumpfung поставлено во вносные знаки самимъ г. П. Струве.

ковъ познанія“) къ числу „баснословныхъ догмъ“, выдуманныхъ Гегелемъ и взятыхъ на вѣру Марксомъ и его „ортодоксальными“ учениками.

Пригласивъ читателя запомнить этотъ примѣръ, который очень пригодится намъ впослѣдствіи, мы идемъ далѣе.

Нашъ критикъ замѣчаетъ, что разсмотрѣніе „формулы противорѣчія“ пріобрѣтаетъ особенный интересъ при сопоставленіи ея съ основной идеей матеріалистическаго объясненія исторіи. Это справедливо по многимъ причинамъ и между прочимъ потому, что, будучи сдѣлано г. П. Струве, указанное сопоставленіе показываетъ намъ, правильно-ли понимаетъ онъ критикуемаго имъ писателя.

Сопоставленіе это начинается у г. П. Струве цитатой изъ такъ часто цитируемаго и, вѣроятно, всѣмъ уже извѣстнаго теперь предисловія къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ Маркса. „Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни. . . На извѣстной ступени своего развитія матерьяльныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства или, — говоря юридическимъ языкомъ, — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ до тѣхъ поръ совершалось ихъ развитіе. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ тормазы этого развитія. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка.*) . . . Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ тѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточный просторъ, и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія.“

Сдѣлавъ эту цитату, г. П. Струве принимается ее комментировать. „Здѣсь ясно выражена, — говоритъ онъ, — идея постоянной *приспособленности* (Angepasstsein**) права и политическихъ учрежденій къ хозяйству, какъ *нормальной формы ихъ сосуществованія*.***) Несоотвѣтствіе правовыхъ отношеній

*) Здѣсь г. П. Струве поясняетъ въ скобкахъ, что надстройку составляютъ правовыя и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія.

**) Курсивъ г. П. Струве.

***) Курсивъ г. П. Струве.

зяйственнымъ есть противорѣчіе. Имъ вынуждается приспособленіе права къ хозяйству. У Маркса кореннымъ противорѣчіемъ выставляется противорѣчіе производительныхъ силъ отношеніямъ производства (имущественнымъ отношеніямъ). Приспособленіе отношеній производства къ производительнымъ силамъ составляетъ содержаніе соціальной революціи. Во всемъ этомъ изложеніи есть у Маркса та неясность, что съ одной стороны матерьяльныя производительныя силы, а съ другой отношенія производства, — которыя представляютъ собою не что иное, какъ абстрактную совокупность конкретныхъ хозяйственныхъ или, выражаясь юридически, правовыхъ отношеній, — являются своего рода самостоятельными сущностями или „вещами“. Только благодаря этой неясности можно говорить о противорѣчіи или о приспособленіи всѣхъ, цѣликомъ (en bloc) взятыхъ производительныхъ силъ всѣмъ цѣликомъ взятымъ правовымъ отношеніямъ и представлять себѣ соціальную революцію, какъ коллизію, (все равно: длящуюся одинъ моментъ, или болѣе или менѣе продолжительвремя) между этими двумя сущностями. Ясно, что общественное развитіе можетъ быть разсматриваемо, какъ длящійся процессъ разнообразныхъ коллизій и приспособленій. Марксъ, повидимому, признавалъ правильнымъ оба способа пониманія соціальной революціи, не замѣчая ихъ несовмѣстимости. Что касается въ частности соціалистической революціи, то Марксъ представлялъ ее себѣ, какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, неизбѣжно завершающееся рѣшительнымъ событіемъ или соціальной революціей, собственно такъ называемой. Такимъ образомъ въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ отношенія или, если угодно, противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Марксъ разсматривалъ хозяйство какъ причину, а право, какъ слѣдствіе“.*)

Этотъ комментарій отличается, какъ мы увидимъ, чрезвычайнымъ богатствомъ теоретическаго содержанія. Мы отмѣтимъ въ немъ на первый разъ слѣдующіе два пункта. По мнѣнію г. П. Струве, Марксъ

1. Считалъ *кореннымъ* то противорѣчіе, которое неизбѣжно возникаетъ въ прогрессирующемъ обществѣ между производительными силами съ одной стороны, имущественными отношеніями — съ другой;

2. Представлялъ себѣ соціальную революцію какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, вслѣдствіе чего все вра-

*) Ibid. S. 666—667.

щается въ его теоріи вокругъ отношенія между правомъ и хозяйствомъ.

Справедливо ли это мнѣніе г. П. Струве? Другими словами, вѣрно ли понялъ и правильно ли изложилъ онъ теорію Маркса?

Что касается перваго пункта, то онъ безусловно правъ: противорѣчію между производительными силами общества и его имущественными отношеніями дѣйствительно всегда принадлежало центральное мѣсто въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія. Въ подтвержденіе этого, а вѣрнѣе сказать — для лучшаго уясненія читателю мысли Маркса, — мы кромѣ цитированнаго г. П. Струве предисловія къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie", укажемъ на слѣдующее мѣсто изъ „*Манифеста коммунистической партіи*".

„Мы видѣли, стало быть, что средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ феодальныя имущественныя отношенія оказались не соотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпями. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровернуты. Мѣсто ихъ заняла свободная конкурренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи."

Дѣло, какъ видите, совершенно ясно: соціальная революція, означавшая паденіе *феодальнаго* и торжество *буржуазнаго* хозяйственнаго порядка, представлялась Марксу и изображалась имъ какъ *столкновеніе* (или противорѣчіе) *между производительными силами, выросшими въ нѣдрахъ феодальнаго общества, и свойственными этому обществу имущественными отношеніями или — что тоже — феодальной организаціей земледѣлія и промышленности.* А если вы захотите хорошо выяснить себѣ, какъ представлялась Марксу и какъ изображалось имъ та соціальная революція, которой онъ самъ служилъ всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣмъ своимъ помышленіемъ и которая приведетъ къ замѣнѣ *буржуазнаго* хозяйственнаго порядка *соціалистическимъ*, то прочтите вотъ эту страницу.

„Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и об-

мѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ тѣхъ имущественныхъ отношеній, которыя являются условіями жизни для буржуазіи и для ея господства. . . .

„Находящіяся въ то (буржуазнаго общества Г. П.) распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній, напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими для того, чтобы вмѣстить созданное ими богатство".*) Устраненіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и составляетъ историческую революціонную миссію пролетаріата. Пролетаріатъ ведетъ съ буржуазіей непрестанную гражданскую войну, которая, — все болѣе и болѣе расширяясь по своему объему и по своему содержанію, — превращается наконецъ, „въ открытую революцію и кладетъ основаніе господству пролетаріата насильственнымъ низверженіемъ буржуазіи".

Если бы кто нибудь захотѣлъ прослѣдить эту основную мысль Марксовой теоріи соціальнаго развитія въ другихъ его сочиненіяхъ, то мы указали бы ему на 146 страницу въ женевскомъ изданіи русскаго перевода *„Нищеты Философіи"* и на 420—421 страницы второй части третьяго тома „Капитала".**)

И такъ, никакое сомнѣніе невозможно: въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ *противорѣчія между производительными силами общества и его имущественными отношеніями*. Но если это вполнѣ ясно и совершенно несомнѣнно, то спрашивается, на какомъ же основаніи г. П. Струве утверждаетъ (см. выше, пунктъ второй), что Марксъ представлялъ себѣ соціальную революцію какъ могучее *столкновеніе между хозяйствомъ и правомъ?* Развѣ это второе столкновеніе тождественно по своему смыслу съ первымъ? Развѣ противорѣчіе *производительныхъ силъ* об-

*) Тамъ же, стр. 8—9.

**) Мы потому указываемъ на нѣмецкій подлинникъ, что русскій переводъ его сдѣланъ неудовлетворительно. Указываемое нами мѣсто занимаетъ 733 страницу русскаго изданія третьяго тома.

щества его *имущественнымъ отношеніямъ* имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и противорѣчіе между *хозяйствомъ и правомъ?*

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣющій для насъ *„коренную“ важность*, необходимо прежде всего выяснить себѣ, какое *понятіе* связывается у нашего критика со *словомъ: хозяйство.* А это можно сдѣлать, разумѣется, не иначе, какъ на основаніи его же, разбираемаго здѣсь „критическаго опыта“.

Анализируя взглядъ Штаммлера на отношеніе права къ хозяйству, г. П. Струве говоритъ, между прочимъ, слѣдующее. „Къ сожалѣнію, понятіе хозяйства (хозяйственнаго порядка, отношеній производства) совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы отмѣчаемъ какъ „хозяйственный“ элементъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ явленіяхъ. *Хозяйство есть, напримѣръ, капиталистическій хозяйственный порядокъ.*“)

Нѣсколькими строками ниже мы встрѣчаемся съ афоризмомъ, гласящимъ, что *„въ хозяйствѣ уже заключается право* и vice versa (in der Wirthschaft ist das Recht und vice versa enthalten)“.**) Наконецъ, еще черезъ нѣсколько строкъ мы наталкиваемся на такое разсужденіе: „то обстоятельство, что у меня нѣтъ хлѣба . . . не составляетъ никакого правового отношенія между мною и моими согражданами . . . и пусть не возражаютъ мнѣ, что при другомъ общественномъ устройствѣ цѣлесообразное правовое регулированіе устранило бы феноменъ безработицы. Это показываетъ только, что этотъ экономическій феноменъ зависитъ отъ даннаго *хозяйственнаго или, иначе, правового порядка*, взятаго во всей его совокупности“ и т. д.***)

Изъ этихъ объясненій видно, что слово: *хозяйство* имѣетъ у нашего критика тотъ же самый смыслъ, что и терминъ: *хозяйственный* (напримѣръ, капиталистическій) *порядокъ* или терминъ: *производственныя отношенія.* Но мы уже знаемъ, что производственныя отношенія — или хозяйственный порядокъ или экономическая структура, — на юридическомъ языкѣ называются *имущественными отношеніями.* На это указываетъ и самъ Марксъ, о теоріи котораго идетъ рѣчь въ настоящее время, и г. П. Струве, подвергающій эту теорію своему разбору.†) Очень хорошо. Замѣтимъ это и спросимъ

*) Ibid. S. 668, курсивъ нашъ.

**) Ibid. S. 669, курсивъ опять нашъ.

***) Ibid. S. 669—670, курсивъ нашъ.

†) Для большей точности выразимся такъ: по Марксу, *извѣстная часть* производственныхъ отношеній составляетъ то, что юристъ назвалъ бы

себя: какой же видъ принимаетъ Марксова теорія соціальнаго развитія въ изложеніи его критика? А на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: *въ изложеніи г. П. Струве выходитъ, что въ этой теоріи все вращается вокругъ противорѣчія между имущественными отношеніями даннаго общества и его правомъ*. А это, будучи выражено другими словами, означаетъ, что, по Марксу, сущность современнаго, такъ называемаго соціальнаго вопроса заключается въ противорѣчіи между имущественными отношеніями, напримѣръ, нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil. А если вы захотите выразить эту мысль еще иначе, то вы можете сказать такъ: противорѣчіе между имущественными отношеніями нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil составляетъ „das Fortleitende“, т. е. то противорѣчіе, которое ведетъ эту страну впередъ и приближаетъ ее къ соціалистическому перевороту. Это совершенно логично и неизбѣжно выходитъ изъ словъ г. П. Струве и вмѣстѣ съ тѣмъ это представляетъ собою такую удивительную, такую неудобосказуемую, короче — такую *„баснословную“ догму*, что если бы „критическій опытъ“ г. П. Струве засталъ Маркса въ живыхъ, и если бы авторъ „Капитала“ далъ себѣ трудъ ознакомиться съ содержаніемъ этого опыта, то ему оставалось бы только развести въ недоумѣніи руками и воскликнуть, нѣсколько измѣняя слова героя въ Некрасовской поэмѣ *„Судъ“*:

Я въ дѣлѣ собственномъ моемъ,
Конечно, не судья; но въ томъ,
Что критикъ мой сказалъ,
Своей я мысли не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилась бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючій — и притомъ
На половину съ дурманомъ.

III.

И пусть снисходительный читатель не думаетъ, что мы ловимъ г. критика на случайныхъ опискахъ. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Указанный нами чудовищный промахъ повторяется чуть не на каждой страницѣ „опыта“ и составляетъ тотъ логическій центръ, вокругъ котораго *„вращается“ почти все содержаніе* придуманной г. П. Струве *„критики“* революціоннаго марк-

---

имущественными отношеніями. Ниже мы увидимъ, почему это названіе неприменимо ко всей совокупности производственныхъ отношеній.

сизма.*) Вотъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ цитированнаго нами комментарія, г. П. Струве категорически заявляетъ: „революція, устраняющая противорѣчіе, во всякомъ случаѣ логически необходима для Марксовой теоріи постоянно усиливающагося противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ".**) Эти слова показываютъ, что г. П. Струве не только „упорствуетъ" въ своемъ непостижимомъ заблужденіи, но и кладетъ его въ основу своей „критики": онъ собирается оспаривать необходимость революціи, устраняющей противорѣчіе, указаніемъ на то, что между правомъ и хозяйствомъ (т. е. имущественными отношеніями, экономической структурой) существеннаго противорѣчія быть не можетъ. Не меньшее „упорство" въ заблужденіи обнаруживается и нижеслѣдующей аргументаціей, которую нашъ „критикъ" считаетъ неотразимой и побѣдоносной.

„То, что, по примѣру Маркса, называется отношеніями производства, логически и исторически уже заключаетъ въ себѣ правовое регулированіе имущественныхъ отношеній. Уже по одному этому логически невозможно, оставаясь на Марксовой точкѣ зрѣнія, говорить о противорѣчивомъ развитіи производственныхъ отношеній и правового порядка (да кто же говоритъ объ этомъ, кромѣ Васъ, о строгій критикъ! Вѣдь у Маркса то рѣчь идетъ о противорѣчіи между *производительными силами* и имущественными отношеніями. Вы сами, въ началѣ Вашего комментарія, *„отмѣтили"*, — правда, безъ *„особенной силы"* — это, дѣйствительно достойное замѣчанія *„обстоятельство"*. Какъ же Вы вдругъ позабыли о немъ, когда Вамъ понадобилось „критиковать" теорію Маркса?). Но еще много важнѣе то, что признаніе подобнаго развитія фактически и безусловно исключаетъ всякое реалистически понимаемое воздѣйствіе хозяйственныхъ явленій на правовой порядокъ (откуда взялись у Васъ хозяйственныя явленія, г. П. Струве? Вѣдь у Васъ шла рѣчь о *производственныхъ* отношеніяхъ или, иначе, о *хозяйствѣ*, и Вы сами справедливо говорите, что понятіе: *хозяйство* совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы называемъ *хозяйственнымъ* элементомъ въ *общественныхъ явленіяхъ*). Ибо подумайте: производственныя отношенія (г. „критикъ" опять, sans crier gare, возвращается къ производственнымъ отношеніямъ, понятіе о которыхъ, по его собственному замѣчанію, совсѣмъ

*) Ниже будетъ объяснено, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ здѣсь эпитетъ: *революціонный*.

**) Ibid. S. 673.

не покрывается понятіемъ: хозяйственныя явленія) производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе соціалистическими, порождаютъ классовую борьбу; классовая борьба — соціальныя реформы, а эти послѣднія будто бы обостряютъ капиталистическій характеръ общества. И такъ — производственныя отношенія, становящіяся все болѣе соціалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе".*)

Часть этой тирады, слѣдующая за словами: *„ибо подумайте"*, написана очевидно для того, чтобы „съ особенной силой отмѣтить" нелогичность „ортодоксальныхъ" послѣдователей Маркса, признающихъ діалектическій законъ развитія. Но здѣсь нашъ критикъ опять навязываетъ „ортодоксальнымъ" марксистамъ „совершенно баснословную догму", и опять его изложеніе превращаетъ въ „ячмень на половину съ дурманомъ" цѣнное теоретическое зерно Марксовой теоріи соціальнаго развитія. *„Ибо подумайте"!* Когда Марксъ и его „ортодоксальные" послѣдователи говорятъ о постоянно растущемъ теперь противорѣчіи между производительными силами капиталистическаго общества и его производственными отношеніями, — они подъ этими послѣдними понимаютъ буржуазныя *имущественныя отношенія*, какъ это особенно ясно показываютъ сдѣланныя нами выше цитаты изъ *„Манифеста Коммунистической Партіи"*, и какъ это признаетъ самъ г. П. Струве. Вотъ почему ни Марксу, ни его „ортодоксальнымъ" послѣдователямъ никогда не приходило и никогда не могло придти въ голову утверждать — какъ это приписываетъ имъ г. П. Струве — что производственныя отношенія буржуазнаго общества все болѣе и болѣе становятся соціалистическими. Кто сказалъ бы это, тотъ тѣмъ самымъ высказалъ бы ту мысль, — достойную развѣ лишь какого нибудь новѣйшаго Бастіа, — что *имущественныя отношенія*, свойственныя капиталистическому обществу и горячо отстаиваемыя буржуазіей, все болѣе и болѣе приближаются къ соціалистическому идеалу.**)

*) Ibid. S. 676—677.

**) Этой неудобосказаемой путаницѣ полезно противопоставить собственныя слова Маркса: „ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора, и *новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются*

Г. П. Струве называетъ книгу Н. Бельтова „*Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію*“ самымъ лучшимъ изложеніемъ философско-историческихъ основъ ортодоксальнаго марксизма. По его же словамъ, наши „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“ написаны совершенно въ духѣ Н. Бельтова. Пусть же читатель потрудится пересмотритъ эти книги и пусть онъ самъ рѣшитъ, есть ли въ нихъ хоть что-либо похожее на то, что приписываетъ „ортодоксальнымъ“ ученикамъ Маркса нашъ странный „критикъ“!

Изо всего этого слѣдуетъ тотъ неизбѣжный выводъ, что въ критическомъ походѣ г. П. Струве ему служитъ операціоннымъ базисомъ колоссальное, по истинѣ невѣроятное *непониманіе Маркса*. Славный походъ! Глубокая критика!

Литературная извѣстность г. П. Струве начинается съ осени 1894 года, когда вышла въ свѣтъ его, надѣлавшая много шуму книга: „*Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи*“. Въ этой тяжеловѣсно написанной и мѣстами наивной, но въ общемъ все таки дѣльной книгѣ одновременно выступали,

Обнявшись, будто двѣ сестры

и причудливо переплетаясь одна съ другою, двѣ теоріи: во-первыхъ, теорія Маркса и „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, а во-вторыхъ — теорія Брентано и его школы. И это смѣшанное, эклектическое содержаніе книги въ значительной степени оправдывало какъ упреки, сыпавшіеся на ея автора со стороны нѣкоторыхъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, такъ и ожиданія, возлагавшіяся на него другими, не менѣе „ортодоксальными“ послѣдователями Маркса: упрекавшихъ раздражалъ *брентанизмъ;* а люди, возлагавшіе ожиданія на г. П. Струве, надѣялись, что эта буржуазная теорія будетъ мало по малу побѣждена въ его взглядахъ присутствовавшимъ въ нихъ элементомъ марксизма. Пишущій эти строки принадлежалъ къ числу ожидавшихъ. Его ожиданія не были, правда, очень велики: онъ никогда не считалъ г. П. Струве человѣкомъ, способнымъ обогатить теорію Маркса значительнымъ теоретическомъ вкладомъ; но онъ все таки былъ убѣжденъ, во-первыхъ, въ томъ, что брентанизмъ г. П. Струве скоро будетъ побѣжденъ его марксизмомъ, а во-вторыхъ въ томъ, что авторъ „*Критическихъ замѣтокъ*“ способенъ правильно понимать автора „*Капитала*“. Теперь оказывается, что мы ошиблись въ обоихъ случаяхъ: марксизмъ уже те-

---

въ нѣдрахъ стараго общества матерьяльная условія ихъ существованія (Zur Kritik etc., Vorwort, курсивъ нашъ).

перь уступаетъ, во взглядахъ г. П. Струве, свое мѣсто своему старому сосѣду — брентанизму; а кромѣ того, нашъ „критикъ“ обнаружилъ совершенное непониманіе самыхъ коренныхъ, самыхъ важныхъ положеній историческаго матеріализма. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ очень далеко ушелъ назадъ, что объясняется, конечно, вліяніемъ того же брентанизма. Въ виду всего этого намъ остается лишь открыто признаться въ своей ошибкѣ и сказать въ свое оправданіе, какъ говаривалъ Еврипидъ: „многое дѣлаютъ боги противъ ожиданія; не исполняется ими то, чего мы ждали, а съ другой стороны они находятъ средство осуществить неожиданное.

IV.

Мы видѣли: намъ невозможно было ошибиться насчетъ смысла, въ которомъ г. П. Струве употребляетъ слово: *хозяйство*, такъ какъ онъ самъ постарался точно опредѣлить этотъ смыслъ. Но предположимъ, тѣмъ не менѣе, что мы неправильно его поняли, и что указаннымъ словомъ нашъ критикъ обозначаетъ не тотъ или другой *(„напримѣръ, капиталистическій“)* хозяйственный порядокъ, не производственныя (имущественныя) отношенія, свойственныя данному обществу, а именно тотъ *хозяйственный элементъ въ соціальныхъ явленіяхъ*, понятіе о которомъ, по его собственному правильному замѣчанію, совсѣмъ не покрывается понятіемъ: *хозяйство*. Куда приведетъ насъ такое предположеніе?*)

Разъ принявъ его, мы естественно должны принять также иное толкованіе тѣхъ словъ г. П. Струве, что въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Мы обязаны теперь допустить, что основой этой теоріи онъ считаетъ ученіе о противорѣчіи (отношеніи) между *хозяйственными явленіями*, имѣющими мѣсто въ данномъ обществѣ, и свойственнымъ этому обществу *правомъ*. Это противорѣчіе и должно быть признано теперь тѣмъ центромъ, вокругъ котораго *„все вращается“* въ Марксовой теоріи.

Возьмемъ же *капиталистическое общество* и посмотримъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ противорѣчіе ме-

*) Мы дѣлаемъ это предположеніе на основаніи слѣдующихъ словъ г. П. Струве: „Jedenfalls aber ist für die Marxsche Theorie die Annahme einer Steigerung der Widersprüche zwischen den ökonomischen Phänomenen und Rechtsnormen charakteristisch!“ (Ibid. S. 671). Здѣсь центральнымъ пунктомъ Марксовой теоріи является, стало быть, противорѣчіе между *„правовыми нормами“* и *„хозяйственными явленіями“*, понятіе о которыхъ *не* покрывается понятіемъ: *хозяйство*.

жду совершающимися въ немъ хозяйственными явленіями и его правомъ можетъ явиться причиной, толкающей впередъ его развитіе.

Предположимъ, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ существуетъ такъ называемая *разрѣшительная* система учрежденія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что эта система отличается многими неудобствами, стѣсняющими развитіе акціонерныхъ компаній, а слѣдовательно и крупнаго производства, которое такъ нуждается теперь въ ассоціаціи капиталовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ. Поэтому въ нашемъ обществѣ рано или поздно возникаетъ *противорѣчіе* между *хозяйственнымъ явленіемъ:* ростомъ крупнаго производства, нуждающагося въ развитіи акціонерныхъ компаній, и *правомъ:* неудобнымъ законодательствомъ, регулирующимъ учрежденіе этихъ компаній. Такое противорѣчіе можетъ быть устранено только однимъ путемъ: путемъ уничтоженія разрѣшительной системы и замѣны ея такъ называемой *явочной* системой, несравненно болѣе удобной. И, конечно, явочная система, — именно какъ несравненно болѣе удобная, — рано или поздно будетъ принята законодателемъ. Приспособленіе правовой нормы къ хозяйственному явленію произойдетъ здѣсь, можно сказать, само собою, и нужно быть, по французскому выраженію, fou à lier, чтобы заводить рѣчь о *соціальной революціи* тамъ, гдѣ развитіе общественной жизни выдвигаетъ *только* противорѣчія этого рода.

Но чѣмъ же отличается этотъ родъ противорѣчій? Тѣмъ, что хозяйственныя явленія, противорѣчащія *буржуазному праву*, нисколько не противорѣчатъ, однако, *экономической основѣ этого права, т. е. имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества.*

Теперь спрашивается: говорилъ ли когда-нибудь самъ Марксъ или кто-нибудь изъ его „ортодоксальныхъ“ послѣдователей, что соціальныя революціи вызываются противорѣчіями этого рода? Нѣтъ, этого не говорили ни Марксъ, ни его ученики. По Марксу (мы указывали на это уже много разъ, но вынуждены опять повторить это) соціальныя революціи подготовляются и дѣлаются неизбѣжными благодаря противорѣчію между *производительными силами общества* и тѣми его *имущественными отношеніями*, на *основѣ* которыхъ *держится* свойственное этому обществу *право. Это* противорѣчіе принадлежитъ къ совершенно другому (несравненно болѣе опасному) роду; съ появленіемъ *этого* противорѣчія начинается революціонная эпоха. Топитъ его въ неопредѣленныхъ и потому безсодержательныхъ разглаголь-

ствованіяхъ о противорѣчіи между хозяйственными явленіями и правовыми учрежденіями и о приспособленіи права къ хозяйству — значитъ, не выяснять вопросъ, а запутывать и затемнять его до послѣдней степени. И по истинѣ нуженъ весь, „цѣликомъ взятый“, „kritischer Geist“ господина П. Струве, чтобы хоть на минуту вообразить, будто подобное запутываніе и затемнѣніе вопроса равносильно дальнѣйшему поступательному движенію „реалистической“ мысли, лежащей въ основѣ марксизма, какъ исторической теоріи. Это не только не *поступательное движеніе*, но даже и не *моціонъ мысли* (какъ говаривалъ покойный А. С. Хомяковъ), а просто на просто безпорядочная и безсодержательная, а потому совершенно безплодная и безполезная *теоретическая суета вокругъ пустого мѣста*. Подобная суета можетъ доставить величайшее наслажденіе людямъ, о которыхъ говоритъ Куно Фишеръ словами, поставленными нами въ эпиграфѣ, но *для науки* она хуже, чѣмъ ничего, для нея она — *огромный шагъ назадъ, отрицательное явленіе*.

Что право, свойственное данному обществу, вырастаетъ на основѣ его экономической структуры (имущественныхъ отношеній), это категорически говоритъ самъ Марксъ.*) И это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ самыхъ *неоспоримыхъ примѣровъ*. Кто не знаетъ теперь, что имущественныя отношенія дикихъ охотничьихъ племенъ насквозь пропитаны коммунизмомъ и что *на основѣ этихъ коммунистическихъ отношеній вырастаетъ соотвѣтствующее имъ обычное право?* Кому неизвѣстно, что на почвѣ феодальныхъ имущественныхъ отношеній (на основѣ „феодальной организаціи земледѣлія и промышленности“) *выросла цѣлая система правовыхъ учрежденій, получавшихъ свои питательные соки изъ этой почвы и исчезнувшихъ вмѣстѣ съ нею?* Кто не слыхалъ о томъ, что современное *буржуазное право*, напримѣръ, уже упомянутый выше Code Civil, выросъ на почвѣ *буржуазныхъ имущественныхъ отношеній?* Самъ г. П. Струве, комментируя Маркса, (см. выше, примѣчаніе на стр. 80), называетъ *надстройкой* правовыя и политическія отношенія, возникающія на *основѣ* данной экономической структуры или данныхъ имущественныхъ отношеній. И самъ же г. П. Струве призналъ, что *кореннымъ противорѣчіемъ*, указываемымъ Марксовой теоріей соціальнаго развитія, является противорѣчіе между произво-

*) „Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, *реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка*“ (Zur Kritik etc., Vorwort, курсивъ нашъ.

дительными силами общества и его имущественными отношеніями. Почему же онъ немедленно забываетъ объ этомъ *коренномъ противорѣчіи* и подмѣняетъ его второстепеннымъ противорѣчіемъ между тѣми хозяйственными явленіями, которыя совершаются внутри данной экономической структуры, и правомъ, которому эта структура служитъ, по выраженію Маркса, реальнымъ базисомъ? Чѣмъ можетъ оправдать онъ такую подмѣну?

Возьмите *кризисы*, на которые „Манифестъ Коммунистической Партіи“ указываетъ какъ на явленіе, служащее наиболѣе яркимъ подтвержденіемъ той мысли, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли свойственныя ему *имущественныя отношенія* или его *экономическую структуру*, и скажите, читатель, противорѣчитъ ли это хозяйственное явленіе *праву*, выросшему на почвѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній, напримѣръ, хоть *французскому кодексу 1804-го года?* Наивный и смѣшной вопросъ! *Кризисы* такъ же мало противорѣчатъ *гражданскому праву* буржуазнаго общества, какъ *вексельный курсъ* — его *уголовному* праву. Не кризисы противорѣчатъ Code Civil, а производительныя силы противорѣчатъ экономической структурѣ („имущественнымъ отношеніямъ“), *лежащей въ основѣ этого кодекса*. Но что же означаютъ эти слова: производительныя силы буржуазнаго общества противорѣчатъ его экономической структурѣ, его имущественнымъ отношеніямъ? Они означаютъ, что эти отношенія препятствуютъ примѣненію этихъ силъ во всемъ ихъ объемѣ, и что когда эти силы получаютъ широкое примѣненіе, онѣ нарушаютъ правильный ходъ народнаго хозяйства. Выходитъ, стало быть, что чѣмъ болѣе развиты производительныя силы общества, тѣмъ опаснѣе становится для него ихъ полное примѣненіе. И это противорѣчіе не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ существовать буржуазныя имущественныя отношенія.*) Для его устраненія

*) Здѣсь полезно оговориться. Въ послѣднее время многіе г. г. „критики“ (въ ихъ числѣ г. Туганъ-Барановскій) указывали на то, что кризисы утратили теперь ту острую форму, какую они имѣли прежде, и что, поэтому, они уже не играютъ теперь той роли въ развитіи общественной жизни, которая не безъ основанія приписывалась имъ Марксомъ. На это мы отвѣтимъ вотъ что. Какова бы ни была теперь *форма* указаннаго Марксомъ явленія, *сущность* его осталась неизмѣнной. Это явленіе вызывается противорѣчіемъ между производительными силами общества и его имущественными отношеніями. Такъ называемыя англичанами trade depressions *по формѣ* очень не похожи на *кризисы* въ собственномъ смыслѣ этого слова, но *по существу* онѣ имѣютъ совершенно то же значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться хотя бы, напри-

необходима *соціальная революція*, которая разрушитъ *буржуазныя* имущественныя отношенія и замѣнитъ ихъ — *соціалистическими*. Такой смыслъ имѣетъ указаніе Маркса и Энгельса. Приведенное ими въ примѣръ хозяйственное явленіе указываетъ на узкость тѣхъ рамокъ (тѣхъ имущественныхъ отношеній), въ которыхъ заключена хозяйственная жизнь буржуазнаго общества и которыя легли въ основу буржуазнаго права. А ихъ критикъ обходитъ молчаніемъ (точнѣе: совершенно забываетъ, разъ упомянувъ о немъ) какъ разъ то самое противорѣчіе, которое они считаютъ коренной причиной соціальныхъ революцій, и наивно замѣчаетъ потомъ, что ихъ собственная теорія, — будучи правильно понята, — не оста-

---

мѣръ, съ выводами, къ которымъ пришла англійская королевская комиссія назначенная для изслѣдованія причинъ застоя въ торговлѣ и промышленности. „During the past 40 years, — читаемъ мы въ запискѣ, составленной нѣкоторыми членами этой комиссіи, разошедшимися во мнѣніяхъ съ ея большинствомъ — during the past 40 years a great change has been wrought in the circumstances of all civilized communities by the application of mechanical and scientific aids to the production and transport of commodities, the world over... The great difficulty consists no longer as of old, in the scarcity and dearness of the necessaries and conveniences of life, but in the struggle for an adequate share of that employment which affords to the great bulk of the population their only means of obtaining a title to a sufficiency of those necessaries and conveniences, however plentiful and cheap they may be... The growing difficulty (the struggle for an adequate share of employment in presence of the abundance and cheapness of commodities) finds its expression in the system of tariffs, export bounties, and other commercial restrictions, adopted and maintained by all civilized nations except our own." (Final Report of the Royal commission etc., p. LV; ср. также стр. LXVII). Производительныя силы цивилизованныхъ обществъ такъ развиты теперь, что людямъ, не имѣющимъ другого товара, кромѣ своей рабочей силы, становится очень трудно найти себѣ *занятіе*, т. е. *продать эту силу*, и тѣмъ пріобрѣсти средства для *покупки* приготовляемыхъ теперь въ изобиліи дешевыхъ *продуктовъ*. *Затрудненіе* порождается *избыткомъ*; *бѣдность* — *богатствомъ*. Это какъ разъ то противорѣчіе, на которое указывали Марксъ и Энгельсъ, говоря о кризисахъ. Разница лишь въ томъ, что по мнѣнію составителей цитированной нами записки это противорѣчіе возникло въ послѣдніе 40 лѣтъ, а по мнѣнію авторовъ „Манифеста" ранѣе. И не подумайте, что большинство королевской коммиссіи отрицаетъ существованіе этого противорѣчія. Нѣтъ, большинство выражаетъ тотъ же взглядъ на этотъ предметъ, какъ и меньшинство; только оно выражается иначе: „The world's capacity of production, — говоритъ оно, — will naturally be in excess of its ordinary requirements" (L. c. p. XVII). Это совершенно равносильно той мысли, что trade depressions вызываются, какъ вызывались кризисы, несоотвѣтствіемъ между потребительной способностью рынка и современными производительными силами. Но потребительная способность рынка ограничивается именно имущественными отношеніями современнаго общества. Значитъ, мы опять сталкиваемся съ кореннымъ противорѣчіемъ этого общества: противорѣчіемъ между его имущественными отношеніями съ одной стороны, и его производительными силами — съ другой.

вляетъ мѣста для соціальной революціи, а предполагаетъ „постоянную приспособленность права къ хозяйству, какъ нормальную форму ихъ сосуществованія“. Въ виду такой критики невольно вспоминаешь слова Крылова: *слона-то ты и не примѣтилъ*.

V.

Выходитъ, что въ какомъ бы изъ двухъ возможныхъ смысловъ мы ни понимали слова г. П. Струве о томъ противорѣчіи между *правомъ и хозяйствомъ*, которое, по его словамъ, составляетъ теоретическій центръ Марксовой теоріи соціальнаго развитія, мы все таки должны признать, что онъ совершенно ошибочно *понимаетъ* или совсѣмъ не вѣрно *излагаетъ* эту теорію. Но его ошибка такъ груба и такъ неожиданна, что мы еще и еще разъ спрашиваемъ себя: нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? И не былъ ли г. П. Струве введенъ въ ошибку какимъ-нибудь выраженіемъ Маркса или Энгельса, неправильно имъ *понятымъ* или неправильно примѣненнымъ самими основателями научнаго соціализма?

Давайте вмѣстѣ искать, читатель. Вы помните, вѣроятно, то мѣсто въ знаменитой брошюрѣ Энгельса „*Развитіе научнаго соціализма*“, гдѣ говорится объ основномъ противорѣчіи нынѣшняго способа производства. Прежде, въ средніе вѣка, *производитель* былъ также и *собственникомъ* орудій труда и *присваивалъ* себѣ, за ничтожными исключеніями, *лишь продуктъ своего собственнаго труда*; въ настоящее время собственникъ орудій труда, *капиталистъ*, продолжаетъ присваивать въ свою *частную собственность* продукты, производимые на фабрикѣ соединеннымъ, *общественнымъ трудомъ* его рабочихъ. „Средства производства и продукты по существу своему стали общественными; но они были подчинены формѣ присвоенія, основанной на частномъ, единичномъ производствѣ, свойственномъ тому времени, когда каждый владѣлъ своимъ собственнымъ продуктомъ и самъ выносилъ его на рынокъ“. Отсюда — противорѣчіе между способомъ производства и способомъ присвоенія: „Новая форма производства подчинилась старой формѣ присвоенія, не смотря на то, что совершенно разрушила ея основаніе.“ И это коренное противорѣчіе заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ противорѣчій нынѣшняго общества.

На первый разъ, „критическому“ уму, цѣпляющемуся за слова и не проникающему до обозначаемаго ими содержанія, можетъ показаться, пожалуй, что противорѣчіе, указываемое здѣсь Энгельсомъ, и есть то противорѣчіе между хозяйствомъ

и правомъ, о которомъ толкуетъ г. П. Струве. Но достаточно самаго небольшого усилія, чтобы понять, до какой степени это не вѣрно.

Говоря объ общественномъ производствѣ, противорѣчащемъ индивидуальному присвоенію, Энгельсъ имѣетъ въ виду современную механическую мастерскую, въ которой трудъ рабочихъ объединяется въ одно стройное цѣлое и продукты которой являются, поэтому, плодами *общественнаго* труда. Но организація труда въ современной механической мастерской опредѣляется нынѣшнимъ состояніемъ *техники* и характеризуетъ собою *состояніе производительныхъ силъ, а вовсе не хозяйственный порядокъ нынѣшняго* (капиталистическаго) *общества*, который характеризуется прежде всего и главнымъ образомъ свойственными ему *имущественными отношеніями*, т. е. слѣдовательно и принадлежностью механической мастерской не объединеннымъ въ ней рабочимъ, а эксплуататору этихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, и противорѣчіе между *общественнымъ* трудомъ на фабрикѣ и *индивидуальнымъ* присвоеніемъ этой фабрики есть уже хорошо знакомое намъ противорѣчіе между производительными силами капиталистическаго общества и его имущественными отношеніями. Это очень хорошо разъяснено у самого Энгельса: „Точно такъ же, какъ мануфактура и усовершенствовавшіяся подъ ея вліяніемъ ремесла пришли нѣкогда въ столкновеніе съ феодальными путами цеховъ, крупная промышленность, на болѣе высокой ступени своего развитія, приходитъ въ столкновеніе съ узкими предѣлами, которыми ограничиваетъ ее капиталистическій способъ производства. Новыя производительныя силы переросли буржуазныя формы ихъ эксплуатаціи.“*)

Ясно, что и Энгельсъ имѣетъ въ виду вовсе не противорѣчіе между „*правомъ*“ и „*хозяйствомъ*“. А кромѣ цитированной нами брошюры „Развитіе научнаго соціализма“ мы не знаемъ рѣшительно ни одного такого сочиненія Маркса или Энгельса, которое давало бы *хотя бы чисто внѣшній, словесный поводъ* истолковать Марксову теорію соціальнаго развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ истолковалъ ее г. П. Струве.

Это мы говоримъ, имѣя въ виду навязанное этимъ „критикомъ“ Марксу „противорѣчіе между правомъ и хозяйствомъ („напримѣръ, капиталистическимъ хозяйственнымъ порядкомъ“). А что скажемъ мы, если навязанное Марксу противорѣчіе“ надо понимать въ другомъ смыслѣ, — именно въ смыслѣ противорѣчія между хозяйственными явленіями (по-

*) Развитіе научнаго соціализма, Женева 1892, стр. 26.

нятіе которыхъ не покрываетея понятіемъ „хозяйство“) и правовыми учрежденіями даннаго общества? Не выйдетъ-ли тогда, что г. П. Струве говоритъ то же, что и Фридрихъ Энгельсъ?

На первый взглядъ и здѣсь можетъ показаться, что — да; но и здѣсь при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло принимаетъ другой видъ.

Организація труда въ мастерской несомнѣнно есть хозяйственное явленіе. Но это *хозяйственное явленіе* противорѣчитъ не праву, а другимъ *хозяйственнымъ же явленіямъ*, именно — тѣмъ имущественнымъ отношеніямъ буржуазнаго общества, которыя составляютъ „реальный базисъ“ буржуазнаго права. Отождествлять этотъ реальный базисъ съ возвышающейся надъ нимъ „юридической надстройкой“ значитъ излагать теорію кого-то другого, а не Карла Маркса, который самъ же и установилъ различіе между надстройкой и базисомъ. Мы хорошо понимаемъ, что Маркса гораздо легче было бы „критиковать“, если бы онъ его не устанавливалъ.*) Но что же прикажете? Вѣдь Марксъ не обязанъ былъ искажать истину ради удобства „критиковъ“!

Какъ ни поворачивай дѣло, а все таки надо признать, что г. П. Струве *страшно напуталъ*, и что чрезвычайно трудно, вѣрнѣе — *совсѣмъ невозможно* найти какія-нибудь правдоподобныя обстоятельства, хоть немного смягчающія вину надѣланной имъ путаницы, которая падаетъ всецѣло на него самого, да развѣ еще на Штаммлера.

Г. П. Струве по своему обыкновенію „критикуетъ“ этого писателя (безъ „критики“ онъ обойтись не можетъ); но онъ совсѣмъ не способенъ освободиться отъ его вліянія.

О самомъ Штаммлерѣ распространяться здѣсь было бы неумѣстно. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ, что онъ ввелъ у насъ въ соблазнъ не малое число „марксистовъ“ изъ разряда тѣхъ, которые были предварительно софистицированы и „притуплены“ такъ называемой критической философіей, столь любезной теперь сердцу всѣхъ, стремящихся къ „*притупленію*“ общественныхъ противорѣчій.

*) У г. П. Струве сознаніе этого удобства наивно выражается словами: „Die von mir vorgetragene Ansicht schliesst sowohl den Marxschen als auch den Stammlerschen Begriff der „sozialen Revolution“ aus. Die Anpassung des Rechtes an die Sozialwirthschaft hört keinen Augenblick auf und die Entwicklung der jeweiligen Gesellschaftsordnung ist es eben, welche diesen Rahmen umformt und ausweitet“. (Ibid. S. 672). Вы правы, о „критикъ“! Гораздо лучше было бы, если бы Ваша „Ansicht“ совпадала съ Марксовой, а еще лучше и глаже было бы, если бы Ваша Ansicht не совпадающая съ Марксовой, соотвѣтствовала исторической дѣйствительности. Но увы! Она не соотвѣтствуетъ ей, а „*противорѣчитъ*“.

VI.

Мы уже выше замѣтили, что если бы сущность такъ называемаго соціальнаго вопроса заключалась въ несоотвѣтствіи буржуазнаго права буржуазному хозяйству, то объ исторической необходимости соціальной революціи могли бы говорить только люди, страдающіе буйнымъ умопомѣшательствомъ. При такомъ отрадномъ положеніи дѣлъ теоретики-юристы и толковые практики изъ міра дѣловой буржуазіи безъ труда открывали бы, въ какомъ именно мѣстѣ башмакъ жметъ, — по нѣмецкому выраженію, — ногу, и господамъ буржуа стоило бы только сердито поворчать и угрожающе нахмуриться, чтобы ихъ парламентскіе представители немедленно придали башмаку новую форму. Но, спрашивается, пошло-ли бы въ этомъ случаѣ естественное развитіе по второй формулѣ г. П. Струве, которую мы назвали *формулой притупленнаго противорѣчія?*

Выше мы взяли для примѣра законодательство объ акціонерныхъ обществахъ. Теперь мы возьмемъ ради удобства тотъ же примѣръ. Скажите, читатель, какое отношеніе установится между общественной жизнью, требующей размноженія акціонерныхъ обществъ, и разрѣшительной системой, стѣсняющей такое размноженіе? Намъ кажется, что между ними установится *противорѣчіе*, которое будетъ *постоянно увеличиваться* вплоть до той поры, когда разрѣшительная система исчезнетъ, уступивъ мѣсто *явочной* системѣ. Такъ-ли это? Несомнѣнно такъ. А если это такъ, то стало быть мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ, подтверждающимъ справедливость Гегелевскаго афоризма: *противорѣчіе ведетъ впередъ*. А это новое умозаключеніе въ свою очередь даетъ почувствовать весь комизмъ положенія тѣхъ г. г. „критиковъ“, которые любятъ порицать Гегеля и толковать о *„притупленіи противорѣчій“*.

Г. П. Струве возразитъ намъ, можетъ быть, что *обостреніе противорѣчія* между отжившей правовой нормой и новой общественной потребностью еще не ручается за *обостреніе борьбы* между защитниками старой нормы и ея противниками. Это будетъ справедливо. И мы охотно допускаемъ, что въ незначительныхъ случаяхъ, подобныхъ вышеразсмотрѣнному, обостреніе указаннаго противорѣчія можетъ сопровождаться въ иныхъ случаяхъ даже *ослабленіемъ* общественной борьбы, т. е. *притупленіемъ* противорѣчія между борющимися. Но можетъ-ли это быть тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о мелочахъ, подобныхъ законодательству объ акціонерныхъ обществахъ, а о великихъ общественныхъ переворотахъ, затрогивающихъ

коренную основу права: *экономическую структуру, имущественныя* отношенія? На этотъ вопросъ неподкрашенная историческая дѣйствительность отвѣчаетъ рѣшительнымъ *отрицаніемъ*. Мы не знаемъ хорошенько, какъ совершалось развитіе въ Китаѣ въ теченіе длиннаго, до сихъ поръ еще не законченнаго періода его упадка, но мы твердо знаемъ, что въ прогрессирующихъ обществахъ ростъ противорѣчій между новыми общественными потребностями и старымъ общественнымъ строемъ сопровождается обыкновенно обостреніемъ борьбы между новаторами и консерваторами. Именно къ такимъ (идущимъ „*впередъ*“) обществамъ цѣликомъ примѣнимо то, что говоритъ о *борьбѣ за право* Іерингъ въ своей знаменитой брошюрѣ: „Всякое право пріобрѣтено путемъ борьбы; каждое важное правовое положеніе должно быть вырвано у тѣхъ, которые ему противились“. . . „Съ существующимъ правомъ сростаются мало по малу интересы тысячъ людей и цѣлыхъ сословій, такъ что его нельзя устранить, не нанося имъ чувствительнаго ущерба. Поднять вопросъ объ устраненіи даннаго узаконенія или даннаго учрежденія значитъ объявить войну всѣмъ этимъ интересамъ. Каждая подобная попытка естественно вызываетъ, поэтому, дѣйствіемъ инстинкта самосохраненія, сильное сопротивленіе со стороны затронутыхъ интересовъ, а тѣмъ самымъ и борьбу“. . . „Высочайшей степени интенсивности достигаетъ эта борьба тогда, когда интересы складываются въ видѣ пріобрѣтенныхъ правъ“. . . „Всѣ великія завоеванія, на какія можетъ только указать исторія права: уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода поземельной собственности, свобода ремесла, свобода совѣсти и т. д., — всѣ они сдѣланы были посредствомъ жесточайшей борьбы, длившейся часто цѣлыя столѣтія, и путь, которымъ шло право въ своемъ развитіи, нерѣдко обозначается потоками крови и вездѣ усѣянъ обломками разбитыхъ правовыхъ учрежденій.“*)

Если такой ходъ общественнаго развитія называется развитіемъ посредствомъ *приступленія противорѣчій*, то мы право уже не знаемъ, что назвать ихъ *обостреніемъ*.

Въ поясненіе и защиту своей второй формулы г. П. Струве приводитъ два примѣра, которыя оба имѣютъ, однако, то едва ли удобное для него свойство, что „противорѣчатъ“ ему самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Первый примѣръ: „Положимъ, что вслѣдствіе развитія промышленности возникаетъ практически экономическое

*) Der Kampf um's Recht. 13 Auflage. Wien 1897. S. 6, 7, 8.

(praktisch-wirthschaftliche) рабочее движеніе. Издается или дѣлается болѣе строгимъ законъ, запрещающій стачки и коалиціи. Растетъ репрессія, а съ нею и противоположность: Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рабочее движеніе перерастаетъ репрессію, оружіе которой притупляется, и въ заключеніе законы, направленные противъ рабочаго движенія, отмѣняются. Здѣсь мы имѣемъ случай, въ которомъ противорѣчіе сначала растетъ, а потомъ ослабляется, и въ заключеніе одна изъ партій побѣждаетъ".*)

Когда одна изъ партій „*побѣждаетъ*", тогда противорѣчіе не только не растетъ. но совсѣмъ уничтожается. Это понятно само собою. Весь вопросъ въ томъ, *ослабляется или,* напротивъ, *растетъ* противорѣчіе въ періодъ, непосредственно предшествующій побѣдѣ одной изъ борющихся сторонъ. А на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве отвѣчаетъ отрицательно: въ его собственномъ примѣрѣ „противоположность или сопротивленіе" *увеличивается*, до тѣхъ поръ, пока репрессія не оказывается безсильной, т. е. пока рабочіе не побѣдятъ. Но въ его примѣрѣ отмѣнѣ закона предшествуетъ тотъ періодъ, когда „оружіе репрессіи притупляется". Но существованіе этого періода есть *простое предположеніе.* Скажетъ ли г. П. Струве, что это предположеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности? Если онъ скажетъ это, то мы отвѣтимъ ему, что именно исторія законовъ, направленныхъ противъ рабочихъ коалицій, говоритъ *противъ* его предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, въ Англіи, — этой классической странѣ компромисса, — отмѣнѣ законовъ противъ коалицій предшествовало менѣе строгое ихъ примѣненіе? Вовсе нѣтъ! Никанунѣ ихъ отмѣны дѣло обстояло совсѣмъ иначе. По словамъ Гоуэлля, недовольство этими законами постоянно росло, вызывая новыя репрессивныя мѣры, и когда законодательство, направленное противъ коалицій въ собственномъ смыслѣ, оказалось слишкомъ слабой преградой для растущаго потока рабочаго движенія, правительство постаралось *отточить свое оружіе*, обратившись къ другимъ законамъ, въ родѣ Sedition Acts, законовъ, карающихъ государственную измѣну и т. п. Съ своей стороны, рабочіе раздражались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, ихъ волненія и исходившіе изъ ихъ среды аттентаты не вынудили правительство отмѣнить ненавистные законы.**)

*) Ibid. S. 675.

**) Le passé et l'avenir des Trade-Unions par Georges Howell, traduction par Ch. Le Cour Grandmaison, Paris 1892, pp. 40 et 45.

Совершенно тоже узнаемъ мы отъ супруговъ Уэббовъ и отъ Кулемана, который, впрочемъ, лишь повторяетъ въ этомъ случаѣ то, что говорятъ супруги Уэббы.*)

Второй примѣръ, приводимый нашимъ „критикомъ", не доказательнѣе перваго. Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣмецкимъ *закономъ противъ соціалистовъ*. Г. П. Струве указываетъ на то, что этотъ законъ, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, примѣнялся все слабѣе, а наконецъ былъ и совсѣмъ отмѣненъ. „Что это: увеличеніе, или скорѣе ослабленіе сопротивленій?" — спрашиваетъ нашъ „критикъ".

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ вопросомъ: *о какихъ сопротивленіяхъ* (Widerstände) *онъ говоритъ?* Если о сопротивленіи имперскаго правительства стремленіямъ соціаль-демократовъ съ одной стороны и о сопротивленіи соціаль-демократовъ стремленіямъ имперскаго правительства — съ другой, то менѣе суровое примѣненіе, а затѣмъ и отмѣна названнаго закона вовсе не означала ослабленія *этихъ* „сопротивленій", какъ это прекрасно понимаютъ и соціаль-демократы, и имперское правительство. Менѣе суровое примѣненіе закона противъ соціалистовъ означало только то, что правительство убѣдилось въ его *нецѣлесообразности*, а его нецѣлесообразность обусловливалась тѣмъ, что соціалисты пріобрѣли *конспиративную сноровку* и научились избѣгать сѣтей полицейскаго преслѣдованія. Ставшій нецѣлесообразнымъ законъ противъ соціалистовъ не только не ослаблялъ вліянія этихъ послѣднихъ на рабочую массу, но *увеличивалъ* его, раздражая эту массу нестерпимой *полицейской „волокитой"*. Видя, что результаты получаются какъ разъ обратные тѣмъ, которыхъ оно ожидало, германское имперское правительство сочло невыгоднымъ и неудобнымъ дальнѣйшее строгое примѣненіе и даже существованіе этого закона. Онъ былъ отмѣненъ. И если мы возстановимъ теперь въ памяти его исторію, то

---

*) *Уэббы:* „The common law and ancient statutes were ruthlessly used to supplement the Combination Acts, often by strained constructions. The scotch judges in particular . . . applied the criminal precedure of Scotland to cases of simple combination . . . The whole system of repression which had characterised the statesmanship of the Regency culminated in this period in a tiranny not exceeded by any of the monarchs of the „Holy Alliance". (History of Trade Unionism, London 1894, pp. 84—85. *Кулеманъ:* „Erschwert wurde die Lage für die Arbeiter noch durch die nach dem Frieden von 1815 in Verbindung mit dem niedrigen Stande der Preise einsetzende ausserordentliche Herabdrückung der Löhne. Es ist deshalb begreiflich, dass sich überall Geheimbunde bildeten und Verschwörungen stattfanden, die mit blutigen Verfolgungen endeten." (Die Gewerkschaftsbewegung, Jena 1900, B. 3—3.) Нечего сказать, замѣчательное притупленіе."

она покажетъ намъ, *какъ отмѣняются законы, ставшіе нецѣлесообразными, а вовсе не какъ „притупляются“ общественныя противорѣчія.*

Нѣтъ, что ни говорите, а неподрашенная исторія служитъ плохимъ свидѣтельствомъ въ пользу второй формулы г. П. Струве. И если, тѣмъ не менѣе, онъ все таки „критикуетъ“ людей, признающихъ правильность Гегелева замѣчанія на счетъ ведущаго впередъ противорѣчія, то онъ очевидно имѣетъ на это серьезную причину. Какая же эта причина?

Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ откровенностью заслуживающею величайшей похвалы.

„Я уже оттѣнилъ, — говоритъ онъ, — то обстоятельство, что если соціальное развитіе развитіе совершается по формулѣ возрастанія противоположностей, то „соціальная революція“ необходимо должна представляться въ видѣ политической революціи. Но это представленіе, лежащее въ основѣ знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата, падаетъ вмѣстѣ съ діалектическимъ ходомъ развитія.“ *)

Вотъ оно что! Все дѣло тутъ, какъ видите, въ *политической революціи и въ диктатурѣ пролетаріата.* Такъ и запишемъ!

Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата и о политической революціи, необходимой для соціальнаго освобожденія этого класса, вынудила критика П. Струве, на зарѣ двадцатаго столѣтія, обосновать свои возраженія противъ „ортодоксальнаго“ марксизма на болѣе чѣмъ недостаточныхъ посылкахъ.

Подъ вліяніемъ этой настоятельной психологической потребности г. П. Струве приписалъ Марксовой теоріи соціальнаго развитія совсѣмъ не то содержаніе, какое она имѣетъ въ дѣйствительности, и эта его „коренная“ погрѣшность естественно повела за собою рядъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ головѣ нашего „критика“ неправильное пониманіе имъ Марксовой теоріи отразилось въ видѣ *„неясности“* самой теоріи. Такъ, онъ замѣтилъ, какъ мы уже знаемъ, неясность, заключающуюся будто бы въ томъ, что, въ этой теоріи, производительныя силы общества и его отношенія производства являются какъ своего рода сущности или „вещи“. Г. „критикъ“ думаетъ, что только благодаря такой неясности можно говорить о противорѣчіи всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ производительныхъ силъ всѣмъ, цѣликомъ взятымъ отношеніямъ

*) Ibid. S. 674.

производства и представлять себѣ соціальную революцію какъ коллизію между этими силами и этими отношеніями. Мы узнали также отъ г. П. Струве, что соціально-политическое міросозерцаніе Маркса страдало еще другою неясностью: онъ съ одной стороны придерживался того взгляда на развитіе общества путемъ усиленія противорѣчій, который защищаютъ теперь его „ортодоксальные“ ученики, а съ другой — склонялся и къ тому взгляду на это развитіе, вокругъ котораго „вращается“ теперь „соціальная“ политика г. П. Струве и который выражается формулой притупленнаго противорѣчія; и при этомъ авторъ „Капитала“ не замѣчалъ несовмѣстимости такихъ взглядовъ.

Разберемъ первую *„неясность“*.

Въ современной механической мастерской, — т. е. на фабрикѣ, — трудъ работающихъ тамъ *пролетаріевъ* принимаетъ характеръ *общественнаго труда*, между тѣмъ какъ сама фабрика принадлежитъ *отдѣльному лицу* или *отдѣльнымъ лицамъ*. Организація труда на фабрикѣ противорѣчитъ общественнымъ отношеніямъ производства и именно — *имущественнымъ отношеніямъ* современнаго общества. Но что же такое сама фабрика? Поскольку она представляетъ собою совокупность усовершенствованныхъ орудій труда, она является составнымъ элементомъ того, что мы называемъ *общественными производительными силами*. А по скольку совокупность усовершенствованныхъ *орудій* труда обусловливаетъ собою извѣстную его *организацію*, то есть — извѣстныя *отношенія между производителями*, фабрика есть *общественное отношеніе производства*.*) И если это отношеніе начинаетъ противорѣчить имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества; если *фабрика перестаетъ уживаться съ капиталомъ*, то это значитъ, что *нѣкоторая часть* общественныхъ отношеній производства перестаетъ соотвѣтствовать другой ихъ части, и что фраза: производительныя силы общества противорѣчатъ его имущественнымъ отношеніямъ должна быть понимаема именно въ этомъ эволюціонномъ смыслѣ, устраняющемъ всякую возможность представленія названныхъ силъ и указанныхъ отношеній въ видѣ какихъ-то самостоятельныхъ сущностей. Въ виду этого дѣйствительно становится невозможнымъ говорить о проти-

*) „Машины такъ же мало составляютъ экономическую категорію, какъ и быки, которые тащатъ плугъ. Это производительная сила, не больше. Современная же фабрика, основанная на употребленіи машинъ, есть общественное отношеніе производства, экономическая категорія.“ *„Нищета философіи“*, стр. 107.

ворѣчіи производительныхъ силъ „всѣмъ, *цѣликомъ взятымъ* *отношеніямъ производства. Но кто же говоритъ* объ этомъ, кромѣ нашего „критика“? Во всякомъ случаѣ не Карлъ Марксъ и не Фридрихъ Энгельсъ.*)

Замѣтьте, что г. П. Струве, все время толковавшій о противорѣчіи между правомъ и хозяйствомъ, вдругъ самъ вспомнилъ, однако, что не это противорѣчіе составляетъ, по Марксовой теоріи, главную пружину общественнаго развитія, и заговорилъ о противорѣчіи производительныхъ силъ общественнымъ отношеніямъ производства. Mieux vaut tard que jamais! Съ другой стороны возвращеніе къ истинному теоретическому центру Марксовой теоріи было бы дѣйствительно хорошо только въ томъ случаѣ, если бы г. П. Струве потрудился *понять* слова Маркса, прежде, чѣмъ приступать къ ихъ „критикѣ“. Но *понять*-то онъ и не счелъ нужнымъ.

Г. П. Струве не замѣтно для себя переходитъ отъ одного неправильнаго пониманія теоріи Маркса къ другому, столь же не правильному ея пониманію, при чемъ онъ не замѣчаетъ „*несовмѣстимости*“ этихъ двухъ неправильныхъ способовъ пониманія. Но въ головѣ его все таки шевелится подчасъ смутное сознаніе того, что дѣло обстоитъ какъ-то не совсѣмъ ладно. Тогда онъ, для успокоенія своей собственной теоретической совѣсти, и чтобы предупредить возраженія со стороны читателей, валитъ съ больной головы на здоровую и обвиняетъ Маркса въ той самой „неясности“ и въ томъ самомъ совмѣщеніи несовмѣстимыхъ понятій, которыя составляютъ главную отличительную черту его собственной „критики“. Такой „критическій“ пріемъ удовлетворитъ, конечно, далеко не всякаго читателя; но онъ, какъ видно, вполнѣ удовлетворяетъ самого г. П. Струве.

Замѣтьте еще вотъ какое обстоятельство.

---

*) Здѣсь нужно, однако, обратить вниманіе читателя на слѣдующую особенность терминологіи основателей научнаго соціализма. Когда рѣчь идетъ у нихъ объ основномъ противорѣчіи, толкающемъ впередъ общественное развитіе, тогда слова: *отношенія производства* употребляются ими въ болѣе узкомъ смыслѣ *имущественныхъ отношеній*. Примѣръ: приведенная нами въ одномъ изъ предыдущихъ замѣчаній цитата изъ предисловія къ „Zur Kritik“, гдѣ говорится, что новыя отношенія производства не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются матерьяльныя условія ихъ существованія. Подъ матерьяльными условіями существованія новыхъ отношеній производства (имущественныхъ отношеній) здѣсь понимаются также и тѣ непосредственныя отношенія производителей въ процессѣ производства (напримѣръ организація труда на фабрикѣ и мануфактурѣ), которыя въ болѣе широкомъ смыслѣ тоже должны быть названы *отношеніями производства*. Это обстоятельство могло, пожалуй, сбить съ толку поверхностнаго „критика“.

Г. П. Струве только что упрекалъ Маркса въ томъ, что по его теоріи всѣ, *вмѣстѣ взятыя*, производительныя силы вступаютъ въ противорѣчіе со всѣми, *цѣликомъ взятыми* общественными отношеніями производства. А что слышали мы отъ него нѣсколько выше? Мы слышали: „Ибо подумайте .... производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе соціалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе и болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе". Такъ долженъ былъ представляться, — по тогдашнимъ словамъ г. П. Струве, — ходъ общественнаго развитія тѣмъ марксистамъ, которые признаютъ діалектическій законъ развитія. Но Марксъ самъ признавалъ этотъ законъ. Стало быть, и онъ долженъ былъ имѣть такое же представленіе о ходѣ общественнаго развитія. Но *это* представленіе совсѣмъ не похоже на только что разсмотрѣнное: *тамъ* (въ представленіи только что разсмотрѣнномъ нами) производительныя силы все болѣе противорѣчатъ производственнымъ отношеніямъ, которыя, очевидно, играютъ роль *консервативнаго элемента; здѣсь* этотъ *консервативный* элементъ превращается въ *прогрессивный:* производственныя отношенія все болѣе и болѣе становятся *соціалистическими*, и противорѣчіе существуетъ не между отсталыми производственными отношеніями и ушедшими впередъ производительными силами, а между ушедшими впередъ производственными отношеніями и отсталымъ правовымъ порядкомъ (который все болѣе „становится капиталистическимъ"). И все это будто бы *по Марксу!* Что же это за ... путаница? Г. П. Струве твердитъ свое: я не виноватъ; это все напуталъ Карлъ Марксъ, придерживавшійся двухъ несовмѣстимыхъ взглядовъ! Но теперь мы уже понимаемъ смыслъ этой отговорки. Мы уже знаемъ теперь, что путаетъ здѣсь не Марксъ, а его „критикъ", и мы безъ труда открываемъ, гдѣ и въ чемъ именно запутался этотъ послѣдній.

Г. П. Струве, упрекавшій Маркса въ томъ, что у него всѣ вмѣстѣ взятыя производительныя силы противорѣчатъ всѣмъ вмѣстѣ взятымъ общественнымъ отношеніямъ производства, чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ упрекъ совсѣмъ не основателенъ, и что у Маркса развитіе производительныхъ силъ сопровождается также *измѣненіемъ взаимныхъ отношеній производителей въ процессѣ производства.* Но онъ не зналъ, *какія именно отношенія производства* измѣняются параллельно развитію производительныхъ силъ и какія — отстаютъ отъ

этого развитія, обусловливая своего отсталостью необходимость радикальнаго общественнаго переворота, соціальной революціи. А не зная этого, онъ употребилъ тотъ самый грубый пріемъ, который онъ приписываетъ Марксу: онъ взялъ „*цѣликомъ*“ всѣ общественныя отношенія производства и объявилъ, что Марксъ и марксисты думаютъ, будто эти отношенія все болѣе и болѣе дѣлаются *соціалистическими*, между тѣмъ какъ правовой порядокъ все болѣе пропитывается духомъ *капитализма*. Марксъ и „ортодоксальные“ марксисты никогда, разумѣется, этого не утверждали; но приписанная имъ „коренная“ несообразность, прямо-„*противорѣчащая*“ другой „коренной“ несообразности, приписанной имъ тѣмъ же „критикомъ“ въ другомъ мѣстѣ, чрезвычайно хорошо характеризуетъ царствующій въ головѣ г. П. Струве хаосъ представленій о Марксовой теоріи соціальнаго развитія!

VII.

Царствію этого хаоса нѣтъ конца. Мы неспособны изобразить его во всей его славѣ: для этого нужна была бы лира стараго Державина. Но для полноты характеристики мы укажемъ еще на одну „*неясность*“.

По словамъ г. П. Струве, въ Марксовой теоріи понятіе: *совокупность производственныхъ отношеній даннаго общества* покрывается понятіемъ: совокупность конкретныхъ правовыхъ отношеній. Чтобы читатель могъ судить, такъ ли это, мы приведемъ два — три примѣра:

Первый примѣръ. Взаимныя отношенія производителей въ современной механической мастерской представляютъ собою, какъ мы видѣли, общественное отношеніе производства. Но эти ихъ взаимныя отношенія въ процессѣ производства не составляютъ никакого правового отношенія между ними. Правовое отношеніе существуетъ между ними и ихъ нанимателемъ. Но это уже совсѣмъ „изъ другой оперы“.

Второй примѣръ. *Стоимость* есть (по Марксу) общественное отношеніе производства. Но понятіе о стоимости совсѣмъ не покрывается понятіемъ о правовыхъ отношеніяхъ людей, вступающихъ въ мѣновыя сдѣлки другъ съ другомъ.

Третій примѣръ. *Конкурренція* есть производственное отношеніе, свойственное буржуазному обществу. Она даетъ поводъ къ возникновенію многихъ правовыхъ отношеній. Но понятіе о ней вовсе не покрывается понятіемъ объ этихъ правовыхъ отношеніяхъ.

Четвертый примѣръ. *Капиталъ* . . . Но довольно! Читатель и самъ видитъ, что г. П. Струве опять страшно пу-

таетъ. А мы прибавимъ отъ себя развѣ лишь то, что въ этомъ случаѣ нашъ „критикъ“ былъ вовлеченъ въ свою странную ошибку Штамплеромъ, отъ вліянія котораго онъ не могъ уберечься.

Возвращаемся къ центральному пункту позиціи нашего „критика“: къ его разсужденіямъ о различныхъ формулахъ общественнаго развитія.

Мы сказали сначала, что ни одинъ „ортодоксальный“ марксистъ не согласится признать правильной его первую формулу. Потомъ, критикуя г. П. Струве, мы настаивали на томъ, что общественное развитіе совершается путемъ *обостренія* противорѣчій, а не путемъ ихъ *притупленія*. Иной читатель принялъ это, пожалуй, за признаніе правильности той самой формулы, которую мы же объявили ошибочной. Вотъ почему мы находимъ нужнымъ объясниться, напоминая при этомъ читателю, что самъ Марксъ былъ не охотникъ до „формулъ“ и ѣдко смѣялся въ своей „*Нищетѣ Философіи*“ надъ Прудономъ за его пристрастіе къ нимъ.

Читатель не забылъ сочиненной г. П. Струве „формулы противорѣчія“.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	4 B
5 A	5 B
6 A	6 B
. . .	. . .
n A	n B

Откуда взялось здѣсь *A*? Откуда взялось *B*? Служитъ-ли *A* причиной существованія *B*? Служитъ-ли *B* причиной существованія *A*? Все это „покрыто мракомъ неизвѣстности“. Отъ г. П. Струве мы узнаемъ только, что между *A* и *B* существуетъ *взаимодѣйствіе*. Но его формула не выражаетъ даже и взаимодѣйствія: она только указываетъ, что *B растетъ прямо пропорціонально росту A*. Г. П. Струве удовольствовался этимъ указаніемъ, полагая, что формула, выражающая отношеніе роста *B* къ росту *A*, съ достаточной полнотой изображаетъ взглядъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ на ходъ общественнаго развитія. „Каждое изъ двухъ явленій *A* и *B* растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ — говоритъ онъ. — Одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія: *n A* уничтожаетъ *n B*“.

Но если n A уничтожаетъ n B, то этотъ окончательный результатъ „взаимодѣйствія“ между двумя явленіями тоже долженъ былъ бы найти свое выраженіе въ первой формулѣ г. П. Струве. Между тѣмъ, она этого результата не выражаетъ; ея послѣдній членъ:

$$\frac{n\,A}{n\,B}$$

указываетъ только на то, что B растетъ прямо пропорціонально росту A, а вовсе не на то, что ростъ A приводитъ къ уничтоженію B. Стало быть, формула г. П. Струве должна быть прежде всего исправлена такъ:

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
. .	. . .
n A	n B
n [вѣрнѣе : (n + x)] A	0 B

Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, соотвѣтствуетъ-ли эта, нѣсколько исправленная формула ходу соціальнаго развитія тамъ, гдѣ онъ совершается путемъ *обостренія* противорѣчій.

Возьмемъ для примѣра соціальную революцію, которая имѣла мѣсто во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ Великой Французской Революціи. Эта *соціальная революція* окончательно уничтожила „старый порядокъ“ и положила начало полному и непосредственному господству буржуазіи. Но она была подготовлена длиннымъ, многовѣковымъ процессомъ *соціальной эволюціи*. Борьба третьяго сословія съ духовной и свѣтской аристократіей началась уже въ XIII вѣкѣ и, принимая самые различные виды, не прекращалась вплоть до 1789-го года.*) Буржуазія, вступившая въ этомъ году въ генеральное сраженіе со своими историческими врагами, была создана — по справедливому замѣчанію *„Коммунистическаго Манифеста“* — длиннымъ рядомъ переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. Каждой ступени роста ея *экономическаго* могущества соотвѣтствовали извѣстныя *политическія* (т. е., стало быть, *правовыя*) завоеванія. Чрезвычайно сильно ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что феодальный порядокъ оставался неизмѣннымъ отъ начала до конца своего существованія. Побѣды, которыя одер-

*) „Elle (la Révolution) a pris, il est vrais, le monde à l'improviste, et cependant elle n'était que le complement du plus long travail, la terminaison soudaine et violente d'une oeuvre qui avait passé sous les yeux de dix générations d'hommes“. A. de Tocqueville, l'Ancien Régime et la Révolution, 2-me édition, Paris 1856, p. 55.

живала стремившаяся впередъ буржуазія, постоянно видоизмѣняли феодальный общественный строй, безпрестанно внося въ него тѣ или другія, болѣе или менѣе значительныя *реформы*. Казалось бы, что эти реформы должны были *„притуплять“* противорѣчія, существовавшія въ нѣдрахъ феодальнаго общества, и тѣмъ подготовлять мирное, постепенное, почти незамѣтное торжество новаго порядка. На дѣлѣ вышло, какъ извѣстно, иначе. Реформы, которыхъ удавалось добиться буржуазіи, не только не *„притупляли“* противорѣчій между ея новаторскими стремленіями и старымъ общественнымъ порядкомъ, но, совершенно наоборотъ, давая новый толчокъ росту ея силъ, онѣ еще болѣе развивали эти стремленія и тѣмъ еще болѣе *обостряли* это противорѣчіе, постепенно подготовляя ту общественную бурю, съ началомъ которой рѣчь пошла уже не *о реформѣ*, а *о революціи*, не о *преобразованіяхъ внутри стараго* порядка, а о *полномъ* его *устраненіи*.*) Вотъ почему ненависть третьяго сословія къ старому порядку была наканунѣ революціи несравненно сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде.**) По замѣчанію Токвилля, предшествовавшее разрушеніе части феодальныхъ учрежденій сдѣлало во сто разъ ненавистнѣе ту часть ихъ, которая еще оставалась.***) Это замѣчаніе справедливо въ той мѣрѣ, въ какой оно содержитъ въ себѣ ту истину, что уступки, дѣлаемыя *старымъ новому*, совсѣмъ *не „притупляютъ“* того противорѣчія, которое существуетъ между *новымъ* и *старымъ*. Но оно не вѣрно, поскольку Токвилль хочетъ сказать, что наканунѣ революціи феодальный гнетъ былъ во Франціи гораздо слабѣе, чѣмъ когда либо прежде. Отмѣна *нѣкоторой части* феодальныхъ учрежденій еще не означала *ослабленія* феодальнаго гнета: быстрое развитіе новыхъ общественныхъ потребностей могло сдѣлать — и, какъ видимъ, дѣйствительно сдѣлало — *уцѣлѣвшую часть* болѣе вредною для общественнаго движенія, а потому и болѣе гнетущею, болѣе ненавистною, чѣмъ была нѣкогда вся, цѣликомъ взятая, феодальная система.†) Къ тому же и при старомъ

*) „D'époque en époque la législation a été amenée ainsi à toucher aux attributs seigneuriaux. Cela s'est vu partout, et partout il a sonné une heure où il ne s'est pas agi d'y porter la réforme uniquement, de les déplacer ou de les restreindre, mais de les faire disparaitre sans retour.“ Henri Doniol, La Révolution Française et la Féodalité. Seconde édition, Paris 1876, p. 6.

**) „C'est pourquoi ce siècle avait tant de répulsion vis-à-vis de la féodalité et des droits seigneuriaux.“ Doniol, тамъ же, та же страница.

***) L. c. p. 72.

†) Это тѣмъ болѣе вѣрно, что было время, когда феодальная система не *задерживала* общественнаго движенія, а, наоборотъ, *содѣйствовала* ему.

порядкѣ были (да проститъ мнѣ читатель этотъ галлицизмъ) учрежденія и учрежденія. Самъ Токвилль признаетъ, что во Франціи, съ теченіемъ времени, привилегіи, отдѣлявшія дворянина отъ буржуа, *не уменьшались, а увеличивались.**) По его собственнымъ словамъ, человѣку средняго сословія было легче сдѣлаться дворяниномъ въ царствованіе Людовика XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. И онъ же говоритъ, что вообще французское дворянство тѣмъ болѣе превращалось въ *касту*, чѣмъ болѣе оно переставало быть *аристократіей.***) И все это вполнѣ подтверждаютъ другіе историки. Такъ, Доніоль указываетъ, что наканунѣ революціи всѣ жаловались именно на увеличеніе феодальнаго гнета. „Каждая мѣстность жалуется на значительное увеличеніе (феодальныхъ притѣсненій) и старается подтвердить свою жалобу фактами.***) Альфредъ Рамбо столь же категорически высказываетъ ту мысль, что реформы, вырванныя буржуазіей у аристократіи, не ослабили стѣснительности стараго порядка. „Между тѣмъ какъ старый порядокъ пытался устранить нѣкоторые свои недостатки, — говоритъ этотъ изслѣдователь, — онъ какъ будто умышленно увеличивалъ всѣ остальные. Это (т. е. время, непосредственно предшествовавшее революціи) была именно эпоха, когда эдикты 1779-го, 1781-го и 1788-го г. г. закрыли лицамъ, происходящимъ изъ третьяго сословія (roturiers), доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи; когда дворъ, не смѣя издать особый эдиктъ по этому поводу, рѣшаетъ, однако, руководиться на будущее время тѣмъ правиломъ, что „доходы со всѣхъ принадлежащихъ духовенству имуществъ, начиная самыми скромными настоятельствами и кончая самыми богатыми аббатствами, будутъ доставаться лицамъ дворянскаго происхожденія“; когда парламенты отказывались принимать въ свою среду лицъ, не могущихъ доказать, что они въ своей родословной имѣютъ уже два поколѣнія дворянъ, и когда бордоскій парламентъ

Фюстель де Куланжъ справедливо замѣчаетъ, говоря о феодальныхъ замкахъ: „Six siècles plus tard les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'élevèrent, ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles n'étaient pas faite contre eux, mais pour eux.“ (Histoire des Institutions politiques de l'Ancienne France, tome VI, 682—683). То же можно сказать и о всей „феодальной организаціи земледѣлія и промышленности“.

*) Ibid. pp. 143, 154, 155, 156.

**) Ibid. pp. 156 et 157.

***) La Révolution Française et la Féodalité, p. 44; ср. также стр. 42: „Qui plus est, tout cela est signalé pour avoir pris récemment une intensité nouvelle“.

въ продолженіе двухъ лѣтъ отказывался признать своимъ президентомъ совѣтника Дюпати. Такъ какъ высшія судебныя учрежденія были въ рукахъ дворянъ, то люди средняго сословія и сельскія общества теряли всѣ процессы, которые имъ случалось начинать противъ притязаній *господъ*; это повело къ усиленію *феодализма* въ деревняхъ. Королевское правительство поощряетъ преслѣдованія, начинаемыя землевладѣльцами и ихъ уполномоченными противъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ наказахъ 1789-го года третье сословіе требуетъ, чтобы парламенты были на-половину составлены изъ не-дворянъ: имъ пришлось, такимъ образомъ, добиваться гарантій, которыхъ добивались еще гугеноты въ царствованіе Генриха IV. Повсюду проникающій духъ реакціи сказывается какъ въ постановленіи парижскаго парламента, осудившаго на сожженіе книгу Бонсерфа о феодальныхъ правахъ (1776-й г.), такъ и въ запрещеніи употреблять косы при уборкѣ хлѣба или въ распоряженіи 1784-го года, согласно которому длина платковъ, выдѣлываемыхъ во французскомъ королевствѣ, должна была равняться ихъ ширинѣ. Наконецъ, сама королевская власть, лишая парламенты всякаго права контроля надъ законодательствомъ и финансами, и силой разгоняя эти собранія въ 1788-мъ году, стремилась установить то, что прежде никогда не существовало во Франціи: режимъ безграничнаго произвола. „Она становилась деспотичнѣе правительства Людовика XIV въ то самое время, когда дѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что оно неспособно употребить свою власть на общую пользу.“*)

Въ противоположность только что цитированнымъ нами французскимъ изслѣдователямъ, русскій ученый, М. М. Ковалевскій рѣшительно порицаетъ употребленіе термина *феодализмъ* въ примѣненіи къ соціально-экономической структурѣ Франціи XVIII вѣка. „Ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ Франціи, — говоритъ онъ, — какъ окрещиваніе ихъ именемъ феодальныхъ. Этотъ терминъ примѣнимъ къ нимъ такъ же мало, какъ, напримѣръ, къ русской помѣстной системѣ нака-

*) Histoire de la civilisation française, sixième édition, tome second, pp. 599—600. Рамбо совершенно соглашается съ мнѣніемъ цитируемаго имъ Chérest, который говоритъ: „Наши политическія учрежденія имѣли ту странную судьбу, что они не улучшались послѣ Генриха IV; вмѣсто того, чтобы прогрессировать вмѣстѣ съ теченіемъ времени и прогрессомъ идей и нравовъ, они шли назадъ вопреки нравамъ, идеямъ и времени. . . Правительство стараго порядка стало (наканунѣ 1789-го года) болѣе несовершенно и болѣе враждебно стремленіямъ образованныхъ классовъ, чѣмъ оно было въ средніе вѣка“.

нунѣ 1861-го года“*) Но достаточно прочитать ту самую главу (вторую перваго тома), изъ которой мы заимствуемъ приводимыя нами строки, чтобы видѣть, до какой степени французское земледѣліе и французскій земледѣльческій классъ страдали отъ *выживанія* тѣхъ порядковъ, которыя самъ г. М. Ковалевскій называетъ *феодальными*. Кромѣ того, г. М. Ковалевскій, — въ полномъ согласіи съ цитированными нами французскими историками, — отмѣчаетъ, что наканунѣ революціи какъ само дворянство, такъ и королевская власть всѣми силами старались поддержать уцѣлѣвшія феодальныя учрежденія и усилить ихъ *практическое* значеніе. „Двадцатипятилѣтіе, предшествовавшее революціи, — пишетъ онъ, — представляетъ намъ рядъ попытокъ возстановить вышедшія изъ употребленія повинности и платежи.“**) И онъ же, — снова въ полномъ согласіи съ Токвилемъ и Доніолемъ, — говоритъ, что французское правительство того времени искусственно поддерживало своимъ законодательствомъ кастовый духъ и сословную исключительность.***)

Однимъ словомъ, книга русскаго изслѣдователя, подобно сочиненіямъ его иностранныхъ предшественниковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что эпоха, непосредственно предшествовавшая Великой Французской Революціи, ознаменовалась вовсе *не притупленіемъ*, а, наоборотъ, *очень сильнымъ обостреніемъ противорѣчій* между старымъ порядкомъ и новыми общественными нуждами. Но какъ г. М. Ковалевскій, такъ и французскіе историки показываютъ, что *это* обостреніе противорѣчій само было сложнымъ результатомъ длиннаго историческаго процесса, въ теченіе котораго старый порядокъ все болѣе и болѣе расшатывался, а его защитники теряли одну позицію за другою. Изъ этой неоспоримой исторической истины слѣдуетъ, во-первыхъ, что побѣды, одерживаемыя новаторами надъ консерваторами и ведущія къ *реформамъ*, не только *не исключаютъ революціи*, но, *напротивъ, ускоряютъ ея приближеніе*, вызывая у консерваторовъ естественные въ такихъ случаяхъ реакціонные порывы, а у новаторовъ жажду новыхъ побѣдъ и новыхъ завоеваній. И если бы мы захотѣли изобразить въ одной формулѣ этотъ историческій процессъ, въ которомъ *революція* является *однимъ изъ моментовъ эволюціи* и подготовляется *реформами*,†) то

*) Происхожденіе современной демократіи, томъ I, стр. 59.

**) L. c. стр. 124—125.

***) Ibid. стр. 49.

†) Г. П. Струве говоритъ... „Somit blieb es unserer Zeit vorbehalten, hinter den sozialen Reformen Fallstricke des Opportunismus zu wittern“

намъ понадобилось бы нѣчто гораздо болѣе сложное, нежели предлагаемая г. П. Струве „формула противорѣчія“. Мы не знаемъ формулы, способной дать сколько нибудь удовлетворительное выраженіе этому процессу. Но, на основаніи всего сказаннаго нами о ходѣ борьбы третьяго сословія со старымъ порядкомъ, мы можемъ все таки указать на необходимость существенныхъ поправокъ въ первой формулѣ г. П. Струве.

Если длинный историческій процессъ развитія элементовъ новаго общества знаменуется побѣдами новаторовъ и пораженіями консерваторовъ, то названная формула непремѣнно должна ясно и опредѣленно указывать на это чрезвычайно важное обстоятельство. А между тѣмъ мы не находимъ въ ней даже и намека на него. Она говоритъ, напротивъ, о томъ, что ростъ A неизмѣнно сопровождается прямо-пропорціональнымъ ростомъ B вплоть до того момента, когда $n\,A$ уничтожаютъ $n\,B$. Чтобы выражать истинный ходъ дѣла, она должна быть измѣнена, во-первыхъ, такъ:

A	n B
2 A	(n—1) B
3 A	(n—x) B
. . .	. . .
n A	B
m A	½ B

Здѣсь первый рядъ выражалъ бы постоянное развитіе новыхъ общественныхъ потребностей, а второй не менѣе постоянныя передѣлки стараго порядка, уступки, вырываемыя новаторами у консерваторовъ. Но такъ какъ эти уступки не исключаютъ, какъ мы уже знаемъ, *обостренія противорѣчія* между новымъ и старымъ, то къ имѣющимся у насъ *двумъ рядамъ* необходимо прибавить *третій*, выражающій *результатъ взаимодѣйствія* между постоянно растущимъ A и (*въ общемъ*, т. е. не смотря на временные успѣхи реакціонеровъ) столь же постоянно убывающимъ B. Прибавляя этотъ третій рядъ, мы получаемъ:

A	n B	C
2 A	(n—1) B	2 C
3 A	(n—x) B	3 C
. . .	. . .	. . .
n A	B	n C
m A	½ B	m C

(Ibid. S. 679). Онъ относитъ эти слова къ „ортодоксальнымъ“ марксистамъ. На основаніи сказаннаго нами въ текстѣ читатель видитъ, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ намъ, его упрекъ лишенъ всякаго основанія, а между тѣмъ вѣдь мы принадлежимъ, по его мнѣнію, къ числу ортодоксальнѣйшихъ изъ ортодоксальныхъ.

Какъ ни далека эта новая формула отъ *идеала*, — т. е. отъ того, чтобы давать полное выраженіе дѣйствительнаго хода развитія путемъ обостренія противорѣчій, — она все таки ближе къ дѣйствительности, чѣмъ первая формула г. П. Струве. Ея преимущество заключается въ томъ, что она чужда *односторонности*, и что въ ней, какъ и въ дѣйствительной жизни, реформы не исключаютъ революціи. Она показываетъ, напротивъ, что возможность революціи не только не исключается, но создается реформами: то, что близорукій или предубѣжденный взглядъ можетъ, пожалуй, принять за „*притупленіе*“ противорѣчій, на самомъ дѣлѣ является источникомъ ихъ *обостренія*.

VIII.

Повторяемъ, по нашему мнѣнію дѣйствительный ходъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ не можетъ быть выраженъ съ надлежащей полнотою одной какой нибудь формулой. Но именно по этой причинѣ полезно будетъ, пожалуй, сдѣлать еще одну попытку схематическаго выраженія этого хода.

Просимъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующую выписку за длину которой мы напередъ приносимъ ему самое искреннее извиненіе.

„Медленно и лишь путемъ тяжелой борьбы развивается господствующій порядокъ, подъ властью котораго живутъ и работаютъ люди. Послѣ долгой ломки, частыхъ возвращеній къ старому, невѣрныхъ попытокъ и усиленныхъ стремленій впередъ, — удается въ концѣ концовъ установить такой порядокъ, который на основаніи опыта прошлаго соотвѣтствовалъ бы потребностямъ настоящаго и подъ охраной котораго индивидуальныя силы наивозможно продуктивнѣе могли бы развиваться ко благу общества. Но какъ только устанавливается подобное благопріятное положеніе, тотчасъ выступаютъ на сцену новыя потребности, не предусмотрѣнныя ранѣе. Возникаетъ стремленіе видоизмѣнить существующее и постепенно передѣлать его. Въ противовѣсъ этому стремленію развивается съ другой стороны одностороннее стараніе сохранить въ полномъ объемѣ старое положеніе вещей. За тѣ формы, которыя были установлены въ видахъ общественной пользы, упрямо цѣпляются подъ конецъ частные, эгоистическіе интересы. Въ концѣ концовъ, сохраненія старыхъ формъ безъ измѣненія требуютъ только мнимые интересы, непонимая того значенія, которое эти формы когда-то имѣли. И въ заключеніе часто остается одна голая форма, совершенно

не способная къ жизни, рядомъ съ которой новая, свѣжая жизнь выливается въ совершенно иныя формы, пока, наконецъ въ одинъ прекрасный день старая форма не разрушается окончательно даже и во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ.“ *)

Здѣсь мы имѣемъ передъ собой тоже нѣчто въ родѣ формулы общественнаго развитія, правильности которой не станетъ, надѣемся, отрицать старый неугомонный „критикъ“: данныя *общественныя нужды* порождаютъ данныя *формы общежитія*, необходимыя для дальнѣйшаго поступательнаго движенія общества. Но это дальнѣйшее поступательное движеніе общества, ставшее возможнымъ благодаря даннымъ формамъ общежитія, порождаютъ *новыя общественныя нужды*, которымъ уже не соотвѣтствуютъ *старыя формы общежитія*, созданныя *прежними нуждами*. Такимъ образомъ возникаетъ *противорѣчіе*, которое все болѣе и болѣе растетъ подъ вліяніемъ продолжающагося общественнаго движенія и приводитъ, наконецъ, къ тому, что старыя формы общежитія, нѣкогда созданныя насущными нуждами общества, утрачиваютъ всякое общеполезное содержаніе. Тогда онѣ отмѣняются, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, и замѣняются *новыми*.

Эта (объективная) „формула прогресса“ выражаетъ, какъ видитъ читатель, взаимное отношеніе („взаимодѣйствіе“) между *содержаніемъ* и *формой*. Содержаніе, это — *общественныя потребности*, требующія удовлетворенія; форма, это — *общественныя учрежденія*. Содержаніе родитъ форму и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ дальнѣйшее развитіе. Но его дальнѣйшее развитіе дѣлаетъ неудовлетворительной его форму; возникаетъ противорѣчіе; противорѣчіе ведетъ къ борьбѣ; борьба — къ уничтоженію *старой* формы и къ замѣнѣ ея *новой*, которая въ свою очередь обезпечиваетъ дальнѣйшее развитіе содержанія, которое дѣлаетъ ее не удовлетворительной и т. д., и т. д., до тѣхъ поръ, пока не остановится развитіе. Это тотъ самый законъ, о которомъ покойный Н. Г. Чернышевскій говоритъ слѣдующими краснорѣчивыми словами:

„Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія! Кто понялъ этотъ великій, вѣчный,

*) Адольфъ Гельдъ, Развитіе крупной промышленности въ Англіи, стр. 19.

повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію, — о какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach' auf nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ."

Этотъ великій *законъ отверженія формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго роста того же содержанія*, есть въ самомъ дѣлѣ *повсемѣстный* законъ, потому что ему подчинено развитіе не только *общественной*, но также и *органической* жизни.*) И онъ, дѣйствительно, *вѣченъ* въ томъ смыслѣ, что его дѣйствіе пократится только тогда, когда прекратится всякое развитіе. Но этотъ великій, повсемѣстный и вѣчный законъ есть въ то же время та *„формула противорѣчія"*, которая едва ли не лучше всѣхъ другихъ выражаетъ взглядъ Маркса на ходъ соціальнаго развитія.

Во второй части третьяго тома *„Капитала"* мы читаемъ: „Поскольку процессъ труда является простымъ процессомъ между человѣкомъ и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всѣхъ общественныхъ формахъ его развитія. Но каждая опредѣленная историческая форма этого процесса развиваетъ далѣе его матеріальныя основы и его общественныя формы. Дойдя до извѣстной ступени зрѣлости, данная историческая форма устраняется и уступаетъ мѣсто высшей формѣ. Что моментъ такого кризиса наступилъ, это обнаруживается тогда, когда противорѣчіе и противоположность между отношеніями распредѣленія,

*) „Denn das ganze Leben ist eine kontinuelle Kette von Bewegungserscheinungen der organischen Materie, welche immer mit entsprechenden Formveränderungen verknüpft ist." Häckel, Generelle Morphologie der Organismen, XVII. Kapitel. Съ поразительной ясностью и наглядостью проявляется этотъ законъ въ эмбріологіи животныхъ, развивающихся путемъ метаморфоза, напримѣръ, нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (Diptera, Lepidoptera etc.). Метаморфозъ бываетъ, какъ извѣстно, *неполный* и *полный*. При полномъ метаморфозѣ *личинка*, превращаясь въ *куколку*, покрывается особой *оболочкой*, которая *защищаетъ* ее отъ неблагопріятныхъ воздѣйствій со стороны внѣшняго міра. Когда заканчивается серія совершающихся въ организмѣ куколки преобразованій, эта предохранительная оболочка становится *излишней;* она мѣшаетъ дальнѣйшимъ жизненнымъ отправленіямъ организма, *противорѣчитъ* имъ, и потому разрывается, когда противорѣчіе достигаетъ надлежащей степени интенсивности. Тутъ происходитъ, стало быть, революціонный взрывъ, *перерывъ постепенности*. Природа вообще большая революціонерка и мало заботится о „притупленіи" противорѣчій.

а слѣдовательно также и между опредѣленнымъ историческимъ видомъ соотвѣтствующихъ имъ отношеній производства съ одной стороны и производительными силами... съ другой, достигаетъ извѣстной ширины и глубины. Тогда возникаетъ столкновеніе между матерьяльнымъ развитіемъ производства и его общественной формой.“*)

Производительное воздѣйствіе общественнаго человѣка на природу и совершающійся въ процессѣ этого воздѣйствія ростъ производительныхъ силъ, это — *содержаніе*; экономическая структура общества, его имущественныя отношенія, это — *форма*, порожденная даннымъ содержаніемъ (данной ступенью „развитія матеріальнаго производства“) и отвергаемая вслѣдствіе *дальнѣйшаго развитія того же содержанія*. Разъ возникло противорѣчіе между формой и содержаніемъ, оно не „притупляется“, а *растетъ*, благодаря не останавливающемуся росту содержанія, который далеко оставляетъ за собою способность старой формы измѣняться сообразно новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ рано или поздно наступаетъ такой моментъ, когда становится необходимымъ устраненіе *старой формы* и замѣщеніе ея *новою*. Таковъ смыслъ Марксовой теоріи соціальнаго развитія.

Кто понялъ этотъ вполнѣ ясный и въ то же время чрезвычайно глубокій смыслъ, тотъ понялъ также и революціонное значеніе *Марксовой діалектики* въ ея примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ.

„Въ своемъ мистифицированномъ видѣ, — говоритъ Марксъ, — діалектика была нѣмецкой модой, потому что она оправдывала, повидимому, существующій порядокъ вещей. Въ своемъ раціональномъ видѣ она непріятна буржуазіи и ея теоретикамъ, потому что она, объясняя существующее, объясняетъ также его отрицаніе и его неизбѣжное уничтоженіе; потому что она разсматриваетъ каждую данную форму въ ходѣ движенія, т. е. стало быть съ ея преходящей стороны; потому что она не останавливается ни передъ чѣмъ, будучи критической и революціонной по своему существу.“**)

---

*) Das Kapital, III. Band, II. Theil, S. 420—421.

**) Das Kapital, Vorwort zur zweiten Auflage, S. XIX. Въ виду этихъ объясненій Маркса является страннымъ, — но въ то же время и очень характернымъ для „критиковъ“ à la П. Струве — то обстоятельство, что эти господа объявляютъ діалектику самымъ слабымъ мѣстомъ въ теоріи Маркса. „In der Entwicklungslehre, welche unstreitig das Charakteristikum und die Glanzleistung des Marxschen Sozialismus bildet, — говоритъ г. Струве, — liegt auch seine verwundbare Stelle, und sie liegt eben in der angeblich unüberwindlichen „Dialektik“. (Ibid. S. 686). Въ чемъ тутъ дѣло, ясно показываютъ непосредственно слѣдующія за этимъ мѣстомъ слова того же

Станьте на точку зрѣнія Марксовой діалектики, читатель, и вы сами увидите тогда, какъ отчаянно слабы и какъ смѣшно неуклюжи потуги господъ „критиковъ“, усиливающихся внести въ теорію Маркса нѣкій *„притупляющій“* элементъ! Васъ не смутятъ многочисленныя *„неясности“*, вносимыя этими господами въ истолкованіе Марксовой теоріи. И если вы, наконецъ, выйдете изъ себя, то вовсе не потому, что васъ раздражитъ сила ихъ *доводовъ*, а потому, что вамъ покажется непозволительной и возмутительной та *претензія* ихъ, благодаря которой многіе изъ нихъ считаютъ и называютъ себя *марксистами*. Мы понимаемъ, что эта странная претензія заслуживаетъ самаго строгаго осужденія, и мы не удивимся поэтому, если вы нетерпѣливо воскликнете: Помилуйте, гг. критики! Какіе ж вы марксисты?! Марксъ сѣялъ драконовъ, а вы только . . ну, словомъ, вы — организмы совсѣмъ другого рода!

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ безуспѣшно „критикуетъ“ г. П. Струве, опираясь на „критическую“ философію, Марксово понятіе о соціальной революціи. Тамъ же мы ознакомимся съ тою его аргументаціей, которая направляется противъ — такъ называемой гг. критиками — *Марксовой теоріи обнищанія пролетаріата* и въ защиту давно уже выставленной буржуазными апологетами *теоріи притупленій противорѣчій, существующихъ въ капиталистическомъ обществѣ*.

Г. Плехановъ.

г. Струве: „Man wird die vielen Widersprüche nicht los, wenn man nicht ganz entschieden den Gedanken der „sozialen Revolution“ als theoretischen Begriff fallen lässt“. У Гёте Фаустъ говоритъ Мефистофелю: das Pentagramma macht dir Pein? О нашемъ „критическомъ умѣ“ можно сказать, что ему macht Pein понятіе о соціальной революціи (иначе: Zusammenbruchstheorie) въ связи съ понятіемъ о *политической революціи, знаменующей собою диктатуру пролетаріата.*

Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“.

На страницѣ LI своего Vademecum'а товарищъ Плехановъ, перечисляя разнаго рода изданія революціонной литературы, упоминаетъ и изданія редакціи „Рабочаго Дѣла“, которая — какъ то видно изъ ея программной статьи, напечатанной въ первомъ номерѣ ея журнала, и изъ нѣкоторыхъ другихъ ея заявленій — склоняется къ эклектизму, тщетно стараясь примирить Маркса съ г. В. И—мъ, однимъ изъ соредакторовъ“. Какъ видно изъ отвѣта редакціи, заявленіе это приводитъ ее въ особое негодованіе. „Внезапное открытіе „эклектической“ ереси — говоритъ она — есть не болѣе, какъ полемическій пріемъ въ борьбѣ съ реорганизованнымъ союзомъ.“ Редакція „Рабочаго Дѣла“ настолько увѣрена въ своей правотѣ, что позволяетъ себѣ слѣдующее, странно звучащее заявленіе: „Нѣтъ, г. Плехановъ отлично знаетъ и знаетъ, что такой ереси въ программѣ „Рабочаго Дѣла“ нѣтъ. Онъ просто прикрывается принципами для того, чтобы дискредитировать организацію нынѣшняго союза“ и т. д. въ томъ же духѣ. Рискуя навлечь на себя такое же тяжкое обвиненіе, я съ первыхъ же строкъ долженъ заявить, что я безусловно согласенъ съ товарищемъ Плехановымъ. На тѣхъ основныхъ взглядахъ, которыми Союзъ и редакція обѣщали „руководиться въ своей дѣятельности“, лежитъ явственная печать эклектизма.

Я оставляю въ сторонѣ формальные недостатки этой программы: ихъ легче всего устранить. Меня интересуетъ только „сущность“ дѣла. Такъ называемые „практики“ (явленіе въ рядахъ соціаль-демократіи столь же непормальное, какъ и чистые теоретики) не придаютъ большого значенія программнымъ вопросамъ. Дѣйствительно, „jeder Schritt wirklicher Bewegung ist wichtiger als ein Dutzend Programme“. Но если плохая программа можетъ принести много вреда, то хорошая можетъ принести только пользу. Только при свѣтѣ ясно формулированныхъ принциповъ можемъ мы твердо и увѣренно разбираться въ сложномъ лабиринтѣ общественныхъ явленій: лишь выяснивъ себѣ ясно и опредѣленно, что мы такое и чего мы хотимъ, мы не рискуемъ уклониться на путь компромиссовъ, какъ въ области теоріи, такъ и въ области практики. Для насъ, русскихъ соціаль-демократовъ, болѣе, чѣмъ для кого-либо, обязательна чистота принциповъ и болѣе, чѣмъ для кого либо, непростительно отступленіе отъ нихъ. Мы имѣемъ за собой богатый опытъ нашихъ западно-европейскихъ товарищей. Онъ въ достаточной степени показываетъ, какъ гибельно дѣйствуютъ на дѣло всякія уклоненія въ сторону. Le mort saisit le vif. Для нашей партіи, партіи будущаго par excellence, настоятельно необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ шагъ нашъ, сдѣланный въ настоящемъ, не служилъ бы камнемъ преткновенія для нашего движенія въ будущемъ.

Русской соціаль-демократіи предстоитъ еще болѣе тяжелый путь, чѣмъ нашимъ западно-европейскимъ товарищамъ. Россія многими частями своими проходитъ теперь чрезъ „періодъ первоначальнаго накопленія“. Поэтому намъ, русскимъ соціаль-демократамъ, приходится уже въ *настоящемъ* стать въ опредѣленное отношеніе ко многимъ такимъ явленіямъ, съ которыми нашимъ товарищамъ на Западѣ пришлось считаться post festum.

И чѣмъ вѣрнѣе будетъ эта оцѣнка *въ настоящемъ*, тѣмъ болѣе соціал-демократическій анализъ будетъ подтверждаться критикой исторіи, тѣмъ больше выиграетъ наше движеніе *въ будущемъ*.

Своеобразное развитіе Россіи, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить, возлагаетъ на плечи русскаго пролетаріата, между прочимъ, и тяжелую работу очищенія нашего соціально-политическаго строя отъ всякой скверны, унаслѣдованной отъ предыдущихъ общественныхъ формацій. Въ западной Европѣ эта работа была отчасти сдѣлана различными слоями буржуазіи, но и тамъ она сдѣлана была тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе активное участіе принималъ въ борьбѣ пролетаріатъ, толкая впередъ буржуазію. У насъ же еще въ большей степени, чѣмъ въ Германіи и Австріи, эту работу долженъ взять на себя пролетаріатъ, организованный въ соціаль-демократическую партію. И эту работу онъ выполнитъ тѣмъ скорѣе и тѣмъ лучше, чѣмъ лучше онъ выяснитъ себѣ условія и задачи своей дѣятельности. Понятно, поэтому, какъ „трудна“ и „отвѣтственна“ обязанность редактированія органа, который долженъ откликаться на всѣ возникающіе вопросы все болѣе и болѣе растущаго соціаль-демократическаго движенія и освѣщать съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата явленія все болѣе и болѣе усложняющейся дѣйствительности.

Приступимъ теперь къ разбору основныхъ взглядовъ, которыми *„Союзъ* и редакція будутъ руководиться въ своей литературной дѣятельности“.

„Заграничный Союзъ Русскихъ Соціаль-Демократовъ дѣйствуетъ на почвѣ международнаго соціализма въ идейномъ и практическомъ согласіи съ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіей, часть которой онъ составляетъ.“

„Дѣйствуетъ на почвѣ международнаго соціализма“? Неясно. Почва международнаго соціализма составлена изъ различныхъ элементовъ. Есть соціализмъ, представляющій „собою различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и неглубокихъ критическихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь, тѣмъ легче получаемую, чѣмъ скорѣе ея составныя части утрачиваютъ свои острые углы и грани въ потокѣ дебатовъ, — какъ камешки въ ручьѣ“. Есть научный соціализмъ, ставящій себѣ задачу „изслѣдовать историческія условія и самую природу соціально-экономическаго переворота и такимъ образомъ выяснить призванному къ его совершенію, теперь угнетенному классу значеніе его собственнаго дѣла“. Есть и соціализмъ, представляющій собою уродливую смѣсь изъ плохо усвоенныхъ положеній Маркса и очищеннаго Бемъ-Баверкизма, сдобренную глубокомысленной критикой Зомбартовъ и Зиммелей. Каждый изъ этихъ соціализмовъ одинаково *международенъ*. Слѣдующая за вышеприведенной фраза, казалось бы, не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію. Подъ почвой международнаго соціализма подразумѣвается почва научнаго соціализма. Но это только кажется. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ эта фраза? „Эта дѣятельность можетъ быть цѣлесообразною лишь подъ условіемъ, если она, во-первыхъ руководится не только общими принципами научнаго соціализма, но и конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ въ Россіи и насущными потребностями русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія; если она, во-вторыхъ, считается съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса“. Какой смыслъ имѣетъ въ этой фразѣ „не только — но и“? Развѣ научный соціализмъ не отличается отъ ненаучнаго именно тѣмъ, что онъ всегда (употребляю неловкую формулировку программы) руководится „конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ“? Развѣ научный соціализмъ не настаиваетъ на непрестанномъ изученіи дѣйствительности?

Что представляютъ собою теоретическія положенія научнаго соціализма, если не „общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія“? Но редакція скажетъ, быть можетъ, что она говорила о конкретномъ соотношеніи общественныхъ классовъ въ Россіи? Для чего же въ такомъ случаѣ это „не только — но и“?*)

Народники всѣхъ оттѣнковъ насъ всегда упрекали и упрекаютъ въ томъ, что мы, соціаль-демократы, безъ всякой критики переносимъ на почву россійской дѣйствительности положенія научнаго соціализма, выросшаго въ другой сферѣ. Въ этомъ особенно сильно упрекали группу „Освобожденіе Труда“. А за послѣднее время и въ рядахъ соціаль-демократовъ, особенно такъ называемыхъ „практиковъ“, часто слышатся голоса, указывающіе на „мертвенность“, „абстрактность“, „доктринерство“ какой-то „прежней“ программы. Мнѣ вотъ и кажется, что это „не только, но и“ объясняется желаніемъ избѣжать такихъ упрековъ и противопоставить программѣ доктринеровъ, „омертвѣвшихъ теоретиковъ“, знать ничего не желающихъ, кромѣ принциповъ научнаго соціализма, программу „живую“, отвѣчающую на запросы „конкретной“ „насущной“ дѣйствительности. Желаніе очень похвальное, но одно уже противопоставленіе научнаго соціализма и „конкретнаго соотношенія общественныхъ классовъ“ показываетъ, что редакція не совсѣмъ еще разобралась въ „принципахъ научнаго соціализма“. Если предположить, что существовала такая группа, которая не хотѣла обращать никакого вниманія на конкретное соотношеніе общественныхъ классовъ и т. д. и т. д., то редакціи и Союзу оставалось бы только показать этой группѣ, что она является живымъ contradictio in adjecto. Такое же „не только — но и“ даетъ непосвященнымъ совершенно извращенное представленіе о научномъ соціализмѣ.

Что значитъ далѣе „руководиться насущными потребностями русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія“?

„Въ той же самой степени, въ какой развивается буржуазія, т. е. капиталъ, развивается и пролетаріатъ, классъ современныхъ работниковъ, которые только тогда и могутъ существовать, когда находятъ работу, а находятъ ее только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу. Эти работники, вынужденные продавать себя поштучно, представляютъ собою такой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ торговли, потому находятся въ зависимости отъ всѣхъ случайностей конкурренціи, отъ всѣхъ колебаній рынка... Пролетаріатъ *проходитъ чрезъ различныя степени развитія*. Его борьба противъ буржуазіи, т. е. рабочее движеніе начинается съ самымъ его существованіемъ. Сначала рабочіе борются по одиночкѣ, потомъ сплачиваются рабочіе одной фабрики, далѣе одной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности, противъ отдѣльныхъ, непосредственно ихъ эксплуатирующихъ буржуа.“ „Но съ развитіемъ промышленности увеличивается не только численный составъ пролетаріата; онъ формируется въ большія массы, сила его растетъ, и онъ болѣе сознаетъ ея присутствіе“. Начинается *массовое* рабочее движеніе. Но и на этой ступени развитія рабочее движеніе еще долго можетъ оставаться *только* рабочимъ движеніемъ. Являясь продавцами товаровъ, какъ и остальные классы капиталистическаго общества, рабочіе имѣютъ „потребности“ и „интересы“, во многомъ совпадающіе съ „потребностями“ и „интересами“ другихъ классовъ. Самая „насущная“ потребность — это продажа своего

*) Въ первомъ параграфѣ устава стараго Союза Русскихъ Соціаль-Демократовъ сказано: „С. Р. С.“ стоитъ на почвѣ *международнаго научнаго* соціализма“.

товара при наиболѣе нормальныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Это стремленіе добиться наиболѣе нормальныхъ и выгодныхъ условій для продажи своего товара — рабочей силы — можетъ принимать различныя формы вплоть до открытаго протеста противъ существующихъ *политическихъ* условій. Мы будемъ имѣть тогда *стихійное массовое* движеніе, а затѣмъ и *сознательное массовое* движеніе. Но и отъ послѣдняго еще далеко до *соціаль-демократическаго* рабочаго движенія. „Съ развитіемъ капиталистическаго производства образуется такой рабочій классъ, который вслѣдствіе своего воспитанія, традицій, привычекъ, признаетъ требованія этого способа производства за очевидные законы природы.*) Пусть являются идеологи, доказывающіе, что такое рабочее движеніе ни къ чему привести не можетъ, если не будетъ измѣненъ „принципъ, лежащій въ основѣ общественнаго строя“, пусть твердятъ они рабочимъ, о соціализмѣ — пролетаріатъ долго еще будетъ оставлять безъ всякаго вниманія ихъ страстные призывы. Требуется немало времени, пока рабочее движеніе, будь оно тысячу разъ массовое, изъ движенія, направленнаго *только* противъ ненормальныхъ условій продажи товара — рабочей силы, превратится въ движеніе, цѣлью котораго будетъ уничтоженіе тѣхъ условій, при которыхъ продукты, — а на извѣстной ступени развитія ихъ и сама человѣческая рабочая сила, — становятся товарами. Тогда только борьба пролетаріата съ буржуазіей, или рабочее движеніе, достигаетъ той ступени, „на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго класса (буржуазіи), только освободивъ навсегда все общество отъ эсплуатаціи, угнетенія и борьбы классовъ“. Развитіе классового самосознанія, разъясненіе пролетаріату его „исторической миссіи“, борьба съ цѣлью добиться условій, облегчающихъ эту работу — вотъ главная задача соціаль-демократіи, слѣдовательно и русской. Ея обязанность поэтому „на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, всегда защищать общіе интересы движенія въ его цѣломъ“ и это для нея тѣмъ легче, что „являясь на практикѣ самой рѣшительной, всегда впередъ стремящейся частью рабочихъ партій, — она имѣетъ предъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаетъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія“.

Редакція скажетъ, что я уклоняюсь въ сторону. Она, вѣроятно, скажетъ также, что все это ей хорошо извѣстно. Тѣмъ лучше.

Вернемся же къ вышеприведенному положенію. О какихъ насущныхъ потребностяхъ русскаго рабочаго движенія говоритъ редакція? Что значатъ слова — „на данной ступени его развитія“? Я, напримѣръ, вмѣстѣ съ

---

*) Существованіе такого класса въ обширныхъ размѣрахъ объясняетъ намъ въ значительной степени упорное сопротивленіе англійскихъ рабочихъ соціалистической „заразѣ“. Своеобразныя условія развитія Россіи въ высшей степени затрудняютъ образованіе такого класса. Нашъ капитализмъ датируетъ чуть не со вчерашняго дня и ему трудно будетъ скрыть свои подвиги подъ слоемъ пыли многовѣковой исторіи. Объ этомъ позаботятся соціаль-демократы, которые своей безпощадной критикой всѣхъ способовъ „періода первоначальнаго накопленія“ будутъ клеймить каждый шагъ нашего капитализма по пути „мирнаго“ прогресса. Со стороны русскихъ соціаль-демократовъ, поэтому, было бы непростительной ошибкой не воспользоваться этой особенностью, которая такъ сильно облегчаетъ намъ пропаганду соціализма. А однимъ изъ важнѣйшихъ условій ея успѣшности является пониманіе пролетаріатомъ *историческаго, переходнаго* характера капиталистическаго процесса производства.

авторами Манифеста Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи думаю, что „политическая свобода нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханія. Она — основное условіе его свободнаго развитія и успѣшной борьбы за частичныя улучшенія и конечное освобожденіе". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это — „насущная потребность русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія". Почему же редакція и союзъ считаютъ необходимымъ подчеркнуть то обстоятельство, что они не въ примѣръ „прочимъ" руководятся не только принципами научнаго соціализма, но и *„насущными потребностями"?* Программа говоритъ дальше, что „эта дѣятельность можетъ быть цѣлесообразной лишь подъ условіемъ, ... если она во 2-хъ, считается съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса". Значитъ ли это, что союзъ и редакція намѣрены издавать особыя брошюры и изданія для Петербурга, Москвы, Саратова, Казани, Екатеринослава, Одессы, Астрахани и т. д. и т. д. и такія же особыя брошюры и изданія въ предѣлахъ каждой мѣстности для различающихся по своему уровню развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса? Если нѣтъ, то для чего нужно было такое заявленіе? Не является ли оно удобнымъ флагомъ, подъ прикрытіемъ котораго можно провести не всегда доброкачественный товаръ?*) Не придется ли въ такомъ случаѣ въ одно и тожо время проповѣдывать разныя вещи въ зависимости отъ разнообразія мѣстныхъ условій и уровня развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса?

„Экономическое и политическое освобожденіе рабочаго класса въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, можетъ быть дѣломъ лишь самихъ рабочихъ." О какомъ политическомъ освобожденіи идетъ здѣсь рѣчь? Если объ освобожденіи отъ оковъ абсолютизма, то мы знаемъ, что *не во всемъ мірѣ* он обыло дѣломъ лишь самихъ рабочихъ. „Въ Германіи, напримѣръ, коммунистическая партія шла рядомъ съ буржузіей, поскольку эта послѣдняя являлась революціонной въ борьбѣ противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства." Даже въ Россіи политическое освобожденіе рабочаго класса совершится только съ помощью мелкой буржуазіи во всѣхъ ея видахъ. Такъ было „во всемъ мірѣ". Разница между отдѣльными странами заключается только въ слѣдующемъ: „чѣмъ дальше отъ запада къ востоку", тѣмъ менѣ еактивную оппозиціонную роль играла крупная и средняя *промышленная* буржуазія. У насъ такая ея роль сводится почти къ нулю. Но кромѣ крупной промышленной буржуазіи у насъ имѣется еще не мало другихъ

*) Недавно вышла весьма любопытная брошюра „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія" съ не менѣе любопытнымъ предисловіемъ редакціи. „Мы хорошо понимаемъ, что безъ успѣха русскихъ и польскихъ рабочихъ мы многаго не добьемся, но съ другой стороны, мы уже не можемъ по прежнему ожидать всего отъ русскаго пролетаріата, какъ наша буржуазія ожидаетъ всего отъ русскаго правительства и чиновничьяго либерализма. Мы должны имѣть въ виду, что русскій рабочій классъ въ своемъ классовомъ развитіи будетъ встрѣчать такого рода препятствія, что каждое ничтожное завоеваніе ему будетъ стоить страшныхъ усилій, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться уступокъ политическихъ и экономическихъ; а въ такомъ случаѣ очевидно, что, когда русскому пролетаріату придется жертвовать нѣкоторыми изъ своихъ требованій, для того чтобы добиться хоть чего нибудь, онъ скорѣе пожертвуетъ такими требованіями которыя касаются исключительно евреевъ, напримѣръ свободы религіи или равноправія евреевъ".

элементовъ буржуазіи, могущихъ идти рядомъ съ рабочимъ классомъ въ его борьбѣ за политическое освобожденіе.

Правда у насъ въ Россіи — и это тоже одна изъ особенностей, придающихъ своеобразный характеръ ея исторіи — иниціативу въ этой борьбѣ взяла на себя *соціалистическая* партія, нашедшая съ первыхъ же шаговъ своихъ активное содѣйствіе въ рабочемъ классѣ. Это — безсмертная заслуга Народной Воли. „Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Россійская Соціаль-Демократическая Партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи. Ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціаль-демократія идетъ к цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой ‚Народной Воли‘“. Она должна быть главнымъ иниціаторомъ и самымъ рѣшительнымъ и энергичнымъ борцомъ въ борьбѣ за политическое освобожденіе пролетаріата, а вмѣстѣ съ нимъ и всей Россіи. Она не можетъ не быть имъ, потому что она является выразительницей интересовъ класса, который по самому своему положенію является непримиримымъ врагомъ русскаго абсолютизма, врагомъ, котораго нельзя удовлетворить „великими“ и не „великими“ реформами. Только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что политическое освобожденіе рабочаго класса въ Россіи можетъ быть дѣломъ *лишь* самихъ рабочихъ.

„Поэтому, говорится дальше въ программѣ, важнѣйшимъ явленіемъ русской жизни, которое главнымъ образомъ будетъ опредѣлять задачи и характеръ литературной дѣятельности Союза, мы считаемъ возникшее за послѣдніе годы *массовое рабочее движеніе*“. Я не буду повторять то, что сказано выше о рабочемъ движеніи. Для насъ, соціаль-демократовъ „повсюду поддерживающихъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній“ массовое рабочее движеніе, главный симптомъ пробужденія того класса, исторической миссіей котораго является освобожденіе всего человѣчества отъ всякихъ формъ гнета, должно представлять еще большій интересъ. Но именно поэтому мы придаемъ еще болѣе важное значеніе *соціаль-демократическому* рабочему движенію и мы думаемъ, что „важнѣйшимъ явленіемъ русской жизни“ нужно считать *это* движеніе, которое одно только должно опредѣлять *характеръ и задачи* нашей литературной дѣятельности. „Массовое рабочее движеніе“ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ „практики“ *), въ Россіи будетъ расти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе пойдетъ развитіе капитализма. Не мы его создаемъ, не мы его вызываемъ **). Наша задача — вносить свѣтъ сознанія въ это движеніе, „заражать его какъ можно больше бациллами“ соціаль-демократіи. Мы можемъ спорить о томъ, какіе способы цѣлесообразнѣе для достиженія этой цѣли, но ни на одну минуту мы не должны отказываться отъ этой задачи ***).

---

*) А они понимаютъ его иногда очень странно. См. напр. тотъ же „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“, с. 18. „Поставивъ въ центръ программы массовое движеніе, мы должны были приспособить нашу пропаганду и агитацію къ массѣ, т. е. сдѣлать ихъ болѣе *еврейскими*“ (курсивъ нашъ).

**) См. „Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ“, с. 2. „По своей малочисленности и разрозненности кружки эти (среди заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ) не могли вызвать массоваго рабочаго движенія“.

***) „Дѣятельность „Союза Борьбы“ (екатеринославскаго) за этотъ періодъ носила *чисто экономическій* характеръ; выставлять политическія требованія считалось пока невозможнымъ, такъ какъ рабочая масса еще слишкомъ мало боролась за свои экономическія требованія, а полиція и

Программа увѣряетъ, что „произошло слiяніе пропагандистскаго кружкового теченія соціаль-демократической рабочей интеллигенціи съ широкой волной стихійнаго движенія рабочихъ массъ и т. д. и т. д.“ Это черезчуръ оптимистическое заключеніе. Вѣрнѣе было бы сказать, что оно *происходитъ* и происходитъ еще въ очень несовершенной степени. Этого нельзя сказать и о Польшѣ и Литвѣ, этого нельзя сказать о нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ.

„Въ процессѣ борьбы рабочихъ *за ближайшіе, сознанные ими интересы* массовое рабочее движеніе *начинаетъ принимать* классовый характеръ“. О какихъ „интересахъ“ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь? Какое значеніе имѣетъ эта фраза? Не буду повторять того, что сказано уже товарищемъ Плехановымъ на сс. XXIX—XLVI его „Vademecum'a“. Если бы союзъ и редакція выяснили себѣ разницу между рабочимъ движеніемъ, не выходящимъ изъ тѣснаго круга профессіональныхъ интересовъ владѣльцевъ особаго товара (человѣческой рабочей силы) и соціаль-демократическимъ рабочимъ движеніемъ, направленнымъ противъ самыхъ основъ существующихъ соціально-экономическихъ отношеній, они бы не сказали, что „массовое рабочее движеніе начинаетъ принимать классовый характеръ“ въ процессѣ борьбы рабочихъ за ближайшіе *сознанные* ими интересы. Но можетъ быть союзъ и редакція, говоря о *классовомъ* характерѣ, о *классовомъ* движеніи, говорятъ о характерѣ, о движеніи особаго *класса товаровладѣльцевъ?* Врядъ ли. Какъ видно изъ другихъ мѣстъ, „классовое сознаніе“ это сознаніе классомъ рабочихъ своей исторической миссіи. Мы опять приходимъ къ тому же вопросу: каковы наиболѣе цѣлесообразные способы развитія *этого* классоваго сознанія.

Идемъ дальше. „Въ Россіи, болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, экономическая борьба рабочаго класса неразрывна съ политической.“ О какой экономической борьбѣ идетъ тутъ рѣчь? О борьбѣ за „насущные“ „ближайшіе“ интересы? Такая борьба можетъ длиться довольно долго, не принимая характера борьбы, направленной противъ „основъ“. Почему вы думаете, что она „неразрывна съ политической“? Не хотѣли ли вы сказать, что экономическая борьба можетъ привести къ цѣли лишь въ томъ случаѣ, когда она неразрывно *связана* съ *политической* борьбой?

„Экономическая борьба рабочаго класса неразрывна съ политической“ и „экономическая борьба рабочаго класса должно быть неразрывно связана съ политической“ — это два положенія далеко не одинаковыя.*) Первое положеніе — положеніе прудонистское, бакунистское, что хотите, но только не марксистское. Опираясь на него, можно отрицать необходимость „самостоятельной“ политической борьбы, можно договориться до „чисто“ „непосредственно“ экономической борьбы. Да такъ и поступаютъ многіе анархисты, признающіе только экономическую борьбу.

„Въ Россіи болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ.“ Почему больше? Больше въ современной Россіи въ сравненіи съ современной западной Европой? И въ этой формѣ это заявленіе невѣрно. Въ западной Европѣ есть очень сильное рабочее теченіе, совершенно отдѣляющее экономическую борьбу отъ политической, теченіе — я надѣюсь, редакція не станетъ отрицать

жандармерія не проявила такого активнаго вмѣшательства въ столкновенія между рабочими и хозяевами, которое можно было бы использовать для политической агитаціи.“ Ib. стр. 6.

*) „Опытъ западно-европейскаго рабочаго движеніе неопровержимо доказалъ, что сила рабочихъ тѣмъ скорѣе растетъ, чѣмъ неразрывнѣе они связываютъ экономическую и политическую борьбу“; стр. XIX. „Первое Мая 1892-го года.“ Четыре рѣчи еврейскихъ рабочихъ. Женева 1893.

это — массовое. Такое заявленіе только на руку „экономистамъ“. И въ самомъ дѣлѣ: для чего связывать экономическую борьбу съ политической, когда онѣ и безъ того неразрывны! Авторы программы какъ будто чувствуютъ, что ихъ положеніе не совсѣмъ „ортодоксально“ и спѣшатъ опереться на авторитетъ Маркса. „И по отношенію къ *русскому* рабочему движенію вполнѣ вѣрны положенія научнаго соціализма, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что соціальное освобожденіе рабочаго класса невозможно безъ его политическаго освобожденія.“ Тутъ въ одну кучу свалены совершенно различныя вещи. Неужели же положеніе „экономическая борьба рабочаго класса неразрывна съ политической“ равнозначительно положенію „соціальное освобожденіе рабочаго класса не возможно безъ его политическаго освобожденія?“

И еще одинъ вопросъ: можетъ ли редакція въ данномъ случаѣ ссылаться на „положеніе науччаго соціализма, что всякая классовая борьба есть борьба политическая?“ Намъ кажется, что нѣтъ, и мы думаемъ, что союзъ и редакція не посѣтуютъ на насъ, если мы скажемъ нѣсколько словъ о такой „банальной“ „всѣмъ извѣстной истинѣ“. Выше мы уже говорили о формахъ, которыя принимаетъ возникающее рабочее движеніе; мы указали, какъ велико разстояніе отдѣляющее „массовое“ рабочее движеніе отъ соціаль-демократическаго рабочаго движенія, которое не можетъ не быть классовымъ. „Рабочіе начинаютъ устраивать стачки для совмѣстной борьбы противъ буржуа; совокупными силами отстаиваютъ они свою заработную плату. Они устраиваютъ даже постоянныя ассоціаціи, которыя могли бы поддерживать ихъ въ минуты активной борьбы. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія. Иногда рабочіе отстаются побѣдителями, но не на долго. Существеннымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе возрастающее сплачиваніе ихъ между собою. Ему способствуетъ вызываемое развитіемъ крупной промышленности улучшеніе средствъ сообщенія, которое приводитъ въ соприкосновеніе работниковъ различныхъ мѣстностей. Только это соприкосновеніе и нужно, чтобы борьбу, которая ведется въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и повсюду носитъ одинъ и тотъ же характеръ, превратить (объединить) въ борьбу національную, борьбу классовую*). А каждая классовая борьба политическая.“

Этотъ процессъ классовой организаціи далеко не такъ простъ и элементаренъ, какъ это кажется тѣмъ практикамъ, которые готовы по поводу каждой незначительной стачки сентенціозно замѣчать: „каждая классовая борьба есть борьба политическая“. „Чисто экономическая борьба, говоритъ Каутскій, затрагиваетъ непосредственно только одну или немногія профессіи, въ большинствѣ случаевъ только членовъ профессіи одной и той же мѣстности, города или провинціи. Сама по себѣ эта борьба далеко еще не есть классовая борьба. При этомъ дѣло идетъ не объ интересахъ всего рабочаго класса, а только объ особыхъ интересахъ опредѣленной отрасли“. И дѣйствительно, отличительной чертой классовой борьбы является отступленіе на задній планъ всѣхъ мѣстныхъ, всѣхъ корпораціон-

*) „Es bedarf aber blos der Verbindung, um die vielen Lokalkämpfe von überall gleichem Charakter zu einem nationalen, zu einem Klassenkampf zu zentralisiren. Jeder Klassenkampf aber ist ein politischer Kampf.“ Въ англійскомъ переводѣ, сдѣланномъ подъ редакціей Энгельса, сказано: „to centralise the numerous local struggles, all of the same charakter, into one national struggle between classes“. Русскій переводъ, превосходно сдѣланный, въ этомъ мѣстѣ не совсѣмъ ясенъ. Въ немъ говорится о „классовой борьбѣ цѣлаго народа“.

ныхъ интересовъ и выдвиганіе задачъ, общихъ всему классу данной націи, въ данномъ случаѣ рабочему классу. Только такая борьба есть борьба политическая, такъ какъ цѣлью ея является переходъ власти изъ рукъ господствующаго класса въ руки угнетеннаго. Освободить рабочихъ отъ всякихъ мѣстныхъ пребразсудковъ, вырвать его изъ узкаго круга данной профессіи, пріучить его ставить всегда на первый планъ интересы всего класса, пробудить въ немъ сознаніе національныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интернаціональныхъ задачъ — вотъ что значитъ развивать классовое самозпаніе рабочаго.

„Жизненные интересы рабочаго класса ведутъ его къ *политической* борьбѣ. Потребности чисто экономической борьбы принуждаютъ рабочихъ выставлять политическія требованія и бороться за политическую свободу. Политическая борьба рабочаго класса есть лишь наиболѣе развитая, широкая и дѣйствительная форма экономической борьбы.“ Мы узнаемъ теперь, къ нашему вящшему удивленію, что существуетъ *чисто* экономическая борьба. Иными словами, мы имѣемъ экономическую борьбу, которая не „неразрывна“ съ политической борьбой, а только ведетъ къ ней. Мы узнаемъ дальше, что политическая борьба *наиболѣе дѣйствительная* форма экономической борьбы. Прекрасно. Но вотъ дальше идутъ строки, которыя требуютъ особенно длиннаго коментарія.

„Ближайшими политическими требованіями рабочаго класса въ Россіи являются: свобода союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати и неприкосовенность личности. Эти политическія права служатъ необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго всесторонняго развитія рабочаго движенія. Они такъ же нужны россійскому пролетаріату въ его освободительной борьбѣ, какъ свѣтъ и воздухъ. Борьба рабочаго класса за эти права составляетъ ближайшее содержаніе его борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, которая поведетъ къ завоеванію полной политической свободы съ равноправнымъ участіемъ всего народа въ государственномъ управленіи, т. е. къ завоеванію демократической конституціи“.

Слову „ближайшее“ въ этомъ отрывкѣ придается громадное значеніе. И не безъ основанія! Оно указываетъ на „практическій“ характеръ дѣятельности Союза, который не хочетъ брать на себя рѣшеніе „невозможныхъ даже для массоваго движенія задачъ“. Сначала мы добьемся свободы союзовъ, стачекъ и т. д., а потомъ перейдемъ къ „завоеванію полной политической свободы“. Трудно отрицать практичность, даже постепенность такого способа дѣйствія. Если можно говорить объ „умѣренности и аккуратности“ въ средѣ соціаль-демократіи, то трудно найти болѣе умѣренную и болѣе аккуратную программу. Тутъ нѣтъ ни „докринерства“, ни „утопіи“.

Что такое практичность? Умѣнье добаваться непосредственнаго успѣха. Практичный человѣкъ берется только за такое дѣло, которое обѣщаетъ несомнѣнный успѣхъ уже въ *ближайшемъ* будущемъ. Практикъ сѣетъ только въ томъ случаѣ, когда увѣренъ, что пожнетъ плоды своего труда. Это — основная черта „практичности“, сохраняющаяся даже въ такихъ дѣлахъ, которыя для „истинныхъ практиковъ“ могутъ быть только „журавлемъ въ небѣ“.*) Но въ общественной жизни, но въ исторіи непосред-

*) Вообще мнѣ кажется, что не слѣдовало бы злоупотреблять словами „практичный“, „практикъ“. Въ нашей литературѣ послѣдняго времени эти слова пестрятъ чуть не каждую страничку. Les extrêmes se touchent. „Быть можетъ, самой замѣтной чертой нашего времени слѣдуетъ признать пренебреженіе къ знанію и наукѣ, ко всякой теоріи и правильному обобщенію, ко всему, что только выдвигается изъ уровня такъ называемой

ственный успѣхъ не всегда указываетъ на конечный успѣхъ. Есть цѣлый рядъ предпріятій, есть цѣлая область дѣяній, въ которыхъ съ перваго же шага надо отказаться отъ всякой надежды на непосредственный успѣхъ. Въ такихъ случаяхъ трудно что нибудь *„сдѣлать“*. Конечно тяжело *„дѣлать“*, сознавая, что ничего не *„сдѣлаешь“*. Но вся разница между соціаль-демократіей и партіями, стоящими на почвѣ существующаго общественнаго строя, и заключается въ томъ, что послѣднія ставятъ своей задачей „сдѣлать“ то, что первая объявляетъ невозможнымъ при существующихъ условіяхъ.

Для чего же въ такомъ случаѣ программа — minimum? Не является ли она уступкой, которую теорія дѣлаетъ практикѣ? Ничуть. Программа minimum заключаетъ maximum требованій, которыя можно предъявить къ современному обществу. Только заставивъ это общество дать *maximum* того, что оно въ состояніи дать, соціаль-демократія покажетъ, какъ ничтоженъ *minimum* условій, доставляемыхъ имъ для всесторонняго развитія личности. Кромѣ того, выставляя программу minimum, соціаль-демократія никогда не должна брать критеріемъ этихъ требованій ихъ *достижимость* въ настоящемъ. Они могутъ быть осуществлены „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“. Важно лишь, чтобы они не были *утопичными*, т. е. не стояли бы въ противорѣчіи съ *основами* существующаго общественнаго строя.

Обратимся теперь къ рекомендуемому намъ „практичному“ образу дѣйствія. Не окажется ли онъ, какъ и многіе проекты „практиковъ“ не менѣе утопичнымъ, чѣмъ утопіи и проекты заядлыхъ „доктринеровъ“? Что такія политическія права, какъ „свобода союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати и неприкосновенность личности служатъ необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго всесторонняго развитія рабочаго движенія“, — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но возможно ли хотя бы на одно мгновеніе допустить существованіе такого монстра, какъ всероссійскій абсолютизмъ, уживающійся со свободой союзовъ и т. д.? Когда наши либералы доказывали и доказываютъ возможность такого совмѣщенія, когда наши теоретики государственнаго права изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы „внушить“ нашему абсолютизму его „правовой“ характеръ и рекомендуютъ ему разныя „свободы“, не нарушающія престижа самодержавной власти — мы еще можемъ понять психологическій процессъ, приводящій къ такимъ логическимъ абсурдамъ. Но мы совершенно не можемъ понять, какъ такія логическія противорѣчія могутъ уживаться въ головахъ соціаль-демократовъ. Опытъ западной Европы указываетъ намъ на существованіе *конституціонныхъ* государствъ, долго обходившихся безъ многихъ изъ

‚практики‘, въ ея сыромъ и самомъ непосредственномъ видѣ. Просмотрите газеты извѣстнаго крайняго, нынѣ торжествующаго почему то направленія, и вы будете удивлены обиліемъ практическихъ псевдонимовъ. *Практическій* человѣкъ и *практическій* хозяинъ, *истинно*-практическій человѣкъ и *истинно* практическій хозяинъ, наконецъ, истинно-практическій и вдобовокъ еще *русскій* человѣкъ и таковой же хозяинъ! . . . Таковъ этотъ своеобразный лексиконъ, перемѣщающій центръ тяжести всей аргументаціи въ заключительную подпись. Сторонитесь предъ практическомъ человѣкомъ, потому что онъ свободенъ отъ европейскихъ теорій и пренебрегъ всѣ законы! Вотъ главный лозунгъ этого отряда, заполняющаго прессу и выступающаго на завоеваніе современности. Большаго ругательства, какъ человѣкъ „теоріи или науки“ для нихъ не существуетъ, но при этомъ каждый изъ нихъ непремѣнно несетъ свою собственную теорію, только эта теорія ‚практична‘.“

выше перечисленныхъ свободъ; онъ указываетъ намъ на существованіе *конституціонныхъ* государствъ и теперь допускающихъ эти свободы со всяческими ограниченіями; но мы еще не знаемъ *самодержавнаго* государства, въ которомъ была осуществлена хотя бы одна изъ этихъ свободъ. Конечно, Россія — страна „самобытная“: для нея не писаны законы развитія политическихъ формъ. Но все таки позволительно сомнѣваться, чтобы наше самодержавіе могло сдѣлать такое сальтомортале, не измѣнивъ кореннымъ образомъ своего характера.

Но намъ могутъ сказать, что мы невѣрно поняли это мѣсто программы. „Вѣроятно, авторы ея хотѣли сказать, что періоду пропаганды политической свободы долженъ предшествовать періодъ пропаганды „политическихъ правъ“, точно такъ, какъ послѣднему долженъ предшествовать періодъ, въ теченіе котораго выставляются чисто экономическія требованія“. Мы такимъ образомъ попадаемъ въ знакомую намъ область споровъ о пропагандѣ и агитаціи. Это — вопросъ, о которомъ стоило бы поговорить подробно, но здѣсь не мѣсто для этого. Скажу только, что между пропагандой и агитаціей нѣтъ никакой разницы *по содержанію*, что и въ первомъ и во второмъ случаѣ массѣ „внушается“ *одинъ и тотъ же комплексъ идей*, но при различныхъ условіяхъ: *пропаганда* имѣетъ дѣло съ людьми, самосознаніе которыхъ пробуждается подъ вліяніемъ обычнаго хода соціально-экономической жизни, *агитація* обращается къ людямъ, самосознаніе которыхъ получаетъ толчокъ отъ какихъ либо крупныхъ событій экономической или политической жизни. *Пропаганда* (устная и литературная) охватываетъ *единицы*, *агитація* (устная и литературная) — *массы*. *Пропаганда* возмѣщаетъ недостатокъ сильныхъ импульсовъ дѣйствительности болѣе интенсивной работой надъ отдѣльными единицами, *агитація* восполняетъ недостатки даваемаго ею революціоннаго воспитанія числомъ захватываемыхъ ею личностей. Но одна должна дополнять другую: *пропаганда* готовитъ *агитаторовъ*, *агитація* доставляетъ матеріалъ *пропагандистамъ*.

Всякая попытка превратить *агитацію* въ орудіе для дробленія программы на удобопереваріваемыя массой части, какимъ бы успѣхомъ она ни сопровождалась въ настоящемъ, всегда чревата неудачами и разочарованіями въ будущемъ. Поэтому трудно отнестись иначе, какъ отрицательно, въ такому способу дѣйствія, который рекомендуется намъ въ виду якобы неподготовленности массы. Ни на минуту мы не можемъ перестать быть соціаль-демократами, не принося въ жертву успѣху минуты интересовъ будущаго. Въ то время, какъ мы, соціаль-демократы, будемъ выставлять требованія, носящія „чисто экономическій характеръ“ и ждать „активнаго вмѣшательства полиціи и жандармеріи“, чтобы послѣ перейти къ политическимъ требованіямъ, жизнь, не стоящая на одномъ мѣстѣ, выдвигаетъ и выдвинетъ людей, изъ „интеллигенціи“ ли или изъ рабочаго класса, которые не дожидаясь результатовъ такого своеобразнаго „нагляднаго обученія“, поднимутъ знамя рѣшительной и непримиримой борьбы съ самодержавіемъ. Отказываясь стать во главѣ этого движенія, выставляя требованія, которыя могутъ испугать своимъ „радикализмомъ“ только нашихъ держиморъ, мы тѣмъ самымъ отталкиваемъ отъ себя наиболѣе энергичные и сознательные элементы рабочаго класса и бросаемъ ихъ въ ряды революціонной демократіи. Не говорю уже о другой опасности, грозящей нашему движенію. На нее уже указалъ товарищъ Аксельродъ. Такая тактика можетъ привести къ тому, что насъ, соціаль-демократовъ, во многихъ мѣстахъ будутъ слушать лишь до тѣхъ поръ, пока мы свое соціаль-демократическое знамя будемъ прятать въ карманъ, и движеніе опять ограничится только тѣми рабочими, которые прошли основательную соціаль-демократическую школу.

Слѣдовательно, даже при такомъ толкованіи вышецитированнаго мѣста ни одинъ соціаль-демократъ не можетъ подписаться подъ нимъ, не давая этимъ санкціи всякаго рода компромиссамъ. Но редакція „Рабочаго Дѣла", органа „Союза Русскихъ Соціаль-Демократовъ" дала намъ относящійся сюда комментарій, не оставляющій мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Вопреки своимъ постояннымъ заявленіямъ, что разногласія съ группой „Освобожденіе Труда", возникшія въ послѣднее время, носятъ чисто организаціонный характеръ, она старается отдѣлить себя отъ группы и *„теоретически"*. Вотъ этотъ комментарій: „Наконецъ, и это главное, перспективное, такъ сказать, отношеніе между низверженіемъ абсолютизма и непосредственными, повседневными задачами рабочаго движенія представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ группѣ „Освобожденіе Труда". Въ программѣ этой группы, изданной въ 1885 году, мы читаемъ: „Поэтому борьба противъ него (абсолютизма) обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей рабочей партіи. *Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ* **первой** *политической задачей*". (Курсивъ редакціи „Рабочаго Дѣла".)

„По нашему же мнѣнію, которое мы считаемъ и гораздо болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительной силѣ русскихъ рабочихъ организацій, какъ нынѣ, такъ и въ ближайшемъ будущемъ (а тѣмъ болѣе въ 1885 году!), и вполнѣ основанномъ на опытѣ западно-европейскаго и молодого русскаго *массового* движенія — низверженіе абсолютизма по нашему мнѣнію *не можетъ быть „первой* политической задачей рабочихъ кружковъ". Рабочимъ *кружкамъ* вообще недоступны политическія задачи въ дѣйствительномъ, *практическомъ* смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ цѣлесообразной и успѣшной *практической борьбы* за политическія требованія. Политическія задачи въ этомъ смыслѣ доступны только рабочему движенію, принявшему болѣе или менѣе *массовой* характеръ, переросшему стадію кружковщины. Поэтому-то, между прочимъ, программа „Рабочаго Дѣла" и ставитъ во главѣ угла „возникшее за послѣдніе годы *массовое рабочее движеніе*". Но и этому массовому движенію, по тактическимъ соображеніямъ, невозможно ставить *„первой"* политической задачей — низверженіе абсолютизма. Его первой политической задачей практически можетъ быть только борьба за *ближайшія политическія требованія*. . . Итакъ, низверженіе абсолютизма является для насъ результатомъ процесса непосредственной, практической борьбы за ближайшія политическія требованія. Низверженіе абсолютизма и завоеваніе политической свободы есть *главнѣйшая* изъ ближайшихъ *историческихъ* задачъ *классового* рабочаго движенія въ Россіи". . . Опасаясь, вѣроятно, что не всякій читатель пойметъ смыслъ этого торжественнаго заявленія, редакція спѣшитъ перевести его на болѣе понятный языкъ. „Вѣрные своей основной тактической точкѣ зрѣнія, согласно которой „возникшее за послѣдніе годы *массовое* рабочее движеніе должно „главнымъ образомъ опредѣлять задачи и характеръ литературной дѣятельности Союза", мы внимательно слѣдимъ за всѣми проявленіями этого массового движенія и ставимъ на первый планъ интересы его дальнѣйшаго роста, количественнаго и качественнаго, т. е. его расширеніе и его переходъ въ сознательное, *классовое* движеніе. А эти интересы и диктуютъ намъ тактическій взглядъ, согласно которому *первой*, т. е. непосредственной *практической* политической задачей русскаго рабочаго движенія въ настоящее время можетъ и должна быть борьба за ближайшія политическія права, необходимыя „россійскому пролетаріату въ его освободительной борьбѣ, какъ свѣтъ и воздухъ". Такая постановка политическаго вопроса отличается большимъ соотвѣтствіемъ русской дѣйствительности, непосредственной доступностью силамъ и пониманію вовле-

ченной въ борьбу рабочей *массы*, а потому она несравненно лучше, чѣмъ приведенный взглядъ Группы „Освобожденіе Труда", обезпечиваетъ дальнѣйшее политическое развитіе пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ *ускоряетъ* наступленія послѣдняго фазиса политической борьбы — низверженія абсолютизма и завоеванія демократической конституціи."

Этотъ, „отмѣнно-длинный, нравоучительный и чинный" комментарій дѣлаетъ излишними всякія толкованія доброжелателей и недоброжелателей. Если для группы „Освобожденіе Труда" низверженіе абсолютизма должно быть первой политической задачей *въ настоящемъ*, то для Союза эта задача есть „главнѣйшая изъ *ближайшихъ* **историческихъ** задачъ *классового* рабочаго движенія въ Россіи", т. е. выражаясь не такъ выспренно, откладывается въ долгій ящикъ. Это настолько крупный пунктъ разногласія, что и помимо всякихъ организаціонныхъ, онъ вполнѣ оправдываетъ рѣзкое выступленіе противъ дѣятельности Союза. Всякое уклоненіе въ сторону отъ рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ — не нужно быть „экономистомъ", чтобы не представлять себѣ эту борьбу въ видѣ нападенія „рабочихъ кружковъ" на абсолютизмъ — является измѣной славному прошлому русской соціалистической партіи, бывшей всегда самымъ непримиримымъ врагомъ русскаго абсолютизма.

„Но развѣ не то же самое сказано въ Манифестѣ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи, „въ идейномъ и практическомъ согласіи" съ которой находится Союзъ Русскихъ Соціаль-Демократовъ?" Ничуть. Читатель, нѣсколько беззаботный насчетъ „теорій", пожалуй будетъ введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми почти тождественными выраженіями. *„Политическая свобода* нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ для здороваго дыханія". *„Политическія права* такъ же нужны россійскому пролетаріату въ его освободительной борьбѣ, какъ свѣтъ и воздухъ". Какое же сравненіе употребила бы редакція, чтобы выразить степень необходимости „полной политической свободы"? Для всякаго, болѣе или менѣе внимательнаго читателя, который не пугается „теорій", ясно, что тутъ разногласіе не меньшее, чѣмъ разногласіе между программой „Рабочаго Дѣла" и программой группы „Освобожденіе Труда". Одно изъ двухъ: или редакція „Рабочаго Дѣла" по этому вопросу вполнѣ согласна съ группой „Освобожденіе Труда". Тогда, wozu der Lärm? Или редакція какъ она сама увѣряетъ, несогласна съ ней? Тогда какъ можетъ она находиться „въ идейномъ и практическомъ согласіи съ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіей", манифестъ которой только повторяетъ взгляды группы „Освобожденіе Труда"? Не напрашивается ли тогда самъ собою очень любопытный вопросъ: къ кому относится десятый пунктъ „Манифеста"?*) Можетъ ли быть представителемъ Партіи группа, рѣзко расходящаяся, по признанію ею же выбранной редакціи, съ этой партіей по такому важному вопросу, какъ борьба съ русскимъ самодержавіемъ?

Въ высшей степени желательно было бы, чтобы Союзъ и редакція возможно скорѣе выяснили свое отношеніе къ этому вопросу. Трудно говорить о единствѣ партіи тамъ, гдѣ партія и ея заграничный представитель находятся въ такомъ рѣзкомъ антагонизмѣ другъ съ другомъ!

Интересно было бы также знать, какъ редакція представляетъ себѣ процессъ завоеванія „ближайшихъ политическихъ правъ"? Все это — вопросы „практики", на которые она еще не дала яснаго отвѣта. Правда, въ брошюрѣ „Рабочее дѣло въ Россіи" есть цѣлая глава о средствахъ

*) „10. „Союзъ Русскихъ Соціаль-Демократовъ" заграницей является частью Партіи и ея заграничнымъ представителемъ".

политической борьбы въ современной Россіи, но предисловіе „отъ редакціи“ лишаетъ насъ возможности воспользоваться этимъ матеріаломъ. „Она печатается безъ всякихъ измѣненій, но редакція позволила себѣ сдѣлать нѣсколько *дополненій, развивающихъ основныя мысли автора.*“*) У насъ есть только одно очень *практичное* указаніе одного изъ соредакторовъ „Рабочаго Дѣла“. „Мнѣ нужно срубить и выкорчевать лѣсъ, но я оставляю его на время и занимаюсь приготовленіемъ топоровъ, пилъ и корчевальныхъ машинъ, которыхъ еще нѣтъ у меня.“**) Практики всегда склонны къ идилліи. Нечего удивляться поэтому, что нашъ практикъ забылъ, что онъ находится на непріятельской территоріи, которая осыпается пулями и ядрами, неразбирающими, кто вы: просто ли „попущаете“, намѣреваетесь ли вы или уже занялись приготовленіемъ политическихъ правъ, то бишь „топоровъ“ или просто хотите стянуть нѣсколько бревенъ. Нашъ практикъ упустилъ изъ виду одно: сначала нужно овладѣть лѣсомъ, а тамъ пилите себѣ на здоровье, даже ручной пилой, если вы еще сохранили романтическую склонность къ этому примитивному орудію.

Пойдемъ дальше. „Въ частности по отношенію къ *экономической борьбѣ* мы будемъ указывать, какъ она 1) ведетъ къ непосредственнымъ частичнымъ улучшеніямъ положенія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса 2) способствуетъ развитію чувства солидарности и классового сознанія рабочихъ, 3) является практической школой организованной дѣятельности, способствуя возникновенію и росту различныхъ формъ рабочихъ организацій: кассъ борьбы, профессіональныхъ союзовъ и т. д. Наконецъ, будутъ обсуждаться практическіе пріемы веденія экономической борьбы и способы организаціи при нашихъ условіяхъ.“

А намъ кажется, что слѣдовало бы постоянно указывать, что и тѣ „непосредственныя частичныя улучшенія“, къ которымъ ведетъ эта борьба, составляютъ прочное достояніе лишь въ томъ случаѣ, когда за ними стоитъ сильная *политическая* организація, непрерывно толкающая правительство на путь этихъ маленькихъ уступокъ. Достаточно вспомнить судьбу закона 2-го іюня.

Что даже „чисто“ экономическая борьба способствуетъ развитію чувства солидарности — конечно нельзя оспаривать. Не соціаль-демократу же относиться съ „трансцендентальнымъ презрѣніемъ“ ко всякимъ проявленіямъ солидарности рабочихъ, какъ бы жалкими ни казались они какому-нибудь „радикалу“. Но мы сомнѣваемся, чтобы „экономическая“ борьба была хорошей школой для развитія „классового сознанія“, если она не будетъ сдабриваться значительной долей „политики“.

Не отрицая далѣе того, что „экономическая борьба“ является практической школой и т. д., мы, соціаль-демократы, всегда указывали бы, опираясь на факты, въ такомъ изобиліи доставляемые россійской дѣйствительностью, какъ недостаточна эта борьба, какъ шатко и необезпечено положеніе этихъ кассъ обороны и профессіональныхъ союзовъ „въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій“. Вообще мы думаемъ, что работу, которую взяли на себя въ данномъ случаѣ Союзъ и редакція, они

---

*) Кому, напримѣръ, во фразѣ „помощью однѣхъ только стачекъ мы, *быть можетъ*, никогда не добьемся необходимыхъ для насъ улучшеній въ политическихъ условіяхъ Россіи“ принадлежатъ слова „быть можетъ“ — автору или редакціи? Не *дополненіе* ли это, *развивающее основную мысль автора?*

**) Не лучше ли было бы устроить неподалеку отъ лѣса паровую лѣсопильню? Это было бы еще практичнѣе, и такъ же легко. Вѣдь „ея еще нѣтъ у меня“!

смѣло могли бы предоставить такимъ органамъ „массового“ „профессіональнаго“ рабочаго движенія, какъ „Рабочая Мысль“. „При обсужденіи вопроса о средствахъ политической борьбы, мы будемъ выяснять, что экономическая борьба, это основное условіе роста массоваго рабочаго движенія, является въ то же время наиболѣе могучимъ средствомъ къ широкому политическому воздѣйствію на массы, т. е. къ политической агитаціи, въ случаяхъ преслѣдованій „зачинщиковъ“ соціалистовъ, массовыхъ арестовъ, высылки рабочихъ, звѣрской расправы со стачечниками.“*)

Что-то старое, давно, казалось, забытое, всплываетъ въ памяти, когда читаешь эти строки. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“! Уже товарищъ Аксельродъ указывалъ на нѣкоторыя черты, сближающія соціаль-демократическое теченіе послѣднихъ лѣтъ со старымъ бунтарствомъ. И онъ былъ вполнѣ правъ.

Въ приведенныхъ выше строкахъ мы имѣемъ своеобразный соціаль-демократическій pendant къ анархической „пропагандѣ дѣйствіемъ“. Главная роль въ ней отводится жандармеріи и полиціи. Неужели же русскій рабочій такъ глупъ и безчувственъ, что только казацкія нагайки и пули „фанагорійскихъ молодцовъ“ могутъ пробудить его отъ политической спячки?

Насъ трудно обвинить въ особенномъ пристрастіи къ „чисто-экономической“ борьбѣ. Но мы думаемъ, что она не только въ „случаяхъ преслѣдованій и т. д. и т. д.“ можетъ послужить средствомъ къ „широкому политическому воздѣйствію на массы“. Нѣтъ такого „чисто-экономическаго“ требованія, — пусть это будетъ даже требованіе прибавки „копейки на рубль“, — которое нельзя было бы поставить въ связь съ общими политическими условіями, которымъ нельзя было бы воспользоваться для пробужденія въ рабочей массѣ политическаго и классоваго сознанія. Нѣтъ и не можетъ быть такой „мелкой“ нужды, такого „мелкаго“ требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціаль-демократія, не измѣняя своему знамени. Наоборотъ. Выступая на защиту этихъ „мелкихъ“ нуждъ, являясь единственнымъ адвокатомъ рабочаго класса, адвокатомъ, котораго въ его защитѣ не связываютъ никакія „постороннія соображенія“, соціальдемократія этимъ самымъ *наглядно* доказываетъ рабочимъ, что даже „въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій“ только наша партія является наиболѣе рѣшительнымъ борцомъ за улучшеніе положенія рабочаго класса.

Рано или поздно, но настуитъ же наконецъ день, когда надъ Россіей взойдетъ заря политической свободы. И чѣмъ больше наша партія будетъ работать до этого желаннаго дня, чѣмъ активнѣе будетъ ея участіе во всѣхъ событіяхъ *настоящаго*, чѣмъ тѣснѣе свяжетъ она свою дѣятельность со всѣми проявленіями жизни рабочаго класса, тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе пойдетъ ея развитіе „на другой день послѣ революціи“, тѣмъ меньше ей грозитъ опасность встрѣтить на аренѣ политической жизни какую нибудь буржуазную партію, которая опираясь на свои заслуги, тащила бы въ своемъ хвостѣ часть рабочаго класса. Вотъ почему такъ важно, чтобы

---

*) „Съ этимъ временемъ совпадаетъ начало измѣненія какъ въ настроеніи, такъ и въ характерѣ дѣятельности мѣстной соціальдемократіи. Измѣненіямъ этимъ *въ значительной степени способствовали мѣстныя власти, полиція и жандармы.* Дѣло въ томъ, *что если до сихъ поръ вмѣшательство полиціи и жандармовъ въ столкновенія между рабочими и хозяевами было явленіемъ сравнительно рѣдкимъ, то съ начала 1899-го г. это вмѣшательство становится болѣе систематическимъ*... Комитету оставалось только пойти навстрѣчу этому настроенію и начать *политическую* агитацію.“ (См. „Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ, стр. 7.)

всѣ возможныя „частичныя“ улучшенія добыты были соціаль-демократической партіей, строго охраняющей чистоту своихъ принциповъ, вотъ почему мы не должны уступать никакой партіи чести рѣшительнаго выступленія на защиту „труждающихся и обремененныхъ“ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которыми такъ богата наша „обильная“ Русь.

„Наконецъ, Союзъ въ своей прессѣ будетъ относиться безусловно сочувственно къ попыткамъ политическихъ манифестацій и въ особенности рекомендовать празднованіе 1-го мая, какъ общую демонстрацію въ пользу важнѣйшихъ экономическихъ требованій пролетаріата и наиболѣе подходящій моментъ для заявленія ближайшихъ политическихъ требованій.“ Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ суживать значеніе майской манифестаціи. Ея назначеніе — дать выраженіе уже существующей солидарности рабочихъ, произвести смотръ всѣмъ соціаль-демократическимъ силамъ, расшевелить рабочія массы, нетронутыя еще соціаль-демократической пропагандой и разбудить въ нихъ дремлющее еще чувство классовой солидарности. Это день энтузіазма, день, вырывающій рабочихъ изъ будничной обстановки всего года и напоминающій имъ объ общихъ задачахъ всего рабочаго класса. Она является *политической* демонстраціей par excellence. Это въ особенности хорошо поняли наши австрійскіе товарищи, и намъ остается слѣдовать ихъ примѣру. 8-часовой рабочій день и всеобщее избирательное право — вотъ *наши ближайшія требованія* въ этотъ день. Съ точки зрѣнія какого нибудь „практика“ — это, конечно, утопія, задача „не возможная“. Но эти „практики“ забываютъ, а можетъ быть, и никогда не знали основного условія революціонной дѣятельности, безъ соблюденія котораго она является „голымъ доктринерствомъ“: дѣло революціонеровъ гнуть какъ можно больше влѣво, предъявлять „въ рамкахъ существующихъ условій“ къ дѣйствительности максимумъ требованій и предоставить уже „объективной логикѣ“ этихъ условій, получившей сильный толчокъ отъ революціонной дѣятельности, опредѣлить компромиссъ, допускаемый данной комбинаціей соціально-экономическихъ отношеній. Если мы вмѣсто 8-часового рабочаго дня получимъ 10-часовой, мы отъ него, конечно, не откажемся, но воспользуемся, какъ точкой опоры, для дальнѣйшей борьбы. Предвосхищать же этотъ учетъ, производимый самой дѣйствительностью и опредѣляемый равнодѣйствующей между максимумомъ сопротивленія данной соціально-экономической формаціи и максимумомъ революціонныхъ силъ, скопившихся въ ней, и ставить на мѣсто „крайнихъ“ требованій результаты своего „субъективнаго“ учета въ видѣ такихъ компромиссовъ, какъ „ближайшія требованія“ — конечно, очень „практично“, но — какъ бы это помягче выразиться — свидѣтельствуетъ лишь о недостаточной зрѣлости революціонной мысли.*)

Союзъ обѣщаетъ „строго воздерживаться отъ рѣзкихъ, нетоварищескихъ пріемовъ полемики“. Опять киваніе на Петра! — Для чего брать на себя невыполнимыя обѣщанія? Рѣзкость въ полемикѣ можетъ пугать только кроткихъ институтокъ. Она не пріятна и тѣмъ, которые почему либо не хотятъ досказать до конца свою мысль, потому что „рѣзкая“ постановка вопроса вынуждаетъ къ „рѣзкому“ отвѣту. Слѣдуетъ строго воздерживаться только отъ личной полемики, но надо помнить, что всѣ мы „человѣки“ и что судить надо по „человѣчеству“.

---

*) Во избѣжаніе „превратныхъ толкованій“ со стороны „трезвенныхъ“ людей напомнимъ опять, что рѣчь идетъ не о требованіяхъ утопичныхъ, а о такихъ, осуществленіе которыхъ — въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ — возможно при сохраненіи „основъ“ существующаго строя.

„Дѣятельность *несоціалистическихъ революціонныхъ и политически оппозиціонныхъ группъ* Союзъ будетъ подвергать критикѣ, выясняя противоположность интересовъ представляемыхъ ими слоевъ населенія къ интересамъ рабочаго класса и различіе между стремленіями этихъ группъ и задачами соціаль-демократической партіи; но въ то же время онъ будетъ относиться сочувственно къ ихъ попыткамъ активной борьбы за политическую свободу, такъ какъ всякій врагъ самодержавія является *временнымъ* союзникомъ рабочаго класса въ его освободительной борьбѣ.“ Какъ примирить это заявленіе съ разобраннымъ нами выше положеніемъ? Кто эти временные союзники?*)

„Какъ соціаль-демократическая организація, Союзъ является врагомъ всякаго *національнаго и религіознаго гнета;* поэтому редакція въ своей литературной дѣятельности будетъ стоять за свободу религіи и равноправіе всѣхъ національностей.“ Редакція, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что она будетъ стоять за свободу совѣсти и полную равноправность, независимо отъ религіи и національности. Евреи, напримѣръ, пользуются „свободой религіи“ и всетаки они неравноправны „въ зависимости отъ своей религіи“.

* * *

Мнѣ кажется, что заключеніе напрашивается само собой. Программа редакціи „Рабочаго Дѣла“ скроена по извѣстному рецепту: „съ одной стороны должно сознаться, но съ другой нельзя не признаться“. Она является компромиссомъ между двумя направленіями; „экономическимъ“ и „политическимъ“, съ сильнымъ пристрастіемъ въ сторону перваго.

„Чистые“ экономисты совершенно отказываются отъ политической борьбы и признаютъ только „массовую борьбу рабочихъ за лучшую жизнь“; экономисты „Рабочаго Дѣла“, менѣе откровенные, признаютъ ту же „массовую борьбу рабочихъ за лучшую жизнь“, а политическую борьбу замѣняютъ борьбой „за права“.**) Дѣлаютъ ли они это въ силу тактическихъ соображеній, „примѣнительно“ къ „незрѣлости массы“ или просто потому что „наше время — не время широкихъ задачъ“ — въ практическомъ отношеніи безразлично. „Что клюкой, что палкой — все спинѣ больно.“ И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они задерживаютъ развитіе соціаль-демократической партіи, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они даютъ прекрасное оружіе въ руки враговъ нашего движенія. Если прежде обвиненія соціаль-демократовъ въ игнорированіи политической борьбы можно было объяснить сознательнымъ и безсознательнымъ непониманіемъ принциповъ соціаль-демократіи, то теперь эти обвиненія найдутъ себѣ подтвержденіе въ *практикѣ* русскихъ соціаль-демократовъ.

Вмѣсто партіи, которая соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое соціализмъ и демократію и придаетъ имъ несокрушимую силу, связывая ихъ съ интересами опредѣленнаго класса, мы получаемъ партію, занятую организаціей „труда“ противъ „капитала“, до проповѣдью ближайшихъ политическихъ требованій. Другими словами, мы не будемъ имѣть ни соціалистической партіи, ни демократической. Предъ нами будетъ партія, довольствующаяся „жалкими словами“ или истерическими выкрикиваніями „долой самодержавіе“ въ то время, когда чувствуется такая сильная по-

*) „Мы такъ же далеки отъ Вашихъ надеждъ на политическую оппозицію помѣщиковъ, какъ и отъ высказанныхъ товарищемъ Плехановымъ (въ началѣ 90-хъ годовъ) противоположныхъ надеждъ на политическую оппозицію промышленной буржуазіи“, с. 24. Отвѣтъ редакціи „Рабочаго Дѣла“ на письмо П. Аксельрода и „Vademecum“ Плеханова.

**) См. ниже приводимое заявленіе редакціи „Рабочаго Дѣла“.

требность въ рѣшительной и безпощадной критикѣ нашего самодержавія. Предъ нами будетъ партія, которая заботится объ „умѣренности“ своихъ требованій въ то время, какъ въ этой атмосферѣ „умѣренности“ задыхается всякій, мысль и энергія котораго еще не совсѣмъ оскоплены. Предъ нами будетъ не партія, представляющая авангардъ наиболѣе дѣятельныхъ и наиболѣе сознательныхъ элементовъ рабочаго класса, къ которому неизбѣжно примкнули бы и остальные революціонные элементы нашего „общества“, а партія, которая тащится въ хвостѣ рабочаго класса, ежеминутно опасаясь не зайти слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ и остаться непонятой отсталыми слоями ремесленниковъ и рабочихъ.

Въ возможномъ появленіи такой партіи и заключается „опасность настоящаго момента“. А соціаль-демократическая редакція союза русскихъ соціаль-демократовъ хочетъ увѣрить насъ, что „все обстоитъ благополучно“. Но нѣтъ! Мы преувеличиваемъ. Несмотря на весь свой оптимизмъ, редакція „Рабочаго Дѣла“ тоже видитъ „опасность“ и не одну, а цѣлыхъ двѣ! Въ чемъ же они заключаются? Послушаемъ же редакцію „Рабочаго Дѣла“! А послушать ее стоитъ!

„Да, русская соціаль-демократія переживаетъ трудное — пожалуй, опасное время. Но опасность не тамъ, гдѣ ее видитъ г-нъ Плехановъ. (Слушайте! Слушайте!) Опасность настоящаго момента заключается *въ тяготѣющемъ надъ Россіей денежномъ и* **мѣстами** *промышленномъ кризисѣ и массовой безработицѣ, которые затрудняютъ массовую борьбу рабочихъ за лучшую жизнь и права;* опасность заключается въ усиленныхъ правительственныхъ преслѣдованіяхъ, въ усовершенствованіи шпіонско-полицейскаго надзора, въ учащающихся массовыхъ арестахъ, въ частыхъ разгромахъ нашихъ организацій . . . . . Вотъ гдѣ истинная опасность! Вотъ въ какую сторону по преимуществу должно быть направлено вниманіе дѣйствующихъ заграницей соціаль-демократовъ!“ Бѣдные, трижды бѣдные русскіе соціаль-демократы! Въ чемъ ихъ только ни обвиняли враги! Въ какую только сторону не направляли ихъ вниманіе! Но нужно быть другомъ, чтобы такъ мѣтко опредѣлить и указать намъ опасные пункты, на которые мы должны направить „по преимуществу“ свое вниманіе. Мы не хотимъ распространяться по этому поводу: при всемъ нашемъ желаніи мы не можемъ не быть рѣзкими. Но все таки интересно было бы знать, какія мѣры редакція „Рабочаго Дѣла“ считаетъ цѣлесообразными для устраненія этого кризиса и массовой безработицы? Не лучше ли было бы совсѣмъ устранить кризисы и массовую безработицу? Тогда массовая борьба рабочихъ за лучшую жизнь и права пошла бы безъ всякихъ затрудненій.

Что же касается второй опасности, то мы можемъ только спросить редакцію: отчего съ такимъ шумомъ вы ломитесь въ открытую дверь? Гдѣ видѣли вы людей, которые забываютъ объ усиленныхъ правительственныхъ преслѣдованіяхъ и т. д. и т. д.? Какъ бы сильно мы ни „направляли свое вниманіе въ эту сторону“, мы, помощью улучшенной конспиративной техники, можемъ только *уменьшить* наши потери. Кто противъ этого споритъ?

Какимъ путемъ, при данной суммѣ жертвъ, должна идти русская соціаль-демократія? Грозитъ ли ей опасность выродиться въ одностороннюю „массовую борьбу рабочихъ за лучшую жизнь и права“? — „вотъ въ чемъ вопросъ“.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ отрицаетъ существованіе *этой* опасности. Она увѣряетъ насъ, что наше движеніе „вполнѣ застраховано отъ какой бы то ни было односторонности“ и упорно настаиваетъ на томъ, что разногласія послѣдняго времени носятъ только организаціонный характеръ.

Мы уже видѣли, что редакція противорѣчитъ себѣ и не разъ указываетъ на разногласія, носящія далеко не „организаціонный“ характеръ. Это случается такъ часто, что даже у человѣка, ставящаго превыше всего „демократическую организацію“, но зараженнаго подобно редакціи „Рабочаго Дѣла“ склонностью къ экскурсіямъ въ область личной психологіи, могло бы возникнуть сомнѣніе: „а что, если редакція „Рабочаго Дѣла“ просто прикрывается организаціонными разногласіями для того, чтобы скрыть „принципіальные“ грѣхи Союза? Мы, конечно, далеко отъ подобныхъ сомнѣній. Въ данномъ случаѣ эти „организаціонныя“ разногласія насъ совершенно не интересуютъ. Вообще мы думаемъ, что теперь можно было бы оставить въ покоѣ „организаціонныя“ разногласія. Будущему съѣзду предстоитъ болѣе важная задача. Въ нашей партіи нѣтъ теперь внутренняго единства. Этотъ фактъ нечего скрывать. Поэтому одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ „настоящаго момента“ является подробное выясненіе существующихъ въ нашей партіи разногласій. Какъ ни важно объединеніе, оно имѣетъ подъ собою прочную почву только въ томъ случаѣ, когда оно основывается на единствѣ принциповъ. Выраженіемъ этого единства должна служить программа, принятая всей партіей.

По нашему мнѣнію въ основу этой программы должна быть положена программа группы „Освобожденіе Труда“съ соотвѣтствующими измѣненіями.

Н. Рязановъ.

О старомъ и новомъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что современное революціонное движеніе въ Россіи является движеніемъ въ высшей степени жизненнымъ, такъ какъ оно представляетъ собою не что иное, какъ неизбѣжный результатъ естественнаго развитія страны. Могущественныя силы, присущія процессу такого развитія, вызвали на историческую сцену Россіи появленіе пролетаріата, задача котораго, какъ и задача пролетаріата всего міра, состоитъ въ достиженіи полнаго политическаго и экономическаго самоосвобожденія и открытіи этимъ новой эры въ исторіи человѣчества. Пролетаріатъ, по самому существу своему, не можетъ „успокоиться“ прежде, чѣмъ реализуются вполнѣ всѣ его стремленія къ отнятію у буржуазіи и построеннаго на капиталистическихъ началахъ государства всего того, что принадлежитъ ему, пролетаріату, по праву, чѣмъ владѣютъ теперь правящіе классы въ ущербъ прямымъ интересамъ огромнаго большинства трудящихся людей и обобществленіе чего создастъ необходимыя *условія* для устроенія царства правды и справедливости на землѣ. Мы говоримъ „условія“, потому что соціализмъ не исчерпывается одною лишь суммою извѣстныхъ экономическихъ требованій, онъ не можетъ быть разсматриваемъ только какъ „Magenfrage“, хотя, разумѣется, реализація въ жизни экономической стороны соціализма является для самой его возможности условіемъ sine qua non. Идея соціализма, о которой писалъ когда-то нашъ незабвенный Бѣлинскій, какъ „объ альфѣ и омегѣ вѣры и знанія“, эта идея открываетъ безконечные горизонты передъ человѣчествомъ, зажигая мысль философа, вдохновляя на творчество художника, окрыляя воображеніе поэта. Такую, такъ сказать, службу идея соціализма служила человѣчеству не разъ. Стоитъ вспомнить для этого подъемъ мысли и чувства людей въ сороковыхъ годахъ XIX-го вѣка, благодаря близкому, какъ казалось, торжеству того соціализма, который мы считаемъ справедливо утопическимъ, но который не представлялся такимъ его послѣдователямъ. Трезвое отношеніе къ дѣлу, почти математическое мышленіе смѣнило вслѣдъ затѣмъ исчезнувшія очарованія, проза жизни заявила свои права, но прошли десятилѣтія, и Европа снова стоитъ передъ тѣми же проблемами, но съ тою, однако, разницею, что надежды на осуществленіе идеала покоятся не на одной только вѣрѣ, но и на знаніи, на твердой увѣренности въ правильности пути, взятаго для разрѣшенія задачи. Представителями и носителями идеи соціализма являются теперь не одни только благородные мыслители, но, — что гораздо важнѣе, — сами массы проникнутаго освободительной мыслью пролетаріата. При такихъ условіяхъ не только нѣтъ мѣста для соціальнаго пессимизма, но, наоборотъ, работѣ каждаго истинно благороднаго человѣка открывается безконечный просторъ.

У насъ въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, широкую дорогу къ соціализму проложило промышленное развитіе страны. Фатальная необходимость такого развитія вызываетъ столь же фатально на историческую арену пролетаріатъ съ его ярко очерченной физіономіей, съ его отвращеніемъ къ патріархальному укладу жизни, съ его обостряемою повседнев-

ными фактами ненавистью къ русскому полицейскому государственному строю, съ его растущимъ сознаніемъ, что уничтоженіе царизма требуется одинаково, какъ экономическими интересами пролетаріата, — ибо лишь при этомъ условіи получаетъ онъ возможность ихъ отстаиванія, — такъ и развивающимся чувствомъ собственнаго достоинства, оскорбляемаго на каждомъ шагу большими и малыми агентами самодержавнаго Митрофана.

Героическая эпоха борьбы въ Россіи предшественниковъ современныхъ соціаль-демократовъ за народное счастье и народную волю имѣетъ много аналогій съ соціально-революціоннымъ движеніемъ, ознаменовавшимъ исторію Европы въ сороковыхъ годахъ. Въ обоихъ случаяхъ движеніе не увѣнчалось успѣхомъ, въ обоихъ случаяхъ его смѣнила мрачная реакція, — это его минусы, но въ обоихъ случаяхъ, утопическое по существу, оно породило, тѣмъ не менѣе, столько благородныхъ порывовъ, выдвинуло столько героическихъ личностей, пробудило столько дремлющей энергіи, что невольно склоняешься передъ величіемъ приснопамятной эпохи. Соціаль-демократическое движеніе въ Россіи, имѣющее подъ собою на столько твердую почву, что спорить можно только о срокахъ паденія самодержавія и созданія тѣмъ новыхъ условій для самодѣятельности рабочаго класса, — такъ какъ близость этого факта не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, — соціаль-демократическое движеніе, говоримъ мы, страдаетъ, тѣмъ не менѣе, отсутствіемъ того размаха, той вѣры въ свое дѣло, которая „горами двигаетъ“, и съ этой стороны ему слѣдовало воспринять многое изъ предшествующихъ революціонныхъ періодовъ. Декабристы, съ памятью которыхъ, по случаю истекающаго въ настоящемъ году семидесятипятилѣтія со дня перваго сраженія, даннаго русскими революціонерами русскому деспотизму, слѣдовало бы русской соціаль-демократіи ознакомить прилегающіе къ ней широкіе революціонные круги, люди шестидесятыхъ годовъ, беззавѣтность въ служеніи своему дѣлу „ходившихъ въ народъ“ революціонеровъ-семидесятниковъ и грандіозная борьба за политическое освобожденіе Россіи, ведшаяся партіей Народной Воли, — со всѣми этими свѣтлыми для всякаго русскаго революціонера страницами изъ нашего прошлаго не только не должна быть нами „прервана нить“, но, наоборотъ, наряду съ благопріятствующими нашей дѣятельности соціально-экономическими факторами, двигающими Россію въ желательномъ для насъ направленіи, въ нихъ, въ этихъ страницахъ, должны почерпать мы, соціаль-демократы, источникъ новыхъ силъ для умственной дѣятельности, нашу энергію, наше вдохновеніе. Это не значитъ, конечно, что мы отступаемъ отъ выработанной современнымъ знаніемъ теоріи научнаго соціализма, нѣтъ, оставаясь безусловно ея сторонниками, мы будемъ слѣдовать въ своей дѣятельности принципу классовой борьбы и считать систему классовыхъ противорѣчій фундаментальною основою, на которой движутся и развиваются общества. Соціализмъ и политическая борьба понятія для насъ неразрывныя, двѣ стороны одной и той же медали. Мы далеки, конечно, отъ псевдо-логическаго вывода отсюда о необходимости и возможности *одновременнаго* политическаго и экономическаго переворота, нѣтъ, стоя на точкѣ зрѣнія неразрывности соціализма и политической борьбы, мы лишь утверждаемъ, 1) что борьба за политическое освобожденіе нашей родины является вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбою за созданіе благопріятныхъ условій для грядущаго торжества соціализма и 2) что въ самомъ процессѣ борьбы, если она даже ведется, вслѣдствіе спеціальныхъ условій той или другой мѣстности на одной лишь исключительно экономической основѣ (что въ общемъ нежелательно и допустимо лишь какъ педагогическое средство), рабочій классъ нерѣдко улучшаетъ свое матеріальное положеніе, привыкаетъ къ сознательному отстаиванію своихъ

классовыхъ интересовъ, къ солидарности дѣйствій и общественному веденію дѣлъ, создавая такимъ образомъ элементарныя условія для будущей болѣе широкой борьбы за соціалистическій идеалъ. Не сходя такимъ образомъ нисколько съ почвы научнаго соціализма, стремясь къ созданію соціаль-демократическойп ролетарской партіи, которая одна только и можетъ достигнуть окончательной побѣды и окончательнаго торжества въ борьбѣ за соціалистическое дѣло, мы не можемъ, однако, закрывать глазъ на общеисторическія условія момента, въ который намъ приходится жить и дѣйствовать въ Россіи. Дѣло въ томъ, что застрѣльщиками широкаго революціоннаго движенія является у насъ въ весьма значительной степени революціонная интеллигенція, отсутствіе же всякой политической свободы и грубый полицейскій произволъ царскихъ опричниковъ влечетъ за собою сочувствіе нашему дѣлу даже такихъ элементовъ, которые, конечно, не будутъ идти за нами, какъ только явятся въ Россіи сколько нибудь сносныя условія для проявленія общественной самодѣятельности. Не пониженіе своихъ стремленій до уровня уже сознанныхъ массою потребностей должна ставить своею задачею соціаль-демократическая интеллигенція, — сознанныя потребности обнаружатся и безъ того, — а водруженіе знамени, на которомъ ярко и отчетливо должны быть формулированы наши цѣли. Надо помнить, что мы имѣемъ дѣло съ пролетаріатомъ, развитіе котораго фатально приводитъ къ тѣмъ же требованіямъ, которыя стоятъ на знамени революціонера соціаль-демократа. Въ этомъ наше существенное отличіе отъ нашихъ предшественниковъ, въ этомъ залогъ нашей силы и нашей побѣды. Широко развившееся въ Россіи рабочее движеніе и то оживленіе, которое, естественно вызвалъ этотъ отрадный фактъ въ средѣ революціонной интеллигенціи, должны повлечь за собою въ ближайшемъ же будущемъ факты болѣе яркаго проявленія борьбы, чѣмъ это было до настоящаго времени. Русское соціаль-демократическое движеніе должно громко заявить о своемъ существованіи и своихъ требованіяхъ, оно должно *заставить* говорить о себѣ всю страну, оно должно вызвать у правительства признаніе своей наличности. Какъ ни самовластно наше азіатское правительство, какъ ни старается оно изо всѣхъ силъ, искореняя „крамолу“ втихомолку, дѣйствуя, яко тать въ нощи, сдѣлать видъ, что все обстоитъ благополучно, что революціонное движеніе давнымъ давно задушено, какъ ни обильно разсыпаетъ оно для этой цѣли секретныя предписанія печати, запрещающія какія бы то ни было упоминанія о рабочихъ „безпорядкахъ“, общественныхъ демонстраціяхъ, полицейскихъ арестахъ и т. д., но оно само было уже нѣсколько разъ принуждено за послѣднее время отступать отъ своей излюбленной тактики замалчиванія. Это было всякій разъ, когда революціонное движеніе, принимая по своимъ размѣрамъ необычныя формы, пугало наше, въ сущности, чрезвычайно трусливое правительство и заставляло его растерянно кидаться изъ стороны въ сторону. Въ 1896 году правительство принуждено было опубликовать, хотя, конечно, въ искаженномъ видѣ, извѣстіе о грандіозныхъ стачкахъ въ Петербургѣ. То же самое сдѣлало оно въ 1899 году во время студенческихъ безпорядковъ, охватившихъ почти всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи, теперь оно опубликовало о предаваемыхъ имъ военному суду польскихъ соціалистахъ. Такъ называемая „вѣтровская исторія“ сдѣлалась хотя отчасти и ужъ, конечно, вопреки желаніямъ правительства также достояніемъ гласности. Всѣ эти факты указываютъ на то, что устроеніе всякаго рода манифестацій, демонстрацій и широкихъ протестовъ является вѣрнымъ путемъ для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей. Какія же формы протеста, путемъ которыхъ должно активно проявиться наше революціонное движеніе, являются наиболѣе желательными?

Звѣрское обращеніе опричниковъ съ попадающими въ ихъ распоряженіе революціонерами влекло за собою не разъ попытки протестовъ въ видѣ устройства торжественныхъ панихидъ по жертвамъ произвола. Такъ было въ Петербургѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ по поводу убійства жандармами Вѣтровой, въ Москвѣ по поводу убійства ими же Левина и т. д. Намъ представляется весьма желательнымъ замѣнить такую форму протеста нѣсколько иною. Зачѣмъ собираются въ этихъ случаяхъ манифестанты въ церкви? Не молиться же за упокой души? Конечно нѣтъ. Здѣсь важенъ *самый фактъ собранія*, а разъ люди собрались, то должны же они что-нибудь сдѣлать, чѣмъ-нибудь выразить ту цѣль, для которой они собрались. Актомъ, выражающимъ протестъ, и являются въ этихъ случаяхъ панихиды по замученнымъ. Но, происходя въ церквахъ, демонстраціи этого рода вызываютъ въ свою очередь протесты со стороны тѣхъ, для кого церкви являются неприкосновенною святынею, а не въ расчетѣ революціонеровъ имѣть противъ себя настроеніе толпы, тѣмъ болѣе, что наши враги, отлично понимая эту сторону дѣла, очень искусно ею воспользуются въ проституированной прессѣ. Нельзя ли поэтому замѣнить панихиды другими актами протеста? Практика европейской жизни давно уже отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно. Со временъ Лютера, сжегшаго публично отлучающую его отъ церкви папскую буллу, такія формы демонстрацій широко практиковались въ Европѣ въ качествѣ протестовъ противъ того или иного лица, того или иного акта. Нерѣдко брали изображенія (а то и просто сдѣланныя изъ соломы или другого легко воспламеняющагося матеріала чучела) какого-нибудь Меттерниха или другой признанной главы реакціи и, собираясь на условленномъ мѣстѣ, предавали такое изображеніе всесожженію (это и называлось „казнью изображенія“) при пѣніи приличествующихъ случаю пѣсенъ, кликахъ и т. д. Почему бы и намъ не дѣлать того же? Почему не замѣнить панихиды, разъ уже является возможность организовать для нихъ собранія въ качествѣ протеста противъ деспотизма, публичнымъ сожженіемъ изображеній всякихъ Побѣдоносцевыхъ, Сипягиныхъ, Муравьевыхъ и прочей, — смотря по надобности — опричнины? Намъ кажется, что удачно исполненныя нѣсколько разъ и въ разныхъ городахъ демонстраціи этого рода произвели бы хорошее для поднятія революціоннаго духа въ странѣ впечатлѣніе. Далѣе. У насъ совершенно не практикуются крики *на улицахъ* при проѣздѣ высшихъ властей „долой!“ и „да здравствуетъ!“ т. е. тѣ „à bas!“ и „vive!“, которые служили хорошую службу въ революціонномъ воспитаніи массы во Франціи. Заранѣе организованныя, дѣянія этого рода могутъ быть совершены даже при относительной безопасности участниковъ дѣла. Для этого стоитъ только окружить „своими людьми“ тѣ группы лицъ, отъ которыхъ должны исходить клики и тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ неуязвимыми для полиціи. Нечего и говорить, что факты этого рода заставятъ поблѣднѣть не одного нашу „ввѣреннаго ему“ пашалыка. То же самое можно было бы организовать также въ театрахъ и другихъ подобныхъ же мѣстахъ, но, разумѣется, здѣсь дѣло сопряжено съ большими опасностями для дѣйствующихъ лицъ.*) Имѣя это въ виду и, рѣшаясь, тѣмъ не менѣе, на устройство подобной манифестаціи, устроителямъ ея слѣдуетъ компенсировать возможность жертвъ большей внушительностью манифестаціи, а для этого кромѣ кликовъ на тему „долой!“ и „да здравствуетъ!“ слѣду-

*) Такъ недавно бывшая въ Петербургѣ импровизированная демонстрація противъ пьесы г. г. Ефрона и Крылова „Сыны Израиля“, несмотря на сравнительную незначительность повода, показала возможность и болѣе серьезныхъ, политическихъ манифестацій въ театрахъ. *Ред.*

етъ бросать сверху внизъ въ публику заранѣе изготовленныя пачки прокламацій, которыя публика, конечно, станетъ съ жадностью ловить. При меньшихъ размѣрахъ манифестаціи можно ограничиться однимъ только бросаніемъ сверху внизъ пачекъ прокламацій съ изложеніемъ въ нихъ злободневныхъ событій и соотвѣтствующими воззваніями. Если же отъ манифестаціи, благодаря ли возбужденному состоянію общественной мысли, вслѣдствіе какого-нибудь сдѣлавшагося извѣстнымъ особенно гнуснаго преступленія шайки нашихъ правителей или другимъ причинамъ, можно ожидать особенно благопріятныхъ послѣдствій, купленныхъ хотя бы и цѣною уже опредѣленныхъ жертвъ, то тогда, конечно, въ программу манифестаціи слѣдуетъ ввести открытую „возмутительную“ рѣчь къ публикѣ заранѣе назначеннаго оратора. Такая рѣчь и должна быть покрыта соотвѣтствующими кликами другихъ участниковъ манифестаціи и сопровождаться бросаніемъ въ публику прокламацій. Обращаясь къ „старому“, изъ котораго мы рекомендуемъ кое-что позаимствовать „новому“, мы можемъ указать на манифестацію послѣдняго рода во время акта въ петербургскомъ университетѣ въ 1880 году (Рѣчь говорилъ Л. М. Коганъ-Бернштейнъ. Рѣчь была покрыта кликами и сопровождалась бросаніемъ прокламацій съ хоръ. Въ то же время П. П. Подбѣльскій ударилъ по лицу министра народнаго просвѣщенія Сабурова. Коганъ-Бернштейнъ и Подбѣльскій нашли впослѣдствіи себѣ могилу во время извѣстной якутской бойни 1889-го года. Подбѣльскій былъ убитъ, а раненый Коганъ-Бернштейнъ *принесенъ на кровати* подъ висѣлицу, на которой онъ и скончался въ августѣ 1889-го года. Подробности см. въ брошюрѣ „Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ“).

Въ высшей степени желательно также, чтобы, помимо воззваній, издаваемыхъ русской соціаль-демократіей касательно насущнѣйшихъ экономическихъ потребностей рабочаго класса, издавалось возможно большее количество листковъ, объясняющихъ съ революціонной точки зрѣнія совершающіяся событія, — будетъ ли то голодъ, китайская война или что либо другое. Годовщины крупнѣйшихъ событій нашей революціонной партіи должны также непремѣнно служить темами для издаваемыхъ листковъ. Наши польскіе товарищи подали этому примѣръ, широко распространивши въ Польшѣ листки въ память десятилѣтія со дня Голгофы для мучениковъ дѣла свободы, Бардовскаго, Куницкаго, Оссовскаго и Петрусинскаго, принадлежавшихъ къ соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“. Этимъ путемъ должны оживляться наши революціонныя традиціи, и укрѣпляться связь настоящаго съ прошлымъ. Въ случаѣ изданія прокламацій, имѣющихъ по своему содержанію особенно важное революціонное значеніе, желательно, чтобы распространеніе ихъ былъ приданъ планомѣрный характеръ, т. е. чтобы прокламаціи эти появлялись въ возможно большемъ количествѣ мѣстъ по возможности *въ одинъ и тотъ же*, заранѣе для того назначенный день. Обращаясь еще разъ „къ старому“, мы увидимъ, что такого рода дѣйствія не разъ выполнялись нашими предшественниками. Такова, напримѣръ, прокламація по поводу казни Никонова, распространенная въ одинъ и тотъ же день въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Ростовѣ на Дону, Одессѣ, Кременчугѣ и т. д. (см. біографію Попко въ „Матеріалахъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія“, издававшихся Группой Старыхъ Народовольцевъ).

Наконецъ, къ числу требованій въ майскихъ прокламаціяхъ, во время манифестацій и т. д. должно быть отнесено и требованіе полной амнистіи для отбывающихъ наказаніе за такъ называемыя „политическія преступленія“. Такое требованіе должно стать общимъ для всѣхъ безъ различія революціонныхъ фракцій; оно должно, такъ сказать, насытить собою революціонную атмосферу.

Всѣ эти акты, исходя изъ тѣсно сплоченной революціонной соціаль-демократической партіи, должны подвинуть быстро впередъ дѣло свободы и соціализма. Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ настоятельно рекомендовать всѣмъ русскимъ революціонерамъ безъ различія фракцій, попадая въ тюрьму, принять за основаніе своего тамъ поведенія принципъ, развитый въ брошюрѣ Бахарева „Какъ держать себя на допросахъ?“ т. е. систему полнѣйшихъ отказовъ отъ дачи какихъ бы то ни было показаній. Такой принципъ уже практиковался въ „старое время“ нѣкоторыми организаціями и принесъ неисчислимо благодѣтельныя послѣдствія. „Новому“ слѣдуетъ безусловно заимствовать этотъ принципъ у „стараго“. Принятіе его удесятеритъ наши силы, уменьшивши въ той же степени силы нашихъ враговъ. Каждая уцѣлѣвшая въ борьбѣ сила, — а ихъ уцѣлѣетъ много, если мы дадимъ святой обѣтъ полнаго молчанія передъ врагами — сослужитъ свою полезную службу и тѣмъ приблизитъ моментъ паденія нашего „абсолютно-нелѣпаго“ и нелѣпо абсолютнаго императорства, этого затянувшагося недуга русской жизни, этого, употребляя выраженіе Герцена, „продолжающагося преступленія“ противъ страны, противъ ея здраваго смысла, противъ ея чести и достоинства.*)

Поволжье, 20-го сентября 1900 года. Бывалый.

---

*) Для приведенія въ исполненіе всѣхъ изложенныхъ въ настоящей статьѣ начинаній, намъ представляется весьма желательнымъ, чтобы заграничные товарищи озаботились доставленіемъ намъ сверхъ всякаго рода рабочей литературы и въ особенности необходимой намъ прекрасной брошюры „Рабочее дѣло въ Россіи“, такихъ полезныхъ изданій, какъ „Подпольная Россія“ Степняка, „Андрей Кожуховъ“ его же, „За сто лѣтъ“ Бурцева, какой либо „Пѣсенникъ“ и брошюру „Какъ держать себя на допросахъ“.

Чему учитъ харьковская маевка?

Майская забастовка 10-тысячъ слишкомъ харьковскихъ рабочихъ представляетъ совершенно новое у насъ явленіе, заслуживающее полнаго вниманія со стороны всѣхъ русскихъ соціаль-демократовъ. Были и прежде случаи празднованія русскими рабочими дня 1-го мая путемъ забастовки (въ Кіевѣ, напримѣръ, и Екатеринославѣ), но до сихъ поръ въ такихъ забастовкахъ участвовала небольшая часть рабочихъ, отдѣльные цехи и мастерскія. На этотъ разъ въ Харьковѣ въ майскихъ празднованіяхъ приняло участіе громадное большинство рабочихъ крупныхъ и среднихъ заведеній, равно какъ и нѣкоторыхъ ремесленныхъ мастерскихъ. 10 слишкомъ тысячъ рабочихъ послѣдовало призыву соціаль-демократическаго комитета и сознательно приняло участіе въ всемірномъ рабочемъ праздникѣ. Теперь уже враги рабочаго класса не могутъ утверждать, что рабочее движеніе въ Россіи „польско-жидовское“ и что „коренная“ русская масса въ немъ участвуетъ только безсознательно и случайно.

Посмотримъ, какой урокъ можемъ мы вынести изъ харьковскихъ событій.

Каждая партія бываетъ склонна черезчуръ преувеличивать значеніе тѣхъ формъ борьбы, благодаря которымъ она одержала первыя свои побѣды. Такое преувеличеніе совершенно понятно. Найти надлежащій путь для завоеванія народныхъ массъ — дѣло настолько трудное, что немудрено, если люди, разъ отыскавъ такой путь, искренно увѣруютъ, что внѣ этого пути нѣтъ никакихъ иныхъ, ведущихъ къ этой цѣли. Съ русскими соціаль-демократами случилось нѣчто подобное.

Чтобы распространить свое вліяніе на широкія массы рабочихъ, русскіе соціаль-демократы (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Западномъ краѣ) сначала обратили вниманіе на ту мелкую повседневную, чисто-экономическую борьбу, которую отдѣльныя группы рабочихъ вынуждены при капиталистическомъ производствѣ вести на фабрикѣ, чтобы не дать вѣчно-алчущимъ прибыли капиталистамъ ухудшить ихъ положеніе ниже обычнаго уровня. Выступая агитаціонно каждый разъ, когда среди тѣхъ или другихъ рабочихъ массъ назрѣвало недовольство старой или новой

капиталистической прижимкой, русскіе соціаль-демократы добились того, что масса стала внимательно прислушиваться къ ихъ рѣчамъ и смотрѣть на нихъ, какъ на естественныхъ своихъ руководителей въ классовой борьбѣ. Такимъ образомъ, русскіе соціаль-демократы пріобрѣли прочные корни въ рабочихъ массахъ. Вполнѣ естественно, что среди нихъ явилась склонность считать единственно-правильной тактикой ту, которая дала имъ силу въ тѣхъ центрахъ, гдѣ впервые зашевелились рабочія массы. Мало по малу большинство русскихъ соціаль-демократовъ прониклось убѣжденіемъ, что естественный путь русскаго рабочаго движенія — это путь постепеннаго перехода отъ агитаціи на почвѣ мельчайшихъ повседневныхъ столкновеній рабочихъ съ капиталистами, ближе всего затрагивающихъ самаго сѣраго рабочаго, къ агитаціи на почвѣ все болѣе крупныхъ и общихъ вопросовъ жизни пролетаріата.

Всякая другая тактика стала казаться искусственной, непрактичной, обреченной на неуспѣхъ въ массахъ.

Однако, за время, прошедшее отъ первыхъ нашихъ агитаціонныхъ опытовъ (средина 90-хъ годовъ), въ настроеніи рабочихъ массъ произошли коренныя перемѣны. Массовыя стачки въ крупныхъ центрахъ и одержанныя ими побѣды (законъ 2-го іюня) всколыхнули всю рабочую массу вплоть до самыхъ глухихъ окраинъ, вызвавъ стихійную борьбу въ такихъ углахъ, куда и не заглядывала соціаль-демократическая агитація. Нелѣпо представлять себѣ пролетаріатъ въ видѣ совокупности отдѣльныхъ группокъ, живущихъ замкнутой жизнью, каждая сама по себѣ. Условія капиталистическаго производства таковы, что постоянно перетасовываютъ составъ рабочихъ данной мѣстности, постоянно наполняютъ новые промышленные центры пришлыми элементами, которые изъ старыхъ фабричныхъ центровъ несутъ въ застоявшееся болото жизни глухихъ угловъ новыя потребности, новые взгляды и новыя чувства. А правительственныя преслѣдованія приводятъ къ тому, что послѣ каждой стачки десятки и сотни раздраженныхъ и просвѣтленныхъ борьбой пролетаріевъ расходятся по всему лицу земли русской, оживляя сонную жизнь отсталыхъ мѣстностей. Поэтому, такія событія, какъ крупныя петербургскія стачки 96—97 годовъ, какъ и вообще систематическая стачечная борьба за послѣдніе годы имѣла не мѣстное, а общерусское значеніе, способствуя значительному подъему возбужденія и сознанія классовыхъ интересовъ во всѣхъ слояхъ русскаго пролетаріата. А потому и дѣятелямъ, начавшимъ работать въ незатронутыхъ еще центрахъ, не

приходилось заново выполнять той подготовительной черной работы, которая унесла столько жертвъ въ первыхъ пунктахъ движенія. Жертвы, понесенныя петербургскимъ и московскимъ пролетаріатомъ, позволили провинціальнымъ дѣятелямъ избѣгнуть или значительно сократить время этой неблагодарной подготовительной работы, когда дѣйствительно приходилось только нащупывать дорогу, по которой соціаль-демократія могла войти въ живое общеніе съ рабочими массами, когда соціаль-демократіи, дѣйствительно, приходилось себя суживать, сосредоточивая главныя свои усилія на агитаціи на почвѣ частныхъ проявленій фабричнаго гнета. Рабочія массы повсюду уже были возбуждены начавшейся въ нѣсколькихъ пунктахъ борьбой, и на почвѣ этого возбужденія соціаль-демократія могла перейти къ исполненію своей главной обязанности: къ пропагандѣ въ массахъ соціаль-демократическихъ идей и къ агитаціи на почвѣ общихъ интересовъ всего рабочаго класса Россіи.

Между тѣмъ, какъ упомянуто выше, успѣхи достигнутые первыми агитаціонными союзами на почвѣ борьбы за частныя мелкія требованія, породили въ русскихъ соціаль-демократахъ склонность къ увлеченію этой подготовительной работой. Въ интересахъ практическаго успѣха стали проповѣдывать необходимость на долгое время ограничиваться одной экономической агитаціей на почвѣ частныхъ столкновеній труда съ капиталомъ. Предполагалось, что только тогда, когда каждый рабочій пройдетъ эту первоначальную школу, онъ станетъ способнымъ отозваться на агитацію на почвѣ общихъ условій жизни русскаго пролетаріата, экономическихъ и политическихъ. А такъ какъ въ самомъ передовомъ центрѣ движенія наряду съ болѣе развитыми рабочими массами имѣются менѣе развитыя, наряду съ затронутыми движеніемъ такія, которыя еще не боролись даже за самыя мелкія требованія,*) то получался заколдованный кругъ: всегда оказывалось, что „слишкомъ рано“ еще приступать къ агитаціи на почвѣ обще-классовыхъ интересовъ пролетаріата, такъ какъ еще многіе слои рабочихъ не участвовали ни въ одной стачкѣ на почвѣ мелкихъ, частныхъ столкновеній съ хозяевами. Однимъ словомъ, соціаль-демократы на безконечно далекое время откладывали тотъ моментъ, когда они рѣшатся, наконецъ, выступить передъ массами съ развернутымъ знаме-

*) Напримѣръ въ Петербургѣ, нѣсколько тысячъ кожевниковъ, десятки тысячъ ремесленныхъ и строительныхъ рабочихъ. Рабочіе на табачныхъ фабрикахъ до сихъ поръ принимали въ стачечной борьбѣ очень незначительное участіе.

немъ и говорить имъ открыто о систематической классовой борьбѣ, о борьбѣ за соціализмъ и политическую свободу.

Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ вырабатывалось въ русской соціаль-демократіи и отношеніе къ вопросу о майской агитаціи. Разъ рабочія массы не могутъ понять значенія общихъ требованій до тѣхъ поръ, пока онѣ не прошли школу борьбы за частныя требованія, то отсюда вытекало, что вести майскую агитацію на почвѣ требованія 8-мичасового рабочаго дня и политической свободы является дѣломъ безпочвеннымъ. Пусть-ка сначала русскіе рабочіе научатся бороться за сокращеніе рабочаго дня этакъ на полъ-часика, а потомъ можно будетъ перевести ихъ въ высшій классъ — показать имъ, что на Западѣ подумываютъ о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ. Какъ это ни больно признаться, но приходится припомнить, что майскіе листки, изданные въ 1898 г. центральнымъ комитетомъ соціаль-демократической партіи и выставившіе требованіе 8-мичасового рабочаго дня и политической свободы, были встрѣчены съ громкимъ неудовольствіемъ очень и очень многими товарищами, а „органъ петербургскихъ рабочихъ“, „Рабочая Мысль“, впослѣдствіи вдоволь поиздѣвался надъ широкимъ характеромъ требованій этого листка (№ 7). Въ 1899 году мы дождались, наконецъ, того, что русская соціаль-демократія вытравила изъ своихъ майскихъ требованій 8-мичасовой рабочій день, замѣнивъ его 10-тичасовымъ. Этотъ шагъ былъ со стороны русской соціаль-демократіи измѣной дѣлу международной солидарности пролетаріата, который на всѣхъ своихъ конгрессахъ постоянно подтверждаетъ требованіе 8-мичасового рабочаго дня, какъ ближайшее общее требованіе рабочихъ всего міра. Русскіе соціаль-демократы, подмѣняя 8-мичасовой рабочій день 10-тичасовымъ, показали своимъ заграничнымъ товарищамъ, что они еще недостаточно цѣнятъ значеніе международной солидарности пролетаріата всѣхъ странъ, для котораго общность майскихъ требованій служитъ лозунгомъ братства рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ. Этотъ актъ измѣны, къ прискорбію, встрѣтилъ одобреніе въ заграничномъ органѣ „Рабочее Дѣло“, которое, устами товарища В. И—на, воздало дѣйствующимъ товарищамъ похвалу за ту практичность, которая продиктовала имъ эту замѣну .... или измѣну. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, товарищъ В. И—нъ старался доказать сознательнымъ рабочимъ, что нашъ переходъ отъ 8-мичасового рабочаго дня къ 10-тичасовому указываетъ вовсе не на ослабленіе движенія, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, а, напротивъ, на его усиленіе; мы, дескать, теперь

уже выставляемъ не такія требованія, которыя могутъ сыграть роль агитаціоннаго средства, но такія, которыя теперь уже могутъ быть приняты дѣйствующимъ въ Россіи законодательствомъ . . . т. е. законодательствомъ единой и нераздѣльной самодержавной Россіи. То есть, говоря попросту, это значитъ: мы уже такъ „созрѣли“, что перестали выставлять требованія, выражающія дѣйствительныя нужды голодающаго пролетаріата, а взамѣнъ начали вырабатывать проекты такихъ „мѣропріятій“ по рабочему вопросу, которыя легко могли бы быть приняты подлѣйшимъ изъ эксплуататорскихъ правительствъ. . . Такая преждевременная „зрѣлость“ до сихъ поръ называлась „собачьей старостью“. Нынѣ ее, кажется, принято называть „практичностью“.*)

Въ Харьковѣ рабочее движеніе пошло съ самаго начала не по тому пути, который кажется единственно надежнымъ нашимъ товарищамъ, черезчуръ увлеченнымъ картиной первыхъ лѣтъ массового рабочаго движенія. Непрерывной стачечной агитаціи въ томъ видѣ, какъ она практиковалась въ Петербургѣ, Москвѣ и Западномъ Краѣ, не было въ Харьковѣ. Были за послѣдніе 3 года случаи, когда мѣстные товарищи выступали съ листками, выставлявшими тѣ или другія частныя требованія, были случаи небольшихъ организованныхъ стачекъ, но въ общемъ главныя усилія мѣстныхъ дѣятелей были направлены не въ эту сторону. Напротивъ, пользуясь тѣмъ возбужденіемъ массъ, которое было перенесено въ Харьковъ изъ другихъ центровъ движенія и которое питалось ежедневно какъ отдѣльными случаями столкновенія рабочихъ съ хозяевами, такъ и общими условіями положенія рабочихъ на фабрикѣ и въ государствѣ, они приступили къ выполненію непосредственной обязанности соціаль-демократовъ, къ несенію въ широкія массы рабочихъ ученія о классовой борьбѣ и соціализмѣ. Массовое распространеніе нелегальной литературы и устная агитація на почвѣ всѣхъ сторонъ жизни рабочаго класса — такова была невидная, но плодотворная работа харьковцевъ. И плоды этой работы на

*) Въ поученіе товарища В. И—на разскажемъ ему слѣдующій переданный намъ недавно фактъ. Жандармскія власти города Севастополя недавно попали въ очень затруднительное положеніе. Одинъ жандармъ задалъ нѣкоему господину такой вопросъ: „посовѣтуйте, какъ намъ быть съ двумя юнцами, которыхъ мы задержали за распространеніе 1-го мая прокламацій. Видите-ли, они работаютъ на верфяхъ (казенныхъ), гдѣ рабочій день длится 8 часовъ, а прокламаціи требуютъ введенія 10-тичасового. Какъ преслѣдовать распространителей?“ И не вводите жандарма во искушеніе, товарищъ В. И—нъ, во искушеніе посмѣяться надъ нашей черезъ край льющейся „практичностью“.

лицо. Та школа жизни, школа капитализма, о которой такъ много говорятъ наши „практичные“ петербургскіе товарищи, не сознавая ясно, какую роль она играетъ въ дѣлѣ развитія рабочаго движенія, эта школа стихійнаго воспитанія массъ, при содѣйствіи систематической пропаганды путемъ соціалистической литературы, сдѣлала свое дѣло, и когда въ этомъ году Харьковскій Комитетъ предложилъ массамъ принять участіе въ майскомъ праздникѣ, онѣ какъ одинъ человѣкъ послѣдовали его призыву, оказавшись вполнѣ „подготовленными“, несмотря на то, что не принимали участія въ послѣдовательномъ рядѣ частныхъ стачекъ на почвѣ постепенно расширяющихся требованій, какъ это слѣдовало бы по „теоріи“ нашихъ, очень увлекающихся „практичностью“, петербургскихъ товарищей.

Мы не хотимъ сказать, что тактика харьковскихъ товарищей единственно правильная, что ей надо слѣдовать всегда и вездѣ. Нѣтъ, тактика должна считаться съ условіями мѣста и времени, и вполнѣ возможно, что успѣхъ тактики харьковцевъ зависѣлъ отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ мѣстныхъ условій. Мы только хотимъ сказать во-первыхъ, что не слѣдуетъ навязывать всему движенію тактику, которая при извѣстныхъ условіяхъ въ извѣстной мѣстности оказалась плодотворной, а, во-вторыхъ, что, считаясь съ условіями мѣста и времени, тактика соціаль-демократіи должна руководствоваться ея общими задачами, ставя себѣ цѣль способствовать развитію классового самосознанія и распространенію соціаль-демократическихъ идей въ массахъ пролетаріата. Насъ не можетъ прельстить никакой успѣхъ соціаль-демократовъ, если онъ связанъ съ тѣмъ, что они выступаютъ передъ массами, пряча въ карманъ свое знамя и не способствуя распространенію въ нихъ соціаль-демократическаго сознанія, безъ чего немыслимо дѣйствительное и прочное, а не призрачное и временное улучшеніе положенія массъ на фабрикѣ и въ государствѣ.

Поэтому опытъ харьковскихъ событій этого года имѣетъ для насъ значеніе, поскольку онъ доказалъ наглядно, что громадныхъ практическихъ результатовъ соціаль-демократія можетъ достигнуть, не поступаясь своей главной задачей — задачей распространенія въ массахъ соціаль-демократическихъ идей; что для того, чтобы создать живую непрерывающуюся связь между рабочими массами и соціалистической партіей, вовсе не нужно, какъ насъ хотятъ въ томъ увѣрить, чтобы соціаль-демократы говорили недостойнымъ ихъ языкомъ, чтобы скрывали революціонность своей программы,

чтобы угождали предразсудкамъ самыхъ отсталыхъ и сѣрыхъ слоевъ массы.

Въ этомъ (т. е. въ 1900-мъ) году было издано въ Россіи нѣсколько майскихъ листковъ. Листокъ, напечатанный въ типографіи „Южнаго Рабочаго“ и распространенный въ южныхъ центрахъ, написанъ наиболѣе революціоннымъ языкомъ, въ немъ ясно говорится о нашихъ цѣляхъ, и требованія, выставленныя въ немъ, наиболѣе радикальны: 8-мичасовой рабочій день и политическая свобода. По „теоріи“ нашихъ „практичныхъ“ петербургскихъ товарищей выходитъ, что этотъ-то листокъ долженъ былъ произвести наименьшее впечатлѣніе на массы. Вѣдь чѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ „практичнѣе“ требованія, чѣмъ они ближе массамъ, тѣмъ менѣе они могутъ „запугать“ бѣднаго русскаго рабочаго, а между тѣмъ ни революціонный языкъ, ни радикализмъ требованій, достойный соціаль-демократіи, не напугали харьковскихъ рабочихъ. И листокъ, написанный такъ, какъ слѣдуетъ писать соціаль-демократамъ, вызвалъ въ Харьковѣ ту общую демонстрацію, до которой, по глубокому убѣжденію нашихъ „практичныхъ“ товарищей, русскія рабочія массы доростутъ этакъ еще лѣтъ черезъ 10, пройдя долгую школу мелкой стачечной борьбы и разжиженной сладкой водицей пропаганды „Рабоч. Мысли“.*) Харьковскій Комитетъ пригласилъ рабочихъ не работать 1-го мая и выставилъ требованія 8-мичасового рабочаго дня и политической свободы. Забастовавъ 1-го мая, рабочія массы въ Харьковѣ тѣмъ самымъ показали всѣмъ и каждому, что онѣ сочувствуютъ этимъ требованіямъ, выставленнымъ ихъ соціаль-демократическими руководителями. Если при объясненіяхъ съ властями рабочіе не вездѣ рѣшились настаивать на 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ и не вездѣ заявляли жандармскимъ властямъ и губернатору, что они требуютъ политическихъ правъ, то это обстоятельство ничего не говоритъ о недоступности для массъ названныхъ требованій. Конечно, не вся рабочая масса одинаково революціонно настроена, не вся она одинаково сознаетъ необходимость радикальнаго измѣненія существующаго строя, и не всѣ ея слои готовы теперь одинаково настойчиво отстаивать тѣ или другія соціаль-демократическія требованія. А потому, всякое выставленное соціаль-демократіей требованіе, перейдя въ массы, будетъ претерпѣвать измѣненія, соотвѣтствующія уровню достигнутаго ею классового самосознанія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы выставленіе соціаль-демократами такихъ

*) Замѣтимъ, что листки того же содержанія были распространены въ Одессѣ, Екатеринославѣ и Ростовѣ на Дону и вездѣ имѣли большой успѣхъ.

общихъ требованій не имѣло „практическаго“ значенія, играло роль гласа, вопіющаго въ пустынѣ. Тѣ, кто такъ думаетъ, на самомъ дѣлѣ очень непрактичны, ихъ якобы выведенная изъ практики теорія суживаетъ ихъ горизонтъ и дѣлаетъ ихъ неспособными понять дѣйствительный ходъ развитія сознанія массъ. Если выставленная нами извѣстная идея сейчасъ не претворилась въ практическія требованія массъ, это не значитъ еще, что она не оказала вліянія. Если масса вступила въ борьбу по призыву соціаль-демократовъ, представшихъ передъ ней въ незамаскированномъ видѣ, то изъ этой борьбы, какъ бы она ни велась, она не выйдетъ уже такой, какой была прежде. Въ борьбѣ создалась живая и неразрывная связь между массой и соціаль-демократами, и то изъ ихъ рѣчей, что до борьбы могло казаться массамъ чѣмъ то чуждымъ, послѣ борьбы вошло въ ея плоть и кровь и рано или поздно выльется въ дѣйствіяхъ самой массы. А изъ этого слѣдуетъ, что для тѣхъ, кто не забываетъ о главной задачѣ соціаль-демократіи — развивать въ массахъ соціаль-демократическое сознаніе — самымъ практичнымъ является выступать передъ ними съ развернутымъ знаменемъ и говорить ей революціоннымъ языкомъ объ ея дѣйствительныхъ классовыхъ общихъ интересахъ и о революціонныхъ средствахъ удовлетворить эти интересы.

Мы потому такъ цѣнимъ майскія харьковскія событія, что они должны показать всѣмъ колеблющимся товарищамъ, какъ неразсчетлива (не говоря уже о ея противорѣчіи нашей программѣ) та нереволюціонная тактика, которая за послѣдніе годы начинаетъ входить у насъ въ моду, тактика, которая ставитъ предѣломъ для соціаль-демократической агитаціи уровень классового самосознанія, уже достигнутый самыми отсталыми слоями пролетаріата.*) Вмѣсто того, чтобы расширять и углублять самосознаніе рабочихъ массъ, рекомендуютъ слѣдовать за ними, выставляя только такія требованія, которыя самые отсталые слои массъ уже выдвинули независимо отъ всякаго воздѣйствія соціаль-демократіи. Соціаль-демократы отказывались отъ роли передового отряда рабочаго класса, передового отряда, который развиваетъ сознаніе отсталыхъ рабочихъ массъ; они дѣлали это въ то время, когда глубоко всколыхнувшіяся массы повсюду требовали отъ своихъ болѣе сознательныхъ товарищей отвѣта на вопросъ „что дѣлать“, въ то время, когда повсюду рабочія массы ждали отъ „студентовъ“ или отъ „Комитета“ разъясненія дѣйстви-

*) Смотри блестящую принципіальную критику этой тактики въ брошюрѣ П. Аксельрода: Открытое письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“.

тельныхъ причинъ ихъ бѣдствій и дѣйствительныхъ средствъ къ ихъ исцѣленію.

Русскимъ рабочимъ массамъ не впервые уже приходится наглядным жизненнымъ примѣромъ отрезвлять революціонную интеллигенцію отъ ея упоенія готовыми формулами, хотя бы имѣющими въ своемъ основаніи житейскій опытъ, плохо переваренный, конечно. Массовыя стачки 1896—97-го годовъ открыли глаза тѣмъ русскимъ революціонерамъ, которые толковали, что нашъ пролетаріатъ не созрѣлъ для классовой борьбы и не можетъ представлять революціонной силы. Эти стачки увлекли въ нашъ лагерь массы сторонниковъ изъ интеллигенціи, понявшихъ, наконецъ, что борьба съ существующимъ экономическимъ и политическимъ строемъ возможна только на почвѣ рабочаго движенія. Стачки 1896—97-го г. г. окончательно излѣчили массу русскихъ революціонеровъ отъ вѣры въ заговоры интеллигенціи и помогли имъ стать искренними борцами за рабочее дѣло. Прошло нѣсколько лѣтъ, и эти самыя массы революціонной радикальной интеллигенціи начинаютъ пѣть на новый ладъ старую пѣсню о томъ, что русскій пролетаріатъ не можетъ въ ближайшемъ будущемъ представить революціонной силы, способной сломить существующій строй. Прежде изъ этого положенія русскіе радикалы дѣлали тотъ выводъ, что разъ народъ не способенъ къ революціонной борьбѣ за свое освобожденіе, то надо бороться за это освобожденіе безъ народа собственными силами небольшой кучки заговорщиковъ или силами либеральныхъ помѣщиковъ и интеллигенціи. Теперь же, отрицая революціонную способность русскаго пролетаріата, приходятъ къ безнадежному выводу, что вообще дѣло борьбы за политическое и соціальное освобожденіе народа надо отложить въ безконечно долгій ящикъ, до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не „созрѣетъ“.

Пусть же смѣлое выступленіе харьковскихъ рабочихъ массъ откроетъ глаза этой публикѣ на то, что уже вполнѣ „созрѣли“ условія для плодотворной работы искреннихъ друзей рабочаго класса, для массовой политической борьбы подъ знаменемъ революціонной соціаль-демократіи.

И пусть удачная майская забастовка харьковскихъ рабочихъ побудитъ товарищей въ другихъ центрахъ приложить всѣ усилія для того, чтобы майскій праздникъ всемірнаго пролетаріата сталъ, наконецъ, у насъ тѣмъ, чѣмъ онъ — по всѣмъ нашимъ условіямъ — долженъ быть: ежегодной общей демонстраціей русскихъ рабочихъ, демонстраціей одновременно соціальной и политической.

А. Б.

Гимнъ
новѣйшаго русскаго соціалиста.*)

(На мотивъ „Варшавянки".)

Грозныя тучи нависли надъ нами,
Темныя силы въ загривокъ насъ бьютъ,
Рабскія спины покрыты рубцами,
Хлещетъ неистово варварскій кнутъ.
Но, потираючи грѣшное тѣло,
Мысля конкретно, посмотримъ на дѣло:
„Кнутъ, вѣдь, истреплется, скажемъ народу,
„Лѣтъ черезъ сто ты получишь свободу."
Медленнымъ шагомъ,
Робкимъ зигзагомъ
Тише впередъ,
Рабочій народъ!

Жаждетъ копейки нашъ сѣрый рабочій,
Намъ-ли къ свободѣ его призывать?
Нашихъ сподвижниковъ тусклыя очи
Заревомъ крови не должно смущать.
Въ битвѣ безумной погибнутъ безслѣдно
Тѣ, кто увлекся сіяньемъ идей,
Гибели ихъ будетъ вторить побѣдно
Хохотъ презрительный трезвыхъ людей.
Не увлекаясь,
Приспособляясь,
Тише впередъ,
Рабочій народъ!

*) Редакція *„Зари"* съ удовольствіемъ помѣщаетъ это произведеніе молодого поэта Нарциса Тупорылова, хотя и не раздѣляетъ его очевидной симпатіи къ нашимъ „экономистамъ", которыхъ онъ называетъ новѣйшими соціалистами. Мы и впредь приглашаемъ его дарить насъ произведеніями своей лиры. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся, что наша готовность печатать произведенія г. Тупорылова опровергнетъ нелѣпую „догму" о нетерпимости „ортодоксальныхъ" марксистовъ.

Въ нашей борьбѣ самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнутъ когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой насъ не прельстите
Вы, демагоги трудящихся массъ.
О коммунизмахъ своихъ не твердите,
Вѣруемъ . . . въ мощь вспомогательныхъ кассъ.
Если возможно,
Но осторожно
Шествуй впередъ,
Рабочій народъ!

Нарцисъ Тупорыловъ.

Четырнадцатое декабря 1825 года.

(Рѣчь, произнесенная на русскомъ собраніи въ Женевѣ 14/27. декабря 1900-го года.)

Гг.!

Ровно 75 лѣтъ тому назадъ, четырнадцатаго декабря 1825 года въ Петербургѣ произошло событіе, глубоко поразившее современниковъ и заслуживающее полнаго вниманія потомства.

Я говорю о вооруженномъ возстаніи на одной изъ петербургскихъ площадей.

Въ честь этого событія мы собрались въ этой залѣ и, конечно, не мы одни чтимъ его память сегодня. Сочувственное воспоминаніе о немъ заставляетъ усиленно биться сердца всѣхъ тѣхъ русскихъ, — а можетъ быть и не однихъ только русскихъ, — людей, которые не заинтересованы въ поддержаніи *самодержавія* и которые неравнодушны къ учрежденіямъ, превращающимъ *обывателей* въ *гражданъ*, то есть обезпечивающимъ странѣ блага *политической свободы*.

На собраніяхъ такого рода, какъ нынѣшнее, не принято читать длинные „*рефераты*“. Здѣсь болѣе умѣстны такъ называемыя нѣмцами Festreden. Тѣмъ не менѣе я все таки намѣренъ характеризовать передъ вами, хотя бы въ немногихъ словахъ, какъ самое движеніе, приведшее къ возстанію на Сенатской площади, такъ и ту среду, въ которой оно возникло и развивалось.

А. Герценъ, въ своей брошюрѣ „La Conspiration russe de 1825“, говоритъ, что въ царствованіе Александра I „дворянство составляло такъ сказать активный народъ, подъ которымъ внизу былъ народъ, остававшійся неподвижнымъ, и надъ которымъ вверху стояло правительство, отказывавшееся идти впередъ“.

Народъ, — т. е. собственно крестьянство и немногочисленные тогда фабричные рабочіе — не былъ совершенно неподвиженъ и въ то время. Онъ глухо волновался, и его неудовольствіе то здѣсь, то тамъ прорывалось въ видѣ такъ называемыхъ у насъ *бунтовъ*, но Герценъ все таки правъ въ томъ смыслѣ, что движеніе, которое мы имѣемъ теперь въ виду, происходило исключительно въ *дворянской* средѣ. Когда Рылѣеву пришла мысль вербовать въ члены Союза Благоденствія *купцовъ*, мысль

эта была отвергнута его товарищами, потому что, какъ выразился членъ Союза баронъ Штейнгель, наши купцы — *невѣжды*.

Но какова же была тогда дворянская среда? Каково было соціальное положеніе дворянства?

Дворянство было высшимъ, *привилегированнымъ* сословіемъ. Оно *эксплуатировало* крестьянъ. По экономической неразвитости тогдашней Россіи, эксплуатація крестьянъ дворянствомъ совершалась въ самой грубой формѣ — *въ формѣ крѣпостной зависимости*. Крѣпостное право опредѣляло собою всѣ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и налагало свою печать на весь соціально-политическій строй Россіи. Въ своей непрестанной, хотя почти всегда скрытой борьбѣ съ помѣщиками, крестьяне не *увѣренные* въ своихъ собственныхъ силахъ, *идеализировали царя*, воображая его народнымъ заступникомъ. Они готовы были истреблять дворянъ по первому знаку высшаго правительства. Уже одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы лишить дворянъ всякой независимости по отношенію къ царской власти. А къ этому присоединялось еще недовѣрчивое и даже прямо враждебное отношеніе *низшаго, бѣднаго* дворянства, къ *высшему, богатому*. Извѣстно, что это отношеніе въ значительной степени способствовало торжеству императрицы Анны Ивановны надъ „Верховниками“, пытавшимися ограничить ея власть.

Въ виду всего этого, „доблестному россійскому дворянству“ по неволѣ приходилось мириться со зломъ самодержавія и увѣрять въ своей преданности тѣхъ самыхъ царей, противъ которыхъ оно „крамольничало“ такъ часто и иногда такъ удачно. Русскій дворянинъ, державшій себя какъ „важный баринъ“ со своими подчиненными, держалъ себя какъ лакей въ своихъ сношеніяхъ съ верховной властью. Вотъ какъ характеризуетъ, напримѣръ, настроеніе высшаго московскаго общества умная и наблюдательная англичанка миссъ Катринъ Уильмотъ, гостившая у княгини Е. Р. Дашковой въ 1805—1807 годахъ: „Подчиненіе въ высшей степени господствуетъ въ Москвѣ. Здѣсь собственно нѣтъ того, что называютъ *джентльмэномъ;* каждый измѣряетъ свое достоинство мѣрой царской милости. Поэтому старые идіоты и выжившія изъ ума женщины всемогущи . . . имѣя на себѣ болѣе лентъ и чиновъ, чѣмъ люди молодые“.*) И та же миссъ Уильмотъ довольно ясно видѣла тѣсную связь между подмѣченнымъ ею духомъ *„подчиненія“* и *крѣпостнымъ правомъ*. „Я смотрю на каждаго русскаго плантатора — говоритъ она — какъ на

*) Письма изъ Россіи (1805—1807) миссъ Катринъ Уильмотъ. Переводъ съ англійскаго языка. Лейпцигъ 1876, стр. 49.

желѣзное звено въ огромной цѣпи, оковывающей это царство; и когда я встрѣчаюсь съ ними въ обществѣ, я невольно думаю, что сами они крѣпостные люди деспота".*)

Письма миссъ Уильмотъ относятся, какъ я сказалъ, къ 1805—1807 годамъ, т. е. къ началу царствованія Александра I. Но духъ, господствовавшій въ дворянской средѣ, не измѣнился, конечно, и къ концу этого царствованія, „то, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, — говоритъ декабристъ И. Д. Якушкинъ, — большею частью состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго — нибудь изъ вопросовъ, занимавшихъ насъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего".**) Огромное большинство дворянства и думать не хотѣло объ уничтоженіи крѣпостного права. „Всѣ почти помѣщики, — продолжаетъ И. Д. Якушкинъ, — смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство."***) Вы легко можете представить себѣ, господа, каковы были, каковы должны были быть соціальныя и психологическія послѣдствія такого положенія дѣлъ. Тотъ же И. Д. Якушкинъ справедливо замѣчаетъ, что крѣпостное право на каждомъ шагу обозначалось у насъ самыми отвратительными послѣдствіями. „Безпрестанно доходили до меня — говоритъ онъ, — слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей. Ближайшій изъ нихъ, Жигановъ, имѣвшій всего 60 душъ, разъѣзжалъ въ коляскѣ и имѣлъ огромную стаю гончихъ и борзыхъ собакъ; за то крестьяне его умирали почти съ голоду и часто, ушедши тайкомъ съ полевой работы, приходили ко мнѣ и моимъ крестьянамъ просить милостыню." . . . „Въ то же время почти безпрестанно доходили слухи объ экзекуціяхъ въ разныхъ губерніяхъ."†) Выведенные изъ терпѣнія, крестьяне отказывались повиноваться, и тогда къ нимъ посылали военную силу, чинившую надъ ними жестокую расправу. Розги и палки, а въ крайнихъ случаяхъ штыки и пули были необходимымъ плодомъ

*) Тамъ же, стр. 61.

**) Записки декабристовъ. Выпускъ первый. Записки Ивана Дмитріевича Якушкина. Лондонъ 1862 г., стр. 8—9.

***) Ibid. стр. 21.

†) Ibid. стр. 40 и 24.

и неизбѣжнымъ воспитательнымъ средствомъ „патріархальнаго“ крѣпостного режима. Жестокость становилась достоинствомъ въ глазахъ тѣхъ, которые держались лишь съ помощью жестокости. Отъ И. Д. Якушкина мы узнаемъ, что до похода за границу въ 1813—1814 годахъ офицеры Семеновскаго полка, считавшіеся тогда лучшими во всей гвардіи, любили толковать между собою о томъ, какъ лучше наказывать солдатъ: по немногу, но часто, или рѣдко, но жестоко. „Я очень помню, — говоритъ онъ, — что командиръ 2-го баталіона, баронъ Далласъ, впослѣдствіи бывшій во Франціи при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ такого мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ не давать солдату менѣе 200 палокъ, и надо замѣтить, что такія жестокія наказанія употреблялись не за одно дурное поведеніе, но иногда за самый ничтожный поступокъ и даже за какой нибудь промахъ во фрунтѣ.*)

Все это показываетъ, что огромнѣйшее большинство дворянъ того времени было *„активнымъ“* развѣ лишь *во вредъ народу*. Отъ этого большинства нельзя было ждать безкорыстныхъ гражданскихъ подвиговъ. И мы врядъ-ли ошибемся, отнеся къ нему слова К. Ѳ. Рылѣева (въ его „Стансахъ“):

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей . . .

Но къ чести нашей, страны въ этой средѣ, мертвой для всякой живой мысли и для всякаго благороднаго порыва, стали появляться, подъ вліяніемъ освободительнаго движенія западноевропейскаго Tiers Etat, люди, понимавшіе весь ужасъ тогдашняго положенія Россіи и готовые всѣми силами служить дѣлу освобожденія русскаго народа. Такіе люди встрѣчаются у насъ уже въ восемнадцатомъ столѣтіи. Это были идеологи, которые (выражаясь словами Коммунистическаго Манифеста) возвысились до теоретическаго пониманія хода историческаго движенія. Они ненавидѣли крѣпостное право и стремились къ гражданской свободѣ. При этомъ они очень ясно сознавали, что гражданская свобода невозможна тамъ, гдѣ не существуетъ границъ царскому произволу. Такъ, уже *Княжнинъ* говоритъ въ своемъ *„Вадимѣ“*:

Самодержавіе, по всюду бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И, невозбранныя открывъ пути страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ.

*) Ibid., стр. 28—29.

Но самымъ яркимъ представителемъ свободолюбивыхъ стремленій нашего восемнадцатаго вѣка былъ, безъ сомнѣнія, *Радищевъ*. Его знаменитое *„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“* показываетъ, какъ сильно возмущали его *„алчность дворянства, грабежъ, мучительство и беззащитное нищеты состояніе“*. Онъ называетъ помѣщиковъ *алчными звѣрями и ненасытными піявицами;* онъ спрашиваетъ у нихъ, что оставляютъ они крестьянину, и отвѣчаетъ: „То, чего отнять не можете, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлете не рѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду; но и самый свѣтъ . . . Вотъ жребій заклепаннаго въ узы! Вотъ жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ! Вотъ жребій вола въ ярмѣ!“ *)

Ненавидя крѣпостное право, Радищевъ ненавидѣлъ и царскую власть. Въ его одѣ *„Вольность“*, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ, особенно поражаетъ нынѣшняго читателя слѣдующая строфа, очевидно навѣянная воспоминаніемъ объ англійской революціи семнадцатаго вѣка, и оказавшаяся пророческой если не по отношенію къ Россіи, то по отношенію къ Франціи, гдѣ въ то время все болѣе и болѣе разыгрывалась революціонная буря:

Возстанетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя!

Въ лицѣ Радищева мы, можетъ быть, впервые встрѣчаемся съ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ русскимъ революціонеромъ изъ „интеллигенціи“. И не даромъ Екатерина II говорила о немъ что онъ бунтовщикъ хуже Пугачева . . .

Извѣстно, что Радищевъ погибъ, можно сказать, дважды, но то стремленіе, котораго онъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ представителей, не погибло, а росло и крѣпло въ послѣдующія царствованія. Въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія это стремленіе находитъ себѣ сторонниковъ между наиболѣе образованными *офицерами*. Пробужденію политической мысли въ офицерской средѣ много содѣйствовали, какъ извѣстно, наполеоновскія войны. „Пребываніе въ

*) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (1790), Лейпцигск. изданіе 1876 г., стр. 219—220.

продолженіе цѣлаго года въ Германіи и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, — говоритъ И. Д. Якушкинъ, — не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ."*) И когда изъ этой обстановки, дѣйствительно *„огромной"* въ историческомъ смыслѣ, русская образованная молодежь вернулась на родину, ее неминуемо ожидалъ рядъ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній: постыдное рабство народа и дикое самовластье царя не могли не рѣзать глазъ, успѣвшихъ привыкнуть къ болѣе отраднымъ зрѣлищамъ. Это лучше всего видно изъ записокъ того же Якушкина.

„Изъ Франціи въ 14-мъ году, — говоритъ онъ, — мы возратились моремъ въ Россію. 1-ая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ . . . во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество."**) Интересно, что это неблагопріятное впечатлѣніе, полученное Якушкинымъ, было усилено поведеніемъ самого Александра I. При вступленіи въ Петербургъ девятой гвардейской дивизіи Якушкинъ съ своимъ пріятелемъ Толстымъ, стоя недалеко отъ золотой кареты императрицы Маріи Ѳедоровны, *„любовались"* императоромъ, который на красивой рыжей лошади подъѣзжалъ къ каретѣ, готовясь опустить шпагу передъ императрицей. „Но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадью перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно вспомнилъ о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожь не могла видѣть мыши, не бросившись на нее."***)

Изъ этихъ словъ Якушкина видно, что въ эпоху наполеоновскихъ войнъ наша образованная и сводомыслящая военная молодежь еще любила Александра I. Это подтверждается и другими свидѣтельствами. Но по заключеніи мира дѣло очень скоро приняло другой оборотъ. Между тѣмъ какъ передовые люди того времени все болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости широкихъ общественныхъ реформъ,

*) Записки, стр. 4—5.
**) Тамъ же, стр. 5.
***) Тамъ же, стр. 5—6.

Александръ I все болѣе и болѣе поддавался вліянію реакціонеровъ. Вѣчно путешествующій и всегда занятый вопросами международной политики, онъ почти совсѣмъ не занимался внутренними дѣлами, поручая ихъ своимъ любимцамъ, между которыми первое мѣсто скоро было занято тупымъ и жестокимъ Аракчеевымъ. Члены государственнаго совѣта и министры должны были обращаться къ нему въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось царское разрѣшеніе. Что значилъ для русскаго народа Аракчеевъ, это извѣстно, безъ сомнѣнія, всѣмъ здѣсь присутствующимъ, и потому я не стану распространяться объ этомъ. Но я замѣчу, что чѣмъ болѣе росла ненависть къ Аракчееву въ свободомыслящемъ меньшинствѣ тогдашняго русскаго общества, тѣмъ скорѣе чувство любви къ Александру I замѣнялось у него чувствомъ нерасположенія и даже, какъ говоритъ Якушкинъ, *ожесточенія*.*) Не трудно понять, какъ вліяло это чувство на образъ мыслей тогдашнихъ передовыхъ людей: если *любовь* къ императору вызывала въ нихъ сочувствіе къ мирнымъ *реформамъ сверху* и ожиданіе такихъ реформъ, то *разочарованіе* въ императорѣ и ожесточеніе противъ него должны были вызывать и укрѣплять въ нихъ сочувствіе и стремленіе *къ революціонному способу дѣйствій*. Люди, которые еще такъ недавно „*любовались*“ Александромъ I и готовы были идти за нимъ на край свѣта, вѣря въ его благія намѣренія, теперь проклинали его, какъ „*тирана*“, и стали поговаривать о *цареубійствѣ*.

Это новое настроеніе передовыхъ людей немедленно отразилось и на ихъ литературныхъ вкусахъ, они съ жаромъ стали читать древнихъ, особенно *Плутарха*, которымъ не менѣе сильно увлекались французскіе революціонеры восемнадцатаго столѣтія. А въ ихъ собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ громко зазвучали *гражданскіе мотивы*. Припомните „*Думы*“ К. Ѳ. Рылѣева: „*Михаилъ Тверской*“, „*Волынскій*“, „Артамонъ Матвѣевъ“ и другія; припомните въ особенности его „*Гражданина*“. Это послѣднее стихотвореніе такъ хорошо выражаетъ настроеніе тогдашнихъ революціонеровъ, что полезно будетъ прочитать его здѣсь цѣликомъ. Вотъ оно:

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ позорной праздности, влачить свой вѣкъ младой

*) Тамъ же, стр. 36.

И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ своей судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

К. Ѳ. Рылѣевъ былъ по преимуществу пѣвцомъ гражданскихъ чувствъ. Онъ въ поэзіи цѣнилъ прежде всего ея *содержаніе*, сильно расходясь въ этомъ отношеніи съ Пушкинымъ, который даже въ годы самыхъ сильныхъ политическихъ увлеченій не переставалъ быть строгимъ цѣнителемъ *формы*. Но общее настроеніе передового круга отразилось, тѣмъ не менѣе. и на Пушкинѣ; укажу для примѣра на его посланіе къ Чаадаеву, гдѣ онъ приглашаетъ своего друга служить вмѣстѣ съ нимъ дѣлу освобожденія родины:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И свергнетъ иго самовластья!

Не менѣе характерно и знаменитое стихотвореніе „*Кинжалъ*“, въ которомъ рѣзко выдѣляется безпощадной ненавистью къ деспотизму слѣдующая строфа:

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смертъ дѣтей
Я съ злобной радостью увижу! . . .

Когда у людей возникаютъ *такія* чувства, тогда дѣйствіе становится для нихъ *психологической необходимостью*. И мы видимъ, что уже въ 1816 году являются попытки организаціи *тайныхъ обществъ*. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ обществъ былъ „*Союзъ Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*“, въ основаніи котораго принимали участіе братья Муравьевы, Александръ и Никита, князь Трубецкой и Павелъ Пестель. Этотъ союзъ поставилъ передъ собою цѣль *измѣненія государственныхъ учрежденій*. Но въ то время существовали и другія тайныя общества, цѣль которыхъ не отличалась такою опредѣленностью: таково, напримѣръ, было

основанное Орловымъ общество *„русскихъ рыцарей“*, члены котораго стремились только къ „пресѣченію *злоупотребленій*“ и даже намѣревались было просить царскаго на то разрѣшенія. Были еще и другія общества въ Петербургѣ между офицерами нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ и въ Малороссіи, гдѣ Новиковъ основалъ *Малороссійское общество* при масонской ложѣ, и гдѣ образовалось потомъ общество соединенныхъ Славянъ, стремившееся къ освобожденію и федеративному объединенію всѣхъ славянскихъ народовъ. Но насъ болѣе всего интересуетъ здѣсь судьба *„Союза Спасенія“*.

Въ исторіи этого общества, скоро переименованнаго въ *„Союзъ Благоденствія“*, необходимо прежде всего отмѣтить, какъ эпоху кризиса, московскій съѣздъ въ февралѣ 1821 года, на которомъ рѣшено было прекратить анти-правительственную дѣятельность и положить конецъ существованію самого общества. На самомъ дѣлѣ общество не было распущено, а только *преобразовано*, и самое постановленіе о прекращеніи его дѣйствія принято было, чтобы удалить изъ него нѣкоторые ненадежные и нерѣшительные элементы. Тутъ же, на съѣздѣ выработанъ былъ новый уставъ, который раздѣлялся на двѣ части: въ первой, которая предназначалась для *вступающихъ*, говорилось, что общество преслѣдуетъ филантропическія цѣли; во второй, предназначенной для *посвященныхъ*, указывалась дѣйствительная цѣль общества: ограниченіе самодержавія въ Россіи. Для завѣдыванія и руководства дѣлами общества учреждались особыя *Думы*. На первый разъ такихъ *Думъ* было учреждено четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской губерніи и въ Тульчинѣ. Въ дальнѣйшей исторіи Союза главная роль принадлежала Тульчинскому отдѣлу, извѣстному подъ именемъ *Южнаго общества* и находившемуся подъ вліяніемъ *П. Пестеля*, и Петербургскому, называемому иногда Сѣвернымъ обществомъ. Въ немъ главное вліяніе пріобрѣлъ впослѣдствіи *К. Ѳ. Рылѣевъ*.

Уже на Московскомъ съѣздѣ рѣшено былъ дѣйствовать на войска въ духѣ тайнаго общества и *„приготовить ихъ на всякій случай“* *). Съ этихъ поръ члены *„Союза Благоденствія“* не разставались съ мыслью о военномъ возстаніи, которая росла и зрѣла, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ испанскихъ событій. Въ 1823 году возникъ планъ захватить царя на смотру въ Бобруйскѣ. Планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе по недостатку силъ, но скоро онъ опять явился

*) Якушкинъ, записки, стр. 58.

въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Именно, въ апрѣлѣ 1824 года Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, братья Поджіо, Давыдовъ и Швейковскій намѣревались убить Акександра I на смотру въ Бѣлой церкви и, произведя возмущеніе въ войскахъ, идти на Кіевъ и на Москву. Пестель разсчитывалъ, что ему удастся, истребивъ царскую фамилію, принудить Сенатъ и Синодъ къ признанію тайнаго общества временнымъ правительствомъ, на обязанность котораго легло бы водвореніе новаго порядка.

Царскій смотръ въ Бѣлой церкви былъ отмѣненъ, а потому и этотъ новый планъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій.

Пестель былъ рѣшительнымъ республиканцемъ и считалъ необходимымъ немедленно учредить въ Россіи республику. Нѣкоторые другіе члены Союза Благоденствія готовы были удовольствоваться созваніемъ Учредительнаго Собранія, которое само опредѣлило бы, быть ли Россіи республикой, или оставаться монархіей.*) Но всѣ были совершенно согласны въ томъ, что необходимо положить конецъ существованію *самодержавія и крѣпостного права.***) Успѣхъ заговорщиковъ ознаменовалъ бы собою торжество гражданской и политической свободы въ Россіи. Весь вопросъ въ томъ, *возможенъ* ли былъ успѣхъ. А по этому поводу надо замѣтить, что въ немъ сомнѣвались нерѣдко и сами члены Союза Благоденствія. И это обстоятельство, — сомнѣніе заговорщиковъ въ успѣхѣ собственнаго дѣла, — раскрываетъ передъ нами въ высшей степени замѣчательную черту ихъ психологіи. Сомнѣваясь, по крайней мѣрѣ по временамъ, въ возможности успѣхѣ, члены тайнаго общества не переставали тѣмъ не менѣе стремиться къ борьбѣ и къ открытому возстанію. Они считали, что ихъ гибель даетъ благодѣтельный толчокъ развитію русской политической мысли и готовы были пожертвовать собою для блага родны. Эта черта ихъ психологіи ярко выразилась въ знамѣнитомъ отрывкѣ изъ „*Исповѣди Наливайко*“ К. Ѳ. Рылѣева:

---

*) Объ этотъ смот. въ *разборѣ „Донесенія тайной слѣдственной коммиссіи“*, приписываемомъ Никитѣ Муравьеву и Лунину, и напечатанномъ въ *„Запискахъ Декабристовъ“* выпускъ второй и третій, Лондонъ 1863, стр. 103—136. Замѣчаніе объ Учредительномъ Собраніи находится на стр. 109.

**) Авторы *разбора Донесенія тайной слѣдственной коммиссіи* справедливо упрекаютъ эту коммиссію въ томъ, что она, въ своемъ донесеніи, „умалчиваетъ объ освобожденіи крестьянъ, долженствовавшемъ возвратить гражданскія права нѣсколькимъ милліономъ нашихъ соотечественниковъ“. (Ibid. стр. 116). Говорить объ этомъ намѣреніи Союза Благоденствія было не въ интересахъ слѣдователей.

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа.
Судьба меня ужъ обрекла,
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю . . .
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!

Декабристъ Н. А. Бестужевъ разсказываетъ въ своихъ „*Воспоминаніяхъ о Кондратіи Ѳедоровичѣ Рылѣевѣ*“, что когда Рылѣевъ, написавъ эту „исповѣдь, прочиталъ ее жившему у него Михаилу Бестужеву, тотъ воскликнулъ: „Знаешь-ли ты, какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты какъ будто хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ.“ — Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи? отвѣчалъ Рылѣевъ. Вѣрь мнѣ, что каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ Россіянъ.“ *)

Это свидѣтельство Н. А. Бестужева не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторая часть членовъ „*Союза Благоденствія*“ сознательно шла на *мученичество*. Но извѣстно, что стремленіе къ мученичеству не только не ослабляетъ энергіи людей, его имѣющихъ, а удесетеряетъ ее. Рылѣевъ, твердо увѣренный въ томъ, что ему необходимо погибнуть „для пробужденія спящихъ россіянъ“, былъ, какъ я уже сказалъ, душою петербургскаго, „*Сѣвернаго*“, общества, которое, подобно „*Южному*“, находило, что нужно немедленное дѣйствіе. Въ 1825 году Рылѣевъ, — по словамъ „*Донесенія слѣдственной коммиссіи*“, — сталъ намекать о возможности начать возстаніе въ маѣ 1826 года. Съ своей стороны Пестель находилъ возможнымъ возстать въ январѣ того же года. Но обстоятельства, не предвидѣнныя ни тѣмъ, ни другимъ, сложились такъ, что „*Союзъ Благоденствія*“ вынужденъ былъ взяться за оружіе еще раньше этого срока.

Въ іюнѣ 1825 года Александръ I получилъ отъ унтеръ-офицера 3-го Бугскаго Уланскаго полка Шервуда *доносъ*, указывавшій на существованіе тайнаго общества и даже называвшій одного изъ его членовъ, — Ѳедора Вадковскаго.

*) Полярная Звѣзда, кн. VI, стр. 1—2.

Въ сентябрѣ того же года Шервудъ подалъ новый доносъ, заключавшій въ себѣ болѣе подробныя указанія. Эти доносы Шервуда были подтверждены доносами генералъ-лейтенанта Витта и капитана Вятскаго полка Майбороды, который самъ былъ членомъ „*Союза Благоденствія*“. На основаніи этихъ доносовъ арестованы были нѣкоторые члены Южнаго общества и между ними Пестель. За этими первыми арестами неминуемо послѣдовали бы другіе. „Союзу Благоденствія“ былъ бы во всякомъ случаѣ нанесенъ рядъ сильныхъ ударовъ. Но онъ не дождался ихъ. Четырнадцатаго декабря, въ тотъ самый день, когда на югѣ былъ арестованъ Пестель, въ Петербургѣ произошло возстаніе на Сенатской площади.

Вы всѣ, конечно, знаете, господа, каковъ былъ *внѣшній* поводъ петербургскаго возстанія. Заговорщики рѣшили воспользоваться для своихъ цѣлей той неурядицей, которая вызвана была смертью Александра I и препирательствами, возникшими между великими князьями Николаемъ и Константиномъ по вопросу о преемственности.

Еще при жизни Александра Константинъ болѣе или менѣе добровольно отказался отъ своего права на престолъ, вслѣдствіе чего оно перешло къ Николаю. Но объ этой сдѣлкѣ знали, кромѣ заинтересованныхъ лицъ, лишь очень немногіе посвященные, между тѣмъ какъ вся остальная чиновная и даже чиновная Россія продолжала считать наслѣдникомъ Константина. Когда въ Петербургъ пришло (27-го ноября ст. ст.) извѣстіе о смерти Александра въ Таганрогѣ, Николай, тотчасъ послѣ панихиды, отслуженной по Александрѣ въ придворной церкви, отвелъ въ сторону петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича и сказалъ ему, что по духовному завѣщанію покойнаго императора престолъ принадлежитъ ему, Николаю. На это Милорадовичъ отвѣтилъ, что въ Россіи есть законъ о престолонаслѣдіи, повинуясь которому онъ уже послалъ войскамъ приказаніе присягать Константину. Николай не могъ сломить твердость Милорадовича и увидѣлъ себя вынужденнымъ присягнуть своему старшему брату. За нимъ присягнулъ Михаилъ Николаевичъ и всѣ находившіеся во дворцѣ сановники. Такимъ образомъ 27-го ноября 1825-го года русскимъ императоромъ сдѣлался Константинъ.

Но, присягнувъ своему брату, Николай не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Онъ отправилъ къ Константину, бывшему тогда въ Варшавѣ, пословъ, которые должны были напомнить ему объ его отреченіи отъ престола. По всему видно, что бывшій „цесаревичъ“ принялъ это напоминаніе

съ большимъ неудовольствіемъ. Онъ не согласился всенародно объявить о своемъ отказѣ отъ императорскаго трона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшался и оспаривать права Николая. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ мрачный и растерянный, ничего не предпринимая ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Въ результатѣ получилось нѣчто въ родѣ междуцарствія, продолжавшагося 16 дней и вызвавшаго всеобщее недоумѣніе.

Сибариты высшаго петербургскуго общества, „хладные трупы“ и „безсмысленныя дѣти“, равнодушные къ судьбамъ своей страны, только острили по поводу этой нелѣпой неурядицы, спрашивая другъ друга, *продадутся-ли* и по какой цѣнѣ *продадутся бараны*. Но *„Союзъ Благоденствія“* не могъ оставаться спокойнымъ. У Рылѣева ежедневно собирались на совѣщаніе находившіеся тогда въ Петербургѣ члены Тайнаго Общества: князь Трубецкой и Оболенскій, братья Бестужевы, Глинка, Булатовъ и другіе. И съ каждымъ новымъ совѣщаніемъ для нихъ все яснѣе становилась необходимость воспользоваться междуцарствіемъ въ интересахъ своего дѣла.*) Князь Трубецкой былъ выбранъ *диктаторомъ* и ему предоставлена была власть дѣйствовать въ рѣшительную минуту по своему усмотрѣнію и распоряжаться всѣми силами общества. Всѣ понимали, что развязка не заставитъ себя долго ждать.

Одиннадцатаго декабря на собраніи у Рылѣева рѣшено было не присягать Николаю Павловичу и, поднявъ гвардейскіе полки, вести ихъ на Сенатскую площадь. „Въ надеждѣ на успѣхъ, разсказываетъ И. Пущинъ — былъ подготовленъ манифестъ, который сенатъ долженъ былъ обнародовать отъ себя и которымъ созывалась Земская Дума, долженствовавшая состоять изъ представителей всей земли русской. Этой Земской Думѣ предоставлялось опредѣлить, какой порядокъ правленія наиболѣе удобенъ для Россіи. Пока соберется Дума, Сенатъ долженъ былъ назначить временными правителями членовъ государственнаго совѣта: Сперанскаго, Мордвинова и сенатора И. М. Муравьева-Апостола. При временномъ правительствѣ долженъ былъ находиться одинъ избранный членъ Тайнаго Общества и безослабно слѣдить за всѣми дѣйствіями правительства.**)

---

*) „Насъ по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній единственный случай“, — писалъ Пущинъ въ Москву Семенову.

**) *„Четырнадцатое Декабря“* И. Пущина въ „Запискахъ декабристовъ“, выпускъ 2-й и 3-й. стр. 143—144.

На слѣдующій день, двѣнадцатаго числа, Рылѣевъ узналъ, что тайное общество было предано однимъ изъ его членовъ, Я. Ростовцевымъ, который счелъ долгомъ своей „совѣсти“ извѣстить Николая объ угрожавшей ему опасности. Такимъ образомъ послѣдніе корабли оказались сожженными; заговорщики не могли бы уже отступить, если бы даже и захотѣли этого. Но они не думали объ отступленіи.

Утромъ четырнадцатаго декабря, когда войскамъ, находившимся въ Петербургѣ, приказано было присягать Николаю, *Александръ Бестужевъ и князь Щепинъ-Ростовскій* увлекли за собою лейбъ-гвардейскій московскій полкъ и привели его на Сенатскую площадь. Спустя нѣкоторое время туда же пришли лейбъ-гренадеры, предводимые баталліоннымъ адъютантомъ Пановымъ, и моряки гвардейскаго экипажа, съ офицерами Кюхельбекеромъ, Арбузовымъ, Пушкинымъ, двумя братьями Бѣляевыми, Дивовымъ и Бодиско. Съ гвардейскимъ экипажемъ пришелъ также непринадлежавшій къ нему капитанъ-лейтенантъ Н. Бестужевъ. Всѣ эти войска выстроились тыломъ къ Сенату, лейбъ-гренадеры на-лѣво, а моряки на-право отъ Московскаго полка.

То, что произошло на площади, можно описать въ немногихъ словахъ. Отбивъ кавалерійскую аттаку конно-гвардейцевъ, „мятежники“ продолжали твердо стоять, не поддаваясь никакимъ „увѣщаніямъ“, и были разсѣяны только *картечью*. Покинувъ Сенатскую площадь, они попытались было выстроиться на льду Невы, но пушки продолжали дѣлать свое кровавое дѣло, уничтожая всякую возможность серьезнаго сопротивленія. Возстаніе было подавлено. Начались массовые аресты.

Само собою разумѣется, что Николай жестоко отплатилъ побѣжденнымъ за страхъ, испытанный имъ въ виду возстанія. Но прежде, чѣмъ описывать его расправу съ ними, я хочу прибавить еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ заговорщиковъ въ день четырнадцатаго декабря.

Съ точки зрѣнія собственно боевой цѣлесообразности дѣйствія эти врядъ-ли могутъ выдержать даже снисходительную критику. Правда, много замѣшательства внесено было въ нихъ страннымъ поведеніемъ Трубецкого, который не только не исполнилъ своей обязанности предводителя возстанія, но даже не явился на Сенатскую площадь. Но уже одно то обстоятельство, что заговорщики, не рѣшаясь дѣйствовать безъ его приказаній, ждали его до самаго вечера въ виду войскъ, оставшихся вѣрными Николаю, какъ будто показываетъ, что они мало были расположены къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Подобное же

впечатлѣніе производятъ и многія другія происшествія какъ этого, такъ и предыдущаго дня. По словамъ Пущина, Каховскій „далъ слово Рылѣеву, если Николай Павловичъ выѣдетъ передъ войска, нанести ему ударъ". Это не было сдѣлано. Почему? Пущинъ объясняетъ это тѣмъ, что Александръ Бестужевъ послѣ, наединѣ съ Каховскимъ, уговорилъ его не пытаться исполнить данное имъ Рылѣеву обѣщаніе.*) Чѣмъ руководствовался А. Бестужевъ, отговаривая Каховскаго? И почему уступилъ его настояніямъ Каховскій, непоколебавшійся поднять руку на Милорадовича? Далѣе. На послѣднемъ собраніи у Рылѣева, вечеромъ 13-го декабря, рѣшено было, что на другой день утромъ А. Бестужевъ и Якубовичъ, выведя изъ казармъ Московскій полкъ, пойдутъ съ нимъ въ артиллерійскія казармы на Литейной забрать тамъ орудія и звать артиллеристовъ на Сенатскую площадь. Это тоже не было сдѣлано. А между тѣмъ, какъ важно было бы для заговорщиковъ имѣть пушки на своей сторонѣ! Но и эту страшную ошибку могъ поправить Пановъ, проходившій съ лейбъ-гренадерами по Дворцовой площади мимо тѣхъ самыхъ орудій, которыя потомъ осыпали возставшихъ картечью. Всѣ говорятъ, что Пановъ могъ тогда захватить эти орудія. Но онъ даже и не пытался сдѣлать это. Тотъ же Пановъ проходилъ со своими солдатами черезъ Петропавловскую крѣпость и, стало быть, безъ труда могъ овладѣть ею, обезпечивъ этимъ надежную точку опоры своимъ единомышленникамъ на случай неудачи. Но и эта мысль, какъ видно, не приходила ему въ голову? Чѣмъ объяснить эти промахи? И чѣмъ объяснить, наконецъ, тотъ, можетъ быть крупнѣйшій промахъ, что возставшіе до вечера стояли на площади, давъ своимъ врагамъ время собраться съ силами, а не предупредили ихъ нападенія и не напали на дворецъ раннимъ утромъ? Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что благодаря всѣмъ этимъ и другимъ, подобнымъ ошибкамъ, заговорщики лишились возможности нанести своимъ врагамъ жестокіе и страшные удары. И невольно переспрашиваешь себя: да неужели же въ самомъ дѣлѣ не хватило находчивости, рѣшительности или храбрости у этихъ блестящихъ военныхъ людей, полныхъ ума и энергіи и умѣвшихъ смотрѣть въ глаза смерти безъ малѣйшей боязни? Нѣтъ, такое предположеніе рѣшительно несообразно съ тѣмъ, что мы знаемъ о декабристахъ. Но если это такъ, то спрашивается, чѣмъ же объясняется нецѣлесообразное поведеніе

*) *„Четырнадцатое декабря"* И. Пущина стр. 146.

заговорщиковъ въ день четырнадцатаго декабря 1825-го года.

Я думаю, что на этотъ вопросъ можно правильно отвѣтить лишь указаніемъ на ту черту ихъ психологіи, которую я отмѣтилъ, сказавъ, что они *сознательно* шли *на мученичество*. Они мало вѣрили въ непосредственный успѣхъ своего возстанія; это показываютъ собственныя признанія многихъ изъ нихъ. На совѣщаніяхъ у Рылѣева, происходившихъ во время междуцарствія, обнаружилось, что силы Тайнаго Общества очень малы. Когда утромъ 12-го декабря депутаты отъ разныхъ полковъ собрались у Оболенскаго, то на его вопросъ: „сколько каждый изъ нихъ можетъ вывести на Сенатскую площадь?“, они отвѣтили, что *не могутъ поручиться ни за одного человѣка*. При такихъ условіяхъ трудно питать утѣренность въ побѣдѣ. И если заговорщики все таки вышли на площадь, то это объясняется ихъ увѣренностью въ томъ, что ихъ гибель нужна для пробужденія „спящихъ россіянъ“. Рылѣевъ, который, по его собственнымъ словамъ, *могъ все остановить*, и который всѣхъ побуждалъ къ дѣйствію, хорошо зналъ, что идетъ на гибель. То же знали, какъ видно, и другіе, напримѣръ, молодой князь Одоевскій, воскликнувшій наканунѣ возстанія: „мы умремъ, но мы умремъ со славой!“

Если мы допустимъ, что таково было настроеніе членовъ Тайнаго Общества, то ихъ дѣйствія на Сенатской площади представятся въ совершенно новомъ свѣтѣ. Смотря на событія 14-го декабря, какъ на *сраженіе* между сторонниками самодержавія и сторонниками политической свободы, мы не можемъ не видѣть *непослѣдовательности и нецѣлесообразности въ дѣйствіяхъ заговорщиковъ*. Если же мы взглянемъ на тѣ же событія, какъ на *военную манифестацію*, предпринятую людьми, неуспѣвшими приготовиться къ серьезной битвѣ и рѣшившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущимъ поколѣніямъ, то мнимая непослѣдовательность и нецѣлесообразность ихъ дѣйствій *очень просто объяснится нежеланіемъ усиливать кровопролитіе и увеличивать число жертвъ*. „Эти люди хотѣли всенародно заявить мысль русской свободы, — справедливо говоритъ Герценъ, — зная, что они погибнутъ, но что разъ всенародно-заявленная, эта мысль уже никогда не погибнетъ.*) При такомъ настроеніи вопросъ о томъ, удастся или нѣтъ захватить пушки или занять Петропавловскую крѣпость могъ имѣть въ ихъ глазахъ лишь второстепенное или третьестепенное значеніе.

*) Четырнадцатое декабря и императоръ Николай, стр. 238.

Если же, взглянувъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы спросимъ себя, достигнута ли была *главная цѣль* возставшихъ, то мы не колебяясь отвѣтимъ *утвердительно*, потому что, — какъ это очень хорошо сказалъ тотъ же Герценъ, — *пушечный громъ, раздавшій на Сенатской площади, разбудилъ цѣлое поколѣніе.*

Прибавлю еще, что съ этой точки зрѣнія героическая самоотверженность заговорщиковъ представляется въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ. Укажу опять на Рылѣева. Когда онъ собирался выйти изъ дому утромъ 14-го декабря, его жена, догадываясь, что ему грозитъ большая опасность, стала со слезами упрашивать его остаться. Авторъ стихотворенія „Гражданинъ“ оставался непоколебимъ. Тогда бѣдная, пораженная горемъ женщина закричала своей дочери: „Настинька, проси отца за себя и за меня!“ Испуганный ребенокъ подбѣжалъ къ отцу и, рыдая обнялъ его колѣни, между тѣмъ какъ мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь, Рылѣевъ положилъ ее на диванъ и, освободившись изъ объятій дочери, пошелъ на площадь.*) Передъ этой потрясающей сценой блѣднѣютъ всѣ остальныя, проявленія героическаго самоотверженія Рылѣева.

Эпилогомъ событій четырнадцатаго декабря является столкновеніе, около Бѣлой церкви происшедшее 3-го января 1826 года между солдатами Черниговскаго пѣхотнаго полка, возставшими подъ командой С. Муравьева и отрядомъ генерала Гейсмара. Замѣчательно, что и въ этомъ столкновеніи рѣшающую роль съиграла артиллерія. „Приближась на извѣстное разстояніе къ небольшому возвышенію, изъ-за котораго дѣйствовали два орудія, — говорится въ разсказѣ, „Бѣлая церковь“, записанномъ Ватковскимъ со словъ Соловьева, Быстржицкаго и Мазолевскаго,**) — „Муравьевъ предположилъ разсыпать стрѣлковъ и подъ огнемъ ихъ аттаковать орудія. Но прежде, чѣмъ онъ это исполнилъ, открыли картечный огонь. Съ первыхъ выстрѣловъ Сергѣй Муравьевъ раненъ картечью въ лѣвую часть черепа надъ глазомъ и баталіонъ его разсѣялся“.

Николай могъ теперь праздновать полную побѣду. И онъ отпраздновалъ ее по своему. Петропавловская крѣпость была переполнена арестантами, отъ которыхъ всѣми силами старались добиться такъ называемыхъ чистосердечныхъ признаній. „Въ полночь внезапно отпирались двери темницъ, на узника набросывали покрывало, безмолвно вели его черезъ корри-

*) Н. Бестужевъ, Op. Cit., Полярная Звѣзда, стр. 30.

**) Разсказъ этотъ напечатанъ въ „*Запискахъ декабристовъ*“, выпускъ второй и третій, стр. 165—181.

доры, дворы и проходы крѣпостные. Когда снимали покрывало, онъ находился уже въ залѣ присутствія, передъ членами тайной коммиссіи. Члены предлагали вопросы на жизнь или смерть, требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и обстоятельныхъ, обѣщали именемъ государя помилованія за откровенность, отвергали оправданія, объявляя, что оныя, будутъ допущены впослѣдствіи передъ судомъ, вымышляя показанія, отказывали иногда въ очныхъ ставкахъ и часто, увлеченные своимъ рвеніемъ, прибѣгали къ угрозамъ и поношеніямъ, чтобы вынудить признаніе или показаніе на другихъ. Кто молчалъ или по невѣденію происшествій, или отъ опасенія погубить невинныхъ, того въ темницѣ лишали свѣта, изнуряли голодомъ, обременяли цѣпями. Врачу поручено было удостовѣриться, сколько осужденный могъ вынести тѣлесныхъ страданій".*) Когда И. Д. Якушкинъ отказался выдавать своихъ товарищей, допрашивавшій его Левашовъ воскликнулъ: „Такъ васъ заставять назвать ихъ. Я приступаю къ обязанности судьи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка." Въ примѣненіи къ Якушкину пытка ограничилась только закованіемъ въ кандалы, но другимъ пришлось вытерпѣть гораздо больше. Вотъ что разсказываетъ о Пестелѣ одинъ изъ декабристовъ, видѣвшій его передъ казнью. „Онъ былъ послѣ болѣзни, испытавши всѣ возможныя истязанія и пытки временъ перваго христіанства. *Два кровавые рубца на головѣ были свидѣтелями этихъ пытокъ!* Полагать должно, что желѣзный обручъ, крѣпко свинченный на головѣ, съ двумя вдавленными глубоками жалобами, оставили на головѣ его свои глубокіе два кровавые рубца." **)

Если безчеловѣчная жестокость слѣдователей поколебала мужество нѣкоторыхъ (очень немногихъ) второстепенныхъ членовъ общества, то на огромное большинство ихъ она совсѣмъ не произвела устрашающаго дѣйствія. Донесеніе слѣдственной коммиссіи приписываетъ почти каждому изъ нихъ глубокое раскаяніе. Но всякій, кто внимательно прочтетъ это донесеніе, убѣдится, что оно систематически искажаетъ истину. Вотъ яркій примѣръ, приводимый Герценомъ въ его книгѣ *„14-го Декабря и императоръ Николай"*: „Якушкину смертная казнь сведена на двадцать лѣтъ каторжной

*) *„Разборъ донесенія тайной слѣдственной коммиссіи"*, въ *„Запискахъ декабристовъ"*, стр. 104.

**) *„Воспоминанія о Кронверкской куртинѣ"* (изъ Записокъ Декабриста) въ сборникѣ, напечатанномъ въ Лейпцигѣ и носящемъ странное заглавіе: *„Революціонные опыты возбуждающагося нигиллизма"* (sic). О рубцахъ на лбу Пестеля, см. стр. 308.

работы въ уваженіе совершеннаго раскаянія. Между тѣмъ, раскаяніе Якушкина состояло только въ слѣдующемъ: онъ сказалъ суду, что соглашался на цареубійство и самъ рѣшался на него, что слѣдственно онъ долженъ быть осужденъ на казнь, и пусть его казнятъ, но что онъ болѣе ничего говорить не будетъ. Императоръ Николай самъ его позвалъ и велѣлъ признаваться. Якушкинъ и ему сказалъ тоже что передъ судомъ. „Да знаешь ли передъ кѣмъ ты стоишь?“ Закричалъ государь. За то, что ты государю не говоришь правды, если бы и я тебя помиловалъ, то на томъ свѣтѣ Богъ тебя не проститъ.“ — „Да вѣдь я въ будущую жизнь не вѣрю“, отвѣчалъ спокойно Якушкинъ. Вонъ отсюда этого мерзавца, закричалъ Николай — и велѣлъ опять отвести Якушкина въ тюрьму, дать ему катахазисъ, кормить его постнымъ и ежедневно посылать къ нему попа для назиданія. — Вотъ и все раскаяніе Якушкина.“ Рылѣевъ прямо заявилъ слѣдственной коммиссіи, что честь четырнадцатаго декабря принадлежитъ ему и что онъ могъ все остановить, но считалъ нужнымъ побуждать къ дѣйствію. Донесеніе коммиссіи и ему приписываетъ „*совершенное раскаяніе и перемѣну образа мыслей*“. На эту клевету лучше всего отвѣчаетъ слѣдующее четверостишіе Рылѣева, написанное имъ (гвоздемъ на оловянномъ блюдѣ) во время его заключенія въ крѣпости:

Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну,
За дѣло правое я въ ней,
И мнѣ-ль стыдиться сихъ цѣпей,
Когда пошу ихъ за отчизну? . . .

Верховный уголовный судъ „призналъ и единогласно опредѣлилъ“, что преступленія, въ актахъ означенныя и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежитъ всѣ безъ изъятія смертной казни“. Такой приговоръ оставлялъ широкое мѣсто какъ „высоко монаршему милосердію“, такъ и „спасительной строгости“. Послѣ двукратнаго „всемилостивѣйшаго“ вмѣшательства со стороны новаго императора онъ все таки заключалъ въ себѣ смертную казнь для пяти обвиняемыхъ, а для остальныхъ каторгу, ссылку, службу въ солдатахъ съ выслугой или безъ выслуги.

Приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ 13-го іюля 1826 года. Въ этотъ день въ караулъ при верховномъ судѣ былъ назначенъ цѣлый эскадронъ кавалергардовъ, которые, по словамъ одного изъ осужденныхъ смотрѣли на нихъ съ умиленіемъ и сожалѣніемъ.*)

*) Воспоминанія о кронверкской куртинѣ, вышеназванный сборникъ, стр. 291.

Вотъ какъ описываетъ этотъ же осужденный смерть Рылѣева и его товарищей.

„Въ семь часовъ вечера того же 12-го іюля*) пришли служители алтарей приготовить нашихъ мучениковъ къ смерти. Въ восемь часовъ имъ принесли саваны и цѣпи, грустно со стукомъ прозвенѣвшія. Потомъ все затихло. Усталость, изнеможеніе и душевныя волненія этого дня всѣхъ прочихъ заставили пріутихнуть, и эта торжественная тишина, только прерываемая безпрестанными повтореніями плацъ-маіора и плацъ-адъютанта, не говорить съ приговоренными къ смерти, была поразительно величественна! Солдаты, прислуживавшіе въ номерахъ, чтобы не прерывать эту тишину, ходили на цыпочкахъ. Они плакали. Въ два часа ночи въ послѣдній разъ прозвенѣли цѣпи. Пятерыхъ мучениковъ повели вѣшать въ ровъ Кронверкской Куртины. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ дорогою сказалъ громко провожавшему священнику, что вы ведете пять разбойниковъ на Голгоѳу — и „которые, отвѣчалъ священникъ, будутъ одесную отца“. Рылѣевъ, подходя къ висѣлицѣ, произнесъ: „Рылѣевъ умираетъ какъ злодѣй, да помянетъ его Россія!“ Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка капитанъ Степановъ велъ ихъ на висѣлицу... Тогда же говорили въ крѣпости, что веревки, на которыхъ висѣли Рылѣевъ и Бестужевъ-Рюминъ, оборвались, и ихъ съизнова въ другой разъ повѣсили.“**)

Съ тѣхъ поръ прошло 75 лѣтъ, и много другихъ казней видѣло наше несчастное отечество, много другихъ жертвъ принесено было дѣлу русской свободы! Но имена Павла Пестеля, Кондратія Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Петра Каховскаго и Михаила Бестужева-Рюмина останутся въ памяти всѣхъ свободолюбивыхъ русскихъ людей, какъ имена первыхъ изъ тѣхъ нашихъ — увы! многочисленныхъ — мучениковъ, которые жизнью заплатили за свои революціонныя стремленія. Мы, соціаль-демократы, помнимъ имена этихъ мучениковъ, по своему преслѣдуя ту самую цѣль, къ которой они стремились всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ. Но именно потому, что мы чтимъ въ этихъ людяхъ своихъ предшественниковъ и хотимъ продолжать ихъ дѣло, мы не имѣемъ права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помѣшало ихъ *непосредственному успѣху*. Это обсто-

*) Это очевидная ошибка, потому что исполненіе приговора было предписано Сенатомъ 13-го іюля.

**) „Воспоминанія“ и т. д., Ibid., стр. 295—296. На самомъ дѣлѣ оборвалось не двое, а трое осужденныхъ: Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ-Апостолъ.

ятельство было указано еще Герценомъ: *у нихъ не было* поддержки со стороны народа, „и судьба ихъ дѣла рѣшена“.*) Я уже указывалъ, что сословіе, къ которому принадлежали люди четырнадцатаго декабря, было консервативно по самому положенію своему. То дворянское меньшинство, которое съумѣло возвыситься надъ сословными предразсудками и сословными интересами, было слишкомъ слабо для того, чтобы добиться осуществленія своихъ идеаловъ. Это необходимо знать и помнить, потому что вся дальнѣйшая исторія русской революціонной мысли — за самыми малыми исключеніями — можетъ быть формулирована, какъ рядъ попытокъ найти такую программу дѣйствія, которая обезпечила бы революціонерамъ сочувствіе и поддержку со стороны народной массы. Мы, соціаль-демократы, убѣждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономическіе интересы *трудящейся массы*, — и прежде всего ея наиболѣе передовой части: *пролетаріата* — мы стараемся развить ея политическое самосознаніе и популяризировать въ ней идею *борьбы за политическую свободу*. Въ этомъ заключается наша месть царизму за тѣ жертвы, которыя пали и падаютъ подъ его ударами. Когда разовьется политическое самосознаніе русской трудящейся массы, тогда — и только тогда, — взойдетъ та „заря плѣнительнаго счастья“, о которой говоритъ Пушкинъ въ посланіи къ Чаадаеву; тогда — и только тогда, —

Россія вспрянетъ ото сна
И свергнетъ иго самовластья!

Г. Плехановъ.

*) Четырнадцатое Декабря, стр. 199.

Борьба въ тюрьмѣ.

(13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейнъ. Изданіе „Свободнаго слова".)

16 лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на островѣ были свезены отборные люди изъ числа арестованныхъ дѣятелей затихавшаго въ то время революціоннаго движенія. Ихъ свезли туда и на долгіе годы они исчезли для всѣхъ какъ въ могилѣ. Въ теченіе 80-хъ годовъ Шлиссельбургъ поглащалъ время отъ времени новыя жертвы, но оттуда не выходилъ никто. Родные заключенныхъ, добивавшіеся свѣдѣній о нихъ въ департаментѣ полиціи, лишь въ лучшемъ случаѣ получали краткій отвѣтъ: „живъ", „умеръ" и ничего больше. Другіе и этого не могли добиться. Свѣдѣнія о шлиссельбургской тюрьмѣ начали появляться въ подпольной печати съ половины 90-хъ годовъ, но живой разсказъ о томъ, что дѣлалось въ таинственной крѣпости въ восмидесятыхъ годахъ, когда, оградившись отъ всѣхъ свидѣтелей, правительство такъ долго оставалось наединѣ съ своими плѣнниками, мы впервые имѣемъ лишь въ запискахъ Волкенштейнъ.

Въ августѣ 1884 г. въ Шлиссельбургъ было привезено 35 человѣкъ,*) а къ началу 1887 года 13-ти изъ нихъ уже не было въ живыхъ, а 3 сошли съ ума, въ 1888 году умерло еще три. Такъ что за 4 года болѣе половины заключенныхъ уже погибло. Все это были люди еще молодые.

Между тѣмъ, только что отстроенная Шлиссельбургская тюрьма была повидимому предназначена вовсе не для такого быстраго физическаго истребленіе заключенныхъ. Маленькія камеры были сухи и свѣтлы, хотя и съ матовыми стеклами. Грубая пища была, правда, тяжела для больныхъ, но не въ ней было дѣло. Заключенные гибли вслѣдствіе длившихся цѣлые годы попытокъ поставить ихъ въ совершенно невозможныя психическія условія. Безъ книгъ, безъ всякихъ занятій, безъ малѣйшей надежды въ будущемъ — такъ какъ всѣ они были увѣрены, что никогда не выйдутъ изъ крѣпости —

*) Позднѣе въ разное время еще 13.

ихъ разсадили по пустымъ камерамъ, въ которыхъ, согласно правиламъ, они должны были годъ за годомъ тихо сидѣть на прикрѣпленныхъ къ полу скамейкахъ, наблюдая за своей собственной умственной и нравственной смертью, неизбѣжной въ такихъ условіяхъ, если бы они согласились подчиниться имъ. При этомъ каждый изъ заключенныхъ зналъ, что рядомъ, точъ въ точъ въ такихъ же условіяхъ, сидятъ его товарищи, разговоры съ которыми, хотя бы только посредствомъ стука, отнимутъ у одиночнаго заключенія большую часть его ужаса. Эти разговоры были строго запрещены тюремной „инструкціей", но матеріально вполнѣ доступны — стоило только протянуть руку. Слушаться такого рода запрещеній, которыми переполнена русская жизнь и не въ одномъ Шлиссельбургѣ, слишкомъ свойственно среднему русскому обывателю, но предположить, что его послушаются эти безстрашные люди, было немыслимо. По всему вѣроятію начальство и не предполагало ничего подобнаго, а разсчитывало сломить ихъ энергію жестокими расправами. Въ первое время заключенные стучали тихо, были осторожны, но все таки попадались и начиналось возмездіе. Въ камеру врывалась стража. Обязательное по инструкціи свыше, „*ты* такъ и сыпалось, раздавались ругательства. Если заключенный отвѣчалъ въ томъ же родѣ, по знаку смотрителя на него набрасывались, валили на полъ, били подъ предлогомъ сопротивленія и, надѣвъ сумасшедшую рубашку, привязывали его къ желѣзной койкѣ на нѣсколько часовъ, часто вкладывая въ ротъ деревяшку, чтобы не кричалъ. Сосѣди услышавъ свалку начинали протестовать, кричали: „что вы съ нимъ дѣлаете"? Тогда накидывались на этихъ и вязали ихъ. Суматоха становилась невыразимой, слышались крики, топотъ и хрипъ лежавшихъ съ деревяшками во рту. Во всѣхъ концахъ тюрьмы было хорошо слышно, что дѣлалось въ какой нибудь отдѣльной камерѣ."*)

И такъ день за днемъ. Общаго сговора еще не было, тюрьма не успѣла объединиться. Первой жертвой такой борьбы былъ Минаковъ. Онъ пересталъ ѣсть, а когда его хотѣли кормить искусственнымъ образомъ, ударилъ доктора и потребовалъ смертной казни, обѣщанной въ вывѣшанной на стѣнѣ инструкціи за „оскорбленіе дѣйствіемъ" кого либо изъ служащихъ. На этотъ разъ требованіе заключеннаго было уважено: „И вотъ утромъ послышались мѣрные шаги караула, разсказываетъ Волкенштейнъ. Вся тюрьма чутко стала при-

*) Записки Волкенштейнъ, стр. 11—12.

слушиваться и замерла въ ожиданіи. Въ камеру Минакова вошло нѣсколько человѣкъ; смотритель сказалъ: „халата не нужно, а шапку можно“. Вслѣдъ за тѣмъ раздался крикъ Минакова: „прощайте братцы, — ведутъ разстрѣливать!“ а минутъ черезъ 10 до насъ донесся залпъ на большомъ дворѣ.. Разстрѣляли чуть не на глазахъ!

Черезъ нѣсколько дней стали отбивать во всѣхъ камерахъ вентиляторы и задвижки у оконъ: оказалось потомъ, что повѣсился Клименко.

Еще черезъ два мѣсяца, на первый день Рождества среди обычной тишины послышался вдругъ звонъ упавшей металлической тарелки, а затѣмъ топотъ ногъ, свалка и крикъ Мышкина: „казните меня.. не бейте же, казните!“ Всѣ замерли въ ужасѣ, боясь вѣрить ушамъ и не понимая, въ чемъ дѣло, такъ какъ никто, кромѣ сосѣда Мышкина, не зналъ о его намѣреніи оскорбить дѣйствіемъ и требовать казни въ надеждѣ обратить вниманіе на происходящее въ Шлиссельбургѣ“.*) И его казнили. Мышкинъ надѣялся, вѣроятно, своей вольной смертью разбудить вниманіе общества, вызвать съ его стороны тотъ или иной протестъ. Но именно въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ общество дошло до полнаго подчиненія всѣмъ составленнымъ противъ него „инструкціямъ“ и потеряло всякую способность къ протестамъ. Къ тому же вѣсть о казни Мышкина лишь смутнымъ слухомъ проникла на волю.

Высшія же власти въ эти первые годы и безъ того зорко слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ Шлиссельбургѣ. Четыре раза въ годъ тюрьма подвергалась ревизіи; ее періодически навѣщали товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, начальники корпуса жандармовъ и штаба жандармовъ, директоръ департамента и прокуроръ. Но высшія власти, очевидно, находили, что въ ихъ тайной тюрьмѣ дѣлается именно то, что должно дѣлаться. Во всякомъ случаѣ борьба въ Шлиссельбургѣ продолжалась все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ, превращаясь почти буквально въ борьбу за родъ смерти. Правительство стремилось подвергать заключенныхъ психической смерти, а они предпочитали умирать физически.

Теперь стучали открыто. „Начали стучать черезъ корридоръ съ намѣреніемъ сговориться о болѣе общемъ образѣ дѣйствій. Наиболѣе непокорныхъ, по мнѣнію начальства, уводили въ старую тюрьму,**) но оставшіеся стали стучать еще сильнѣе,

*) Стр. 12—13.

**) Эта старая тюрьма служила въ 80-ыхъ годахъ нижнимъ кругомъ шлиссельбургскаго ада. Тамъ наказывали непокорныхъ, туда уносили

требуя, чтобы и ихъ увели туда же, надѣясь такимъ образомъ сдѣлать безсмысленнымъ изолированіе товарищей въ карцерѣ, такъ какъ въ старой тюрьмѣ было только 10 камеръ. Въ старой тюрьмѣ дѣло дошло до того, что жандармы должны были до изнеможенія ударять въ мѣдные тазы, лишь бы помѣшать стуку заключенныхъ. Однако, они продолжали разобщать сидѣвшихъ, насколько было возможно.“ *)

Начались заболѣванія. „Оказалось что больныхъ вовсе не лѣчатъ . . . Лѣкарства кой-какія давали, но больничной пищи никому. Ухода за больными не было *никакого*.“ Ихъ оставляли въ томъ же строжайшемъ одиночномъ заключеніи. По ночамъ начали раздаватся крики: оказалось, сошелъ съ ума Щедринъ. За эти крики его наказывали, не вѣря болѣзни, вязали и таскали въ карцеръ, лишь изумляясь его упорству. „Наконецъ, начали умирать и умирать на глазахъ всѣхъ безъ всякой помощи.“ Одинъ за другимъ умирали Тихановичъ, Малавскій, Буцевичъ, Немоловскій, Долгушинъ. Въ агоніи они стонали и ихъ уносили въ старую тюрьму дня за 2 за 3 до смерти. Тамъ было „очень сыро и холодно, да къ тому же эти бѣдняги, полуживые, очнувшись, могли догадываться, для чего ихъ уносили, а умирая, они не могли даже постучать товарищамъ“. Въ виду всего этого стали требовать, чтобы умирающихъ „не уносили въ мертвецкую“. Этому требованію администрація не воспротивилась: „ей ничего не стоило уступить“, справедливо замѣчаетъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ слушать стоны умирающихъ не могло считаться смягченіемъ одиночнаго заключенія для остальныхъ. „Страшно вспомнить все это время, въ особенности первые два года нашей шлиссельбургской жизни. Дыханіе смерти носилось въ воздухѣ и какой смерти — въ полномъ одиночествѣ, когда умирающіе не слышали ни звука дружескаго голоса! . . . . . Постоянно кто нибудь да умиралъ, такъ что получалось впечатлѣніе ежедневной агоніи. Умирали все больше отъ чахотки. Но даже и не всѣмъ умирающимъ прощались „стукъ“ и „грубость“.

Стукъ собственно преслѣдовался чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Администрація видимо теряла надежду выве-

---

умирать слишкомъ громко стонавшихъ больныхъ, туда переводили въ ожиданіи казни приговоренныхъ къ смерти. Кромѣ Минакова и Мышкина, тамъ же за окружавшими старую тюрьму историческими стѣнами были казнены Штромбергъ и Рогачевъ, а позднѣе пятеро приговоренныхъ по дѣлу 1-го марта 1887 года. Въ этой же старой тюрьмѣ зарѣзалась Софья Гинсбургъ.

*) Стр. 13.

сти его иначе, какъ переморивши всѣхъ заключенныхъ, но она еще страшно преслѣдовала всякую „заносчивость“, то есть чувство собственнаго достоинства, въ особенности же всякое проявленіе солидарности, защиту другъ друга. „Съ визгомъ и пѣной у рта Иродъ кричалъ: „Не смѣй говорить о другихъ; не твое дѣло — нѣтъ здѣсь другихъ!“ Иродомъ заключенные звали смотрителя, ведшаго съ ними борьбу въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ заключенія. И дѣйствительно, для такой роли нужно было пріискать выдающееся въ своемъ родѣ существо, способное сдѣлаться, при удобномъ случаѣ, такимъ же представителемъ идеи низкой жестокости, какъ древній легендарный Иродъ. Не всякій даже наивѣрнѣйшій слуга самодержавія снабженъ достаточной низостью, чтобы служить орудіемъ систематическаго, длящагося годы истязанія связанныхъ враговъ. А за тѣмъ у огромнаго большинства изъ тѣхъ, кто нашелъ бы въ себѣ требуемую степень низости, не выдержали бы нервы даже подкрѣпляемые двойнымъ окладомъ, получаемымъ всѣми служащими въ Шлиссельбургѣ. А Иродъ выполнялъ свою роль съ азартомъ, съ наслажденіемъ.

„Онъ выкрестившійся еврей, разсказываетъ Волкенштейнъ, и выслужился изъ солдатъ въ офицеры. До 1884-го года онъ былъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; и тамъ и въ Шлиссельбургской крѣпости онъ больше всего отличался поразительной страстностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Какъ зорко, какъ лихорадочно онъ слѣдилъ за всякой мелочью, которую исполняли по его распоряженію унтеръ-офицеры!... День и ночь онъ проводилъ въ коридорахъ — даже въ праздники.“*) И съ особымъ наслажденіемъ выбиралъ именно большіе праздники, чтобы сдѣлать заключеннымъ какую-нибудь особую непріятность. Съ особымъ удовольствіемъ выполнялъ онъ также тѣ „безсмысленныя, грубыя до цинизма и мучительныя вещи“, которыя предписывались инструкціей по отношенію къ заключеннымъ женщинамъ. И этому-то тупому, развращенному животному было поручено терзать во славу самодержавія его плѣнныхъ враговъ!

Потерявъ надежду достигнуть посредствомъ наказаній полнаго изолированія каждаго заключеннаго отъ всѣхъ другихъ и, быть можетъ, начиная смущаться страшной смертностью въ Шлиссельбургѣ, начальство стало разрѣшать нѣкоторымъ изъ заключенныхъ прогулки вдвоемъ. Разрѣшены онѣ были не болѣе какъ шестерымъ наименѣе стучавшимъ. Но такъ

*) Стр. 20.

какъ всего менѣе стучали наполовину душевнобольные или близкіе къ смерти, то эту привиллегію можно было объяснять и иначе, и къ ней страстно стремились заключенные. „Дали свиданіе и умирающему Буцевичу, но послѣ двухъ-трехъ разъ онъ долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ не могъ уже больше подняться съ постели. Умирая, онъ все жалѣлъ, что не можетъ больше выносить своему товарищу по гулянью 2—3-хъ кусочковъ сахару. Такъ сильна потребность любить въ душѣ живущаго въ одиночномъ заключеніи; одинъ видъ живого, понимающаго тебя человѣка приводилъ въ какой-то дѣтскій восторгъ и умиленіе!... Чахоточному Кобылянскому, который стучалъ и отвѣчалъ на „ты“ смотрителю, такъ и не дали свиданья, хотя и обѣщали, если будетъ меньше стучать. Онъ дѣйствительно сталъ меньше стучать, но въ это время онъ былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Онъ такъ и умеръ съ несбывшейся мечтой обнять товарищей, о чемъ онъ трогательно говорилъ передъ самой смертью, сознавая, что она близка... Вспоминаю я теперь и удивляюсь, съ какой страстностью добивались свиданій: вѣдь всего только по получасу два раза въ недѣлю! Можно ли эти свиданія назвать смягченіемъ одиночнаго заключенія? Да, несомнѣнно. Надо знать, что̀ значитъ не слышать дружескаго голоса, не видѣть понимающаго тебя человѣка, не имѣть возможности обмѣняться чувствами, мыслями по-людски. Вѣдь стукъ только соломинка, за которую хватаешься съ отчаянія, и надолго этого утѣшенія не хватило бы.“*)

Но какъ ни дороги были свиданія, заключенные тотчасъ отказались отъ нихъ, какъ только начальство открыто заявило, что разрѣшаетъ ихъ „смотря по поведенію“, что видитъ въ нихъ, слѣдовательно, средство воздѣйствія на заключенныхъ, разрушенія ихъ солидарности. Ни въ чемъ, ни разу не удалось врагамъ порвать единство этой горсти революціонеровъ, унизить ихъ въ чемъ бы то ни было, не удалось имъ также слышать отъ нихъ и просьбъ о пощадѣ, объ облегченіи, хотя высшее начальство и намекало не разъ на цѣлесообразность такого смиренія. Революціонеры все время боролись съ врагомъ, лишь ставя передъ нимъ альтернативу: убивай или откажись отъ попытокъ ввести невыносимую систему; и въ первые годы начальство выбирало первое, а затѣмъ перешло ко второму. Но послѣдній ужасный аргументъ за этотъ переходъ былъ еще впереди. Коллективный отказъ отъ гу-

*) Стр. 15, 16, 18.

лянья, посрамлявшій систему разобщенія заключенныхъ, вызвалъ со стороны Ирода усиленный взрывъ энергіи. Тасканье въ карцеръ, толчки и побои, открытый стукъ заключенныхъ, съ цѣлью добиться переполненія старой тюрьмы и въ отвѣтъ новые взрывы энергіи Ирода, новыя смерти и заболѣванія — все это пошло ускореннымъ темпомъ.

Въ это время отсаженный въ старую тюрьму Грачевскій заявилъ сосѣдямъ, что потребуетъ казни за оскорбленіе дѣйствіемъ и исполнилъ свое намѣреніе. Это было уже въ 1888-мъ году. Энергія высшаго начальства начала утомляться, и комендантъ сказалъ Грачевскому, что сумасшедшихъ не судятъ. Грачевскій отвѣтилъ, что если его не казнятъ, онъ покончитъ самоубійствомъ. „Въ теченіе двухъ недѣль сосѣди слышали, какъ онъ говорилъ съ жандармами и требовалъ казни, но говорилъ онъ спокойно... Вдругъ разъ вечеромъ раздался крикъ — ужасный, нечеловѣческій, но короткій. Вслѣдъ за этимъ суматоха, глухое треніе и колебаніе проволоки, проведенной къ звонку въ коридоръ къ вахмистру; послышались растерявшіеся голоса всегда безмолвныхъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ и, наконецъ, запахъ гари и дыма, проникшихъ и въ камеры. Послышались легкіе стоны, потомъ поспѣшно открываемыя двери, голоса доктора и смотрителя. Трудно было разобрать сразу въ чемъ дѣло, но было несомнѣнно, что съ Грачевскимъ случилось что-то ужасное... Смотритель и докторъ скоро ушли, и въ тюрьмѣ водворилась обычная тишина; только дымъ и гарь платья и чего-то органическаго оставались до слѣдующаго дня.“*) Послѣ оказалось, что Грачевскій облилъ себя керосиномъ изъ лампы, зажегъ и сгорѣлъ на глазахъ растерявшейся стражи.

Эта страшная смерть, завершившая вымираніе почти половины заключенныхъ, видимо подѣйствовала на нервы начальства. При блескѣ такого „свѣточа“ оно поняло, наконецъ, что настаиваніе на выполненіи „инструкціи“ можетъ закончиться смертью остальныхъ заключенныхъ, но не приведетъ ни въ какомъ случаѣ къ ихъ подчиненію невыносимой системѣ. И система пала. Изъ своей, казалось бы, безнадежной борьбы революціонеры вышли побѣдителями. Иродъ исчезъ. Стукъ больше не преслѣдовался. Прогулки вдвоемъ стали давать всѣмъ, и время прогулки удлинено. Обѣщаны и потомъ дѣйствительно выданы книги по естественнымъ наукамъ и по исторіи, правда, не дальше XVIII-го вѣка. Первое время еще случались взрывы неистовства со

*) Стр. 19.

стороны высшаго начальства. Въ томъ же 1888-мъ году произошелъ набѣгъ на тюрьму товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Шебеко, который, врываясь въ камеры, кричалъ, быстро перебѣгая изъ одной въ другую: „Цареубійцы, а спятъ на мягкихъ тюфякахъ. Повѣсить бы всѣхъ, а они разсуждаютъ, бунтуютъ!“ „Полковникъ — плети и плети!.. Слышите?“ *)

Заключенные, говоритъ авторъ, „почувствовали себя на краю пропасти“ и по общему рѣшенію перестали ѣсть. Но администрація вела себя безукоризненно, никакихъ признаковъ возвращенія къ старой системѣ не замѣчалось и на 10-й день голодающіе прекратили свое коллективное самоубійство, рѣшивъ, что набѣгъ Шебеко былъ лишь выраженіемъ его личныхъ чувствъ. Къ началу 90-хъ годовъ послѣдовали новыя улучшенія: возможность собираться всѣмъ вмѣстѣ, — ухаживать за больными товарищами, самимъ составлять списокъ желаемыхъ книгъ. Устроены мастерскія и огороды, въ которыхъ заключенные разводили, что хотѣли для своего употребленія. Словомъ, режимъ установился сравнительно сносный,**) насколько можетъ быть сносно „безцѣльное, безсмысленное“ существованіе.

* * *

*) Стр. 23.

**) Все же менѣе сносный, чѣмъ тотъ, которымъ пользовались Декабристы съ самаго начала ихъ жизни въ сибирской тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи прогрессъ русскаго самодержавія былъ громаденъ. Вся мстительность Николая, разыгравшаяся во время слѣдствія, вылилась въ приговорѣ и на этомъ остановилась, — никакой злобности въ примѣненіе приговора внесено не было. Декабристовъ не пытались разъединять, унижать, имъ не пріискивали Иродовъ въ смотрителя. Кому-нибудь придетъ, быть можетъ, въ голову, что шлиссельбургскіе „цареубійцы“ — по опредѣленію Шебеко — были, съ точки зрѣнія правительства, преступнѣе Декабристовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, не болѣе четверти заключенныхъ фактически участвовало въ приготовленіяхъ къ покушеніямъ на цареубійство. Другіе народовольцы обвинялись въ устройствѣ типографій, распространеніи воззваній, вооруженныхъ сопротивленіяхъ при арестѣ, наконецъ, военные — въ простомъ присоединеніи къ Народной Волѣ. Съ другой стороны всѣ приговоренные къ каторгѣ Декабристы тоже обвинялись въ обсужденіи и принятіи плановъ цареубійства или даже „истребленія всей царской фамиліи“. Не всѣ, наконецъ, шлиссельбургцы были и народовольцами. Къ этому избранному сонму своихъ враговъ правительство присоединило и нѣкоторыхъ другихъ революціонеровъ. Всѣ заключенные, такъ горячо отстаивавшіе свое единство, отъ души соглашались, безъ сомнѣнія, на подведеніе ихъ всѣхъ подъ наиболѣе отягчающее судьбу названіе. Но самъ генералъ Шебеко не смогъ бы указать никакого касательства къ какому-нибудь убійству въ дѣятельности замученныхъ въ Шлиссельбургѣ Долгушина, Мышкина, Щедрина, Варинскаго и многихъ другихъ.

Еще одна черточка, совершенно невозможная при Николаѣ: умирав-

Кровью писаны записки Волкенштейнъ. Страшныя картины оставляетъ въ воображеніи эта борьба, въ которой главнымъ оружіемъ борцовъ была смерть, — не смерть враговъ, а своя собственная.

И все таки, не смотря ни на что, на днѣ души остается отъ этой исторіи что то свѣтлое и бодрое, какая-то надежда.

Въ самомъ дѣлѣ, стоя на сторонѣ заключенныхъ, можно ли пожелать, чтобы борьба не имѣла мѣста? Чтобы „инструкція“ оказалась выполненной? Чтобы испугавшись физической

ихъ въ Шлиссельбургѣ закапывали безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Для заключенныхъ это было безразлично, но само-то начальство считало, что причиняетъ такимъ нехристіанскимъ погребеніемъ огромное зло своимъ мертвымъ врагамъ. Послѣдовавшее облегченіе судьбы живыхъ было распространено и на умиравшихъ: ихъ стали отпѣвать прежде чѣмъ зарыть, и печальство „хваталось“ этимъ, по замѣчанію Волкенштейнъ.

Издавая записки Волкенштейнъ, толстовская редакція „Свободнаго слова“ сочла нужнымъ снабдить ихъ подписанной г. Чертковымъ замѣткой отъ редакціи“, въ которой эта редакція „откровенно высказываетъ“, почему именно рѣшила она выпустить такую брошюру и какъ относится „къ дѣятельности тѣхъ людей, о которыхъ здѣсь сообщается“. Она относится къ этой дѣятельности „безусловно отрицательно, считая ее одновременно и нравственно незаконной и вредящей . . . народнымъ интересамъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ редакція относится весьма неодобрительно и къ „злу правительственному“. И правительство, и общество, и шлиссельбургскіе заключенные — всѣ виноваты въ томъ, что не были толстовцами и признавали, будто „*нѣкоторыя* цѣли, въ извѣстныхъ случаяхъ оправдываютъ *нѣкоторыя* отрицательныя средства“. Шлиссельбургцы могли бы, по мнѣнію г. Черткова, вмѣсто зла принести большую пользу, если бы только расходовали свои „выдающіяся по достоинству и силѣ душевныя средства . . . при большемъ довѣріи къ несокрушимой силѣ добра и при сознаніи того, что . . . всякая примѣсь зла всегда и неизмѣнно приноситъ одинъ только вредъ“. Сама редакція такъ твердо вѣритъ въ несокрушимую силу добра, что издаетъ „Записки“ въ назиданіе людямъ, „не брезгающимъ пользоваться . . . преимуществами и удобствами, доставляемыми намъ существующимъ государственнымъ строемъ“. Такимъ людямъ, по мнѣнію редакціи, „важно знать и не забывать, какою цѣною достается охраненіе неприкосновенности этого самаго строя“. Мѣстоименіе *намъ* употреблено здѣсь очевидно лишь для вѣжливости. Изъ лицъ же дѣйствительно „пользующихся преимуществами“ русскаго государственнаго строя брошюру перелистаютъ вѣроятно жандармскіе и полицейскіе чины, которымъ она будетъ попадаться при обыскахъ. Такіе читатели замѣтятъ, конечно, что хлопотъ съ „охраненіемъ неприкосновенности“ точно что много, но и „преимущества“ по службѣ не малыя, такъ что — пока что — „цѣна“ сходная. Бурцевъ („Былое“ № 1 стр. 91) говоритъ, что г. Чертковъ затѣялъ полемику съ замученными въ Шлиссельбургѣ борцами „для того чтобы ослабить разоблаченія преступленій русскаго правительства“. Намъ кажется, что такого результата „замѣтка“, не достигнетъ, но она несомнѣнно достигнетъ нагляднѣйшаго разоблаченія того, въ какое бездушное и мертвое фразерство превращается толстовская доктрина, лишеніая блеска художественнаго таланта (не имѣющаго съ ней по существу ничего общаго) Толстого, придающаго этой мертвечинѣ подобіе жизни.

силы, заключенные покорно отказались бы отъ матеріально возможныхъ, но *запрещенныхъ* сношеній другъ съ другомъ и смирно сидѣли въ своихъ клѣточкахъ, покорно дожидаясь милости враговъ? Можно ли пожелать, чтобы чувство солидарности не подавляло въ нихъ всякую тѣнь стремленія, не только къ отдѣльной отъ другихъ пользѣ, но даже къ личному самосохраненію? Нѣтъ, конечно. Всякій, кому дорога память умершихъ въ Шлиссельбургѣ, не можетъ не почувствовать, что лучше было имъ погибнуть несломленными, неуниженными, любимыми и любящими членами геройской фаланги, — не можетъ не почувствовать, что, оставаясь вѣрными себѣ, не могли они поступать иначе. А разъ это такъ, разъ только они чувствовали, что гибель для нихъ лучше подчиненія, разъ потребность въ томъ, что запрещалось инструкціей оказалась въ нихъ сильнѣе страха, ихъ побѣда была обезпечена. При данныхъ условіяхъ правительство не могло ввести избранную имъ систему заключенія, если бы даже пустило въ дѣло всѣхъ Иродовъ и всю жандармерію — не могло потому что для введенія этой системы согласные подчиняться ей *живые* заключенные были безусловно необходимы, а таковыхъ въ Шлиссельбургѣ не оказывалось. Безмѣрной, по отношенію къ нимъ, матеріальной силѣ правительства они тоже противупоставили безмѣрную силу своей готовности бороться до конца, своей солидарности, своей неспособности подчиняться „инструкціи“.

Странная фантазія невольно возникаетъ въ воображеніи, побывавшемъ въ Шлиссельбургѣ восьмидесятыхъ годовъ. Кажется, что это не только огражденная отъ всякой гласности государственная тюрьма, въ которой пытаются ввести звѣрскую инструкцію — это маленькая модель (или пожалуй схема) цѣлой Россіи. На полулистѣ писчей бумаги уписывается „инструкція“ Шлиссельбурга. Много печатныхъ листовъ занимаютъ указы и приказы, по которымъ управляется Россія, но и тамъ и тутъ въ основѣ лежитъ одинъ и тотже принципъ. Шлиссельбургскія правила являются лишь краткимъ резюмэ всероссійской „инструкціи“ — ея квинтэссенціей.

Вся Россія разсажена по клѣточкамъ, ей всей запрещено перестукиваться, а по ея корридорамъ день и ночь шмыгаютъ Ироды, присматриваясь, прислушиваясь, не раздастся ли гдѣ неказенная, способная вызвать откликъ нотка, которая немедленно приглушается; — не возникаетъ ли гдѣ нибудь, чего нибудь объединяющаго, одушевляющаго, и хотя бы это было безусловно необходимое, нравственно обязательное дѣло: обученіе безграмотныхъ, кормленіе голодныхъ и проч.; если

только люди начинаютъ вкладывать въ него свою изнывшую отъ бездѣйствія и одиночества душу, дѣло немедленно закрываютъ, при чемъ никогда не забывается „до изнеможенія ударятъ въ мѣдные тазы“ оффиціозной прессы, прославляющей благодѣтельную тишину и позорящей людей, сующихся „не въ свое дѣло“.

„Не смѣй говорить о другихъ! Не твое дѣло — нѣтъ здѣсь другихъ!“ Въ этомъ крикѣ Ирода выражена вся суть самодержавія. Онъ безпрерывно раздается надъ всей Россіей, звучитъ во всѣхъ указахъ и приказахъ, приспособляющихъ ее къ существующему образу правленія. Самый принципъ этого правленія требуетъ, чтобы всякое дѣло, отъ котораго зависитъ судьба другихъ, дѣлалось безъ всякаго отношенія къ этимъ другимъ, — дѣлалось не для нихъ, а для себя: для карьеры, для оклада, для положенія или заработка, при полнѣйшемъ равнодушіи къ тому, какъ отзовется это рукодѣлье на подлежащемъ воздѣйствію матеріалѣ. Думать и рѣшать можетъ лишь высшее начальство. А если и встрѣчаются кажущіяся исключенія изъ общаго правила: „нѣтъ тебѣ дѣла до другихъ“, если и допускаются нѣкоторыя учрежденія, имѣющія нѣкоторое подобіе общественности, то они существуютъ лишь „смотря по поведенію“. Они существуютъ, пока участвующіе въ нихъ люди присоединяютъ свой голосъ къ хору „мѣдныхъ тазовъ“ или — нравственно умершіе — вяло бормочутъ никому не интересные пустяки. Но какъ только „поведеніе“ измѣняется, какъ только въ подобное учрежденіе проникаютъ живые люди въ поискахъ за утоленіемъ своего нравственнаго голода и начинаютъ говорить о „другихъ“, — учрежденіе немедленно подвергается „реформѣ“, т. е. сокращенію, очищенію и приспособленію его къ общей системѣ.

* * *

Уже давно въ громадной всероссійской тюрьмѣ слышится движеніе. Но до послѣдняго времени самодержавную тишину нарушала по преимуществу молодежь интеллигентнаго „отдѣленія“, рѣзко отграниченнаго отъ необозримаго пространства, гдѣ молчаливо дремалъ еще въ средневѣковомъ снѣ россійскій народъ, приводя въ отчаяніе пытавшихся сговориться съ нимъ борцовъ. Послѣднее движеніе интеллигентной молодежи дошло до высочайшей степени напряженія, но покинутая своими старшими родичами и не добудившись народа, она послѣ отчаяннаго сопротивленія была, наконецъ, сломлена. Восмидесятые годы были торжествомъ идеальнаго са-

модержавія: все притихло въ громадной тюрьмѣ. Миновало однако проклятое дѣсятилѣтіе; наступило другое, и снова послышалось движеніе, но на этотъ разъ не одно только, уже привычное, движеніе интеллигентной молодежи. На ея призывъ теперь гулко отвѣтила тысячами голосовъ часть народной массы, неотдѣлимая отъ нея рѣзкой гранью, въ нее переходящая и изъ нея пополняющаяся.

Какая судьба ждетъ это новое движеніе? Задушено, выловлено подобно предыдущему, совершавшемуся въ слишкомъ ограниченной сферѣ, оно быть не можетъ. Но какъ долго продлится борьба, сколько причинитъ она страданій, будетъ зависѣть отъ степени солидарности всѣхъ враговъ самодержавія. На этотъ разъ среди „отцовъ“, среди интеллигентнаго поколѣнія, выставившаго шлиссельбургцевъ, много людей, которымъ знакома вся тоска, сопровождающая пониженіе жизни до уровня, требуемаго самодержавіемъ, и — хотя бы по сочувствію — вся вражда революціонной эпохи, тотъ „духъ злобы и печали“, о которомъ говоритъ поэтъ. Солидарность, если не любви, то злобы требуетъ, чтобы, такъ или иначе, они поддержали начавшееся движеніе. Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе были бы нарушенія предписаннаго безмолвія и бездѣйствія, тѣмъ скорѣе преслѣдованія потеряли бы и всю свою остроту, и всякій смыслъ, а безпрерывно и всесторонно нарушаемая инструкція превратилась бы въ невыполнимую, негодную бумаженку, которая отправилась бы въ архивъ вмѣстѣ со всей системой.

В. Засуличъ.

Европейскіе рабочіе и ихъ русскій историкъ.

Съѣздилъ господинъ *С. Н. Прокоповичъ* заграницу и написалъ книжку: „*Рабочее движеніе на Западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Томъ I. Германія. Бельгія.*“ Исторія пишется разно. Въ общемъ можно различать исторію научную и исторію беллетристическую. Послѣдняя заботится главнымъ образомъ о гладкомъ пересказѣ внѣшнихъ событій и о красивой характеристикѣ личностей. Конечно, и для этого нуженъ не только литературный стиль, нужна точка зрѣнія. Что же касается исторіи научной, то можно спорить о ея методахъ, но спору не можетъ быть, да никогда и не было спору о необходимости метода вообще. Господинъ *Прокоповичъ* очевидно историкъ съ претензіями: онъ не просто бытописуетъ, онъ „критически изслѣдуетъ“. — Какова же его точка зрѣнія? Читаемъ предисловіе и находимъ слѣдующій перлъ: „Что же касается теоретическихъ предпосылокъ, съ которыми авторъ приступилъ къ изслѣдованію, то онъ долженъ признаться, что растерялъ добрую половину изъ нихъ во время изслѣдованія.“ Ну что же, растерялъ, такъ растерялъ, чего не бываетъ: теряютъ кошельки, носовые платки, разсудокъ, совѣсть, убѣжденія — читателю то до этого какое дѣло? Добро бы еще господинъ Прокоповичъ точно и ясно указалъ, въ чемъ онъ, по его теперешнему лучшему убѣжденію, ошибался — вотъ молъ, думалъ я, что земля на трехъ китахъ держится, анъ оказывается, что луну дѣлаетъ въ Гамбургѣ хромой бочаръ — то это, каковы бы ни были сами по себѣ убѣжденія и разубѣжденія господина Прокоповича, все же было бы честной попыткой освободить читателя отъ заблужденій. А то выходитъ одна безцѣльность, какое-то литературное ухарство: „смотрите, теоретическія предпосылки растерялъ, и вовсе мнѣ даже и не стыдно!“

Все же остается открытымъ вопросъ, съ какой точки зрѣнія господинъ Прокоповичъ „критически изслѣдуетъ“. Ошеломивъ недоумѣвающаго читателя своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ „теоретическими предпосылками“, историкъ нашъ глубокомысленно заявляетъ: „теоретическіе выводы,

являющіеся результатомъ изслѣдованія, будутъ развиты въ другомъ мѣстѣ, именно — во введеніи ко второму тому.“ Итакъ, господинъ Прокоповичъ вмѣсто того, чтобы платить узаконенной монетой, выставляетъ литературный вексель на введеніе къ будущему сочиненію. Но въ чемъ же гарантія, что сей быстрорѣшительный писатель, такъ стремительно расправившійся со своими „теоретическими предпосылками“, по дорогѣ ко второму тому не растеряетъ своихъ „теоретическихъ выводовъ“, которые теперь въ свою очередь становятся „предпосылками“? Господинъ Прокоповичъ видно и самъ чувствуетъ, что зарапортовался, и дѣлаетъ поправку: „Здѣсь мы ограничимся лишь немногими предварительными замѣчаніями.“ Эти замѣчанія сводятся къ тому, что: 1) кромѣ рабочаго движенія, имѣются еще „соціально-политическія движенія другихъ классовъ“, 2) „экономическія отношенія измѣняются не только непосредственно въ силу рабочаго движенія“, 3) имѣется „соціально-экономическій процессъ“, который своимъ собственнымъ развитіемъ формируетъ общественныя отношенія въ пользу того или другого класса, 4) политика отдѣльныхъ соціальныхъ группъ опредѣляется въ значительной степени „правовыми и политическими отношеніями“. Все это, конечно, вѣрно — хотя формулировка господина Прокоповича и не всегда удачна и въ общемъ больно ужъ проста — но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не ново. Уже не говоря о Марксѣ, Энгельсѣ и школѣ научнаго соціализма, кто же въ наше время не знаетъ развитія промышленности, развитія городовъ, концентраціи капитала и т. п. проявленій экономическаго процесса, измѣняющихъ соціальныя отношенія? Эти измѣненія настолько явны, что періодически учитываются спеціальными государственными статистиками. Любое засѣданіе парламента, любой номеръ политической газеты убѣждаютъ, что, кромѣ рабочаго движенія, существуютъ другія соціально-политическія теченія. Суть не въ томъ, что эти разныя теченія существуютъ — это стара сказка — а въ ихъ *историческомъ значеніи* и *взаимномъ соотношеніи*. Господинъ Прокоповичъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. И если г. Прокоповичъ, ѣдучи въ Германію, дѣйствительно думалъ, что „экономическія отношенія измѣняются *только непосредственно* въ силу рабочаго движенія“, то, конечно, ничуть не жаль, что онъ разстался съ такой „теоретической предпосылкой“, хотя все же хвастаться тутъ нечѣмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная вина, что онъ не запасся болѣе разумными теоретическими основами. Даже изъ того „небогатаго матеріала, который существуетъ по затронутымъ вопросамъ въ Россіи“,

онъ могъ бы узнать столь банальныя истины, какъ тѣ, что не рабочіе сами дѣлаютъ экономическій процессъ, что и на Западѣ имѣется крестьянство, что есть разница между парламентаризмомъ и абсолютизмомъ. Конечно, захудалая страна наша Россія, но все же, для того чтобы убѣдиться въ вѣрности Эвклидовыхъ теоремъ, незачѣмъ объѣзжать Германію и Бельгію. Напрасно господинъ Прокоповичъ не воспользовался „тѣмъ небогатымъ матеріаломъ, который и т. д.“ Поспѣшилъ — говоритъ — заграницу, не успѣлъ прочитать, а потомъ некогда было, надо было книжку печатать. Прекрасно, но въ такомъ случаѣ откуда же, скоростремительный вы человѣкъ, нахватали вы тѣхъ „теоретическихъ предпосылокъ“, которыми второпяхъ напичкали свой умственный чемоданъ? Напрасно поторопились! Все то, что вы теперь преподносите публикѣ въ качествѣ наиновѣйшихъ, своихъ собственныхъ, научныхъ выводовъ, вы могли бы имѣть въ видѣ „теоретическихъ предпосылокъ“, если бы потрудились кой-что прочитать. И не пришлось бы тогда „предпосылки“ терять. Напротивъ, онѣ вамъ сослужили бы значительную службу. Хотя бы тѣмъ, что избавили бы отъ взбалмошныхъ пріемовъ того непризнаннаго генія, который вообразилъ себя Колумбомъ и, четыреста лѣтъ послѣ открытія Америки, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что нашелъ новый путь въ Индію. Совсѣмъ вы не Колумбъ, Америки не открыли, и путь, на который вы указываете, ведетъ не въ Индію, а въ Центральную Африку.

Поторопился господ. Прокоповичъ составить себѣ „теоретическія предпосылки“, поторопился ихъ растерять, поторопился сдѣлать самостоятельные „теоретическіе выводы“, поторопился написать книжку. Опрометчивость характерная черта этого юнаго писателя, которому, между прочимъ, на этомъ основаніи предсказываю плодовитую будущность. Опрометчивость сказывается во всемъ, чего онъ ни коснется. А касается онъ всевозможныхъ вещей съ тѣмъ большей легкостью, чѣмъ меньше понимаетъ ихъ значеніе. Съ чѣмъ бы сравнить? Онъ кубаремъ прокатился по рабочему вопросу и вскочилъ впопыхахъ въ чернильницу!

Но пусть читатель самъ судитъ. Приступимъ къ „критическому изслѣдованію“.

Докапиталистическія времена.

„Капиталистическое производство — повѣствуетъ нашъ историкъ — *начало развиваться* въ Германіи сравнительно поздно.“ Схватилъ словечко на лету, часто повторяемое, да

и то перевралъ. „Начало развиваться“ капиталистическое производство въ Германіи очень даже рано — въ Саксоніи уже въ 15-омъ столѣтіи, еще до открытія Америки, было очень значительное горное производство, а въ 18-омъ вѣкѣ Саксонія была уже промышленной страной — вѣрно только то, что если взять Германію въ ея теперешнихъ политическихъ границахъ, то она только въ недавнее время стала *индустріальнымъ государствомъ*. Въ связи съ этимъ господинъ Прокоповичъ дѣлаетъ открытіе, что Сѣверно-германскій Таможенный Союзъ, помимо уничтоженія внутреннихъ заставъ, защитилъ Германію отъ „иностранной конкурренціи“ и такимъ образомъ способствовалъ ея промышленному развитію. На самомъ дѣлѣ Союзъ, наоборотъ, открылъ границы иностранной конкурренціи; только на почвѣ принятія всѣми государствами наименьшихъ таможенныхъ ставокъ онъ и сталъ возможенъ; ему-то Германія главнымъ образомъ и обязана тѣмъ, что развила свою индустрію почти при полной *свободѣ торговли*. Вмѣсто того чтобы порыться въ книжкахъ, нашъ „критическій изслѣдователь“ сочинилъ свой собственный Сѣверогерманскій Таможенный Союзъ: такъ оно и скорѣе, и требуетъ меньшихъ умственныхъ затратъ. Какъ дальнѣйшій признакъ запоздалости капиталистическаго развитія Германіи рекомендуется нашему вниманію тотъ фактъ, что первая желѣзная дорога была въ ней открыта только въ 1835 г. Конечно, не мѣшало бы раньше; но вѣдь развитіе желѣзнодорожнаго дѣла и вообще то датируетъ, если не считать первоначальныхъ попытокъ, съ открытія парового движенія между Ливерпулемъ и Манчестеромъ въ 1830 г. — запоздали, выходитъ, всѣ! А Германія, въ дѣйствительности, одна изъ первыхъ стала строить желѣзныя дороги, на европейскомъ континентѣ ее никто не опередилъ. Опять господинъ Прокоповичъ поспѣшилъ: позабылъ справиться, когда другія государства строили желѣзныя дороги.

Быстро расправившись съ развитіемъ капитализма въ Германіи, нашъ историкъ однимъ прыжкомъ переносится къ ремесленникамъ. „Въ первой половинѣ нашего столѣтія въ Германіи ремесленники работали главнымъ образомъ на заказъ (заказчикъ приносилъ матеріалъ, изъ котораго долженъ былъ быть сработанъ заказъ), не затрачивая крупныхъ денежныхъ средствъ на инструменты, сырой матеріалъ и т. д. ..... вначалѣ нашего столѣтія въ Германіи преобладалъ ремесленникъ, не имѣвшій ни одного подмастерья.... Очевидно, въ среднемъ, каждый подмастерье могъ съ увѣренностью разсчитывать стать мастеромъ .... Понятно, что по-

ложеніе подмастерья ремесленникъ долженъ былъ считать временнымъ, а положеніе мастера, хозяина — постояннымъ. На этой ступени развитія производственныхъ отношеній не могло быть рѣчи о противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ." Вотъ какая благодать для ремесленниковъ была въ Германіи еще въ первой половинѣ XIX вѣка!. Да, но когда и гдѣ же это происходила знаменитая борьба цеховъ между собой съ ея интригами, регулятивами и запретами, борьба цеховъ съ развивающейся мануфактурой, борьба мастеровъ съ подмастерьями изъ-за срока выучки, изъ-за диплома, изъ-за праздничныхъ дней, изъ-за рабочей платы и т. д., и т. д.? До сихъ поръ думали, что именно въ Германіи эти явленія всего лучше можно было изучить. Наука относитъ расцвѣтъ ремесленнаго производства въ Германіи къ 14-ому и 15-ому столѣтію. Уже въ 16-омъ вѣкѣ разложеніе сказывалось повсюду, а въ 17-омъ оно было въ полномъ ходу. Развитіе и паденіе ремеслъ охватываетъ столѣтія и заключаетъ въ себѣ цѣлую культуру. А что касается до идиллическихъ отношеній между мастерами и подмастерьями, то они и раньше того прекратились. Благодаря ограниченности рынка и притоку населенія, бѣжавшаго изъ подъ крѣпостной зависимости въ города, уже въ 15-омъ и 16-омъ столѣтіи образовалась резервная армія пролетаріата, давившая на ремесленниковъ. Единоличная работа уже тогда настолько отошла на задній планъ, что возникли цѣховые запреты отдѣльнымъ мастерамъ держать болѣе установленнаго числа подмастерьевъ и учениковъ. Подмастерья, которымъ все труднѣе становилось добиться самостоятельности, вели въ своихъ товариществахъ — Gesellenverbände — сознательную борьбу противъ мастеровъ. Въ этой классовой борьбѣ на сторонѣ подмастерьевъ уже тогда играли большую роль стачки и бойкотъ, въ то время какъ мастера оперировали запретительными законами, запрещеніемъ организацій, стачекъ и т. д. Все это извѣстныя вещи. Литература объ этихъ вопросахъ, и даже спеціально о классовой борьбѣ между подмастерьями и мастерами (см. напр. Schanz, Gesellenverbände), наполняетъ цѣлыя библіотеки, — но только „критически изслѣдующему" господину Прокоповичу она осталась неизвѣстна. Пролетѣлъ мимо! Укралъ у исторіи полтысячи лѣтъ и заявляетъ, что въ Германіи въ первой половинѣ XIX вѣка среди ремесленниковъ „не могло быть и рѣчи о противуположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ"!

Разумѣется, также невѣрно и то, будто въ указанное время нѣмецкіе ремесленники преимущественно работали на

заказчика, который самъ приносилъ матеріалъ. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, какъ напримѣръ портняжномъ, такое положеніе до нѣкоторой степени сохранилось еще къ тому времени, хотя въ измѣненной, приспособленной къ торговымъ условіямъ формѣ. Но разумѣется никому не приходило въ голову тащить къ столяру доски, чтобы получить столъ или кровать, къ слесарю желѣзо, чтобы получить замокъ или заступъ, къ типографу — бумагу и наборъ, къ красильщику — краски и т. п. Торговля сырьемъ была сильно развита и на большихъ ярмаркахъ сырье составляло главный предметъ оборотовъ. Цехи имѣли спеціальные регулятивы для закупокъ матеріала. Однако было время, когда мастеръ еще не былъ предпринимателемъ: въ двѣнадцатомъ, тринадцатомъ столѣтіи, когда само производство было еще очень слабо развито и ремесленникъ былъ въ большинствѣ случаевъ крѣпостнымъ! Но такими мелочами, какъ разница въ шестьсотъ, семьсотъ лѣтъ, нашъ историкъ не смущается; онъ столѣтія съ такой же небрежностью пропускаетъ сквозь пальцы, какъ „теоретическія предпосылки“ сквозь свое умственное рѣшето.

Однако, какъ случилось, что господинъ Прокоповичъ такъ напуталъ? Очень просто! Попались ему на глаза цифры мастеровъ и подмастерьевъ въ Пруссіи вначалѣ XIX вѣка, показывающія, что подмастерьевъ было меньше, чѣмъ мастеровъ; прочиталъ онъ также, что одной изъ формъ ремесла была обработка чужого матеріала, — и съ свойственной ему скоропостижностью сдѣлалъ свои „теоретическіе выводы“. Приводимая имъ статистика уже потому ничего не доказываетъ, что игнорируетъ „мануфактуру“ и вмѣстѣ съ ней всѣ мастерскія, находившіяся внѣ цеховыхъ организацій. Въ данномъ случаѣ нашъ авторъ даже не можетъ извиниться незнаніемъ предмета, потому что имѣлъ подъ рукой необходимыя данныя, чтобы исправить ошибку. На страницѣ 4 онъ сообщаетъ, что въ 1846 г. въ Пруссіи на 100 мастеровъ приходилось въ среднемъ 83 подмастерья, а на стр. 105 имъ же приводится, что въ томъ же году въ Пруссіи насчитывалось 78 000 „фабрикъ“ съ 551 244 рабочими. Большинство этихъ фабричекъ — въ среднемъ на каждую приходилось 7 рабочихъ — были очевидно ничто иное, какъ свободныя мастерскія. Къ тому же разложеніе ремесленнаго строя тѣмъ и характеризовалось, что мануфактура стягивала къ себѣ рабочія силы, оставляя позади себя захудалаго мастера, который не былъ уже въ состояніи содержать подмастерья.

Скомкалъ столѣтія и перепуталъ факты! Чтобы понять всю несуразность данной господиномъ Прокоповичемъ харак-

теристики домартовской Германіи, представьте себѣ, читатель, что иностранецъ написалъ бы о Россіи слѣдующее: „Въ первой половинѣ XIX столѣтія русскіе крестьяне не были еще закрѣпощены, между ними и помѣщиками не было классового антагонизма, что доказывается во первыхъ существованіемъ общины, во вторыхъ большимъ числомъ дворянъ-однодворцевъ“!

Формы и видоизмѣненія классовой борьбы пролетаріата.

Неровное, въ различныхъ направленіяхъ изогнутое, къ тому же полное щелей и трещинъ зеркало даетъ нелѣпое, на первый взглядъ ни съ чѣмъ несообразное отраженіе предмета. Все въ немъ изуродовано, перепутано, смѣшано, разрознено. Поставьте передъ нимъ статую аттической красоты и пропорціональности частей, и она покажется безобразнымъ чудовищемъ. Части, составляющія гармоническое цѣлое, покажутся разорванными, разбросанными — нога надъ головой, а рука подъ пятками — все извращено, обособлено, какъ будто въ борьбѣ стихій перемѣшано и другъ другу противопоставлено. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ извращеніяхъ есть законосообразность. Они повинуются закону преломленія лучей. Поэтому на основаніи математическихъ вычисленій можно даже изъ этой путаницы реконструировать дѣйствительный образъ предмета. Но какой это былъ бы неимовѣрный и досадный трудъ!

Вотъ такъ именно отражается классовая борьба пролетаріата въ книжкѣ господина Прокоповича. Гармоническое цѣлое разорвано, части противопоставлены другъ другу, какъ будто находятся въ борьбѣ между собой, одно преувеличено, другое преуменьшено и все обезображено. Изъ этихъ неправильныхъ и перепутанныхъ линій путемъ многочисленныхъ редукцій ad absurdum реконструировать дѣйствительный образъ — работа скучная, да и ненужная. Но необходимо, для того чтобы разобраться въ этой путаницѣ, имѣть передъ глазами схему рабочаго движенія. Этимъ займемся теперь, а потомъ опять вернемся къ нашему скоропалительному историку. Конечно, читатель не ждетъ чего либо иного, кромѣ краткаго наброска.

Въ извѣстныхъ дебатахъ между *Жорэсомъ* и *Гэдомъ* въ Лиллѣ Жорэсъ очень красиво развилъ „принципъ“ *классовой борьбы* пролетаріата. Гэдъ же, возражая ему, замѣтилъ: „Жорэсъ ссылается на ‚*принципъ*‘ классовой борьбы; для меня классовая борьба — *фактъ!*“ Конечно, дѣло не въ отдѣльномъ словѣ, но внѣ всякаго сомнѣнія формулировка Гэда

гораздо точнѣе схватываетъ суть. Всякому, изучающему рабочее движеніе или дѣйствующему въ немъ, необходимо прежде всего себѣ усвоить, проникнуться тѣмъ, что классовая борьба пролетаріата *объективная дѣйствительность*, а не только субъективное воззрѣніе, что она *историческій процессъ*, а не только философскій выводъ. Кто стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, тому уже сама постановка вопроса о цѣлесообразности или о желательности классовой борьбы пролетаріата кажется смѣшеніемъ понятій. Дѣйствительно, объ этомъ можно говорить только въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о цѣлесообразности океаническихъ теченій или о необходимости солнечнаго свѣта. Это фактъ, который приходится *признать*: остается только изучить его въ его проявленіяхъ, для того чтобы къ нему примѣниться или имъ воспользоваться.

Фактъ классовой борьбы самъ по себѣ отнюдь не характеризуетъ исключительно современную эпоху. Вся исторія, за исключеніемъ первичнаго коммунизма, опредѣлялась, по Коммунистическому Манифесту, борьбой классовъ. Манифестъ въ числѣ формъ классовой борьбы упоминаетъ между прочимъ и борьбу подмастерья противъ мастера. Классовая борьба также не есть обязательно борьба экономически эксплуатируемыхъ противъ ихъ эксплуататоровъ. Третье сословіе и дворянство и до созданія парламентарнаго государства вовсе не были между собой въ соотношеніи эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; даже больше того, задолженное дворянство было въ денежной зависимости отъ буржуазіи. Буржуазія была только *политически подчинена*. Буржуазія боролась противъ феодализма, а затѣмъ противъ абсолютизма, потому что хотѣла *государственнаго переустройства*, при которомъ она бы господствовала. Борьба классовъ есть всегда борьба за *политическую власть*.

Классовая борьба пролетаріата отличается отъ классовой борьбы буржуазіи уже однимъ тѣмъ, что это борьба *экономически* угнетенныхъ противъ ихъ угнетателей; она отличается отъ другихъ историческихъ формъ классовой борьбы эксплуатируемыхъ настолько, насколько форма эксплуатаціи, иначе говоря, насколько капиталистическое общество отличается отъ ему предшествующихъ. Итакъ, характерна не классовая борьба, а та форма, которую она приняла при *капиталистическихъ условіяхъ*. Именно капитализмъ придаетъ данный характеръ современному рабочему движенію.

Капитализмъ, разрушивъ старыя формы производства, разрушилъ вмѣстѣ съ ними все то, чего рабочіе до него доби-

лись въ своей классовой борьбѣ: вмѣстѣ съ цеховыми регулятивами вообще и тѣ регулятивы, которые защищали подмастерьевъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи. Буржуазія, борясь за политическую свободу, боролась за свободу эксплуатаціи. Создавъ покоящееся на частной собственности правовое государство и сдѣлавъ крестьянина свободнымъ собственникомъ, она создала вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ фикціей личной свободы, безправнаго въ защитѣ своихъ экономическихъ интересовъ рабочаго. Организовавъ централистическое государство, она дезорганизовала рабочій классъ.

Такимъ образомъ связь съ рабочими организаціями прежнихъ временъ была потеряна. Конецъ 18-го и начало 19-го вѣка характеризуются полной анархіей въ правовыхъ отношеніяхъ между рабочими и предпринимателями. Рабочіе представляли собой политически разрозненную массу, связанную между собой только совмѣстной работой на фабрикѣ и скученностью мѣстожительства. Современный пролетаріатъ очень немногимъ воспользовался изъ прошлаго, онъ долженъ былъ по существу начать свою борьбу сначала.

Онъ началъ, какъ говоритъ Коммунистическій Манифестъ, со сплоченія рабочихъ отдѣльной фабрики противъ фабриканта. Это не была еще борьба противъ класса капиталистовъ, это была борьба *противъ произвола отдѣльнаго капиталиста.*

Не смотря на громадное развитіе рабочихъ организацій и достигнутые ими политическіе успѣхи, эта борьба противъ личнаго произвола капиталиста до сихъ поръ не прекратилась. Конечно, бываютъ примѣры, когда фабрикантъ относится болѣе или менѣе человѣчески къ рабочимъ. Это единицы, стоящія выше средняго уровня. Но въ общемъ вся практика рабочаго движенія показываетъ, что произволъ отдѣльнаго капиталиста идетъ далеко за предѣлы классовыхъ интересовъ капитала.

Отдѣльный капиталистъ имѣетъ предъ собою кучку рабочихъ своей фабрики, а за ними на рабочемъ рынкѣ всю массу резервной арміи пролетаріата. Онъ не противопоставляетъ резервную армію *всему* рабочему классу, онъ противупоставляетъ сотни тысячъ безработныхъ тѣмъ сотнямъ или тысячамъ, которые работаютъ у него на фабрикѣ. Конечно, онъ знаетъ, что спросъ на рабочія руки опредѣляется не имъ однимъ, но этотъ коррективъ для него — уравненіе со многими неизвѣстными. Онъ также знаетъ, что не одинъ производитъ на рынокъ, и все же никогда не можетъ опредѣлить предѣла своего сбыта; такъ и рабочій рынокъ ему ка-

жется безпредѣльнымъ, неисчерпаемымъ. Онъ поэтому считаетъ себя всемогущимъ по отношенію къ рабочимъ. И разсчеты его оказываются близкими къ истинѣ, покуда рабочіе *не организованы*. Еще болѣе важно то обстоятельство, что классъ предпринимателей находится въ постоянномъ разложеніи. Начиная столпами концентраціи капитала, этотъ классъ заканчивается широкимъ хвостомъ мелкихъ капиталистическихъ созданьицъ, которыхъ всякая волна всемірнаго рынка сноситъ и приноситъ. Чѣмъ мельче предприниматель, тѣмъ больше онъ давитъ на рабочихъ, конкурируя съ крупнымъ капиталомъ. Недостаточную концентрацію капитала онъ старается вознаградить интенсивностью эксплуатаціи. Если эксплуатація рабочихъ для крупнаго капиталиста источникъ обогащенія, то для капиталиста мелкаго или даже средней руки она, съ возростающей концентраціей капитала и обостряющейся конкуренціей, становится вопросомъ жизни или смерти: не одна жадность наживы, а сама борьба за существованіе заставляетъ капиталистовъ обирать рабочихъ. Та рабочая плата и тѣ условія фабричнаго труда, при которыхъ крупный капиталистъ процвѣтаетъ, иной разъ губятъ капиталиста мелкаго. Интересы этихъ капиталистовъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ интересами класса капиталистовъ, они (эти капиталисты) падаютъ жертвами закона капиталистической экспропріаціи экспропріаторовъ; но въ ихъ головахъ все это отражается иначе, и они ожесточаются противъ рабочихъ зато, что для ихъ эксплуатаціи есть физическій предѣлъ. И вотъ рабочимъ приходится бороться не только противъ эксплуатаціи, вытекающей изъ законовъ образованія общей прибавочной стоимости, но и противъ эксплуатаціи, вытекающей изъ законовъ конкуренціи, опредѣляющей прибыль отдѣльнаго капиталиста. На ихъ плечахъ сооружается мощь капиталистическаго производства, на ихъ же плечахъ вымещается отсталость производства отдѣльныхъ капиталистовъ.

Одна изъ основныхъ задачъ *профессіональныхъ союзовъ* и есть именно борьба противъ произвола отдѣльныхъ фабрикантовъ, за уравненіе условій наемнаго труда. При этомъ они на первыхъ же шагахъ сталкиваются не только съ сопротивленіемъ отдѣльныхъ капиталистовъ, но и съ политическимъ противодѣйствіемъ всего класса. При помощи государственной власти капиталисты насильно разрушаютъ организаціи рабочихъ, разстраиваютъ ихъ попытки противопоставить единичному интересу капиталиста классовой интересъ рабочихъ. Первая классовая борьба пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ такимъ образомъ *борьба за право классовой борьбы.*

Англійскіе рабочіе цѣлое столѣтіе боролись за это право и упрочили его за собой только къ 70-мъ годамъ XIX-го вѣка.

Концентрація капитала съ одной стороны, давая все большій экономическій перевѣсъ крупному производству и отодвигая на задній планъ интересы другихъ капиталистическихъ группъ, рабочія организаціи съ другой стороны, регулируя, фабрика за фабрикой, условія наемнаго труда, приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что для самого капиталистическаго класса становится все большею коммерческой потребностью установить общія нормы отношеній между капиталистами и рабочими. Всякій успѣхъ, достигнутый рабочими на единичныхъ фабрикахъ, дѣлаетъ самихъ фабрикантовъ въ силу конкуренціи сторонниками его обобщенія, его распространенія и на всѣ другія фабрики. Въ то же время растетъ стремленіе фабрикантовъ къ коалиціямъ, чтобы противопоставить классовой организаціи рабочихъ классовую же организацію. Наконецъ, классъ капиталистовъ въ его цѣломъ при успѣшномъ ходѣ производства заинтересованъ въ томъ, чтобы этотъ ходъ не нарушался стачками (во время торговаго кризиса капиталисты, наоборотъ, часто сами провоцируютъ стачки).

Возникшая на отдѣльной фабрикѣ организація рабочихъ естественнымъ образомъ стремится распространиться на всѣ фабрики этой отрасли промышленности, сначала въ данной мѣстности, затѣмъ въ ея ближайшей окружности, потомъ во всей странѣ. Такъ развиваются національные профессіональные союзы. Профессіональный союзъ рабочихъ далеко не вполнѣ совпадаетъ съ опредѣленной профессіей. Прежде всего каждый большой профессіональный союзъ есть совокупность многихъ профессій. Статистика насчитываетъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ профессій — профессіональныхъ же союзовъ, имѣющихъ значеніе, даже въ самой Англіи всего нѣсколько дюжинъ. Конечно, стремленіе каждаго профессіональнаго союза направлено на то, чтобы объединить всѣхъ рабочихъ, которые по техникѣ ремесла всего больше конкурируютъ между собой. Но въ иныхъ случаяхъ даже чисто случайныя условія возникновенія организаціи опредѣляютъ рамки ея развитія. Важнѣе всего то, что самый характеръ капиталистической индустріи не допускаетъ строгаго разграниченія профессій. Капитализмъ безпрерывно измѣняетъ способы производства, изобрѣтаетъ новыя машины, создаетъ новыя индустріи — достаточно вспомнить электричество, производство красокъ, алюминій — и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣшиваетъ традиціонныя профессіональныя различія рабочихъ. Кон-

центрація капитала стягиваетъ рабочихъ разныхъ отраслей промышленности подъ крышу одного и того же капиталистическаго предпріятія. Къ тому же развитіе производства мѣняетъ содержаніе товарнаго рынка и черезъ его посредство приводитъ самыя отдаленныя предпріятія въ неожиданную связь между собой. Столяръ и слесарь принадлежатъ повидимому къ совершенно различнымъ профессіямъ. Но вотъ были изобрѣтены желѣзныя кровати, и масса столяровъ осталась безъ работы; съ другой стороны фабрикація швейныхъ машинъ даетъ работу столярамъ, которые дѣлаютъ для нихъ ящики — они вмѣстѣ съ механиками работаютъ на той же фабрикѣ и имѣютъ общіе съ ними профессіональные интересы. Подъ вліяніемъ этихъ условій иной профессіональный союзъ заключаетъ въ себѣ весьма разнообразныя профессіи.

Нормировка классовыхъ отношеній между капиталистами и рабочими, поскольку она основывается на свободномъ договорѣ, т. е. не производится законодательнымъ путемъ, происходитъ въ предѣлахъ той отрасли промышленности, которая захвачена даннымъ профессіональнымъ союзомъ рабочихъ. Нормировка распространяется на всѣ многоразличныя формы эксплуатаціи. Ея кардинальными пунктами являются: установленіе нормъ рабочей платы, въ особенности предѣла ея паденія, и ограниченіе рабочаго дня.

Установленіе нормы рабочей платы такъ же мало измѣняетъ характеръ капиталистической эксплуатаціи, какъ установленіе нормы прибыли или процента на заемный капиталъ. Напротивъ, неравномѣрность рабочей платы, поскольку она не опредѣляется квалификаціей труда, равно какъ и неравномѣрность нормъ прибыли, мѣшаетъ проявленію капиталистическаго закона стоимости и вмѣстѣ съ тѣмъ законосообразности капиталистическаго накопленія. Съ этой точки зрѣнія профессіональные союзы сыграли по отношенію къ рабочей платѣ ту же роль, какую банки и акціонерныя общества — по отношенію къ уровню прибыли.

Установленіе общихъ нормъ эксплуатаціи носитъ обыкновенно характеръ единовременный. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго и обширнаго конфликта, между рабочими, представителемъ которыхъ является профессіональный союзъ, и фабрикантами устанавливается соглашеніе, юридическая форма котораго очень разнообразна, но которое во всякомъ случаѣ является договоромъ ad hoc, чѣмъ-то вродѣ трактата между воюющими державами. Въ *третейскихъ судахъ, камерахъ объединенія* (Einigungskammern) и т. п. учрежденіяхъ мы видимъ попытку придать этимъ соглашеніямъ постоянный

характеръ. Весь ихъ смыслъ въ томъ и заключается, что они конфликту на отдѣльной фабрикѣ придаютъ характеръ общій, классовой. Вмѣсто фабриканта и рабочихъ его фабрики переговоры ведутся между представителями класса фабрикантовъ и профессіональнымъ союзомъ, какъ представителемъ класса рабочихъ. Подстановка классовыхъ интересовъ вмѣсто единоличныхъ, дѣйствительно, въ состояніи часто сгладить возникнувшій конфликтъ. Рѣшеніе такого третейскаго суда, покуда рѣчь идетъ объ отступленіяхъ отъ общихъ нормъ эксплуатаціи, можетъ быть довольно безпристрастнымъ. Причины этого видны изъ вышеизложеннаго. Однако практика показала, что даже въ этой ограниченной сферѣ дѣйствія третейскіе суды далеко не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Иной разъ они просто становятся орудіемъ въ рукахъ какой нибудь могущественной капиталистической клики, которая преслѣдуетъ свои особыя цѣли. Часто опять таки фабрикантъ, недовольный рѣшеніемъ третейскаго суда, вовсе не считаетъ необходимымъ подчинить свои интересы интересамъ капиталистическаго класса и поступаетъ по своему. Во всякомъ случаѣ, вездѣ и всегда, гдѣ споръ не идетъ больше о частичныхъ отступленіяхъ отъ нормъ эксплуатаціи, установленныхъ договоромъ или обычаемъ, а о самыхъ этихъ нормахъ, объ общемъ пониженіи уровня рабочаго дня, иначе говоря, не о той сверхъ-прибыли (Extraprofit), которую выжимаетъ отдѣльный капиталистъ изъ своихъ рабочихъ, а объ общей нормѣ прибавочной стоимости, третейскіе суды совершенно теряютъ свое значеніе, и вопросъ рѣшается только перевѣсомъ силы. Это показываетъ практика третейскихъ судовъ въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ.

Норма прибавочной стоимости есть, какъ извѣстно, общественное соотношеніе между стоимостью, остающеюся за классомъ капиталистовъ въ видѣ прибыли, и стоимостью, приходящеюся на долю рабочаго класса въ качествѣ рабочей платы. Но такъ какъ законъ мѣновой стоимости проявляется только въ его безпрерывномъ нарушеніи — какъ законъ прямолинейнаго распространенія свѣта въ его безпрерывномъ преломленіи и отклоненіи — то норма прибавочной стоимости каждой отдѣльной отрасли промышленности находится въ зависимости отъ продажныхъ цѣнъ. Если заработная плата остается неизмѣнной, то норма прибавочной стоимости, разъ не произошло измѣненій въ самыхъ условіяхъ производства, растетъ съ повышеніемъ товарныхъ цѣнъ, падаетъ съ ихъ пониженіемъ. Но разъ повышеніе цѣнъ становится всеобщимъ, то оно оплачивается рабочими какъ потребителями. Въ этомъ

то и сказывается законъ стоимости. Возвышеніе нормы прибавочной стоимости отдѣльной отрасли промышленности не безусловно сопровождается уменьшеніемъ доли рабочихъ этой отрасли промышленности и даже не всегда, или же не всегда вполнѣ оплачивается рабочими другихъ отраслей, но повышеніе нормы прибавочной стоимости всего капиталистическаго класса не можетъ произойти иначе какъ на счетъ рабочихъ. Говоря проще, если товары дорожаютъ, а рабочая плата остается неизмѣнной, то рабочіе несомнѣнно теряютъ. Рабочіе поэтому при подъемѣ промышленнаго развитія, которое обыкновенно сопровождается повышеніемъ цѣнъ, принуждены требовать повышенія рабочей платы, хотя бы для того чтобы сохранить *старую норму* прибавочной стоимости, чтобы не ухудшать своего положенія. При промышленномъ застоѣ — явленіе обратное. Паденіе товарныхъ цѣнъ, становясь всеобщимъ, должно вездѣ понижать норму прибавочной стоимости, разъ рабочая плата остается неизмѣнной. Тогда, разумѣется, фабриканты, ссылаясь на паденіе прибыли и пониженіе цѣнъ, хотятъ уменьшить рабочую плату. Чтобы избѣжать этихъ, связанныхъ съ каждымъ промышленнымъ подъемомъ, какъ съ каждымъ промышленнымъ упадкомъ, споровъ о рабочей платѣ, вводятся *подвижные тарифы рабочей платы* (gleitende Lohnskala). Ихъ задача автоматически регулировать рабочую плату сообразно съ движеніемъ цѣнъ, чтобы оставить *норму прибавочной стоимости* неизмѣнной. Они очевидно не измѣняютъ капиталистическихъ отношеній, они только имѣютъ тенденцію упрочить ихъ, увѣковѣчить норму прибавочной стоимости, существующую въ моментъ ихъ введенія. Но и это имъ не удается. Во первыхъ, уже потому, что движеніе товарныхъ цѣнъ является только признакомъ измѣненія нормы прибавочной стоимости, а не ея мѣриломъ. Норма прибавочной стоимости, caeteris paribus, растетъ постоянно въ большей прогрессіи, чѣмъ товарныя цѣны. Поэтому подвижной тарифъ, регулируясь движеніемъ цѣнъ, оставляетъ постоянно рабочую плату позади прибыли, значитъ, тенденцію къ повышенію нормы прибавочной стоимости онъ только ослабляетъ, но не уничтожаетъ. Съ другой стороны, паденіе цѣнъ, какъ и ихъ повышеніе, неравномѣрно — благодаря различному составу капитала изъ постоянной и перемѣнной части, благодаря законамъ циркуляціи капитала и конкуренціи. Къ тому же цѣны на сельскохозяйственные продукты слѣдуютъ закону поземельной ренты и могутъ расти въ то время, когда другія падаютъ. Затѣмъ, во время промышленнаго упадка положеніе рабочихъ и помимо уменьшенія заработной платы

ухудшается вслѣдствіе сокращенія рабочихъ часовъ на фабрикахъ и накопленія массы безработныхъ. А такъ какъ, кромѣ того, тенденція индустріи, если взять большіе промежутки времени, идетъ на пониженіе цѣнъ, то становится понятнымъ, почему *подвижной тарифъ рабочей платы* въ Англіи, гдѣ съ нимъ имѣли всего больше опыта, сталъ непопуляренъ; ужъ не говоря о томъ, что рабочіе, конечно, не довольствуются сохраненіемъ нормы прибавочной стоимости, а стремятся къ ея уменьшенію.

Профессіональные союзы не уничтожаютъ конкуренціи между рабочими, они только ее регулируютъ. Среди первоначальнаго хаоса рабочаго рынка, на которомъ каждый борется противъ всѣхъ и всѣ противъ каждаго, они проводятъ демаркаціонныя линіи, болѣе или менѣе соотвѣтствующія областямъ конкуренціи, разграниченнымъ самой техникой производства. Но и внутри этихъ обособленныхъ группъ профессіональные союзы только создаютъ *общую почву* для взаимныхъ отношеній между рабочими и капиталистами, на которой все же продолжается конкуренція между отдѣльными рабочими. Она только тогда исчезла бы, если бы союзы установили *одну общую рабочую плату*. Это для нихъ невозможно, они поэтому устанавливаютъ только общія *нормы* и минимальный предѣлъ рабочей платы. При поштучной платѣ, которая среди профессіональныхъ союзовъ въ общемъ даже болѣе распространена, чѣмъ внѣ ихъ, каждый рабочій старается больше сработать, чѣмъ его товарищи, такъ какъ его заработокъ находится въ прямой зависимости отъ его искусства и интенсивности труда. При платѣ почасовой существуетъ цѣлый рядъ ставокъ для рабочихъ одного и того же ремесла при одной и той же работѣ, и каждому конечно хочется попасть въ категорію болѣе высокой рабочей платы. Фабрикантъ по своему усмотрѣнію помѣщаетъ рабочихъ въ ту или другую категорію, онъ по прежнему имѣетъ дѣло съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности — даже самые сильные профессіональные союзы вмѣшиваются въ такихъ случаяхъ только тогда, если фабрикантъ выказываетъ личное недоброжелательство или месть по отношенію къ кому нибудь изъ рабочихъ. При сокращеніи работъ фабрикантъ обыкновенно прежде всего отпускаетъ менѣе искусныхъ рабочихъ — иной разъ, правда, какъ разъ наоборотъ, что служитъ косвеннымъ средствомъ уменьшенія рабочей платы, — при расширеніи работъ фабрикантъ старается подобрать болѣе искусныхъ рабочихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочіе либо непосредственно перебиваютъ другъ у друга работу, либо, захватывая

усиленнымъ трудомъ большую долю работы, отстраняютъ другихъ отъ заработка.

Вообще профессіональные союзы несравненно больше сдѣлали въ отношеніи *нормировки условій труда*, чѣмъ въ отношеніи *организаціи предложенія труда*.

Конкуренція, далѣе, проявляется между самими профессіональными союзами. Союзы, примыкающіе къ одинаковой или къ родственнымъ профессіямъ, находятся между собою въ организаціонномъ соперничествѣ. Каждый изъ нихъ старается заполучить возможно больше членовъ, при чемъ на каждомъ шагу сталкивается со своимъ соперникомъ. Бывали случаи, когда, благодаря этому соперничеству, капиталисты могли воспользоваться одной рабочей организаціей противъ другой. Межъ тѣмъ безпрерывно измѣняющаяся техника производства смѣшиваетъ границы профессій и неожиданно сталкиваетъ между собой различныя профессіональныя организаціи. Конфликтъ, происходящій въ индустріи между старымъ и новымъ способомъ производства, переносится на рабочій рынокъ. Съ большимъ трудомъ установленныя профессіональнымъ союзомъ нормы эксплуатаціи грозятъ рухнуть подъ натискомъ новыхъ слоевъ рабочихъ, съ своей стороны организованныхъ въ союзы, но которые до сихъ поръ работали при худшихъ условіяхъ. Борьба можетъ до того обостриться, что профессіональный союзъ рабочихъ предательски коалируетъ съ фабрикантами, чтобы сбить своего соперника.

Коалиціи между рабочими и фабрикантами бываютъ и внѣ этихъ особыхъ условій, просто съ цѣлью держать товарныя цѣны высоко и такимъ образомъ обезпечить въ одно и то же время и болѣе высокую прибыль, и болѣе высокую рабочую плату. Такой профессіональный союзъ до послѣдней степени ограничиваетъ доступъ къ ремеслу. Фабриканты съ своей стороны не принимаютъ никого, кто не былъ бы членомъ этого профессіональнаго союза. Рабочіе надѣются такимъ образомъ, ограничивъ число рабочихъ, ограничить конкуренцію въ своихъ собственныхъ рядахъ. Конечно, это возможно только при исключительныхъ условіяхъ. Профессія должна быть изъ числа тѣхъ, усвоеніе которыхъ требуетъ продолжительнаго времени или значительныхъ затратъ. Безъ этого регулятивы профессіональнаго союза такъ же мало могли бы удержать притокъ рабочихъ, какъ когда то цеховой уставъ. Вся попытка является воскрешеніемъ цеховыхъ отношеній, причемъ во главу зданія, вмѣсто исчезнувшаго цеха мастеровъ, ставится союзъ подмастерьевъ. Разумѣется, причины, разрушившія цеховую замкнутость, въ наше время дѣйствуютъ съ еще гораздо

большей силой. Помимо техническаго прогресса и развитія машиннаго производства, уже одно уничтоженіе національной обособленности рынка дѣлаетъ невозможнымъ существованіе замкнутыхъ индустрій. Онѣ не болѣе какъ ничтожные островки въ океанѣ мірового рынка, періодически заливаемые нахлынувшей волной.

Конкуренція между отдѣльными рабочими ведетъ къ организаціи профессіональныхъ союзовъ. Конкуренція между профессіональными союзами ведетъ — къ ихъ федераціи. Въ томъ то и суть, что та же сила, которая разлагаетъ капиталистическій классъ, ведетъ къ сплоченію рабочихъ. Стремленіе отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ — въ особенности квалифицированныхъ рабочихъ — обособиться отъ рабочихъ массъ осуждено всей практикой англійскаго рабочаго движенія. Одинъ за другимъ они, иной разъ очень прискорбнымъ опытомъ, должны были убѣдиться въ томъ, что капиталистическое развитіе фабричной техники и производства вообще немилосердно разбиваетъ всѣ естественныя, а тѣмъ болѣе искусственныя перегородки между профессіями и что самое лучшее средство борьбы противъ конкуренціи хуже оплаченныхъ слоевъ рабочаго класса — ихъ организація. Та же Англія даетъ намъ множество примѣровъ, какъ профессіональные союзы квалифицированныхъ рабочихъ организовывали своихъ конкурентовъ изъ чернорабочихъ. Затѣмъ мы видимъ федераціи профессіональныхъ союзовъ, охватывающія цѣлыя громадныя отрасли производства, напримѣръ текстильное производство. Наконецъ, всѣ профессіональные союзы данной страны стремятся къ объединенію на почвѣ законодательной регулировки условій эксплуатаціи труда.

Конкуренція ведетъ профессіональные союзы еще дальше. Она доказываетъ рабочему, члену англійскаго профессіональнаго союза, что достигнутый имъ уровень рабочей платы до тѣхъ поръ не обезпеченъ, покуда нѣмецкій, французскій, итальянскій и т. д. рабочій беззащитенъ противъ своего эксплуататора. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ стремленіе къ *интернаціональному соглашенію* профессіонально организованныхъ рабочихъ. Въ этомъ направленіи со времени парижскаго интернаціональнаго конгресса 1889-го года очень много было сдѣлано. Чѣмъ болѣе переплетаются между собою на всемірномъ рынкѣ національныя индустріи, тѣмъ тѣснѣе становится интернаціональная связь между рабочими родственныхъ профессій, между рабочимъ классомъ вообще. Въ настоящее время каждая большая стачка въ индустріальной странѣ захватываетъ интересы рабочихъ, а также и капиталистовъ,

во всѣхъ другихъ странахъ. Интернаціональная солидарность рабочихъ во всѣхъ такихъ случаяхъ блестящимъ образомъ проявляется въ матеріальной и нравственной поддержкѣ.

Отъ массовой разрозненности, подъ вліяніемъ конкуренціи, ко все болѣе широкому и наконецъ интернаціональному объединенію рабочихъ — таковъ путь профессіональныхъ союзовъ. И рабочіе были бы уже гораздо дальше на этомъ пути, если бы не мѣшали имъ политическія границы, воздвигнутыя капиталистическими государствами.

Профессіональные союзы упрощаютъ отношенія между рабочими и капиталистами. Отстраняя отдѣльнаго капиталиста, они отстраняютъ все то, что носитъ характеръ личный, случайный, произвольный, и приводятъ къ тому, что рабочіе и капиталисты стоятъ другъ противъ друга какъ классъ противъ класса. Уравнивая условія эксплуатаціи на отдѣльныхъ фабрикахъ, они оголяютъ саму эксплуатацію, общее содержаніе всего многоразличнаго капиталистическаго производства. Завоевывая, послѣ многочисленныхъ стачекъ, побѣдъ и пораженій, все болѣе и болѣе почву, распространяясь вширь, они въ конечномъ результатѣ по всей линіи сталкиваются съ врагомъ безличнымъ — съ *законами капиталистическаго производства*.

Прежде всего они убѣждаются, что капиталистъ вовсе не полновластный господинъ производства, что его давитъ *капиталистическая конкуренція*, въ свою очередь повинующаяся какому-то слѣпому закону *дешевой цѣны*. Имъ неоднократно приходится видѣть, какъ конкуренція губитъ отдѣльнаго фабриканта, но они не могутъ стать на его сторону, потому что улучшеніе его судьбы возможно только насчетъ ухудшенія положенія рабочихъ. Они становятся противниками конкуренціи, губящей и фабрикантовъ, и рабочихъ, и такимъ образомъ — сознательно или безсознательно — противниками всего капиталистическаго строя, съ которымъ она неразрывно связана.

Они убѣждаются далѣе, что для возвышенія рабочей платы имѣется какой то предѣлъ, независящій отъ капиталистовъ отдѣльной отрасли промышленности. Предѣлъ этотъ *средняя норма прибавочной стоимости*. Если профессіональный союзъ требуетъ возвышенія рабочей платы, которое сильно нарушило бы эту норму, то фабриканты на основаніи своихъ торговыхъ книгъ съ математической точностью доказываютъ ему слѣдующее: во 1) если сохранить уровень прибыли, то товарныя цѣны придется поднять такъ, что нельзя будетъ выдержать конкуренціи родственныхъ индустрій и что, уже

помимо этого, въ силу дороговизны уменьшится сбытъ и придется сократить производство, значитъ отпустить рабочихъ; во 2) если сохранить цѣны, то придется норму прибыли такъ сократить, что рядъ фабрикантовъ обанкротится, не будучи въ состояніи заплатить проценты на заемный капиталъ, курсы акцій падутъ, капиталъ будетъ отвлеченъ въ сторону, кредитъ вообще уменьшится, въ силу этого возможность расширенія производства сократится, настанетъ застой и безработица; въ 3) что, благодаря громадной разницѣ въ рабочей платѣ противъ обычнаго уровня въ странѣ, капиталисты со стороны, даже если бы фабриканты данной мѣстности согласились, раньше или позже привлекутъ рабочихъ изъ другихъ профессій и собьютъ искусственно повышенную цѣну на трудъ. Профессіональный союзъ можетъ игнорировать интересы единоличнаго фабриканта, но онъ не можетъ, оставаясь на почвѣ капиталистическаго производства, игнорировать интересы цѣлой отрасли промышленности. Поэтому, чѣмъ болѣе разрастается профессіональный союзъ, тѣмъ осторожнѣе, умѣреннѣе становятся его требованія, тѣмъ постепеннѣе его тактика, въ особенности въ отношеніи увеличенія рабочей платы.

Профессіональный союзъ рабочихъ убѣждается, что еще болѣе низкую границу повышенію рабочей платы ставитъ конкуренція *машины*. Вначалѣ рабочіе разрушали машины. Профессіональные союзы превратили слѣпую ожесточенность въ сознательную экономическую борьбу: при введеніи новыхъ машинъ они борются не противъ мертваго механизма, а за установленіе выгодныхъ для рабочихъ ставокъ рабочей платы. Этимъ самымъ они приводятъ въ ясность, что машина—орудіе эксплуатаціи только въ рукахъ капиталистическихъ собственниковъ средствъ производства. А такъ какъ, чѣмъ выше рабочая плата, тѣмъ выгоднѣе введеніе новыхъ машинъ, то профессіональные союзы при каждой попыткѣ увеличить рабочую плату убѣждаются снова въ необходимости отнять у капиталистовъ это всеподавляющее орудіе эксплуатаціи. Связь такъ близка, что множество техническихъ усовершенствованій было сдѣлано непосредственно въ борьбѣ фабрикантовъ противъ профессіональныхъ союзовъ. На мѣсто уничтоженія машинъ ставится на очередь вопросъ объ уничтоженіи частной собственности на орудія производства.

Затѣмъ, профессіональные союзы сталкиваются съ закономъ *періодическаго перепроизводства*. Они принуждены всю свою тактику пріурочивать къ волнообразному движенію производства. И каждый разъ, когда происходитъ переломъ про-

мышленнаго подъема, будь то острый кризисъ или депрессія, профессіональные союзы должны всю свою энергію, всѣ силы употребить не на то, чтобы двигаться впередъ, а на то, чтобы защитить завоеванныя позиціи. Вполнѣ имъ это еще нигдѣ и никогда не удавалось: при всякомъ новомъ промышленномъ подъемѣ профессіональнымъ союзамъ приходится потратить болѣе или менѣе продолжительное время для того, чтобы возстановить испытанныя во время промышленнаго застоя потери. Во время періодическаго застоя производства не только падаетъ рабочая плата, но и разстраиваются сами профессіональныя организаціи.

Въ связи съ періодическимъ перепроизводствомъ находится безпредѣльное стремленіе капитала къ *расширенію рынка*. По законамъ капиталистической конкуренціи, изложеніе которыхъ слишкомъ отвлекло бы насъ отъ предмета, въ интернаціональныхъ торговыхъ сношеніяхъ возможна не единичная только, но систематическая продажа товаровъ какой-нибудь капиталистической страной или отдѣльными индустріями этой страны по цѣнѣ ниже ихъ національной стоимости. И вотъ англійскимъ прядильщикамъ, требующимъ увеличенія рабочей платы, приходится слышать отъ фабрикантовъ, что они не могутъ этого сдѣлать, потому что рабочая плата въ *Германіи* ниже, или потому что они въ Калькутѣ или Шанхаѣ принуждены продавать пряжу и ткани по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Тутъ предѣломъ увеличенія рабочей платы является уже не средняя норма прибавочной стоимости въ Англіи, а величина меньшая, средняя норма прибавочной стоимости въ Германіи или можетъ быть въ Остъ-Индіи, притомъ величина, такъ же мало подчиняющаяся контролю англійскихъ профессіональныхъ союзовъ, какъ мало современный всемірный рынокъ подчиняется контролю англійскаго капитала.

Обостряющаяся конкуренція всемірнаго рынка надвигается на профессіональные союзы, какъ немилосердный фатумъ, всеподавляющая стихійная сила, передъ которой всякое сопротивленіе тщетно, всякій протестъ безполезенъ.

Концентрація капитала, служащая даже до нѣкоторой степени опорой профессіональнымъ союзамъ, покуда борьба идетъ противъ фабричной мелкоты, является громаднымъ препятствіемъ, когда борьба направляется противъ самого концентрированнаго капитала. Профессіональные союзы въ свою очередь сослужили значительную службу концентраціи капитала — новое доказательство того, что дѣятельность профессіональныхъ союзовъ не измѣняетъ характера капиталистическаго производства.

Въ борьбѣ противъ магнатовъ индустріи, опирающихся на интернаціональную организацію производства, на могущественные банки и картели, рамки профессіональной организаціи оказываются слишкомъ узкими. Существеннымъ условіемъ успѣха въ этой сложной и громадной борьбѣ является не только совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ профессіональныхъ союзовъ, но еще мужественная поддержка со стороны всѣхъ вообще, профессіональныхъ и политическихъ организацій рабочихъ, внутри и внѣ страны. Профессіональная борьба рабочихъ становится классовой борьбой интернаціональнаго пролетаріата противъ интернаціональнаго капитала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ профессіональные союзы убѣждаются въ томъ, что тѣ же причины, которыя кладутъ предѣлъ ихъ дѣятельности, ограничиваютъ сферу ихъ распространенія. Безпрерывная перетасовка профессій подъ вліяніемъ развитія техники, образованіе все болѣе и болѣе многочисленныхъ слоевъ неквалифицированныхъ рабочихъ, громадное передвиженіе рабочихъ съ мѣста на мѣсто, наплывъ рабочихъ вслѣдствіе пролетаризаціи крестьянъ и ремесленниковъ равно какъ иммиграціи изъ странъ съ отсталой промышленностью, распространеніе женскаго труда, сохраненіе отсталыхъ формъ эксплуатаціи, незначительный заработокъ рабочихъ массъ, заставляющій дорожить каждой копейкой, сезонная безработица многихъ профессій и безработица всеобщая во время промышленнаго упадка — все это, хотя каждое обстоятельство въ отдѣльности, какъ показываетъ практика, и не исключаетъ вполнѣ возможности организаціи, вмѣстѣ ограничиваетъ профессіональную организацію меньшинствомъ рабочихъ. До сихъ поръ профессіональные союзы ни въ какой странѣ еще не объединили и 30 процентовъ индустріальныхъ рабочихъ.

Въ борьбѣ противъ отдѣльнаго фабриканта профессіональный союзъ можетъ сослаться на лучшія условія труда у другихъ фабрикантовъ, — но съ чѣмъ же сравнивать, если противъ профессіональнаго союза стоитъ капиталистическое большинство данной отрасли промышленности, если рѣчь идетъ не о сверхъ-прибыли, а о самой нормѣ прибавочной стоимости? Конечно, рабочіе странъ съ худшими условіями труда ссылаются на лучшее положеніе ихъ товарищей въ другихъ странахъ. Нѣмцы и французы ссылаются на англійскія и американскія условія. Но англичане и американцы, какъ рабочіе передовые, на другихъ уже ссылаться не могутъ. Напротивъ, они постоянно слышатъ отъ фабрикантовъ, что находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Вся аргументація

съ точки зрѣнія капитализма для нихъ рушится. Передъ ними — капитализмъ въ его общности, капитализмъ абстрактной чистоты. Дойдя до этой точки, профессіональные союзы ясно видятъ предѣлъ своей дѣятельности. Но они видятъ также, что *самъ капиталистическій классъ*, даже если бы хотѣлъ, не могъ бы уничтожить эксплуатаціи рабочихъ. Они убѣждаются, что пролетаріатъ и капиталъ — общественныя противоположности, что они имѣютъ передъ собой исторически сложившійся *порядокъ экономическихъ отношеній*, который имъ приходится измѣнить, что, для того чтобы уничтожить господство класса, нужно уничтожить самые классы.

Профессіональная организація рабочихъ самымъ своимъ развитіемъ ведетъ къ историческому моменту, который принято называть — *соціальная революція*.

Такова логика событій. Но выраженіе, которое она находитъ на поверхности общественныхъ теченій, не всегда вѣрно передаетъ ихъ внутреннее содержаніе, а иной разъ ему прямо противорѣчитъ. Первоначальная профессіональная борьба рабочихъ, направленная противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, носитъ снаружи болѣе рѣзкій характеръ. Именно благодаря примѣси личныхъ моментовъ. О политическихъ вліяніяхъ рѣчь будетъ впереди. Но рабочіе свою озлобленность противъ ихъ лично обирающаго капиталиста переносятъ на весь классъ. Они видятъ въ капиталистахъ не столько противниковъ въ силу экономическихъ условій, сколько своихъ личныхъ враговъ. Къ тому же пока накопленіе постояннаго капитала еще очень незначительно, капиталистъ дѣйствительно проявляетъ самую безпощадную и отвратительную жадность въ выжиманіи прибавочной стоимости. Въ то время борьба противъ эксплуатаціи вполнѣ совпадаетъ съ борьбой противъ эксплуататоровъ. Идея соціализма воспринимается тогда рабочими какъ радикальное средство освободиться отъ эксплуатаціи, но они еще не въ состояніи понять всей многосложности задачи общественной реорганизаціи. Дальнѣйшее развитіе, какъ мы видѣли, отстраняетъ личности и выдвигаетъ обстоятельства. То, что рабочимъ казалось общимъ, основнымъ, оказывается случайнымъ и частичнымъ. Они думали, что борются противъ прибавочной стоимости, межъ тѣмъ они только боролись противъ прибавочной прибыли отдѣльнаго капиталиста. Сама прибавочная стоимость оказывается связанной не только съ порядкомъ, но со всѣмъ ходомъ производства. На мѣсто капиталистическаго произвола выступаетъ законъ конкуренціи на всемірномъ рынкѣ. Можно сказать, передъ рабочими раскрывается вся громадность ихъ истори-

ческой задачи. Тутъ профессіональные союзы останавливаются въ нерѣшительности. Какъ таковые, они и вообще ничего не могутъ сдѣлать. Ихъ экономическая борьба привела ихъ къ принципіальной политической задачѣ, для выполненія которой имъ необходимо соргапизоваться въ политическую партію. Самый переворотъ зависитъ отъ ряда политическихъ моментовъ. И вотъ вырабатывается неопредѣленное состояніе, которое въ головахъ вожаковъ отражается путаницей понятій. Иные изъ нихъ считаютъ положеніе безвыходнымъ и думаютъ, что ничего другого не остается какъ топтаться на одномъ мѣстѣ.

При такихъ условіяхъ энергія профессіональныхъ союзовъ ослабѣваетъ. Отъ времени до времени внезапный порывъ массъ вноситъ новую жизнь, неожиданно выдвигаются новые вожаки, возникаютъ смѣлые планы, свѣтъ молніи озаряетъ на мгновеніе грозную ситуацію — потомъ опять все затихаетъ. Но скрытая революціонная энергія рабочихъ массъ не исчезаетъ, она все больше накопляется съ развитіемъ характеризованныхъ выше отношеній, самый застой профессіональной борьбы служитъ стимуломъ революціонированія рабочихъ массъ. Назрѣвшій историческій вопросъ неминуемо требуетъ разрѣшенія. Моментъ, когда это произойдетъ, зависитъ отъ многорааличныхъ условій, но меньше всего отъ теоретическихъ конструкцій вожаковъ профессіональныхъ союзовъ.

Таково уже приблизительно въ теченіе четверти столѣтія положеніе дѣлъ въ Англіи. Капиталистическій классъ Англіи, понявъ наконецъ, что профессіональная борьба рабочихъ ничуть не нарушаетъ капиталистическаго строя, напротивъ, является сама его составнымъ элементомъ, отнюдь не успокоился на этомъ и чуетъ опасность, грозящую ему со стороны организованнаго рабочаго класса. Онъ знаетъ, что, когда скрытая въ рабочихъ массахъ энергія подъ вліяніемъ экономическаго или политическаго момента проявится наружу, рѣчь будетъ идти уже о самомъ существованіи капиталистическаго общества. Сесиль Родсъ, матадоръ современнаго англійскаго капитализма, какъ нельзя болѣе рельефно характеризуетъ положеніе, выставляя публично свой лозунгъ: *„имперіализмъ противъ соціализма“*. Это значитъ, что для капитализма въ Англіи въ настоящій моментъ расширеніе рынка не только уже экономическая потребность, но и *политическая необходимость*. Расширеніе рынка во что бы то ни стало, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, является послѣднимъ средствомъ англійскаго капитала, чтобы удержать грозную армію рабочихъ на ея защитительной линіи. Въ

тотъ моментъ, когда рушится англійское могущество на всемірномъ рынкѣ, падетъ подъ натискомъ организованнаго пролетаріата капиталистическій строй Англіи.

Въ то время какъ профессіональная борьба пролетаріата съ самаго начала есть борьба эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ, политическая дѣятельность пролетаріата вначалѣ безразлично сливается съ буржуазными демократическими теченіями, вызванными капиталистической революціей производства. Становясь правящимъ классомъ, капиталисты сами разрываютъ связь съ пролетаріатомъ. Они отстраняютъ его отъ представительныхъ учрежденій, лишаютъ его тѣхъ самыхъ „святыхъ“ благъ политической свободы — свободы печати, сходокъ, союзовъ — за которыя только что совмѣстно боролись, опутываютъ его законами о стачкахъ, бунтахъ и т. п., уже оставляя въ сторонѣ законы о нищенствѣ и бродяжничествѣ, законы, превращающіе безработицу въ преступленіе. Такимъ образомъ пролетаріатъ, даже помимо своей воли, ставится въ необходимость вести политическую борьбу противъ господствующаго класса капиталистовъ. Дальнѣйшее развитіе классовой политики пролетаріата идетъ различными путями. Можно установить три образца: англійскій, французскій и нѣмецкій.

Разныя формы классовой политики пролетаріата образовались подъ вліяніемъ различнаго политическаго уклада странъ, въ которыхъ пролетаріату пришлось вести свою борьбу, особенности экономическаго развитія и классовыхъ сочетаній, политики правящихъ классовъ, ихъ внутренней борьбы и ихъ интернаціональной политики — иначе говоря, подъ вліяніемъ разницы историческаго развитія отдѣльныхъ странъ. Оставляя въ сторонѣ характеристику этихъ различій историческаго хода событій, мы очертимъ лишь конечный результатъ въ политикѣ рабочаго класса.

Англійскій образецъ можно назвать — *вооруженнымъ нейтралитетомъ пролетаріата*. Организованные въ профессіональные союзы, англійскіе рабочіе прекрасно сознаютъ, что имѣютъ классовой интересъ, существенно отличный отъ интересовъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Чтобы провести свои особые интересы, они пользуются борьбой буржуазныхъ партій между собой. Они могли провести эту тактику, не будучи самостоятельной политической партіей, но имъ нужна была для этого политическая организація. Они ее создали. Представителями этой организаціи являются *конгрессы* профессіональныхъ союзовъ и постоянный *парламентскій комитетъ*, т. е. комитетъ для подготовки законодательныхъ мѣръ въ

парламентѣ. Итакъ, англійскіе рабочіе не только не дали себя закабалить буржуазнымъ партіямъ, но они организовались внѣ ихъ, а это въ политикѣ значитъ: въ противоположность имъ. Они безразлично поддерживали ту или другую капиталистическую партію, смотря потому, отъ кого они всего больше могли добиться уступокъ въ свою пользу. Большіе успѣхи, достигнутые такимъ путемъ англійскими рабочими въ области рабочаго и политическаго законодательства, извѣстны. Но эта политика, какъ и профессіональная борьба, имѣетъ очень низкій предѣлъ насыщенія. Очевидно, косвенное вліяніе пролетаріата на парламентъ прекращается тамъ, гдѣ намѣсто споровъ между буржуазными партіями выступаютъ общіе, основные интересы капиталистическаго класса. Межъ тѣмъ интенсивность внутреннихъ капиталистическихъ конфликтовъ съ развитіемъ капитализма ослабѣваетъ. Такой борьбы, какая была между аграрнымъ и индустріальнымъ капиталами въ Англіи въ первой половинѣ XIX вѣка, уже больше нигдѣ не пришлось видѣть. Экономическій перевѣсъ индустріальнаго капитала все усиливается, къ тому же интересы индустріи захватываютъ все больше самый классъ капиталистическихъ землевладѣльцевъ. Развитіе кредита, акціонерныхъ компаній, банковъ и биржи перепутало всѣ капиталистическія отношенія и дробитъ буржуазію на мелкія группы съ интересами, не только противорѣчащими другъ другу, но противорѣчивыми въ самихъ себѣ.*) Парламентская оппозиція мельчаетъ. Въ самой англійской палатѣ общинъ нѣтъ больше того крупнаго распаденія на двѣ партіи, соотвѣтственно двумъ главнымъ группамъ капиталистическаго класса, которое характеризовало его исторически. Консерваторы приняли къ себѣ элементы, прежде имъ чуждые, либералы распались. Это отсутствіе рѣзкой группировки интересовъ дѣлаетъ парламентъ безпомощнымъ. Онъ, правда, по тѣмъ же причинамъ становится очень добродушнымъ и доброжелательнымъ. Требованія рабочихъ не встрѣчаютъ, какъ бывало, рѣзкой и ожесточенной оппозиціи, но они не находятъ также сплоченной партіи, готовой провести энергическое

*) Успѣхи *аграріевъ* въ Германіи и Франціи обусловливаются прежде всего тѣмъ, что, покуда цѣны на хлѣбъ подъ возрастающимъ давленіемъ на всемірномъ рынкѣ, несмотря на пошлины, въ общемъ понижаются, непосредственный интересъ индустріальнаго капитала въ пониженіи пошлинъ относительно невеликъ. Онъ становится актуальнымъ для капиталистовъ только при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Притомъ таможенныя пошлины этихъ странъ явились результатомъ аграрио-индустріальной коалиціи. Само современное аграрное движеніе опирается главнымъ обрезомъ на *средній* слой капиталистическихъ землевладѣльцевъ.

мѣропріятіе. Масса законодательныхъ мелочей незамѣтно получаетъ санкцію парламента, рядъ серьезныхъ реформъ отвергается. Самое значеніе парламента падаетъ. Могущество правительства усиливается. А само правительство все больше становится орудіемъ въ рукахъ капиталистической плутократіи, стоящей внѣ парламента, опирающейся не на избирательные голоса, а на всемірныя связи денежнаго рынка. До какого безсилія дошелъ англійскій парламентъ, показываетъ его жалкая роль при возникновеніи и при дальнѣйшемъ ходѣ южноафриканской войны.

Съ 1885-го года значительныя массы англійскихъ рабочихъ имѣютъ избирательное право въ парламентъ. Съ тѣхъ поръ рабочіе постоянно избираютъ нѣсколькихъ собственныхъ представителей въ палату общинъ. Дальше единичныхъ выборовъ ихъ попытки создать собственную политическую партію не пошли. Рабочіе боятся, что при раздробленіи голосовъ, которое несомнѣнно въ первое время должно произойти, разъ они выступятъ съ собственными кандидатурами, они потеряютъ то вліяніе на парламентъ, которое они имѣли до сихъ поръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу изложенныхъ обстоятельствъ ослабѣла политическая дѣятельность парламентскаго комитета профессіональныхъ союзовъ. Тѣ же факты политическаго развитія доказываютъ рабочимъ, что при достигнутой степени экономическаго разложенія рабочій классъ одинъ только еще и въ состояніи образовать тѣсносплоченную политическую партію. Такая партія является необходимостью для самого парламента, чтобы составить противовѣсъ правительству, безъ котораго оно становится орудіемъ въ рукахъ авантюристовъ и кучки плутократовъ. А такъ какъ англійскіе рабочіе высоко цѣнятъ парламентаризмъ и законодательную власть, то они уже въ силу практическихъ соображеній ихъ политики на почвѣ капиталистическаго общества принуждены будутъ, рано или поздно, сплотиться въ самостоятельную рабочую партію. Капиталистическое развитіе, ставящее Англію во все болѣе затруднительное положеніе на всемірномъ рынкѣ, ускоряетъ этотъ процессъ, выдвигая на очередь вопросъ о соціальной революціи.

Политическая борьба французскихъ рабочихъ привела ихъ къ *чистому революціонизму*. Неоднократно борясь вмѣстѣ съ буржуазіей за государственное переустройство и столько же разъ испытавъ на себѣ ея коварное вѣроломство, они убѣдились не только въ томъ, что имѣютъ передъ собой классового противника, но и въ томъ, что само буржуазное государство — организація, направленная противъ рабочихъ. На почвѣ эко-

номической подчиненности пролетаріата капиталу равенство оказалось фикціей, свобода — обманомъ, братство — ложью. Даже равноправность передъ судомъ превратилась въ рукахъ судей изъ буржуазіи въ западню для рабочихъ. Борьба партій въ парламентѣ только борьба изъ-за наживы, каждая фракція старается стать правящей, чтобы поглубже запустить руку въ государственную казну. Демократическія словопренія въ парламентѣ только самообманъ. Рабочіе съ омерзѣніемъ отвернулись отъ всего этого, не желая быть орудіемъ въ рукахъ плутовъ или глупцовъ. Они стали во враждебную позицію и къ капиталистическому обществу, и къ буржуазному парламенту. Единственной политической задачей въ ихъ глазахъ явилась организація соціальнореволюціонной арміи пролетаріата. Захватить при помощи этой силы политическую власть, низвергнуть господство капитала, реорганизовать государство въ интересахъ пролетаріата, такова ихъ программа. Политика эта оставляетъ безъ вниманія вопросъ: *какими средствами* достичь объединенія рабочихъ массъ? Массы объединяются не столько словеснымъ убѣжденіемъ, сколько *дѣятельностью*. Но чистый революціонизмъ, ставъ въ сторонѣ отъ буржуазной политики, игнорируя ту почву, на которой въ капиталистическомъ государствѣ единственно возможна политика, отстранилъ рабочихъ отъ политической дѣятельности. Онъ въ сущности противопоставляетъ демократическимъ словопреніямъ буржуазнаго парламента — словопренія о соціальной революціи. Но подъ фразами буржуазнаго парламента кроется очень реальная капиталистическая дѣйствительность. И эта дѣйствительность давала себя чувствовать французскимъ рабочимъ въ видѣ безграничной и безконтрольной эксплуатаціи. Уже по одному этому чистый революціонизмъ не могъ стать прочной директивой. Онъ силою самихъ вещей принужденъ дѣлать уступку за уступкой, считаться съ существующими условіями, входить въ интересы политики на почвѣ капитализма — такъ мало по малу онъ незамѣтно для самого себя переходитъ въ политику третьяго образца, которую всего лучше развили нѣмецкіе рабочіе.

Нѣмецкій образецъ можно характеризовать какъ *использованіе парламентаризма въ цѣляхъ революціонизма*. Сознавая классовый характеръ капиталистическаго государства, эта политика именно въ немъ находитъ точку опоры своей дѣятельности. Раскрыть этотъ классовый характеръ во всѣхъ его проявленіяхъ, на каждомъ шагу противопоставлять ему интересы рабочихъ, такимъ образомъ превращать всѣ формы и

виды классоваго господства въ средство для поднятія классоваго сознанія пролетаріата, такова задача. Итакъ, то, что для чистаго революціонизма служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы — классовый характеръ капиталистическаго государства — для революціонизма практическаго только еще начало всѣхъ началъ. Почва борьбы противъ классоваго государства — сами классовыя отношенія. Борьба противъ демократической фразеологіи — раскрытіе ея классоваго содержанія. Поэтому рабочіе стараются проникнуть во всѣ избирательныя учрежденія, во всѣ законодательные корпуса. Вездѣ и повсюду они являются самостоятельнымъ элементомъ, основные интересы котораго, вслѣдствіе классоваго положенія пролетаріата, идутъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ другихъ партій. Возникаютъ безчисленные конфликты, которые безпрерывно привлекаютъ къ себѣ вниманіе народныхъ массъ. Рабочая партія старается политическія распри среди буржуазіи расширить, довести до послѣднихъ крайностей. Она достигаетъ наконецъ того, что во всемъ обширномъ мірѣ политической общественной жизни не происходитъ ни одного факта безъ ея болѣе ранняго или болѣе поздняго вмѣшательства, и все, начиная съ большихъ политическихъ измѣненій и кончая мелкими скандалами, превращается ею въ средство соціально-революціонной агитаціи.

Она конечно не остается также слѣпой къ тому, что можно достичь въ пользу рабочихъ законодательнымъ путемъ на почвѣ капиталистическаго государства. Эта законодательная дѣятельность сводится къ слѣдующему:

1. Устраненіе всѣхъ направленныхъ противъ рабочихъ законовъ, гарантія правосудія и расширеніе политическаго вліянія рабочихъ. Сюда относится также реорганизація арміи.
2. Регулированіе нормъ эксплуатаціи.
3. Поднятіе культурнаго уровня рабочихъ. Школы и т. п.
4. Податныя реформы, чтобы снять тяжесть податей съ плечъ рабочихъ.

Но и помимо этихъ законодательныхъ мѣръ, непосредственно касающихся интересовъ рабочихъ, нѣтъ въ сущности ни одного капиталистическаго мѣропріятія, которое бы не затрогивало ихъ интересовъ. Вопросы торговой и колоніальной политики, дипломатическихъ сношеній, желѣзнодорожное хозяйство, равно какъ и благоустройство городовъ — все это для рабочихъ отнюдь не безразличныя вещи. Рабочіе заинтересованы въ развитіи промышленности, какъ и въ общемъ подъемѣ культуры. Наконецъ, расширеніе государственнаго и коммунальнаго хозяйства увеличиваетъ число рабочихъ,

непосредственно въ своемъ матеріальномъ положеніи зависящихъ отъ правительства и городскихъ управленій.

Заинтересованные во всемъ, рабочіе однако никогда не могутъ идти вполнѣ заодно съ правительствомъ. Они ему всегда дѣлаютъ оппозицію, начиная отъ категорическаго отрицанія — въ большинствѣ случаевъ — и кончая оппозиціей въ частностяхъ. Это потому, что капиталистическое правительство, даже проводя мѣру, благопріятную для рабочихъ, какъ нибудь да выскажетъ свой капиталистическій характеръ. А рабочіе, конечно, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы это пристрастіе правительства сдѣлать публичнымъ. Въ общемъ классовые интересы рабочихъ идутъ вполнѣ въ разрѣзъ съ капиталистической политикой. Рабочая оппозиція, проникая повсюду, вездѣ и во всемъ открывая эксплуататорскій характеръ государственной политики, отказывая правительству въ деньгахъ, въ военныхъ средствахъ, становится возрастающей помѣхой, стѣсняющей свободу дѣйствія правительства. Ея открытая тенденція — дезорганизація капиталистическаго государства.

Начавъ обособленіемъ отъ буржуазныхъ партій, рабочая партія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи то опять приближается къ нимъ, то болѣе расходится. Но это сближеніе рабочихъ съ буржуазіей при существованіи самостоятельной рабочей партіи носитъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ первичное сліяніе рабочихъ съ буржуазнымъ радикализмомъ. Въ виду какихъ-нибудь особенно сложившихся обстоятельствъ временно дѣйствуя заодно съ буржуазной лѣвой, они борются за свои собственные интересы. Они пользуются буржуазной политикой, чтобы подорвать основы буржуазнаго государства, чтобы измѣнить политическое положеніе въ пользу расширенія своей классовой борьбы. Такова, напримѣръ, тактика нѣмецкой соціаль-демократіи при выборахъ. Гдѣ она не можетъ добиться самостоятельнаго представительства, она вмѣшивается въ избирательную борьбу буржуазныхъ партій, чтобы поддержать наиболѣе демократическую изъ нихъ, причемъ по возможности она беретъ съ этой партіи опредѣленныя обязательства. Случайная связь при полномъ сохраненіи собственной самостоятельности возможна также въ самой парламентской борьбѣ при отдѣльныхъ вопросахъ законодательства или правительственной политики. Но временно сойдясь съ одной буржуазной партіей противъ другихъ, соціаль-демократія не перестаетъ агитировать съ точки зрѣнія рабочихъ интересовъ и противъ этой партіи. Даже въ томъ вопросѣ, гдѣ она сходится съ буржуазной партіей, ея *аргумен-*

таціи совершенно другая, потому что ея интересы другіе, интересы пролетаріата. Случайные союзы, такимъ образомъ, не мѣшаютъ тому, чтобы соціаль-демократія вела безпрерывную, коренную борьбу противъ каждой буржуазной партіи въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ; напротивъ, они помогаютъ классовой борьбѣ пролетаріата, какъ и само участіе рабочихъ въ буржуазномъ парламентѣ, въ буржуазной политикѣ.

Парламентаризмъ только политическая форма. Но эта политическая форма, при общемъ и равномъ избирательномъ правѣ, достаточно широка, чтобы дать выраженіе вытекающимъ изъ общественныхъ соотношеній политическимъ теченіямъ. Парламентъ прежде всего раскрываетъ разницу между капиталистическимъ классомъ и буржуазіей; онъ выводитъ наружу различіе интересовъ въ самомъ капиталистическомъ классѣ и распаденіе средней и мелкой буржуазіи на группы съ особыми интересами; въ немъ и интересы крестьянства находятъ болѣе или менѣе прямой и правдивый откликъ; наконецъ, онъ становится ареной борьбы между пролетаріатомъ и капиталомъ. Мы уже раньше указали, что капиталистическое развитіе ведетъ къ распаденію буржуазныхъ фракцій; въ такихъ странахъ какъ Германія, гдѣ еще сохранились крестьянство и отчасти мелкій торговый и ремесленный классъ, это раздробленіе тѣмъ болѣе сильно. Соціаль-демократія, собирая рабочихъ вокругъ своего знамени, уничтожая индиферентизмъ массъ и отнимая избирателей у буржуазныхъ партій, еще болѣе способствуетъ разложенію и измельчанію этихъ партій. Въ особенности либеральная буржуазная оппозиція, постоянно опиравшаяся на рабочихъ, теряетъ почву подъ ногами по мѣрѣ того, какъ расширяется могущество соціаль-демократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ энергія и значеніе этой оппозиціи. Она оказывается межъ двухъ огней и естественно, памятуя свою классовую связь, стремится къ сплоченію съ партіями правой, чтобы совмѣстно съ ними бороться противъ соціаль-демократіи. Эффектъ тотъ, что соціаль-демократія все болѣе и болѣе становится единственной оппозиціонной партіей. Борясь въ парламентѣ противъ капиталистическаго характера правительственной политики, противъ эксплуататорскихъ стремленій парламентскаго большинства, противъ немощности и недобросовѣстности буржуазной оппозиціи, она не только упрочиваетъ свое положеніе среди рабочихъ, но и привлекаетъ къ себѣ демократическіе элементы со стороны. А такъ какъ къ тому же экономическое развитіе обостряетъ классовыя отношенія, то борьба между пролетаріатомъ и капиталомъ все болѣе и болѣе охватываетъ дѣятельность

парламента, всю политическую жизнь страны и становится все большимъ тормазомъ капиталистической политики государства.

Но такъ какъ парламентъ не опредѣляетъ характера государства, а самъ является опредѣляемымъ, то капиталистическій характеръ государства нисколько не измѣняется отъ парламентскаго роста соціаль-демократіи. На почвѣ этого государства возможно только законодательство, не нарушающее экономическихъ основъ капитализма. Таковъ также характеръ выше очерченной нами законодательной программы соціаль-демократіи въ буржуазномъ парламентѣ. И нельзя придумать законовъ, которые бы разрушили капиталистическій строй, покуда цѣло капиталистическое государство. Даже такія на видъ радикальныя мѣры, какъ государственная монополизація производства, на почвѣ капиталистическаго государства дѣлаютъ только государственную власть орудіемъ эксплуатаціи рабочихъ. По той же основной причинѣ весь характеръ государственной дѣятельности измѣняется, когда государственная власть оказывается въ рукахъ пролетаріата. Разъ государственная власть въ рукахъ рабочихъ, то та же государственная монополія превращается въ коллективное производство, потому что пролетаріатъ какъ классъ не можетъ быть своимъ собственнымъ эксплуататоромъ. Суть не въ измѣненіи состава парламента, а въ перераспредѣленіи политическихъ силъ страны. Но это перераспредѣленіе находитъ свое конечное выраженіе въ измѣненномъ составѣ парламента. Обыкновенно этому предшествуетъ эпоха политическихъ смутъ.

Соціаль-демократія всей своей дѣятельностью ставитъ на очередь вопросъ о *соціальной революціи*. Конечно, это не исключаетъ возможности измѣненій и отклоненій въ идейномъ выраженіи ея исторической борьбы. Бываютъ періоды усиленнаго подъема и относительнаго упадка, моменты воодушевленія, когда она поражаетъ смѣлостью своихъ плановъ, моменты депрессіи, когда кажется, что она теряется въ мелочахъ. Ея политика находится подъ вліяніемъ общаго хода историческихъ событій, экономическаго и политическаго развитія. Но характерно, что всѣ сознательныя уклоненія отъ характеризованной нами политики до сихъ поръ неминуемо терпѣли фіаско. Отклоненія влѣво вели къ чистому революціонизму и тутъ превращались въ ничто. Отклоненія вправо мало по малу подходили къ буржуазному радикализму и съ нимъ сливались. Дѣйствительно, внѣ идеи соціальной революціи существованіе соціаль-демократіи теряетъ свой смыслъ,

становится непонятнымъ ея отдѣленіе отъ демократической буржуазіи и все ея развитіе.

Какъ извѣстно, нѣмецкій образецъ политической борьбы пролетаріата нашелъ наибольшее интернаціональное распространеніе. Политика нѣмецкой соціаль-демократіи сознательно усваивается рабочими партіями другихъ странъ. Это было бы невозможно, если бы эта политика не соотвѣтствовала общимъ историческимъ задачамъ классовой борьбы пролетаріата.

Лассаль и начало соціаль-демократіи.

Вернемся къ нашему „критическому изслѣдователю".

Лассаль, этотъ *практическій* политикъ par excellence, въ изображеніи г. Прокоповича является безпочвеннымъ фантастомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ его разламываетъ на двѣ части, другъ другу противоположныя. „Рѣзкое противоположеніе реформы и революціи, отрицательное отношеніе ко всякой реформѣ — вотъ идеи, руководившія Лассалемъ. Вѣра ‚во внутреннюю необходимость развитія', совершающагося ‚подъ оболочкой чисто внѣшнихъ и матеріальныхъ условій', привела Лассаля къ соціальнополитическому радикализму, мало считающемуся съ міромъ дѣйствительности. Отнеся причину развитія на саморазвивающійся духъ народа, Лассаль былъ склоненъ игнорирорать окружающія условія. Онъ игнорировалъ игру частныхъ, индивидуальныхъ интересовъ, эту двигающую силу исторіи". Съ другой стороны: „Дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго класса могутъ, по мнѣнію Лассаля, лишь производительныя товарищества. . . . ‚Подобно Шульце', онъ стремился къ устройству отдѣльныхъ самостоятельныхъ товариществъ, а не къ государственному регулированію производства." Итакъ, Лассаль революціонеръ, абсолютно отрицающій реформы, стоитъ рядомъ съ Шульце, буржуазнымъ реформаторомъ, противъ котораго онъ ожесточенно боролся!

Что Лассаль не стремился „къ государственному регулированію производства", разумѣется только умствованіе нашего строгаго изслѣдователя. Лассаль сдѣлалъ въ своихъ разсчетахъ на продуктивныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ теоретическую ошибку. Это давно всѣмъ извѣстно. Но его ошибка именно въ томъ и состояла, что онъ думалъ посредствомъ такихъ ассоціацій дойти до „государственнаго регулированія производства". Можно въ этомъ, вмѣстѣ съ Рингомъ, видѣть отклоненіе въ сторону мѣщанскаго соціализма, но не видѣть разницы въ отношеніи Лассаля и

отношеніи Шульце къ ассоціаціямъ можетъ только „критическій изслѣдователь“, который изъ всего, напечатаннаго Лассалемъ, ничего кромѣ обложекъ не читалъ. Господинъ Прокоповичъ ссылается на Меринга. Мерингъ же говоритъ на стр. 31-й второго тома своей „Исторіи нѣмецкой Соціаль-демократіи“: „Въ вопросѣ объ ассоціаціяхъ Лассаль стоялъ на одной точкѣ зрѣнія съ Марксомъ и Энгельсомъ.“ На стр. 32-й слѣдуетъ то мѣсто, на которое ссылается нашъ авторъ: „Однако же въ этомъ вопросѣ былъ одинъ пунктъ, гдѣ Лассаль отклонялся отъ современнаго научнаго соціализма и возвращался къ представленіямъ мѣщанскаго соціализма“. На той же страницѣ Мерингъ сообщаетъ, что Лассаль воспользовался идеей ассоціаціи, чтобы дать рабочимъ нѣчто конкретное, такъ какъ не могъ раскрыть своей конечной цѣли: „устраненія собственности на капиталъ и ренту“. На стр. 33-й онъ ссылается на письма Лассаля къ Родбертусу, чтобы доказать, что Лассаль въ своихъ ассоціаціяхъ съ государственнымъ кредитомъ видѣлъ только „средство къ цѣли, къ обобществленію производства“. У Бернштейна, на котораго г. Прокоповичъ также ссылается, онъ нашелъ бы то же самое, если бы прочиталъ немножко дальше того мѣста, которое ему попалось на глаза и связи котораго онъ не понимаетъ. Онъ цитируетъ стр. 133. На стр. 136 Бернштейнъ пишетъ: „Лассаль вполнѣ сознавалъ, что ... ассоціаціи прежде всего создали бы *новое неравенство*. Именно принимая это во вниманіе, Лассаль какъ онъ и самъ постоянно утверждалъ, при изложеніи своего проекта старательно избѣгалъ слова ‚разрѣшеніе соціальнаго вопроса‘.“ На стр. 139: „Лассаль хотѣлъ обобществленія производства и средствъ производства“. Бернштейнъ указываетъ между прочимъ, что Лассаль хотѣлъ, при развитіи ассоціацій, государственой организаціи сбыта и государственной монополизаціи ренты.

Вся суть агитаціи Лассаля въ стремленіи соединить политику пролетаріата на почвѣ буржуазнаго парламентарнаго государства съ организаціей соціальной революціи. До него представленіе о соціальнореволюціонной дѣятельности пролетаріата на европейскомъ континентѣ было неразрывно связано съ представленіемъ о политической революціи; она (эта дѣятельность) только проявлялась взрывами во время этихъ общихъ катастрофъ. Внѣ этого оставалась только теоретическая пропаганда. Лассаль задумалъ создать изъ соціальнореволюціонной энергіи пролетаріата политическій факторъ и внѣ политической революціи. Поэтому въ центрѣ его агитаціи стоитъ борьба за *избирательное право*. Онъ не игнорируетъ истори-

ческаго момента политической революціи, онъ къ нему готовится, но въ основу своей тактики онъ кладетъ не политическій кризисъ, а общій ходъ государственной политики буржуазнаго общества, ведущій къ кризису, но существующій и внѣ его, обусловливающій его. Ему не принадлежитъ первенство этой идеи, она вполнѣ въ духѣ Коммунистическаго Манифеста, но онъ первый ее реально осуществилъ въ Германіи; онъ же первый положилъ основы *тактики* рабочей партіи. Краеугольными камнями этой тактики онъ поставилъ: съ одной стороны борьбу противъ *косвенныхъ налоговъ*, съ другой стороны требованіе *государственнаго кредита* для продуктивныхъ ассоціацій. Въ обоихъ случаяхъ онъ примѣнялся къ тому, что существовало, стремясь воспользоваться этимъ въ цѣляхъ классовой политики пролетаріата. Косвенные налоги въ его глазахъ не только предметъ непосредственнаго интереса для рабочихъ, но наглядное доказательство того, какъ буржуазія въ своихъ интересахъ пользуется государственной властью, откуда вытекаетъ, что рабочіе должны въ свою очередь стараться добиться государственной власти. Тотъ же пріемъ въ его отношеніи къ ассоціаціямъ. Онъ видитъ успѣхъ Шульце-Делича. И вотъ онъ выдвигаетъ идею государственнаго кредита, чтобы повернуть эту агитацію, насколько она касается рабочихъ, въ пользу завоеванія государственной власти. Лассаль такимъ образомъ отнюдь не агитировалъ за правительство, наоборотъ, онъ агитировалъ противъ правительства, онъ доказывалъ рабочимъ своей идеей государственнаго кредита необходимость *рабочаго правительства*. Государственную помощь ассоціаціямъ былъ вовсе не прочь дать и *Бисмаркъ*. Онъ ее предлагалъ черезъ рабочаго Эйхлера. Но когда онъ потомъ вошелъ въ сношенія съ Лассалемъ, этотъ требовалъ совсѣмъ другого: избирательнаго права для рабочихъ.

Бернштейнъ дѣлаетъ Лассалю упрекъ, что онъ имѣлъ идеологическое понятіе о „государствѣ“ и внѣдрилъ рабочимъ полумистическое почитаніе государства. Между прочимъ, замѣтьте это себѣ, господинъ Прокоповичъ! Но Бернштейнъ споритъ противъ слова. Гдѣ Лассаль говоритъ „государство“, нужно понимать политическую власть. Лассаль очень хорошо зналъ, что характеръ государства опредѣляется классовыми отношеніями, онъ кладетъ это въ основу всей своей аргументаціи. Онъ ждетъ осуществленія своихъ идеаловъ не отъ государства вообще, а *только* — это онъ самъ многократно повторялъ — отъ государства, которымъ правитъ пролетаріатъ.

Вспомнимъ, какъ Лассаль самъ характеризовалъ положеніе дѣлъ послѣ полученія рабочими избирательнаго права. „Тогда это требованіе (государственной помощи рабочимъ производительнымъ ассоціаціямъ въ ихъ борьбѣ противъ капиталистическаго производства) будетъ поднято въ законодательныхъ собраніяхъ, тогда будутъ пожалуй обсуждаться *границы* и *формы*, и *средства* этого вмѣшательства, тогда — вы можете на это положиться — будутъ стоять на вашей сторонѣ люди, вооруженные свѣтлымъ оружіемъ науки, понимающіе ваше положеніе, преданные вашему дѣлу и знающіе, какъ защитить ваши интересы! И тогда вы, неимущіе классы общества, уже во всякомъ случаѣ должны будете приписать себѣ самимъ, своему скверному выбору, если представители вашихъ интересовъ надолго останутся въ меньшинствѣ. Итакъ общее и прямое избирательное право, какъ оказывается, не только вашъ политическій, но и вашъ соціальный основной принципъ, коренное условіе всякой соціальной помощи. Это единственное средство улучшить матеріальное положеніе рабочаго сословія."

Такъ оно и вышло. Избранные пролетаріатомъ представители отбросили вскорѣ идею ассоціацій, какъ неподходящее средство и замѣнили ее *фабричнымъ законодательствомъ* въ связи съ открытымъ требованіемъ *обобществленія средствъ производства*. Это было совершенно въ духѣ программы Лассаля.

Лассаль, конечно, не былъ противникомъ фабричнаго законодательсва. Онъ вообще радовался каждому законодательному требованію, въ которомъ проявлялось классовое самосознаніе пролетаріата. Борьба Лассаля съ прогрессистами изъ-за производительныхъ ассоціацій была борьбой *принципіальной*: борьбой изъ-за того, должна ли государственная власть вмѣшиваться въ отношенія между капиталистами и рабочими, или нѣтъ. Весь споръ Лассаля съ прогрессистами сводился къ одному: быть или не быть самостоятельной рабочей партіи, съ практической программой дня, съ революціоннымъ идеаломъ будущаго. И онъ создалъ эту партію. Соціаль-демократія только развила и исправила тѣ основы, которыя положилъ Лассаль.

Но именно отдѣленіе отъ прогрессистовъ господину Прокоповичу и не нравится. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, Лассаль только помогъ реакціи. Это значитъ, нашъ безпристрастный изслѣдователь повторяетъ, не провѣривъ, клевету, выдуманную прогрессистами. Оппозиція прогрессистовъ рухнула, потому что она не имѣла исходнаго пункта и потому что вся ея опора была въ избирательномъ цензѣ, дававшемъ бур-

жуазіи большинство въ ландтагѣ. Чтобы поддержать прогрессистовъ, рабочіе должны были бы отказаться не только отъ собственной политики, но и отъ избирательнаго права, отъ политической дѣятельности вообще. Прогрессисты держались цѣпко за цензъ, а рабочихъ даже не хотѣли допустить въ свои организаціи. Каковъ былъ бы результатъ, если бы рабочіе себя политически кастрировали? Бисмаркъ все же провелъ бы всю свою программу. Чѣмъ могли ему помѣшать прогрессисты? Они говорили страшныя слова, но о революціи такъ же мало думали, какъ о привлеченіи рабочихъ массъ къ активной политикѣ. Поэтому-то Бисмаркъ и могъ хладнокровно смотрѣть на ихъ политическія потуги. А затѣмъ, такъ или иначе, австрійская война положила бы конецъ радомонтадѣ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ. И что же дальше? Тутъ незачѣмъ пускаться въ спекуляціи, конкретные факты показываютъ результатъ развитія. Въ прусскомъ ландтагѣ нѣтъ соціаль-демократіи, въ рейхстагѣ соціаль-демократія. Но куда же дѣвалось либеральное большинство ландтага? Исчезло, стерто, и не путемъ продолжительнаго развитія, а сейчасъ же послѣ австрійско-нѣмецкой войны.

Либеральная буржуазія прямо оттолкнула отъ себя рабочихъ. Но если бы даже этого не было, рабочіе не могли бы съ ней идти вмѣстѣ, потому что ея путь велъ къ — національлиберализму. И вотъ, послѣ того какъ нѣмецкій либерализмъ у всѣхъ на глазахъ 20 лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Бисмарка, господинъ Прокоповичъ, критически изслѣдуя, преподноситъ публикѣ старую ложь, будто Лассаль игралъ въ руку Бисмарку!

Лассаль хотѣлъ воспользоваться конфликтомъ между прогрессистами и правительствомъ Бисмарка, чтобы добиться избирательнаго права для рабочихъ. Если бы ему это удалось, то общее теченіе политики, конечно, не измѣнилось бы, но, внѣ всякаго сомнѣнія, прусскій ландтагъ носилъ бы въ наши дни несравненно болѣе демократическій характеръ! Вотъ какъ Лассаль служилъ реакціи.

И вообще-то Лассалю незачѣмъ было политикой заниматься, по мнѣнію г. Прокоповича. Рано еще было, обстоятельства не созрѣли. Доказываетъ онъ это тѣмъ же скоропалительнымъ способомъ, какимъ сочинилъ экономическій строй домартовской Германіи. Всякій, кто какъ нибудь словомъ обмолвился объ относительно недостаточномъ капиталистическомъ развитіи Германіи, является въ этомъ „критическомъ изслѣдованіи“ лжесвидѣтелемъ въ пользу того, что агитація Лассаля была не ко времени. Напримѣръ, Ме-

рингъ, хотя онъ начинаетъ свое изложеніе агитаціи Лассаля словами: „Вслѣдствіе быстраго прогресса нѣмецкой индустріи со времени мартовской революціи произошли большія измѣненія въ рабочихъ классахъ.“ Въ томъ мѣстѣ, на которое нашъ авторъ ссылается, Рингъ говоритъ, что, именно благодаря недоразвитости капиталистическаго общества, теоретически не вполнѣ безупречная агитація Лассаля имѣла „сильное вліяніе“, т. е. какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ г. Прокоповичъ. Или же, Парвусъ указываетъ на то, что индустріальное производство на внѣшній рынокъ въ Германіи сравнительно недавно получило экономическій перевѣсъ — ergo, агитація Лассаля была преждевременна. Но штучку уже совсѣмъ особаго рода позволилъ себѣ г. Прокоповичъ по отношенію къ Либкнехту. Онъ утверждаетъ, будто Либкнехтъ потому отсталъ отъ Лассаля, что считалъ капиталистическія отношенія еще недостаточно развитыми для соціалистическаго движенія, и что онъ поэтому присталъ къ „лѣвому крылу прогрессистовъ“, и добавляетъ: „Именно такъ объясняетъ свое поведеніе самъ Либкнехтъ.“ Ничего подобнаго Либкнехтъ никогда не говорилъ, а говорилъ какъ разъ наоборотъ. Либкнехтъ никогда не былъ въ „лѣвомъ крылѣ прогрессистовъ“; онъ присталъ къ „Саксонской Народной Партіи“, ничего общаго съ прусскими прогрессистами не имѣвшей, чтобы обратить составлявшихъ ее рабочихъ въ соціализмъ, что ему, какъ извѣстно, съ блестящимъ успѣхомъ удалось. Онъ присталъ было къ Лассалю изъ-за оппозиціи противъ прогрессистовъ; онъ отсталъ отъ него помимо прочаго потому, что ему самъ Лассаль въ нѣкоторыхъ вопросахъ показался зараженнымъ „прогрессистски-демократическими“ тенденціями. Послѣднее, со словъ самого Либкнехта, нашъ добросовѣстный историкъ могъ прочитать у Рингa, т. II стр. 77. Но зачѣмъ читать цѣлыхъ 77 страницъ капитальнаго труда? Чтобы получить цитаты, достаточно перелистовать. Вся суть въ томъ, чтобы, отбросивъ теоретическія предпосылки, брать какъ разъ то, что нравится, ничего другого не замѣчать, а все остальное сочинять. Оно и скоро, и споро.

Одна изъ причинъ могучаго развитія нѣмецкой соціаль-демократіи несомнѣнно та, что нѣмецкіе рабочіе относительно рано сорганизовались въ самостоятельную политическую партію съ соціальнореволюціонной программой. Она, конечно, этимъ самымъ подорвала значеніе буржуазнаго либерализма, еще болѣе — мѣщанской демократіи и прижала обоихъ къ стѣнѣ. Но она подняла на ноги, спло-

тила, пробудила къ политической жизни массы рабочихъ, которыя безъ того остались бы внѣ политики, равнодушныя и апатичныя. А это гораздо большій оплотъ политической свободы и демократіи, чѣмъ какой могло бы дать даже либеральное большинство въ парламентѣ. За примѣромъ недалеко ходить: прогрессисты и прусскій конфликтъ! Ужъ не говоря о соціальной революціи, то обстоятельство, что въ Германіи организованный пролетаріатъ стоитъ на стражѣ конституціи, дѣло соціаль-демократіи, дѣло Лассаля.

Соціаль-демократія и революціонизмъ.

Если Лассаль въ глазахъ господина Прокоповича двоится, то соціаль-демократія разскакивается во всѣ стороны. Тутъ — одна безпорядочность, непрактичность, недозрѣлость. Вообще все, что подходитъ подъ линеечку нашего „критическаго наслѣдователя", занятую имъ у Бернштейна, то созрѣло; что не подходитъ, объясняется недостаточнымъ развитіемъ капитализма. Ошибочны исходные пункты соціаль-демократіи, ошибочна ея конечная цѣль, вся ея теорія ненаучна — въ ней нѣтъ ни „грана" научности. И посреди всего этого недоразвитія, недомыслія, незрѣлости, противорѣчій и чепухи соціаль-демократія все растетъ да растетъ. И зачѣмъ растетъ, опять таки неизвѣстно. Потому что условія для соціальной революціи — не созрѣли, да никогда и не созрѣютъ! Вся соціаль-демократія сплошная ошибка. Должна бы она быть буржуазной демократической партіей. Развилась она совсѣмъ не въ ту сторону. Перепутала старушка исторія дороги. Теперь назадъ ворочаться придется, въ лоно буржуазіи. И г. Прокоповичъ сочиняетъ обратное движеніе.

Читатель знаетъ, что суть соціаль-демократической тактики въ синтезѣ реформизма и революціонизма, въ томъ, чтобы самыя реформы на почвѣ капиталистическаго общества обратить въ средство соціальнореволюціонной агитаціи. Кто не далъ себѣ труда вникнуть въ эту связь, разумѣется вездѣ будетъ видѣть одни противорѣчія.

Начать съ разницы между тактикой и принципомъ. Тактика примѣняется къ обстоятельссвамъ. Г. Прокоповичъ отсюда умозаключаетъ, что принципъ отрѣзывается, какъ лишній ломоть. Ничуть не бывало! Тактика, примѣняясь къ каждодневно мѣняющимся обстоятельствамъ, все же самой практикой приводитъ — къ принципу, доказываетъ вѣрность общаго исходнаго пункта. Какъ бы Вамъ это объяснить, господинъ Прокоповичъ? Если изъ Петербурга пойти пѣшкомъ въ Выборгъ, то надо идти на сѣверо-

западъ. Это принципъ, дающій направленіе. Но по дорогѣ встрѣтятся разныя препятствія: придется идти узаконеннымъ путемъ, ибо черезъ заборы перелѣзать невсегда возможно, путь быть можетъ не разъ отклонится въ сторону, придется на холмы взбираться, рѣки переплывать, обходить трясины, а иной разъ и тяжелый возъ встрѣтится, заставляющій свернуть въ сторону, да и мало ли еще что. Всего этого, съ точки зрѣнія исходнаго и конечнаго пункта, нельзя знать заранѣе, нужна тактика, примѣняющаяся къ обстоятельствамъ. Сталъ ли излишнимъ отъ этого принципъ? А вотъ попробуйте пойти въ другую сторону, и никогда вы въ Выборгъ не попадете, или же попадете, только обошедши раньше весь земной шаръ.

Нужно ли разъяснять такого рода „противорѣчія“, какъ напримѣръ то, что соціаль-демократія, требуя реформъ, не ждетъ отъ нихъ серьезныхъ измѣненій въ классовыхъ отношеніяхъ, не удовлетворяется ими, или что она въ своей ближайшей законодательной программѣ считается съ тѣмъ, что осуществимо въ буржуазномъ обществѣ, а не съ тѣмъ, за что данное буржуазное большинство парламента сейчасъ же готово было бы голосовать? Послѣднее, между прочимъ, свойственно не только соціаль-демократіи, но и всякой оппозиціонной партіи съ серьезными интересами. Только оппозиція чисто формальная и безцвѣтная, какъ нѣмецкій національ-либерализмъ, превращаетъ примѣненіе къ условіямъ въ ту тактику, которую нашъ сатирикъ назвалъ „примѣнительно къ подлости“. А г. Прокоповичъ не понимаетъ!

Разорвавъ связь между реформизмомъ и революціонизмомъ соціаль-демократіи, конечно, не трудно приписывать ей тенденцію въ сторону реформизма, или въ сторону безпочвеннаго революціонизма — какъ вздумается. Дѣло это очень простое, а господинъ Прокоповичъ и его упростилъ. Поймалъ на лету изъ происходившихъ въ послѣднее время среди соціаль-демократіи преній нѣсколько именъ, списалъ на бумажку и съ этимъ листкомъ въ рукахъ производитъ распредѣленіе фактовъ: все то, за что выступаютъ Ауэръ, Фольмаръ, Шиппель, а тѣмъ паче Бернштейнъ, это реформизмъ и соотвѣтствуетъ развившимся условіямъ; а остальные въ сущности тоже реформисты, только они этого не знаютъ, не поняли самихъ себя. И вообще, съ развитіемъ соціаль-демократіи ея революціонизмъ все болѣе уступаетъ мѣсто реформизму.

Посмотримъ! Первымъ шагомъ соціаль-демократіи къ реформизму была, по мнѣнію господина Прокоповича, ея поддержка профессіональной борьбы. Читатель знаетъ, что само

профессіональное движеніе есть классовая борьба и ведетъ къ организаціи соціальнореволюціонной партіи. Но помимо этого, какъ же это такъ, вѣдь профессіональное движеніе рабочихъ нѣмецкая соціаль-демократія поддерживаетъ съ самаго своего существованія, только эпигоны Лассаліанизма относились къ нему недовѣрчиво, такъ какое же тутъ *развитіе* къ реформизму? Но какъ объяснить слѣдующее: когда въ началѣ 90-хъ годовъ настроеніе соціаль-демократіи — но, конечно, только настроеніе — было не особенно расположено къ профессіональной борьбѣ, наиболѣе рѣзкимъ выразителемъ его на Кельнскомъ конгрессѣ явился кто же? *Ауэръ*. Выходитъ, что Ауэръ отъ реформизма дошелъ до чистаго революціонизма!

Имя Ауэра въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ таки уже скверным образомъ сбиваетъ съ толку нашего „критическаго изслѣдователя". Понадѣявшись на то, что Ауэръ былъ въ Берлинѣ референтомъ по вопросу объ ассоціаціяхъ и составилъ принятую тогда резолюцію, онъ утверждаетъ, что это было „сочувственное устройству производительныхъ товариществъ постановленіе". А было какъ разъ наоборотъ, эта была самая рѣзкая резолюція противъ производительныхъ ассоціацій, которую партія когда либо приняла. Уже цитируемое господиномъ Прокоповичемъ мѣсто говоритъ въ сущности противъ него, но непосредственно за этимъ въ резолюціи значится: „А затѣмъ члены партіи должны *противиться* устройству ассоціацій и въ особенности бороться противъ представленія, будто ассоціаціи въ состояніи повліять на капиталистическія условія производства, улучшить классовое положеніе рабочихъ, устранить или смягчить политическую или профессіональную борьбу рабочихъ". Вообще Ауэръ въ Берлинѣ въ 1892 году выступилъ самымъ узкимъ доктринеромъ. Мы готовы повѣрить г. Прокоповичу, что онъ рѣчи Ауэра не читалъ, но какъ же онъ пропустилъ такія ясныя слова резолюціи, непосредственно слѣдующія за его цитатой? Чтобы не предположить худшаго, предполагаю, что онъ не читаетъ по нѣмецки.

И не знаетъ нашъ историкъ очевидно также и того, что Ауэръ былъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ крестьянской программы. Въ Бреславлѣ Ауэръ, правда, не взялъ слова, но съ тѣмъ большей ясностью высказалъ свое мнѣніе за годъ до того въ Франкфуртѣ, противъ Фольмара.

О голосовкѣ въ Франкфуртѣ нашъ историкъ между прочимъ сообщаетъ невѣрное свѣдѣніе. Онъ говоритъ, что

противъ Фольмара высказалось только 103 голоса изъ 234. Въ такомъ случаѣ, очевидно, была бы принята резолюція Фольмара. На самомъ дѣлѣ выставленная партіей Фольмара резолюція провалилась, потому что получила только 93 голоса противъ 142. Резолюція противной стороны разстроилась изъ за формальнаго несогласія: 38 человѣкъ хотѣло болѣе мягкой формы осужденія тактики Фольмара — этимъ воспользовалось меньшинство, чтобы искуснымъ маневромъ аннулировать голосовку.

Уже самая постановка вопроса объ агитаціи среди сельскаго населенія, признаніе, что соціаль-демократія не есть только партія индустріальныхъ рабочихъ, по мнѣнію г. Прокоповича, стало возможно только въ послѣднее время, какъ результатъ реформизма. И не знаетъ онъ того, что уже базельскій конгрессъ „Интернаціональной Ассоціаціи Рабочихъ“ выставилъ аграрную программу, которую Энгельсъ потомъ подробнѣе развилъ въ предисловіи къ „Крестьянской Войнѣ“, и что уже въ 70-тыхъ годахъ вопросъ о сельской агитаціи разбирался въ соціаль-демократической прессѣ.

Мы не требуемъ отъ господина Прокоповича, чтобы ему были извѣстны подробности о сельской агитаціи нѣмецкой соціаль-демократіи. Но такъ какъ онъ приводитъ данныя о выборахъ 1898-го года, то долженъ былъ бы знать, что во всѣхъ крестьянскихъ округахъ Баваріи — поле дѣятельности Фольмара — соціаль-демократія потеряла голоса и что, наоборотъ, большой, поразившій всѣхъ ростъ числа голосовъ произошелъ среди сельскаго пролетаріата восточной Пруссіи. Таково „критическое“ отношеніе нашего необремененнаго теоретическими предпосылками изслѣдователя къ фактамъ. Какъ онъ оперируетъ съ цитатами, мы также знаемъ. Неудивительно поэтому, что всякій, кто какъ-нибудь высказывался за необходимость расширенія практической дѣятельности соціаль-демократіи, фигурируетъ въ книжкѣ господина Прокоповича какъ реформистъ.

Партія растетъ и расширяетъ свою дѣятельность. Съ новыми силами возникаютъ новыя возможности, ихъ обсуждаютъ. Съ какой точки зрѣнія? Да именно съ точки зрѣнія связи между каждодневной политикой и революціонными задачами классовой борьбы пролетаріата. Бываютъ ошибки въ ту или другую сторону. Приходится вѣдь оцѣнивать квантитативныя отношенія, предугадывать настроеніе массъ, ихъ воспріимчивость, тактику противниковъ и т. п. Въ общемъ соціаль-демократія постоянно гораздо охотнѣе готова была пренебречь успѣхомъ дня, чѣмъ поставить на карту соціально-

революціонное самосознаніе рабочихъ массъ. Поэтому всякій разъ, когда достигнутъ былъ новый этапъ въ развитіи могущества партіи, она съ необычайной осторожностью, съ величайшимъ недовѣріемъ подходила къ новой ситуаціи и медлила ею воспользоваться. Въ этомъ какъ нельзя болѣе высказывается политика экономически угнетеннаго класса, который противъ всего на сторожѣ. Это особенно ярко сказалось въ вопросѣ о прусскомъ ландтагѣ.

Когда соціаль-демократія была численно ничтожной партіей, ея участіе въ выборахъ при прусской трехклассной системѣ могло бы привести только къ полной неудачѣ и къ деморализаціи массъ. Положеніе измѣнилось, когда въ рядахъ соціаль-демократіи оказались милліоны. Но все же партія недовѣряла своимъ силамъ. Она не была увѣрена, удастся ли ей поднять массы на ноги при *открытой* баллотировкѣ и удастся ли достать необходимые при косвенныхъ выборахъ нѣсколько тысячъ „выборщиковъ второго порядка“ (Wahlmänner), которые, разумѣется, явились бы мишенью для нападокъ „юнкеровъ“ и правительственныхъ органовъ. Въ этомъ лежалъ центръ тяжести вопроса. Что касается принципіальной стороны, то, вѣдь, соціаль-демократія при каждой перебаллотировкѣ голосуетъ не только за свободомыслящихъ, но и за ультрамонтановъ, и за либераловъ. Въ Кельнѣ вопросъ еще не имѣлъ такого актуальнаго интереса. Но когда въ Саксоніи измѣнили выборное право на прусскій манеръ, когда направленный противъ соціаль-демократіи законопроектъ, провалившійся въ рейхстагѣ, чуть было не былъ принятъ въ прусскомъ ландтагѣ — недоставало только 6 голосовъ — то на дѣло посмотрѣли другими глазами. И то еще рѣшились вначалѣ только на экспериментъ. Не станемъ передавать подробностей. Укажемъ только на то, что среди самихъ приверженцевъ участія въ выборахъ было два направленія. Ауэръ (который въ Кельнѣ еще былъ противъ) предлагалъ, чтобы уже при основныхъ выборахъ, т. е. выборахъ „выборщиковъ второго порядка“, голосовать за свободомыслящихъ. Другая сторона требовала при основныхъ выборахъ самостоятельныхъ кандидатуръ, мотивируя это тѣмъ, что только подъ знаменемъ соціаль-демократіи можно поднять массы; а „выборщики второго порядка“ должны потомъ поддерживать крайнюю лѣвую ландтага. Практика при выборахъ 1898-го года показала вполнѣ справедливость разсужденія, и конгрессъ въ Майнцѣ окончательно установилъ эту тактику, которую съ самого начала защищала Sächsische Arbeiterzeitung въ Дрезденѣ.

Краткій эпилогъ.

Мы не станемъ останавливаться на теоретическомъ изничтоженіи научнаго соціализма, предпринятомъ господиномъ Прокоповичемъ. Отрицая въ пику марксизму самый *фактъ* капиталистическаго перепроизводства, и это наканунѣ промышленнаго застоя, когда фабриканты закрываютъ фабрики или сокращаютъ рабочіе часы, не находя сбыта для произведеннаго товара, онъ вполнѣ наглядно побиваетъ самого себя. Замѣтить надо, что его цитата изъ „Эрфуртской Программы" Каутскаго, цитата, говорящая объ общемъ противопоставленіи расширенія капиталистическаго производства „сокращенію" капиталистическаго рынка — фальсификатъ. Каутскій говоритъ только о возможномъ сокращеніи рынка *европейской индустріи* подъ вліяніемъ американской, австралійской etc. конкурренціи. Существованія арміи безработныхъ г. Прокоповичъ почему-то не рѣшается отрицать. Разумѣется, такъ какъ марксизмъ во что бы то ни стало долженъ оказаться неправымъ, то, по мнѣнію г. Прокоповича, хотя вопросъ о безработныхъ до сихъ поръ на капиталистической почвѣ и не разрѣшенъ, но — будетъ разрѣшенъ. На этотъ разъ мы готовы сдѣлать всѣмъ практикамъ соціальной реформы пріятный сюрпризъ: вопросъ о безработныхъ *уже* разрѣшенъ. Во всей Германіи всякій, не имѣющій работы и средствъ къ жизни, не только имѣетъ право на государственную поддержку, но обязанъ принять ее, даже если бы не хотѣлъ ея. Очевидно, государство не желаетъ принять на себя отвѣтственности за голодную смерть. Итакъ, государство собираетъ безработныхъ, даетъ имъ пищу и кровъ и, чтобы поставить все это на раціональную почву, даетъ имъ также работу. Эта помощь государства называется *рабочимъ домомъ*, котораго безработные избѣгаютъ какъ чумы. Вопросъ о безработицѣ капитализмъ разрѣшаетъ рабочимъ домомъ, какъ вопросъ о преступленіи тюрьмой, вопросъ о проституціи домомъ терпимости, вопросъ о чрезмѣрной смертности расширеніемъ кладбищъ.

Читатель на основаніи нашей схемы рабочаго движенія безъ труда и самъ раскроетъ конструированныя господиномъ Прокоповичемъ, или перенятыя имъ у другихъ, противорѣчія между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ, между болѣе или менѣе скверно оплаченными слоями рабочихъ и т. п.

Конечно, господинъ Прокоповичъ самъ по себѣ не стоилъ бы того, чтобы имъ заняться — мало ли кто чего напутаетъ. Но онъ интересенъ не какъ индивидуумъ, онъ интересенъ

какъ типъ. И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что русскій человѣкъ не только что шапку, но и мозги носитъ на бекрень. Вотъ попадаетъ этакой-то „съ мозгами на бекрень“ заграницу, въ Германію, побываетъ на нѣсколькихъ собраніяхъ, почитаетъ газеты, книжки, толкомъ не разберется, нахватается модныхъ фразъ, и пошелъ чудить! Господинъ Прокоповичъ изъ всей той кучи книгъ, которую цитируетъ, и одной порядкомъ не прочиталъ. Хоть и дѣлаетъ видъ, будто стремится къ высшей объективности, намѣренъ считаться только съ фактами, но на самомъ дѣлѣ онъ фактовъ не изучалъ, а выкраиваетъ ихъ съ точки зрѣнія немудреныхъ теоретическихъ предпосылокъ, которыя захватилъ у Бернштейна: соціализмъ туманная будущность, въ которой никакой чертъ не разберется. Вся суть въ практической дѣятельности настоящаго. Между прочимъ, онъ такимъ образомъ безсознательно совершилъ интересный экспериментъ: примѣнилъ тактику Бернштейна къ прошлому. И вотъ соціаль-демократія въ самихъ своихъ исходныхъ пунктахъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи оказалась ошибкой. Но такъ какъ соціаль-демократія историческій фактъ, то этимъ очевидно только доведена до абсурда и тактика Бернштейна. Оказалось, что съ этой точки зрѣнія соціаль-демократію понять нельзя. Г. Прокоповичъ разумѣется, этого не понимаетъ и не замѣчаетъ. Заломивъ шапку на бекрень, онъ выбиваетъ трепака по рабочему вопросу.

Не всѣ господа Прокоповичи попадаютъ въ литературу. Дѣло случая. Но въ литературѣ ли, въ жизни ли, всѣ они имѣютъ одну общую черту хлесткости, основанной на узости — какъ хлестокъ и узокъ щелкающій кнутъ, хлесткости, основанной на органической неспособности видѣть болѣе чѣмъ одну сторону явленія. Въ ихъ недомысліи лежитъ ихъ самоувѣренность. Они не ломаютъ своей головы надъ сложными вопросами, они все разрѣшаютъ просто и скоро. Не понимая вѣковой работы философской мысли („теоріи“), они относятся къ ней съ злобствующимъ озорничествомъ. Они всегда были и будутъ, и носятся надъ поверхностью общественной жизни, какъ комары лѣтнимъ вечеромъ надъ рѣкой, такіе же жужжащіе и назойливые. Направленіе? Его опредѣляетъ дуновеніе вѣтра! Сегодня реформизмъ, завтра анархизмъ. Именно благодаря своей легковѣсности они являются хорошими показателями поверхносныхъ теченій, но ужъ, разумѣется, не направленія рѣкъ и движенія водъ морскихъ.

П. Молотовъ.

Нѣсколько словъ

о послѣднемъ парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ.

(Открытое письмо къ товарищамъ, приславшимъ мнѣ полномочіе:)

Товарищи!

Вы поручили мнѣ представлять васъ на парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ. Искренно благодаря васъ за оказанное мнѣ довѣріе, я считаю своей обязанностью сообщить вамъ, какъ относился вашъ уполномоченный к.. тому, *что* тамъ происходило, и объяснить, *почему* онъ относился къ происходившему именно такъ, а не иначе.

Начну съ перваго засѣданія, происходившаго 23-го сентября. Въ этомъ засѣданіи делегаты разныхъ странъ, привѣтствуя конгрессъ отъ имени своихъ партій, много распространялись о значеніи единства и настоятельно совѣтовали французскимъ соціалистамъ объединиться для совмѣстной борьбы съ общимъ врагомъ. Идея единства такъ сильно увлекла нѣкоторыхъ ораторовъ, что сдѣлала ихъ неразборчивыми въ выборѣ доводовъ и примѣровъ. Такъ, краснорѣчивый представитель Бельгіи, Эмиль Вандервельдъ, сослался на примѣръ „тѣхъ, которые въ 1798-мъ году несли знамя революціи", и которымъ разногласія не помѣшали идти вмѣстѣ противъ непріятеля. „Соціалисты 1900-го года — воскликнулъ ораторъ, — неужели вы не въ состояніи сдѣлать то, что сдѣлали буржуа 1798-го года?" Эти слова вызвали цѣлую бурю рукоплесканій. Но мнѣ они тогда же показались странными. Въ самомъ дѣлѣ, 1798-й годъ ознаменовался жесточайшей борьбой *Горы* съ *Жирондой*. Если эта борьба не помѣшала французскимъ революціонерамъ дать хорошій отпоръ общему врагу, то это значитъ, что объединеніе революціонеровъ *не составляетъ необходимаго условія ихъ успѣха*. А если припять во вниманіе еще и то, что побѣда монтаньяровъ надъ жирондистами *удесятерила силу сопротивленія революціонной фракціи*, а примиреніе этихъ двухъ партій напѣрпое очень ослабило бы ее, то выходитъ, что въ революціонномъ дѣлѣ *добрая ссора иногда бываетъ лучше худого мира, и что объединеніе революціонныхъ силъ полезно не всегда, а только при извѣстныхъ условіяхъ*, — выводъ прямо-противоположный тому, къ которому хотѣлъ придти Вандервельдъ!...

Кто проповѣдуетъ объединеніе, тотъ не долженъ ограничиваться общими соображеніями объ его преимуществахъ, а долженъ внимательно изслѣдовать тѣ конкретныя условія, при которыхъ приходится дѣйствовать борющимся сторонамъ. Когда выяснятся эти условія, тогда само собою обнаружится *то, что является препятствіемъ для объединенія*, и тогда его сторонникамъ и проповѣдникамъ останется только *устранить это препятствіе*, чтобы положить прочное начало прочнаго мира. Если же они, по той или по другой причинѣ, не пожелаютъ взять на себя трудъ устраненія того, что мѣшаетъ единству, и ограничатся однѣми рѣчами на тему о вредѣ ссоръ и о прелестяхъ взаимной любви, то они въ лучшемъ случаѣ ровно ничего не сдѣлаютъ для объединенія, какъ бы ни были сильны и красивы ихъ рѣчи.

Эти мысли быстро промелькнули въ моей головѣ, когда я слушалъ сильную и красивую рѣчь Вавдервельда. И такъ какъ ни этотъ ораторъ и никто другой изъ проповѣдниковъ единства не коснулся истинныхъ причинъ разлада, существующаго во французской соціалистической средѣ, и не выразилъ намѣренія содѣйствовать ихъ *устраненію*, то я, — не желая вносить диссонансъ въ примирительное созвучіе, а съ другой стороны находя излишнимъ пускаться въ общія разсужденія о вредѣ раздоровъ, — рѣшился вовсе не касаться этой интересной темы, и когда очередь дошла до меня, я, въ своемъ привѣтствіи конгрессу, ограничился указаніемъ на положеніе дѣлъ у насъ въ Россіи, гдѣ русскія и еврейскія рабочія организаціи идутъ подъ однимъ знаменемъ на завоеваніе лучшаго будущаго, смѣло отражая удары того правительства, свирѣпый деспотизмъ котораго позоритъ весь цивилизованный міръ.*)

На засѣданіяхъ международныхъ конгрессовъ предсѣдательствуютъ, обыкновенно, по очереди представители различныхъ странъ, выбираемые изъ членовъ „*бюро*“, въ которомъ участвуетъ по два делегата отъ каждой, представленной на конгрессѣ національности. Но на *первомъ* засѣданіи предсѣдательствуетъ одинъ изъ делегатовъ той страны, въ которой конгрессъ имѣетъ мѣсто и на обязанности соціалистовъ которой лежатъ многоразличныя хлопоты, связанныя съ его созваніемъ. На первомъ засѣданіи парижскаго международнаго конгресса 1900-го года предсѣдательствовалъ Жорэсъ, выбранный на этотъ постъ большинствомъ французской делегаціи, несмотря на энергичное и страстное сопротивленіе „*гэдистовъ*“ и „*бланкистовъ*“. „Гэдисты“ и „бланкисты“ утверждали, что лица, желавшія выбрать Жорэса на постъ предсѣдателя, оказались въ большинствѣ только благодаря случайному недоразумѣнію. Сторонники Жорэса оспаривали это, доказывая, что никакого недоразумѣнія тутъ не могло быть и не было. Я не стану разбирать, кто говорилъ правду — хотя и думаю, что говорили ее не жорэсисты, — но замѣчу, что во всякомъ случаѣ выборъ Жорэса на предсѣдательское мѣсто совершился *противъ воли самыхъ испытанныхъ и самыхъ надежныхъ соціалистическихъ организацій Франціи*. При этихъ условіяхъ Жорэсу, этому барду „объединенія“, было бы, разумѣется, лучше отказаться отъ предсѣдательства. Онъ не сдѣлалъ этого. Допустимъ, что формальное право было на его сторонѣ. Но когда иностранные делегаты, немедленно по открытіи конгресса, начали превозносить объединеніе, то ихъ рѣчи, вѣроятно, противъ желанія огромнаго большинства изъ нихъ, звучали какъ порицаніе тѣхъ, — повторяю, *самыхъ испытанныхъ и самыхъ надежныхъ*, — французскихъ соціалистовъ, которые, за нѣсколько минутъ до того, энергично и шумно протестовали противъ выбора Жорэса предсѣдателемъ. Это было и не ловко, и несправедливо въ одно и то же время.

Я не сталъ бы распространяться объ этомъ, если бы проповѣдь объединенія, не совсѣмъ умѣстная при указанныхъ обстоятельствахъ, не была въ моихъ глазахъ психологическимъ симптомомъ, объясняющимъ отношеніе большинства членовъ конгресса къ стоявшимъ передъ нимъ спорнымъ вопросамъ.

Самымъ важнымъ и самымъ жгучимъ изъ этихъ спорныхъ вопросовъ былъ, какъ извѣстно, вопросъ *о завоеваніи политической власти* соціали-

---

*) Отъ Россіи явилось на парижскій конгрессъ *24* делегата: больше, чѣмъ отъ Австріи (13), Италіи (16), Швейцаріи (10), Голландіи(9) и т. д. Не скрою отъ васъ, товарищи, что это обстоятельство вызвало шутливыя замѣчанія, къ которымъ россійской соціаль-демократіи не слѣдовало бы подавать поводъ.

стическимъ пролетаріатомъ и о союзѣ этого пролетаріата съ буржуазными партіями. Присутствовавшіе на конгрессѣ делегаты различно смотрѣли на этотъ вопросъ, но едва-ли былъ между ними хотя одинъ, который не предвидѣлъ бы наперед, что именно вокругъ этого вопроса завяжется самая горячая борьба, и что именно онъ привлечетъ къ себѣ самое главное, самое напряженное вниманіе конгресса.

Чѣмъ же обусловливалось такое выдающееся его значеніе? Нѣкоторые говорятъ, что оно обусловливалось участіемъ соціалиста Милльрана въ буржуазномъ министерствѣ Вальдэка-Руссо. Это не точно. Вопросъ о завоеваніи политической власти соціалистическимъ пролетаріатомъ несомнѣнно очень обострился, благодаря вступленію Милльрана въ названное министерство. Но необходимость его пересмотра сознавалась соціалистами разныхъ странъ *раньше*, чѣмъ Милльранъ принялся спасать французскую республику въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ кровожаднымъ солдатомъ Галлифэ, прославившимся своею истинно-варварскою жестокостью при подавленіи Парижской Коммуны. Милльранъ вступилъ въ министерство *22-го іюня 1899-го года*, а между тѣмъ уже *въ маѣ этого года*, на международной соціалистической конференціи въ Брюсселѣ рѣшено было, по моему предложенію, занести вопросъ о завоеваніи власти пролетаріатомъ въ число вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію на предстоявшемъ конгрессѣ. Ясно, стало быть, что *независимо* отъ появленія Милльрана въ ненужномъ мѣстѣ (какъ сказалъ бы Герценъ) и *раньше* его у соціалистовъ разныхъ странъ накопилось достаточно поводовъ для того, чтобы снова спросить себя: *Какія же именно политическія цѣли долженъ ставить передъ собою пролетаріатъ, борющійся за свое экономическое освобожденіе?*

И кто слѣдилъ за соціалистической литературой послѣднихъ лѣтъ, тотъ знаетъ, въ чемъ состояли эти поводы. Послѣдніе годы ознаменовались появленіемъ въ этой литературѣ новаго, *„критическаго“* направленія представители котораго утверждали, что движеніе *все*, а конечная цѣль *ничто*, и настоятельно совѣтовали соціальной демократіи покинуть всякую мысль о революціонномъ способѣ дѣйствій и превратиться въ мирную *партію соціальной реформы*. Въ своемъ логическомъ развитіи это *„новое“* ученіе неизбѣжно должно было повести къ пересмотру понятія о политическихъ задачахъ рабочаго класса и къ попыткамъ устраненія изъ него всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые оказались бы несоотвѣтствующими „новому курсу“.

Предлагая брюссельской международной конференціи поставить на очередь вопросъ о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ,*) я хотѣлъ заставить „критиковъ“ высказать свою мысль до конца и тѣмъ самымъ обнаружить ея истинное содержаніе. То же намѣреніе имѣли, если я не ошибаюсь, и поддержавшіе мое предложеніе делегаты нѣкоторыхъ другихъ странъ, съ Либкнехтомъ во главѣ.

Къ сожалѣнію, парижскій конгрессъ 1900-го года не далъ въ этомъ отношеніи того, чего отъ него можно было ожидать. Онъ не привелъ къ рѣшительному объясненію между такъ называемыми *догматиками* (которыхъ подъ сердитую руку называютъ также *фанатиками* и *сектантами*) и такъ называющими себя *критиками*. Даже болѣе. На конгрессѣ было сдѣлано много усилій для того, чтобы *обойти* тѣ разногласія, существованіе которыхъ въ нашей средѣ теперь ни для кого не тайна. И я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что эти усилія увѣнчались довольно значительнымъ успѣхомъ.

---

*) О союзѣ съ буржуазными партіями въ Брюсселѣ, сколько я помню, рѣчи не было.

По вопросу о союзѣ съ буржуазными партіями конгрессу предложено было Гэдомъ рѣшеніе, принятое за нѣсколько дней до того на конгрессѣ французской рабочей партіи въ *Иври* и гласящее, что союзы этого рода (не забывайте, товарищи, что рѣчь идетъ о Западѣ, гдѣ *уже* существуетъ конституціонный порядокъ) всегда опасны для соціалистической партіи и потому ихъ надо довести до минимума, заключая ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ и только на время. Это рѣшеніе было принято конгрессомъ единогласно. Разумѣется, очень можно усомниться въ томъ, что оно вполнѣ точно выражало взглядъ сторонниковъ „новаго метода". Но они не возражали противъ него, вѣроятно, успокаивая себя тою мыслью, что дѣло не въ самомъ *рѣшеніи*, а въ его *истолкованіи:* если Милльранъ, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, до сихъ поръ остается въ министерствѣ Вальдэка-Руссо, совершившемъ тяжкіе, непростительные грѣхи противъ рабочаго класса, и если ссылка Милльрана кажется очень убѣдительной Жорэсу и многимъ другимъ, болѣе или менѣе „независимымъ" французскимъ соціалистамъ, то очевидно, что подъ предлогомъ временныхъ союзовъ, вынужденныхъ исключительными обстоятельствами, можно навсегда побрататься съ буржуазными демократами, ни на волосъ не погрѣшивъ противъ *буквы* принятаго парижскимъ конгрессомъ рѣшенія. А что сторонники *„новаго метода"* умѣютъ давать очень широкое истолкованіе рѣшеніямъ соціалистическихъ конгрессовъ, это мы видѣли не только во Франціи, но также и въ Германіи: достаточно вспомнить, какъ истолковали тамъ „бериштейніанцы" извѣстное постановленіе ганноверскаго конгресса, сдѣланное по предложенію Бебеля.

Но хотя рѣшеніе, принятое въ Парижѣ относительно союза съ буржуазными партіями, и можетъ быть ложно истолковано тѣми, которые найдутъ свою выгоду въ ложномъ его истолкованіи, все таки не подлежитъ сомнѣнію, что, принимая это рѣшеніе, парижскій конгрессъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, для того, чтобы ясно и точно отвѣтить на стоявшій передъ нимъ вопросъ. Не совсѣмъ такъ отнесся онъ къ вопросу о завоеваніи пролетаріатомъ политической власти.

Рѣшеніе, принятое имъ на этотъ счетъ, предложено было Каутскимъ и гласитъ такъ:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія (eines blossen Handstreichs), но можетъ явиться лишь результатомъ длинной и трудной работы въ области политической и экономической организаціи пролетаріата, а также результатомъ его физическаго и нравственнаго возрожденія и постепеннаго проникновенія избранныхъ имъ представителей въ муниципальные совѣты и законодательныя собранія.

Но гдѣ правительственная власть централизована, тамъ ея завоеваніе не можетъ совершиться по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго соціалиста въ буржуазное министерство не можетъ считаться нормальнымъ началомъ завоеваія политической власти и должно быть разсматриваемо какъ временный и исключительный пріемъ въ борьбѣ съ трудными обстоятельствами.

Находятся ли на лицо въ отдѣльномъ случаѣ эти трудныя обстоятельства — это вопросъ тактики, а не принципа. Онъ не подлежитъ разсмотрѣнію конгресса. Однако, во всякомъ случаѣ этотъ опасный опытъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда его одобряетъ значительное большинство организованной соціалистической партіи, и когда соціалистическій министръ является и остается уполномоченнымъ этой партіи.

Гдѣ соціалистическій министръ дѣйствуетъ независимо отъ своей партіи; гдѣ онъ перестаетъ быть ея уполномоченнымъ, тамъ его вступленіе въ

министерство превращается изъ средства, способствующаго усиленію пролетаріата, въ средство, содѣйствующее его ослабленію, и изъ средства, способствующаго завоеванію политической власти, въ средство, препятствующее этому завоеванію."

Въ этомъ рѣшеніи прежде всего поражаетъ его первая часть, указывающая на то, что завоеваніе политической власти не можетъ быть простымъ дѣломъ какого-нибудь акта насилія, а предполагаетъ длинную и трудную подготовительную работу. Мысль, выраженная здѣсь, *совершенно справедлива*. Но зачѣмъ понадобилось конгрессу высказывать эту мысль? Развѣ на конгрессѣ были люди, отрицавшіе ея справедливость? Нѣтъ, такихъ людей на конгрессѣ не было. Или, можетъ быть, въ соціалистической литературѣ цивилизованныхъ странъ стали выступать „критики", доказывающіе, что для завоеванія политической власти пролетаріатомъ достаточно одного удалого „coup de main"? Нѣтъ, о такихъ критикахъ тоже ничего не было слышно, а было, наоборотъ, очень много слышно о критикахъ, оспаривавшихъ правильность того неоспоримаго положенія Маркса, что сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, беременнаго новымъ.*) Марксистъ, взявшійся выработать проектъ рѣшенія, долженъ былъ прежде всего выразить свое отрицательное отношеніе къ этимъ критикамъ, и только уже послѣ этого перейти къ указанію тѣхъ, — лишь постепенно возникающихъ, — экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій, при которыхъ сила рабочаго класса можетъ сыграть свою роль повивальной бабки въ капиталистическомъ обществѣ. Ему надо было держаться *наступательнаго* образа дѣйствій. Каутскій поступилъ не такъ. Онъ вспомнилъ, что „критики" упрекаютъ насъ въ *„бланкизмѣ"* и, желая *оборониться* отъ критиковъ, онъ пригласилъ конгрессъ высказаться противъ людей, думающихъ, что одного акта насилія достаточно для завоеванія пролетаріатомъ политической власти.

Такая тактика была *и неумѣстна и недостаточна*. *Неумѣстна* — потому что предлагаемое Каутскимъ рѣшеніе могло быть — и отчасти въ самомъ дѣлѣ было — истолковано какъ камень, брошенный имъ въ огородъ *французскихъ бланкистовъ*, нападать на которыхъ было *по меньшей мѣрѣ* не нужно. А недостаточна эта тактика была потому, что вносила слишкомъ много мягкости въ отношеніе къ „критикамъ", противъ которыхъ слѣдовало высказаться рѣшительно и рѣзко.**)

Когда я прочиталъ разбираемую здѣсь часть рѣшенія, я замѣтилъ Каутскому, что точка зрѣнія эволюціи ни мало не исключаетъ взгляда на насиліе, какъ на одинъ изъ факторовъ завоеванія пролетаріатомъ политической власти. Онъ отвѣтилъ мнѣ указаніемъ на слова: „Завоеваніе политической власти не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія" (въ нѣмецкомъ проектѣ рѣшенія: eines blossen Handstreichs). Онъ былъ правъ: сказать, что для данной цѣли *недоста-*

---

*) Какъ видно изъ писемъ Энгельса къ Лафаргу, недавно обнародованныхъ въ парижскомъ „Socialiste", неизмѣнный другъ и вѣрный единомышленникъ Маркса до самой смерти своей не сомнѣвался въ правильности этого положенія. Замѣчу мимоходомъ, что эти письма вполнѣ подтверждаютъ вѣрность моего истолкованія знаменитаго предисловія Энгельса къ книгѣ Маркса „Die Klassenkämpfe in Frankreich" (см. мое предисловіе къ новому женевскому изданію Коммунистическаго Манифеста).

**) При томъ же Каутскій забылъ прибавить, что *„современное демократическое государство"*, которое онъ имѣлъ въ виду, существуетъ далеко не во всѣхъ странахъ западной Европы — обстоятельство, не могущее остаться безъ сильнѣйшаго вліянія на тактику соціалистовъ.

точно дѣйствія одного фактора, не значитъ отрицать возможность или умѣстность дѣйствія. Но, какъ говорятъ французы, музыку дѣлаетъ *тонъ*. А мнѣ казалось, что „тонъ“ предложеннаго Каутскимъ проекта способенъ былъ вызвать много недоразумѣній. Опытъ показалъ, къ моему крайнему сожалѣнію, что я былъ правъ.

Во французскомъ переводѣ этого проекта вмѣсто словъ: не можетъ быть достигнуто *„просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія“* оказались слова: *„Не можетъ быть достигнуто путемъ какого нибудь насильственнаго дѣйствія“*, и благодаря этому устраненію одного, очень *„простого“* словечка, акушерская роль силы была объявлена совершенно излишней въ примѣненіи къ „современному демократическому обществу“. Я не знаю, по чьей винѣ (или по чьей иниціативѣ) произошло это *искаженіе нѣмецкаго подлинника*, но что оно было какъ нельзя болѣе на руку сторонникамъ *„новаго метода“*, въ этомъ мы убѣдились менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ конгресса.

Въ воскресенье, 7-го октября Милльранъ произнесъ въ Лансѣ (сѣверная Франція) рѣчь, въ которой онъ, со свойственной ему ловкостью адвоката, сумѣлъ, почти дословно повторяя рѣшеніе Каутскаго (въ его искаженномъ видѣ), осудить „насиліе, какъ способъ соціальнаго преобразованія“, а вмѣстѣ съ насиліемъ кстати и борьбу классовъ. Вѣрный защитникъ Милльрана, Жорэсъ, прекрасно понимая принципіальное и тактическое значеніе этой министерской декларації, нашелъ нужнымъ дружески пожурить г. министра за его отрицательное отношеніе къ насилію; но въ то же время онъ поспѣшилъ сослаться на рѣшеніе парижскаго конгресса (опять въ его искаженномъ видѣ) какъ на доказательство того, что сами марксисты недалеко ушли въ этомъ случаѣ отъ Милльрана.*) Судите сами, товарищи, хороша-ли такая вопіющая путаница понятій!

Остальная часть проекта Каутскаго, посвященная вопросу объ участіи соціалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ, грѣшила очевидной непослѣдовательностью. Съ одной стороны, она какъ будто совершенно не касалась современныхъ французскихъ отношеній, предоставляя нашимъ французскимъ товарищамъ расхлебывать „случай Милльрана“ (le cas Millerand), какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Съ другой же стороны, она заключала въ себѣ цѣлый рядъ косвенныхъ указаній на обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Милльрана въ министерство Вальдэка. Принимая ее, конгрессъ, съ одной стороны, какъ будто осуждалъ Милльрана, а съ другой онъ заявлялъ, что Милльранъ совсѣмъ ему не подсуденъ. Мнѣ казалось, что „международный парламентъ“ соціалистическаго пролетаріата обязанъ былъ прямѣе и рѣшительнѣе высказаться на счетъ этого человѣка, который своимъ упорнымъ нежеланіемъ покинуть мягкое министерское кресло такъ сильно повредилъ дѣлу объединенія французскихъ соціалистовъ. Я былъ убѣжденъ, что, осудивъ Милльрана въ ясныхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ, конгрессъ сдѣлалъ бы для этого объединенія несравненно больше, чѣмъ сдѣлали его участники красивыми, но безплодными рѣчами на тему о наслажденіяхъ взаимной любви и о сладости примиренія. При томъ же теорія неподсудности Милльрана международному конгрессу казалась (и кажется) мнѣ сомнительной, если не совершенно ошибочной въ данномъ случаѣ. Вѣдь рѣчь шла собственно не о томъ, чтобы *судить Милльрана*, а о томъ, чтобы *высказать сужденіе* по поводу его всѣмъ извѣстнаго поступка. И я до сихъ поръ не могу понять, почему международный конгрессъ не имѣлъ бы права высказаться

*) См. „La Petite République“ отъ 10-го октября 1900 г. Тамъ же напечатана и рѣчь, произнесенная Милльраномъ въ Лансѣ.

на этотъ счетъ. Это тѣмъ менѣе понятно, что чуть-ли не каждый изъ ораторовъ, говорившихъ по поводу рѣшенія Каутскаго, считалъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ за Милльрана, или *противъ* него. . . .

Какъ бы тамъ, однако, ни было, огромное большинство членовъ коммиссіи, выбранной конгрессомъ для выработки проекта рѣшенія по вопросу о завоеваніи политической власти, не желало, — по тѣмъ или по другимъ, вѣрнымъ или ошибочнымъ соображеніямъ, — чтобы конгрессъ открыто и ясно высказался о Милльранѣ. Личныя бесѣды съ членами этой коммиссіи (въ составъ которой входилъ и я) показали мнѣ это съ самой полной ясностью. Тогда я попытался сдѣлать нѣкоторое (полезное, какъ мнѣ казалось) *добавленіе* къ тому, что было сказано, — посредствомъ косвенныхъ указаній, — въ проектѣ Каутскаго о „случаѣ Милльрана“. Я предложилъ прибавить къ этому проекту заявленіе конгресса о томъ, что даже и въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда соціалистъ можетъ быть вынужденъ вступить въ буржуазное министерство, онъ *обязанъ оставить его, если оно обнаружитъ пристрастіе въ своемъ отношеніи къ борьбѣ труда съ капиталомъ*. Съ теоретической точки зрѣнія это добавленіе, если хотите, не выдерживаетъ критики: *какое же буржуазное министерство можетъ отнестись безпристрастно къ борьбѣ труда съ капиталомъ?* Но и въ пристрастіи *есть различныя степени*, и далеко не всякое буржуазное министерство рѣшится *такъ свирѣпо* подавлять волненія рабочихъ, вызываемыя экономической борьбой, какъ это дѣлало министерство Вальдэка-Милльрана, дважды обагренное кровью пролетаріевъ.*) Мое добавленіе имѣло цѣлью напомнить объ этомъ жестокомъ пристрастіи министерства Вальдэка и тѣмъ лишній разъ намекнуть Милльрану на то, что ему пора разстаться съ портфелемъ. Я не знаю, какъ поняли меня остальные члены коммиссіи, но они приняли мое добавленіе значительнымъ большинствомъ къ неудовольствію Жорэса, который апеллировалъ къ моей „лояльности“ и записался, *чтобы говорить противъ меня*. Это послѣднее обстоятельство показалось мнѣ очень характернымъ для вожака той фракціи французскаго соціализма, которая состоитъ изъ такъ называемыхъ *независимыхъ* и которая, тѣмъ не менѣе, находится въ полной *зависимости* отъ министерства. Мнѣ было очень интересно узнать, что можетъ сказать Жорэсъ противъ моего добавленія. Къ сожалѣнію, *онъ не сказалъ ничего*. Когда предсѣдатель коммиссіи далъ ему слово, онъ всталъ и, на мгновеніе задумавшись, объявилъ, что собственно противъ моего добавленія онъ говорить не станетъ, а только попроситъ у меня нѣкоторыхъ разъясненій. „Кто будетъ судить о пристрастіи министерства, — спросилъ онъ, — не та-ли же организованная партія, о которой идетъ рѣчь въ проектѣ Каутскаго?“ Надо сознаться, что этотъ вопросъ былъ поставленъ чрезвычайно ловко. Я не могъ отрицать того, что право сужденія должно принадлежать организованной партіи. Но въ виду того, что во Франціи такой партіи не существуетъ, какъ *единой* организаціи, мое добавленіе лишалось, въ при-

*) Какъ разъ въ то время, когда на конгрессѣ обсуждался „случай Милльрана“, адвокаты этого министра, „*жорэсисты*“, распустили слухъ о томъ, что министерство предаетъ суду жандармовъ, стрѣлявшихъ въ шалонскихъ рабочихъ. „Чего же болѣе требовать отъ него?“ прибавляли они съ видомъ полнаго и умиленнаго удовлетворенія. Жандармовъ, дѣйствительно, судили, но надо-ли прибавлять, что ихъ *оправдали*, и что судъ надъ ними былъ съ одной стороны жалкой комедіей для объегориванія простодушныхъ, а съ другой — *поощреніемъ стрѣлявшимъ* и, слѣдовательно, *новой угрозой* рабочему классу?

мѣненіи къ этой странѣ, всякаго практическаго смысла вплоть до того будущаго времени, когда объединятся французскіе соціалисты, *разъединяемые между прочимъ тѣмъ самымъ участіемъ Миллърана въ министерствѣ, о которомъ шла рѣчь.* Жорэсъ принималъ мое добавленіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы коммиссія измѣнила его слѣдующимъ образомъ:

„Конгрессъ полагаетъ, однако, что даже въ этихъ крайнихъ случаяхъ (о которыхъ говорится въ рѣшеніи Каутскаго, Г. П.) соціалистъ долженъ покинуть министерство, если орґанизованная партія найдетъ, что это послѣднее дало очевидныя доказательства своей пристрастности въ борьбѣ труда съ капиталомъ."

Я попробовалъ отклонить предложенную Жорэсомъ поправку, какъ безполезную, но Вандервельдъ и нѣкоторые другіе члены коммиссіи замѣтили, что они приняли мое дополненіе, понявъ его именно въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему эта поправка. Я замолчалъ, убѣдившись въ томъ, что коммиссія меня не поддержитъ.

Но какой же смыслъ получило теперь мое дополненіе? *Тотъ смыслъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ единой организованной партіи, соціалистъ можетъ,* ничто же сумняхуся, оставаться даже въ такомъ министерствѣ, которое дало очевидныя доказательства своей пристрастности. Но я хотѣлъ сказать совсѣмъ не то, да и конгрессъ не могъ, при малѣйшемъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу, согласиться на такую, по истинѣ удивительную формулировку своего мнѣнія. Я рѣшился обратить его вниманіе на это обстоятельство и потому, придя на другой день въ залу засѣданія конгресса, я занесъ свое имя въ такъ называемый *списокъ ораторовъ.*

Но этотъ списокъ былъ такъ длиненъ, а у конгресса оставалось такъ мало времени, что по вопросу о рѣшеніи Каутскаго не пришлось говорить ни мнѣ, желавшему *дополнить* это рѣшеніе, ни даже самому Каутскому, желавшему разъяснить его истинный смыслъ.

Неожиданно обнаружившаяся невозможность получить слово по этому вопросу поставила меня передъ такой, довольно затруднительной, дилеммой: или безъ оговорокъ голосовать за проектъ Каутскаго, получившій, благодаря Жорэсу, очень странное окончаніе, или же подать свой голосъ *противъ* этого проекта и поддержать рѣшеніе, предложенное Жюлемъ Гэдомъ и одобренное *меньшинствомъ* нашей („девятой") коммиссіи.

Вотъ полный текстъ этого послѣдняго рѣшенія.

„Пятый международный конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ, напоминаетъ, что подъ завоеваніемъ политической власти надо понимать мирную или насильственную политическую экспропріацію класса капиталистовъ."

„Понятое такимъ образомъ, завоеваніе политической власти оставляетъ мѣсто лишь для занятія тѣхъ избирательныхъ постовъ, которыми партія завладѣетъ путемъ употребленія въ дѣло своей собственной силы, т. е. силы рабочихъ, организованныхъ въ партію, защищающую его классовые интересы (parti de classe), и по необходимости запрещаетъ всякое участіе соціалиста въ буржуазномъ правительствѣ, по отношенію къ которому соціалисты должны находиться въ непрерывной оппозиціи."

Я не могъ безусловно одобрить это рѣшеніе, такъ какъ оно совершенно запрещаетъ участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ, а я думалъ и думаю, — подобно Каутскому, — что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такое участіе можетъ быть *необходимо* для защиты насущныхъ интересовъ рабочаго класса. Все дѣло только въ томъ, чтобы соціалистъ, вступившій въ буржуазное министерство, своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ и своими рѣчами содѣйствовалъ не *затемнѣнію классового*

самосознанія рабочихъ, — какъ это дѣлаетъ Милльранъ,*) — *а его углубленію и развитію.* Возможно-ли это? Я думаю, что — да. И я увѣренъ, что даже самъ Милльранъ, — не смотря на всю двусмысленность его соціализма на розовой водѣ, — могъ бы хорошо повліять на французскій рабочій классъ, *въ смыслѣ развитія его самосознанія,* если бы, убѣдившись въ невозможности обуздать охранительное рвеніе своихъ товарищей по министерству, онъ вышелъ въ отставку, скажемъ, послѣ шалонскихъ событій, и надлежащимъ образомъ, смѣло и откровенно, разъяснилъ свой поступокъ рабочимъ въ особомъ воззваніи къ нимъ.**) А человѣкъ, лучше Милльрана усвоившій себѣ классовую точку зрѣнія и имѣющій болѣе революціонный темпераментъ, сдѣлалъ бы еще болѣе. Вотъ почему я считалъ неправильнымъ рѣшеніе, *предложенное Гэдомъ.* Но это по существу *неправильное* рѣшеніе казалось мнѣ все таки *болѣе близкимъ къ истинѣ,* чѣмъ рѣшеніе Каутскаго съ моимъ добавленіемъ, *обезображеннымъ Жорэсомъ.* Поэтому я рѣшилъ *голосовать за рѣшеніе Гэда.*

Оно было, какъ извѣстно, отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ, одобрившимъ рѣшеніе Каутскаго. Преклоняясь передъ волей конгресса, я не могу, однако, не видѣть, что поправка, сдѣланная Жорэсомъ въ моемъ добавленіи, придала рѣшенію Каутскаго очень двусмысленный видъ, и также не могу не пожалѣть о томъ, что конгрессъ, участники котораго такъ краснорѣчиво *рекомендовали* объединеніе французскимъ соціалистамъ, не пожелалъ *содѣйствовать* этому объединенію рѣшительнымъ осужденіемъ Милльрана и всей вообще „новой методы".

Пора кончать! Кладя перо, я *только* замѣчу еще вотъ что. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ точку зрѣнія полуанархическаго народничества семидесятыхъ годовъ, я, comme de raison, всегда стоялъ за *„политику".* Но если бы вы знали, товарищи, сколько *политиканства* принесла съ собой *„новая метода"* какъ на международный конгрессъ, такъ и на непосредственно за нимъ слѣдовавшій національный конгресъ французскихъ соціалистовъ! Я и до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжелаго, по истинѣ мучительнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ политиканствомъ. А вѣдь мы видѣли только *цвѣтики* „новой методы"; *ягодки* еще впереди. Нечего сказать, отрадная перспектива!

Крѣпко жму вамъ руку и отъ всей души желаю, чтобы вамъ не пришлось испытывать много подобныхъ впечатлѣній.

Преданный Вамъ
Г. Плехановъ.

P. S. Считаю себя обязаннымъ прибавить, что, подавая свой голосъ за предложеніе Ж. Гэда, я разошелся съ большинствомъ русской делегаціи, голосовавшимъ за предложеніе Каутскаго. Но за то я имѣлъ удовольствіе голосовать въ полномъ согласіи съ П. Аксельродомъ, В. Засуличъ и Д. Кольцовымъ.

Г. П.

---

*) См. въ особенности его знаменитую рѣчь на „банкетѣ торговли", которую восторженно одобряла и комментировала буржуазная пресса.

**) „Вы должны признать, сказалъ я, обѣдая съ однимъ своимъ пріятелемъ изъ числа жорэсистовъ, что Милльранъ упустилъ прекрасный случай сдѣлаться самымъ популярнымъ соціалистомъ во Франціи." — Какимъ же это образомъ? спросилъ меня мой собесѣдникъ. „Очень просто: ему надо было выйти въ отставку послѣ Шалона и во всеуслышаніе заявить, что шалонскіе выстрѣлы даютъ новое доказательство пристрастности буржуазнаго правительства". — C'est peut être vrai, замѣтилъ мой пріятель-противникъ.

Приводимъ полный переводъ всѣхъ рѣшеній международнаго соціалистическаго конгресса 1900 г.

I. *Выполненіе рѣшеній международнаго конгресса. Изысканіе и примѣненіе практическихъ методовъ международнаго соглашенія. Международная организація и дѣятельность рабочихъ и соціалистовъ.*

Конгрессъ постановляетъ:

1. Учредить постоянную международную центральную коммиссію изъ представителей всѣхъ странъ, принимающихъ участіе въ конгрессѣ.

2. Средства для этой коммиссіи въ размѣрѣ 10 000 фр. доставляются политическими организаціями участвующихъ въ конгрессѣ странъ.

3. Учреждается оплачиваемый международный секретаріатъ, на обязанности котораго лежитъ: 1. собраніе всѣхъ рѣшеній, принятыхъ на прошлыхъ международныхъ конгрессахъ. 2. Требованіе отчетовъ о состояніи и развитіи политическихъ и профессіональныхъ организацій отдѣльныхъ странъ. 3. Составленіе изъ этихъ отдѣльныхъ отчетовъ общаго отчета, который долженъ быть опубликованъ. 4. Подготовительныя работы для будущаго конгресса и предварительное установленіе подлежащихъ его рѣшенію вопросовъ. 5. Опубликованіе манифестовъ, выражающихъ опредѣленное отношеніе ко всѣмъ жгучимъ вопросамъ дня, затрагивающимъ интересы пролетаріата.

II. *Международное законодательство относительно ограниченія рабочаго времени. Обсужденіе возможности установленія минимума заработной платы въ различныхъ странахъ.*

Относительно первой половины вопроса:

Конгрессъ, присоединяясь въ рѣшеніямъ предыдущихъ конгрессовъ, объявляетъ,

что сокращеніе рабочаго времени, согласно постановленію парижскаго конгресса 1889 г., должно оставаться предметомъ постоянныхъ стремленій всѣхъ рабочихъ;

что въ настоящее время высшій размѣръ установленнаго закономъ рабочаго дня не долженъ превышать 8 часовъ для рабочихъ всѣхъ странъ и профессій;

что рабочія организаціи должны настаивать на постепенномъ введеніи этой реформы, соединяя для ея достиженія политическую дѣятельность въ законодательныхъ собраніяхъ съ дѣятельностью ремесленныхъ союзовъ.

Относительно минимума заработной платы:

Конгрессъ объявляетъ, что установленіе этого минимума можетъ быть достигнуто лишь сильными профессіональными союзами, что его размѣръ не можетъ быть общимъ и одинаковымъ для всѣхъ странъ, и что во всякомъ случаѣ онъ долженъ находится въ соотвѣтствіи съ необходимыми — въ самомъ широкомъ смыслѣ — средствами существованія; онъ обязываетъ рабочихъ стремиться къ достиженію этой реформы всѣми путями и средствами, соотвѣтствующими экономическимъ и промышленнымъ, а также политическимъ и административнымъ условіямъ различныхъ странъ; для этого онъ рекомендуетъ прежде всего дѣйствовать на правительственныя и общественныя учрежденія, завѣдующія общественными работами, съ цѣлью добиться, чтобы здѣсь былъ установленъ минимумъ заработной платы, обязательный также и для предпринимателей, которымъ сдаются общественныя работы.

III. *Необходимыя условія освобожденія труда: а) организація и дѣятельность пролетаріата какъ классовой партіи; б) политическая и экономическая экспропріація буржуазіи; в) обобществленіе средствъ производства.*

Современный пролетаріатъ является необходимымъ продуктомъ капиталистическаго способа производства, нуждающагося въ поддающейся эксплуатаціи, а слѣдовательно, порабощенной экономически и политически рабочей массѣ. Подъемъ и освобожденіе этой массы можетъ совершиться лишь противъ воли господствующихъ представителей существующаго экономическаго строя, ведущаго по своимъ имманентнымъ законамъ къ обобществленію средствъ производства. Пролетаріатъ долженъ поэтому выступать какъ борющійся рабочій классъ противъ класса капиталистовъ. На соціаль-демократіи, взявшей на себя задачу формированія пролетаріата въ армію классовой борьбы, лежитъ прежде всего обязанность серьезно и неустанно воспитывать въ рабочихъ сознаніе ихъ классовыхъ интересовъ и классового могущества и употреблять для этого всѣ доставляемыя политическимъ и соціальнымъ положеніемъ средства, поскольку они соотвѣтствуютъ правовому сознанію народа и могутъ способствовать достиженію указанной цѣли. Изъ этихъ средствъ конгрессъ въ особенности указываетъ на политическую дѣятельность, на всеобщее избирательное право, на организацію рабочаго класса въ политическія партіи, въ профессіональные союзы, въ кооперативныя товарищества, въ общества самообразованія, въ независимыя вспомогательныя кассы и проч. и проч. Онъ призываетъ соціалистовъ всѣхъ странъ заботиться о томъ, чтобы эти различныя формы организаціи, являющіяся одновременно средствами какъ воспитанія, тамъ и борьбы, развивались въ возможно болѣе тѣсномъ союзѣ однѣ съ другими и шли рука объ руку, прогрессивно увеличивая этимъ какъ могущество рабочаго класса, такъ и его способность совершить политическую и экономическую экспропріацію буржуазіи и обобществленіе производства.

IV. *Миръ между народами, милитаризмъ и уничтоженіе постояннаго войска.*

Ссылаясь на рѣшенія международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ: Парижскаго 1889 г., Брюссельскаго 1891 г. и Лондонскаго 1896 г., признавшихъ милитаризмъ роковымъ продуктомъ капиталистическаго строя и требовавшихъ уничтоженія постояннаго войска, учрежденія международныхъ третейскихъ судовъ и рѣшенія вопросовъ о войнѣ и мирѣ народнымъ голосованіемъ;

принимая затѣмъ во вниманіе, что событія, наступившія со времени послѣдняго международнаго конгресса, выяснили всю силу той опасности, которой милитаризмъ — въ особенности въ его новѣйшей формѣ — подвергаетъ, какъ политическія пріобрѣтенія уже достигнутыя пролетаріатомъ, такъ и общій ходъ мирнаго и нормальнаго развитія современнаго общества;

принимая, наконецъ, во вниманіе, что политика расширенія и колоніальныхъ захватовъ разнуздываетъ — какъ показалъ крестовый походъ противъ Китая — интернаціональное соперничество и грозитъ превратить войну въ постоянное учрежденіе, экономическія, политическія и нравственныя издержки котораго пришлось бы нести исключительно пролетаріату, конгрессъ объявляетъ:

1. что рабочія партіи всѣхъ странъ должны съ удвоенной силой и энергіей выступить противъ милитаризма и колоніальной политики;

2. что прежде всего безусловно необходимо отвѣтить на всемірный союзъ буржуазныхъ партій и правительствъ, заключенный ради увѣковѣченія войны, союзомъ пролетаріевъ всѣхъ странъ для увѣковѣченія мира,

т. е. необходимо перейти отъ болѣе или менѣе платоническихъ заявленій международной солидарности въ области политики къ энергичной международной дѣятельности, къ общей борьбѣ противъ милитаризма и всемірной колоніальной политики.

Въ качествѣ практическихъ средствъ конгрессъ постановляетъ:

1. что всѣ соціалистическія партіи должны взяться за воспитаніе и организацію юношества для борьбы противъ милитаризма и вести это дѣло съ величайшей энергіей;

2. что во всѣхъ парламентахъ соціалисты обязаны голосовать безусловно противъ всѣхъ расходовъ на войско, флотъ или колоніальныя экспедиціи;

3. что на постоянную международную соціалистическую коммиссію возлагается обязанность при всѣхъ относящихся сюда и имѣющихъ международное значеніе случаяхъ вызывать во всѣхъ странахъ одновременные и одинаковые по формѣ протесты противъ милитаризма.

V. *Колоніальная политика.*

Международный парижскій конгрессъ 1900 г.:

принимая во вниманіе, что развитіе капитализма необходимо ведетъ къ колоніальному расширенію, вызывающему столкновенія между правительствами;

что являющійся необходимымъ слѣдствіемъ этого имперіализмъ всюду порождаетъ шовинизмъ и вынуждаетъ къ постоянному увеличенію расходовъ на милитаризмъ;

принимая во вниманіе, что посредствомъ колоніальной политики буржуазія стремится лишь къ повышенію своей прибыли и сохраненію капиталистическаго строя, растрачивая при этомъ имущество и кровь создающаго всѣ цѣнности пролетаріата, и совершая безчисленныя преступленія и жестокости надъ жителями завоевываемыхъ колоній,

конгресъ объявляетъ:

что организованный пролетаріатъ употребитъ всѣ доступныя ему средства борьбы противъ расширенія капиталистическихъ колоніальныхъ владѣній, и, осуждая колоніальную политику буржуазіи, будетъ при всѣхъ обстоятельствахъ и изо всѣхъ силъ бичевать всѣ несправедливости и жестокости, совершаемыя во всѣхъ частяхъ земнаго шара, отданныхъ на жертву безчестному и беззастѣнчивому грабежу капитализма.

Конгрессъ въ особенности рекомендуетъ при этомъ слѣдующія мѣры:

1. чтобы соціалистическія партіи занялись изслѣдованіемъ колоніальнаго вопроса всюду, гдѣ условія допускаютъ это;

2. чтобы было сдѣлано все возможное для образованія въ колоніяхъ соціалистическихъ партій, остающихся въ связи съ партіями метрополіи, и

3. чтобы установилась тѣсная связь между соціалистическими партіями различныхъ колоній.

VI. *Организація моряковъ и рабочихъ по транспорту.*

Конгрессъ постановляетъ, что въ различные парламенты должны быть внесены въ пользу моряковъ слѣдующія требованія:

1. Устраненіе посредниковъ и учрежденіе во всѣхъ морскихъ гаваняхъ особыхъ конторъ, подъ контролемъ рабочихъ организацій, для посредничества при наймѣ.

2. Учрежденіе общественныхъ гостинницъ для моряковъ подъ вѣдѣніемъ рабочихъ организацій и контролемъ общественной власти.

3. Учрежденіе особыхъ судовъ для разбора возникающихъ во время плаванія неудовольствій, причемъ въ числѣ судей должны быть также и рабочіе моряки; право морскихъ офицеровъ наказывать рабочихъ моряковъ должно быть ограничено.

4. Установленіе максимальнаго рабочаго дня, опредѣленіе сверхурочныхъ часовъ и ихъ оплаты; въ воскресные и праздничные дни должна выполняться лишь необходимая работа.

5. Обезпеченіе достаточной пенсіей калѣкъ и инвалидовъ; въ случаѣ смерти полная пенсія остающейся семьѣ.

6. Установленіе минимума заработной платы.

7. Законодательное установленіе мѣръ предупрежденія отъ несчастныхъ случаевъ, опредѣленіе предѣльной нагрузки всѣхъ судовъ, изданіе устава объ экипажѣ, опредѣляющаго число матросовъ, ихъ подготовку и знаніе языка, необходимое для пониманія команды.

8. Справедливое обращеніе, хорошая пища, помѣщеніе и санитарныя условія на судахъ должны быть установлены закономъ.

9. Устраненіе изъ морскихъ законовъ всѣхъ особыхъ соглашеній.

10. Учрежденіе въ достаточномъ числѣ инспекторовъ, снабженныхъ правомъ останавливать суда, на которыхъ окажется нарушеннымъ то или иное предписаніе закона.

Требованія въ пользу рабочихъ по транспорту.

1. Достаточное вознагражденіе при несчастныхъ случаяхъ; никакихъ взносовъ со стороны рабочихъ и никакихъ отговорокъ со стороны предпринимателей относительно мѣстонахожденія судна въ докахъ или у берега. Полное вознагражденіе во всѣхъ случаяхъ.

2. Достаточная инспекція всѣхъ условій работы.

3. Запрещеніе выдачи заработной платы въ трактирахъ.

4. Учрежденіе во всѣхъ гаваняхъ конторъ для посредничества при наймѣ.

5. Установленіе максимума рабочаго времени и минимума заработной платы для всѣхъ рабочихъ по транспорту, повышеніе платы за ночную и воскресную работу.

VII. *Борьба за всеобщее избирательное право и прямое народное законодательство.*

Всеобщее, равное и прямое — при тайной подачѣ голосовъ — право избранія во всѣ законодательныя собранія и на всѣ исполнительныя функціи государственной власти является для соціаль-демократіи неизмѣнной цѣлью, достиженіе которой необходимо какъ существенное средство политическаго и соціальнаго освобожденія.

Конгрессъ призываетъ всѣ народы, еще не пользующіеся парламентскимъ представительствомъ или имѣющіе его лишь на основѣ привилегій, къ борьбѣ за всеобщее, равное и прямое избирательное право, пока оно не будетъ достигнуто во всемъ объемѣ. Конгрессъ признаетъ какъ эту борьбу, такъ и самое пользованіе пріобрѣтеннымъ избирательнымъ правомъ однимъ изъ лучшихъ средствъ воспитанія народа для общественной жизни.

Конгрессъ высказываетъ свое убѣжденіе, что женщины должны пользоваться тѣми же политическими правами, какъ и мужчины, и распространяетъ свое требованіе избирательнаго права также и на нихъ.

Конгрессъ объявляетъ, что соціалисты тѣхъ странъ, гдѣ уже существуетъ всеобщее избирательное право, должны позаботиться о выработкѣ на его основѣ пропорціональнаго представительства. Въ то же время,

вѣрный идеѣ верховнаго права народа, конгрессъ требуетъ прямого народнаго законодательства какъ посредствомъ участія народа въ законодательной иниціативѣ, такъ и посредствомъ референдума.

Конгрессъ объявляетъ всѣ эти требованія необходимыми воспитательными средствами для достиженія того умственнаго и нравственнаго уровня, при которомъ, ведя объединенную классовую борьбу за соціальное освобожденіе, народъ можетъ приготовляться къ захвату политической власти, чтобы приступить затѣмъ къ планомѣрной организаціи соціалистическаго общества.

VIII. *Коммунальный (муниципальный) соціализмъ.*

Принимая во вниманіе, что „муниципальный соціализмъ“ не представляетъ собою особаго рода соціализма, а является лишь примѣненіемъ общихъ принциповъ демократическаго соціализма къ отдѣльной области политической дѣятельности;

принимая во вниманіе, что достигнутыя этой дѣятельностью реформы могутъ служить лишь этапами на пути къ осуществленію соціалистическаго общества, соціалисты должны принимать участіе во всѣхъ областяхъ муниципальнаго управленія;

принимая далѣе во вниманіе, что пользующіяся правомъ самоуправленія мѣстныя общества представляютъ для соціалистовъ не только удобное поле экономической дѣятельности, но и сильную опору противъ центральной власти буржуазнаго государства,

конгрессъ объявляетъ:

что, вполнѣ признавая важное значеніе общей политической дѣятельности, соціалисты всѣхъ странъ должны также обратить вниманіе на важность ихъ дѣятельнаго участія во всѣхъ областяхъ муниципальнаго самоуправленія. Здѣсь на обязанности соціалистовъ лежитъ забота о муниципализированіи средствъ сообщенія, бань, больницъ и проч. и превращеніе всего этого въ образцовыя учрежденія, какъ въ виду общаго блага, такъ и въ интересахъ занятыхъ въ этихъ учрежденіяхъ рабочихъ. Мелкія общины должны соединяться для этой цѣли въ союзы. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ всему этому мѣшаютъ политическія условія, соціалисты должны употребить всѣ силы для завоеванія необходимой степени политической свободы.

Конгрессъ рекомендуетъ соціалистическимъ муниципальнымъ представителямъ: a) сообщать при посредствѣ интернаціональнаго секретаріата о всѣхъ достигнутыхъ въ этой области реформахъ, съ ихъ нравственными и экономическими послѣдствіями; b) учредить національныя бюро, которыя собирали бы свѣдѣнія и акты, относящіяся ко всѣмъ достойнымъ вниманія явленіямъ въ области муниципальнаго самоуправленія, чтобы сдѣлать возможнымъ изученіе этихъ вопросовъ; c) конгрессъ поручаетъ международному секретаріату созвать международную конференцію соціалистическихъ представителей муниципалитетовъ, для совмѣстнаго обсужденія относящихся сюда вопросовъ и устнаго обмѣна результатами пріобрѣтеннаго опыта.

Рѣшеніе конгресса относительно IX-го пункта приведено въ письмѣ Плеханова.

X. *Первое Мая.*

Международный парижскій конгрессъ 1900 г. по вопросу о майскомъ праздникѣ присоединяется къ рѣшенію предыдущихъ конгрессовъ. Онъ

видитъ въ этомъ праздникѣ плодотворную демонстрацію въ пользу восьмичасового рабочаго дня и считаетъ остановку работы лучшей формой демонстраціи.

XI. *Тресты.*

Тресты (картели) представляютъ собою союзы предпринимателей съ цѣлью повышенія прибыли. Они являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свободной конкуренціи при системѣ хозяйства, цѣль котораго лежитъ не въ производствѣ, а въ индивидуальной прибыли отдѣльныхъ капиталистовъ. Когда ростъ средствъ производства создаетъ возможность производить больше товаровъ, чѣмъ ихъ можетъ быть продано съ прибылью для собственниковъ средствъ производства, — свободная конкуренція становится врагомъ прибыли и по необходимости должна уступить мѣсто объединенной дѣятельности хозяевъ производства. Тресты порождены, слѣдовательно, естественнымъ ходомъ развитія.

Поскольку тресты повышаютъ организацію производства и распредѣленія товаровъ, препятствуютъ перепроизводству, уменьшаютъ издержки производства, транспорта, продажи, посреднической торговли и рекламы, — они представляютъ собою высшую форму производства. Съ другой стороны, они имѣютъ тенденцію поднимать цѣны товаровъ, когда этого требуютъ интересы объединенныхъ предпринимателей, и препятствуютъ тому удешевленію продуктовъ, къ которому ведетъ прогрессъ производства. Тресты усиливаютъ также — не въ тенденціи, а въ самой дѣятельности — угнетеніе рабочихъ, противопоставляя ихъ организаціямъ и ихъ стремленію организоваться сильныя и объединенныя организаціи предпринимателей.

Въ особенности тѣ соглашенія (такъ называемыя Pools, Corners), которыя въ противоположность трестамъ и картелямъ, не имѣютъ ничего общаго съ высшей формой организаціи, а образуются съ исключительной цѣлью вызвать вздорожаніе важнѣйшихъ предметовъ потребленія, представляютъ собою величайшій вредъ для всего населенія и заслуживаютъ строжайшаго осужденія.*)

Обращая вниманіе рабочаго класса на опасность, грозящую ему со стороны трестовъ, международный соціалистическій конгрессъ не можетъ, однако, высказаться за попытки подавленія трестовъ путемъ закона. Именно потому, что тресты являются естественнымъ результатомъ капиталистическаго способа производства, законы могутъ — самое большее — измѣнить ихъ форму, но не могутъ существенно ограничить ихъ дѣятельности. Соціаль-демократія ничего не имѣетъ, однако, противъ принужденія трестовъ путемъ закона публиковать какъ свои статуты, такъ и хозяйственные отчеты.

Тѣмъ не менѣе, единственнымъ выходомъ изъ созданнаго трестами положенія можетъ быть лишь переходъ къ государственной собственности, а затѣмъ и къ международному регулированію тѣхъ отраслей производства, которыя доведены международными трестами до высшей ступени развитія.

Задача пролетаріата должна, слѣдовательно, заключаться въ совершенствованіи своей классовой, политической и экономической, организаціи, подкрѣпляемой кооперативной дѣятельностью, чтобы подготовить и ускорить возможность экспропріаціи крупныхъ организованныхъ трестами от-

---

*) Самые типичные примѣры такого рода вреднѣйшихъ соглашеній можно найти въ Россіи, о чемъ упоминалось при обсужденіи этого рѣшенія въ коммиссіи. Редакція.

раслей производства и такимъ образомъ приступить къ превращенію капиталистическаго производства въ общественное.

XII. *Всеобщая стачка.*

По этому вопросу конгрессъ повторяетъ рѣшеніе международныхъ конгрессовъ Парижскаго, Цюрихскаго и Лондонскаго, которое гласитъ, что, признавая стачки и бойкотъ необходимымъ средствомъ достиженія рабочимъ классомъ его задачъ, конгрессъ, однако, не видитъ возможности всеобщей международной стачки. Для этого прежде всего были бы необходимы ремесленныя организаціи рабочихъ массъ, такъ какъ отъ размѣровъ организацій зависитъ возможность распространенія стачекъ на цѣлыя отрасли промышленности или цѣлыя страны.

Случайныя замѣтки.

I. Бей, но не до смерти.

23-го января въ Нижнемъ Новгородѣ особое присутствіе московской судебной палаты *съ участіемъ сословныхъ представителей* разбирало дѣло объ убійствѣ крестьянина Тимофея Васильевича Воздухова, отправленнаго въ часть „для вытрезвленія“ и избитаго тамъ четырьмя полицейскими служителями, Шелеметьевымъ, Шульпинымъ, Шибаевымъ и Ольховинымъ и и. д. околоточнаго надзирателя Пановымъ до такой степени, что Воздуховъ на другой же день умеръ въ больницѣ.

Такова несложная фабула этого простого дѣла, бросающаго яркій свѣтъ на то, что дѣлается обыкновенно и постоянно въ нашихъ полицейскихъ правленіяхъ.

Насколько можно судить по чрезвычайно краткимъ газетнымъ отчетамъ, все происшествіе представляется въ такомъ видѣ. 20-го апрѣля Воздуховъ пріѣхалъ на извозчикѣ въ губернаторскій домъ. Вышелъ смотритель губернаторскаго дома, который показалъ на судѣ, что Воздуховъ былъ безъ шапки, выпивши, но не пьянъ, жаловался на какую-то пароходную пристань, не выдавшую билета на проѣздъ (?). Смотритель велѣлъ постовому городовому Шелеметьеву отвезти Воздухова въ часть. Воздуховъ былъ настолько мало выпивши, что спокойно разговаривалъ съ Шелеметьевымъ и по пріѣздѣ отчетливо объяснилъ околоточному надзирателю Панову свое имя и званіе. Несмотря на это, Шелеметьевъ — очевидно, съ вѣдома Панова, только что опросившаго Воздухова, — *„вталкиваетъ“* послѣдняго не въ арестантскую, гдѣ находилось нѣсколько пьяныхъ, а въ находящуюся рядомъ съ арестантской *„солдатскую“*. Вталкивая, онъ задѣваетъ шашкой за дверной крюкъ, обрѣзываетъ себѣ немного руку, воображаетъ, что шашку держитъ Воздуховъ, и бросается его бить, крича, что ему порѣзали руку. Бьетъ со всего размаха, бьетъ въ лицо, въ грудь, въ бока, бьетъ такъ, что Воздуховъ все падаетъ навзничь, все стукается головой объ полъ, проситъ пощады. „За что бьете?“ — го-

ворилъ онъ, по словамъ сидѣвшаго въ арестантской свидѣтеля (Семахина) — „Не виноватъ я. Простите, Христа ради!“ По словамъ этого же свидѣтеля, Воздуховъ пьянъ не былъ, скорѣе пьянъ былъ Шелеметьевъ. О томъ, что Шелеметьевъ „обучаетъ“ (выраженіе обвинительнаго акта!) Воздухова, узнаютъ его товарищи, Шульпинъ и Шибаевъ, которые пили въ полиціи съ перваго же дня Пасхи (20-ое апрѣля — вторникъ, 3-й день Пасхи). Они являются въ солдатскую вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ другой части Ольховинымъ, бьютъ Воздухова кулаками, топчутъ ногами. Является и околоточный надзиратель Пановъ, бьетъ книгой по головѣ, бьетъ кулаками. „Ужъ такъ били, такъ били — говорила одна арестованная женщина, — что у меня инда все брюхо отъ страстей переболѣло.“ Когда „обученіе“ было кончено, околоточный надзиратель прехладнокровно приказываетъ Шибаеву обмыть на лицѣ у избитаго кровь — такъ все таки приличнѣе; неравно увидитъ начальство! — и втолкнуть его въ арестантскую. „Братцы!“ — говоритъ Воздуховъ другимъ арестованнымъ — „видите, какъ полиція дерется? Будьте свидѣтелями, я подамъ жалобу!“ Но жалобу ему не удается подать: на другой день утромъ его нашли въ совершенно безсознательномъ состояніи и отправили въ больницу, гдѣ онъ черезъ 8 часовъ и умеръ, не приходя въ себя. Вскрытіе обнаружило у него переломъ десяти реберъ, кровоподтеки по всему тѣлу и кровоизліяніе въ мозгъ.

Палата приговорила Шелеметьева, Шульпина и Шибаева къ 4 годамъ каторги, а Ольховина и Панова — *къ мѣсячному аресту*, признавъ ихъ виновными только въ „обидѣ“. . . .

Съ этого приговора мы и начнемъ нашъ разборъ. Приговоренные къ каторгѣ обвинялись по 346-й и 1490-й ч. 2 ст. Уложенія о наказаніяхъ. Первая изъ этихъ статей гласитъ, что чиновникъ, причинившій раны или увѣчье при отправленіи своей должности, подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, „за сіе преступленіе опредѣленнаго“. А ст. 1490-я, ч. 2-ая опредѣляетъ за истязаніе, когда послѣдствіемъ его была смерть, каторгу отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ. Вмѣсто *высшей мѣры* судъ сословныхъ представителей и коронныхъ судей *понижаетъ* наказаніе *на двѣ степени* (6-я степень: каторга 8—10 лѣтъ; 7-я степень — отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ), т. е. устанавливаетъ максимальное пониженіе, допустимое закономъ въ случаѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ и кромѣ того назначаетъ *низшую* мѣру наказанія въ этой низшей степени. Однимъ словомъ, судъ сдѣлалъ все, что только могъ, для смягченія участи подсудимыхъ, и даже больше, чѣмъ могъ,

такъ какъ законъ о „высшей мѣрѣ наказанія“ былъ обойденъ. Мы вовсе не хотимъ, конечно, сказать, чтобы „высшая справедливость“ требовала именно десяти, а не четырехъ лѣтъ каторги; важно то, что убійцъ признали убійцами и осудили на каторгу. Но нельзя не отмѣтить прехарактерной тенденціи суда коронныхъ судей и сословныхъ представителей: когда они судятъ чиновъ полиціи, они готовы оказывать имъ всякое снисхожденіе; когда они судятъ за проступки противъ полиціи, они проявляютъ, какъ извѣстно, непреклонную суровость.*)

Вотъ господину околоточному надзирателю ... ну, какъ же не оказать ему снисхожденія! Онъ встрѣтилъ привезеннаго Воздухова, онъ, очевидно, велѣлъ направить его не въ арестантскую, а сначала — для обученія — въ солдатскую, онъ участвовалъ въ избіеніи и кулаками своими и книгой (должно быть, сводомъ законовъ), онъ распоряжался уничтоженіемъ слѣдовъ преступленія (смыть кровь), онъ рапортовалъ ночью 20-го апрѣля вернувшемуся приставу этой части, Муханову, что „во ввѣренной ему части все обстоитъ благополучно“ (буквально!), — но онъ ничего не имѣетъ общаго съ убійцами, онъ виноватъ только въ оскорбленіи дѣйствіемъ, только въ простой обидѣ дѣйствіемъ, наказуемой арестомъ. Вполнѣ естественно, что этотъ невиновный въ убійствѣ джентльменъ, г. Пановъ, и въ настоящее время служитъ въ полиціи, занимая должность полицейскаго урядника. Г. Пановъ только перенесъ свою полезную распорядительную дѣятельность по „обученію“ простонародья изъ города въ де-

*) Кстати, вотъ еще одинъ фактъ для сужденія о мѣрѣ наказанія, налагаемаго за разныя преступленія нашими судами. Черезъ нѣсколько дней послѣ суда надъ убійцами Воздухова Московскій Военно-Окружной Судъ судилъ солдата, служившаго въ мѣстной артиллерійской бригадѣ и укравшаго изъ цейхгауза 50 шароваръ и нѣсколько сапожнаго товара въ то время, какъ онъ былъ часовымъ при этомъ цейхгаузѣ. Приговоръ — четыре года *каторги*. Жизнь человѣка, ввѣреннаго полиціи, стоитъ столько же, сколько 50 шароваръ и нѣсколько штукъ сапожнаго товара, ввѣренныхъ часовому. Въ этомъ оригинальномъ „уравненіи“, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отражается весь строй нашего полицейскаго государства. Личность противъ власти — ничто. Дисциплина внутри власти — все, ... впрочемъ, виноватъ: „все“ только для мелкихъ сошекъ. Мелкій воръ — на каторгу, а крупный воръ, всѣ эти тузы, министры, директора банковъ, строители желѣзныхъ дорогъ, инженеры, подрядчики и пр., хапающіе десятки и сотни тысячъ казеннаго имущества, они расплачиваются въ самомъ рѣдкомъ и самомъ худшемъ случаѣ ссылкой на житье въ отдаленныя губерніи, гдѣ можно жить припѣваючи на награбленныя деньги (банковые воры въ западной Сибири) и откуда легко удрать и заграницу (жандармскій полковникъ Меранвиль де сенъ-Клэръ).

ревню. Скажите по совѣсти, читатель, можетъ ли урядникъ Пановъ иначе понять приговоръ Палаты, какъ совѣтъ: — впередъ скрывать получше слѣды преступленія, „обучать“ такъ, чтобы слѣдовъ не было. Ты велѣлъ смыть кровь съ лица умирающаго, — это очень хорошо, но ты допустилъ Воздухову умереть, — это, братецъ, неосмотрительно; впередъ будь осторожнѣе и крѣпко заруби себѣ на носу первую и послѣднюю заповѣдь русскаго Держиморды: „бей, но не до смерти!“

Съ общечеловѣческой точки зрѣнія приговоръ Палаты надъ Пановымъ есть прямая насмѣшка надъ правосудіемъ; онъ показываетъ чисто холуйское стремленіе свалить всю вину на низшихъ полицейскихъ служителей и выгородить ихъ непосредственнаго начальника, съ вѣдома, одобренія и при участіи котораго происходило звѣрское истязаніе. Съ юридической же точки зрѣнія, этотъ приговоръ — образецъ той казуистики, на которую способны судьи-чиновники, и сами-то не очень далеко ушедшіе отъ околоточнаго. Языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли — говорятъ дипломаты. Законъ данъ для того, чтобы извращать понятіе вины и отвѣтственности — могутъ сказать наши юристы. Какое, въ самомъ дѣлѣ, тончайшее судейское искусство нужно для того, чтобы подвести участіе въ истязаніи подъ простую обиду дѣйствіемъ! Мастеровой, который утромъ 20-го апрѣля сшибъ, можетъ быть, шапку съ Воздухова, вишоватъ, оказывается, въ томъ же самомъ проступкѣ — и даже еще слабѣе: не проступкѣ, а „нарушеніи“, — какъ и Пановъ. Даже за простое участіе въ дракѣ (а не въ избіеніи безпомощнаго человѣка), если кому-либо причинена смерть, полагается болѣе строгое наказаніе, чѣмъ то, которому подвергли околоточнаго. Судейскіе крючкотворы воспользовались, во-первыхъ, тѣмъ, что за истязаніе при отправленіи должности законъ назначаетъ нѣсколько наказаній, предоставляя судьѣ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, выборъ между тюрьмой отъ 2-хъ мѣсяцевъ и ссылкой въ Сибирь на житье. Не стѣснять судью чрезмѣрно формальными опредѣленіями, предоставлять ему извѣстный просторъ — это, конечно, очень разумное правило, и за это не разъ уже хвалили русское законодательство и подчеркивали его либерализмъ наши профессора уголовнаго права. Они забывали только при этомъ ту мелочь, что для примѣненія разумныхъ постановленій нужны судьи, не сведенные на положеніе простыхъ чиновниковъ, нужно участіе представителей общества въ судѣ и общественнаго мнѣнія — въ обсужденіи дѣла. А во-вторыхъ.

на помощь суду пришелъ здѣсь товарищъ прокурора, который *отказался* отъ обвиненія Панова (и Ольховина) въ истязаніи и жестокостяхъ и просилъ подвергнуть ихъ наказанію только за причиненіе обиды. Товарищъ прокурора сослался въ свою очередь на заключеніе экспертовъ, отвергшихъ особую мучительность и продолжительность нанесенныхъ Пановымъ побоевъ. Юридическій софизмъ, какъ видите, не отличается особой замысловатостью: такъ какъ Пановъ билъ меньше остальныхъ, то *можно* сказать, что его побои не были *особо* мучительны; а если они не были особо мучительны, то *можно* заключить, что они не относились къ „истязаніямъ и жестокостямъ", а если они не относились къ истязаніямъ и жестокостямъ, то значитъ это было простое оскорбленіе дѣйствіемъ. Все улаживается къ общему удовольствію, и г. Пановъ остается въ рядахъ блюстителей порядка и благочинія. . . .*)

Мы затронули сейчасъ вопросъ объ участіи въ судѣ представителей общества и роли общественнаго мнѣнія. Этотъ вопросъ вообще прекрасно иллюстрируется даннымъ дѣломъ. Прежде всего: почему разбиралъ дѣло не судъ присяжныхъ,

*) Вмѣсто разоблаченія безобразій во всемъ ихъ объемѣ передъ судомъ и передъ обществомъ у насъ предпочитаютъ замазывать дѣла на судѣ и отдѣлываться циркулярами и приказами, полными пышныхъ, но пустыхъ фразъ. Напр., орловскимъ полицмейстеромъ изданъ на-дняхъ приказъ, которымъ въ подтвержденіе прежнихъ распоряженій предлагается приставамъ лично, а равно чрезъ своихъ помощниковъ, настойчиво внушать нижнимъ полицейскимъ чинамъ отнюдь не допускать грубаго обращенія и какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій при задержаніи пьяныхъ на улицахъ и водвореніи ихъ для вытрезвленія при частяхъ, разъяснивъ нижнимъ чинамъ, что на обязанности полиціи лежитъ между прочимъ и охраненіе пьяныхъ, которые безъ очевидной опасности для нихъ не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, почему нижніе полицейскіе чины, поставленные самимъ закономъ въ качествѣ ближайшихъ защитниковъ и охранителей обывателей, при задержаніи и доставленіи пьянаго въ часть не только не должны прибѣгать къ какому-либо грубому и нечеловѣчному обращенію съ ними, а, напротивъ, прилагать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію лицъ, доставляемыхъ ими подъ стражу впредь до вытрезвленія. Приказъ предупреждаетъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, что только такимъ сознательнымъ и законнымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ они въ правѣ разсчитывать на довѣріе и уваженіе къ нимъ населенія и что, напротивъ того, всякое допущеніе полицейскими чинами произвола и жестокаго обращенія съ пьяными, равно какъ причиненіе имъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій, несовмѣстимыхъ съ долгомъ чиновъ полиціи, обязанныхъ служить примѣромъ порядочности и добрыхъ нравовъ, неминуемо влекутъ за собою строгую кару закона и виновные въ допущеніи таковыхъ поступковъ нижніе полицейскіе чины будутъ предаваемы безъ всякаго снисхожденія суду. — Проэктъ картинки для сатирическаго журнала: оправданный по обвиненію въ убійствѣ околоточный надзиратель читаетъ приказъ о томъ, что онъ долженъ служить примѣромъ порядочности и добрыхъ нравовъ!

а судъ коронныхъ судей съ сословными представителями? Потому, что правительство Александра III, вступивъ въ безпощадную борьбу со всѣми и всяческими стремленіями общества къ свободѣ и самостоятельности, очень скоро признало опаснымъ судъ присяжныхъ. Реакціонная печать объявила судъ присяжныхъ „судомъ улицы“ и открыла противъ него травлю, которая, къ слову сказать, продолжается и по сю пору. Правительство приняло реакціонную программу: побѣдивъ революціонное движеніе 70-хъ годовъ, оно безъ застѣнчиво объявило представителямъ общества, что считаетъ ихъ „улицей“, чернью, которая не смѣетъ вмѣшиваться не только въ законодательство, но и въ управленіе государствомъ, которая должна быть изгнана изъ святилища, гдѣ надъ русскими обывателями чинятъ судъ и расправу — по методу господъ Пановыхъ. Въ 1887-мъ году былъ изданъ законъ, по которому дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ должностными лицами и противъ должностныхъ лицъ, изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы суду коронныхъ судей съ сословными представителями. Какъ извѣстно, эти сословные представители, слитые въ одну коллегію съ судьями-чиновниками, представляютъ изъ себя безгласныхъ статистовъ, играютъ жалкую роль понятыхъ, рукоприкладствующихъ то, что угодно будетъ постановить чиновникамъ судебнаго вѣдомства. Это — одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые длинной вереницей тянутся черезъ всю новѣйшую реакціонную эпоху русской исторіи, объединенные однимъ общимъ стремленіемъ: возстановить „твердую власть“. Давленіемъ обстоятельствъ власть вынуждена была во второй половинѣ 19-го вѣка придти въ соприкосновеніе съ „улицей“, а составъ этой улицы измѣнялся съ поразительной быстротой, и темныхъ обывателей замѣняли граждане, начинающіе сознавать свои права, способные даже выставлять борцовъ за права. И почувствовавъ это, власть съ ужасомъ отпрянула назадъ и дѣлаетъ теперь судорожныя усилія оградить себя китайской стѣной, замуроваться въ крѣпость, недоступную ни для какихъ проявленій общественной самодѣятельности Но я нѣсколько отклонился отъ своей темы.

Итакъ, благодаря реакціонному закону, улица была устранена отъ суда надъ представителями власти. Чиновниковъ судили чиновники. Это сказалось не только на приговорѣ, но и на всемъ характерѣ предварительнаго и судебнаго слѣдствія. Судъ улицы цѣненъ именно тѣмъ, что онъ вноситъ живую струю въ тотъ духъ канцелярскаго формализма, которымъ насквозь пропитаны наши правительственныя учре-

жденія. Улица интересуется не только тѣмъ, даже не столько тѣмъ, — обидой, побоями, или истязаніями будетъ признано данное дѣяніе, какой родъ и видъ наказанія будетъ за него назначенъ, сколько тѣмъ, чтобы до корня вскрыть и публично освѣтить всѣ общественно-политическія нити преступленія и его значеніе, чтобы вынести изъ суда уроки общественной морали и практической политики. Улица хочетъ видѣть въ судѣ не „присутственное мѣсто“, въ которомъ приказные люди примѣняютъ соотвѣтственныя статьи Уложенія о наказаніяхъ къ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ случаямъ, — а публичное учрежденіе, вскрывающее язвы современнаго строя и дающее матеріалъ для его критики, а, слѣдовательно и для его исправленія. Улица своимъ чутьемъ, подъ давленіемъ практики общественной жизни и роста политическаго сознанія, доходитъ до той истины, до которой съ такимъ трудомъ и съ такой робостью добирается сквозь свои схоластическія путы наша оффиціально-профессорская юриспруденція: именно, что въ борьбѣ съ преступленіемъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ примѣненіе отдѣльныхъ наказаній, имѣетъ измѣненіе общественныхъ и политическихъ учрежденій. По этой причинѣ и ненавидятъ — да и не могутъ не ненавидѣть — судъ улицы реакціонные публицисты и реакціонное правительство. По этой причинѣ съуженіе компетенціи суда присяжныхъ и ограниченіе гласности тянутся красной нитью черезъ всю пореформенную исторію Россіи, причемъ реакціонный характеръ „пореформенной“ эпохи обнаруживается *на другой же день* послѣ вступленія въ силу закона 1864-го года, преобразовавшаго нашу „судебную часть“.*) И именно на данномъ дѣлѣ съ особенной силой сказался недостатокъ „суда улицы“. Кто могъ бы на этомъ судѣ заинтересоваться общественной стороной дѣла и постараться выставить ее со всей выпуклостью? Прокуроръ? Чиновникъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ полиціи, — раздѣляющій отвѣтственность за содержаніе арестантовъ и обращеніе съ ними, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже начальникъ полиціи?

*) Либеральные сторонники суда присяжныхъ, полемизируя въ легальной печати противъ реакціонеровъ, нерѣдко отрицаютъ категорически политическое значеніе суда присяжныхъ, усиливаясь доказать, что они вовсе не по политическимъ соображеніямъ стоятъ за участіе въ судѣ общественныхъ элементовъ. Отчасти это можетъ зависѣть, несомнѣнно, отъ того политическаго недомыслія, которымъ часто страдаютъ именно юристы, несмотря на ихъ спеціальныя занятія „государственными“ науками. Но главнымъ образомъ объясняется это необходимостью говорить эзоповскимъ языкомъ, невозможностью открытаго заявленія своихъ симпатій къ конституціи.

Мы видѣли, что товарищъ прокурора даже отказался отъ обвиненія Панова въ истязаніи. Гражданскій истецъ, если бы жена убитаго, выступавшая на судѣ свидѣтельницей Воздухова, предъявила гражданскій искъ къ убійцамъ? Но гдѣ же было ей, простой бабѣ, знать, что существуетъ какой-то гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ? Да если бы она и знала это, въ состояніи ли была бы она нанять адвоката? Да если бы и была въ состояніи, нашелся ли бы адвокатъ, который могъ бы и захотѣлъ бы обратить общественное вниманіе на разоблачаемые этимъ убійствомъ порядки? Да если бы и нашелся такой адвокатъ, могли ли бы поддержать въ немъ „гражданскій пылъ“ такіе „делегаты“ общества, какъ сословные представители? Вотъ волостной старшина — я имѣю въ виду провинціальный судъ — конфузящійся своего деревенскаго костюма, не знающій, куда дѣть свои смазные сапоги и свои мужицкія руки, пугливо вскидывающій глаза на его превосходительство предсѣдателя палаты, сидящаго за однимъ столомъ съ нимъ. Вотъ городской голова, толстый купчина, тяжело дышащій въ непривычномъ для него мундирѣ, съ цѣпью на шеѣ, старающійся подражать своему сосѣду, предводителю дворянства, барину въ дворянскомъ мундирѣ, съ холеной наружностью, съ аристократическими манерами. А рядомъ — судьи, прошедшіе всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящіе дьяки въ приказахъ посѣдѣлые, полные сознанія важности выпавшей имъ задачи: судить представителей власти, которыхъ недостоинъ судить судъ улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самаго краснорѣчиваго адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изреченіе: „не мечите бисера передъ . . .“?

И вышло такъ, что дѣло прогнали точно на курьерскихъ, точно желая поскорѣе сбыть его съ рукъ,*) точно боясь копнуть хорошенько всю эту мерзость: можно жить около отхожаго мѣста, привыкнуть, не замѣчать, обжиться, но стоитъ только приняться его чистить — и вонь непремѣнно восчувствуютъ тогда всѣ обитатели не только данной, но и сосѣднихъ квартиръ.

Посмотрите, какую массу естественно напрашивающихся вопросовъ никто не потрудился даже выяснить. Зачѣмъ ѣздилъ Воздуховъ къ губернатору? Обвинительный актъ — этотъ документъ, воплощающій стремленіе обвинительной

*) О томъ, чтобы скорѣе довести дѣло до суда, никто и не подумалъ. Несмотря на замѣчательную простоту и ясность дѣла, происшествіе 20-го апрѣля 1899-го года разбиралось въ судѣ только 23-го января 1901-го года. Судъ *скорый*, правый и милостивый!

власти раскрыть все преступленіе — не только не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, но даже прямо заминаетъ его, говоря, будто Воздуховъ „былъ задержанъ въ нетрезвомъ видѣ во дворѣ губернаторскаго дома городовымъ Шелеметьевымъ". Это даетъ даже поводъ думать, будто Воздуховъ безчинствовалъ и гдѣ? во дворѣ губернатора! А на самомъ дѣлѣ Воздуховъ *пріѣхалъ къ губернатору на извозчикѣ жаловаться* — это фактъ установленный. На что онъ жаловался? Смотритель губернаторскаго дома, Птицынъ, говоритъ, что Воздуховъ жаловался на какую-то пароходную пристань, гдѣ ему отказали въ выдачѣ билета на проѣздъ(?). Свидѣтель Мухановъ, бывшій приставомъ той части, гдѣ били Воздухова, (а теперь состоящій начальникомъ губернской тюрьмы въ г. Владимірѣ), говоритъ, что отъ жены Воздухова онъ слышалъ, что она съ мужемъ пьянствовала и что *ихъ били въ Нижнемъ и въ рѣчной полиціи и въ Рождественской полицейской части. и объ этихъ побояхъ и хотѣлъ Воздуховъ заявить губернатору*, Несмотря на явное противорѣчіе въ показаніяхъ этихъ свидѣтелей, судъ не принимаетъ ровно никакихъ мѣръ для выясненія вопроса. Напротивъ, всякій имѣлъ бы полное право заключить, что судъ *не хочетъ* выяснять этого вопроса. Жена Воздухова была свидѣтельницей на судѣ, но ее никто не поинтересовался спросить, дѣйствительно ли били ее и мужа въ нѣсколькихъ полицейскихъ частяхъ Нижняго? при какой обстановкѣ ихъ арестовывали? въ какихъ помѣщеніяхъ били? кто билъ? дѣйствительно ли мужъ хотѣлъ жаловаться губернатору? не говорилъ ли мужъ еще кому-либо объ этомъ своемъ намѣреніи? Свидѣтель Птицынъ, который, будучи чиновникомъ канцеляріи губернатора, очень можетъ быть не склоненъ былъ выслушивать отъ непьянаго — но подлежащаго все же вытрезвленію! — Воздухова жалобы на полицію, который поручилъ *пьяному* городовому Шелеметьеву отвезти для вытрезвленія въ часть жалобщика, этотъ интересный свидѣтель не былъ подвергнутъ перекрестному допросу. Извозчикъ Крайновъ, который привезъ Воздухова къ губернатору и отвезъ потомъ въ часть, опять таки не разспрашивается о томъ, не говорилъ ли ему Воздуховъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ? что именно высказывалъ онъ Птицыну? не слышалъ ли еще кто-либо этого разговора? Судъ ограничивается прочтеніемъ краткаго показанія неявившагося Крайнова (удостовѣряющаго, что пьянъ Воздуховъ не былъ, а только немного выпивши), и товарищъ прокурора нисколько не думаетъ о томъ, чтобы добиться явки этого важнаго свидѣтеля. Если принять во вниманіе, что Воздуховъ —

запасный унтеръ-офицеръ, значитъ, человѣкъ бывалый, законы и порядки немного знающій, что онъ даже послѣ послѣдняго смертельнаго боя говоритъ товарищамъ: „я подамъ жалобу“, — то становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что онъ ѣздилъ къ губернатору именно жаловаться на полицію, что свидѣтель Птицынъ лгалъ, выгораживая полицію, что лакей судьи и лакей прокуроръ не хотѣли разоблачать этой щекотливой исторіи.

Далѣе. Почему и за что били Воздухова? Обвинительный актъ опять таки изображаетъ это *такъ*, какъ только можно было изобразить выгоднѣе . . . для подсудимыхъ. „Поводомъ къ истязанію“ послужилъ будто бы порѣзъ руки Шелеметьева, когда онъ вталкивалъ Воздухова въ солдатскую. Вопросъ въ томъ, почему вталкивали спокойно говорившаго и съ Шелеметьевымъ и съ Пановымъ Воздухова (предположимъ, что надо было непремѣнно его *вталкивать*!) не въ арестантскую, а сначала въ солдатскую? Онъ отправленъ для вытрезвленія, — въ арестантской есть уже нѣсколько пьяныхъ, — туда же попадаетъ потомъ и Воздуховъ, зачѣмъ же Шелеметьевъ, „представивъ“ его Панову, толкаетъ въ *солдатскую*? Очевидно, именно для того, чтобы избить. Въ арестантской есть народъ, а въ солдатской Воздуховъ будетъ одинъ, а къ Шелеметьеву придутъ на помощь товарищи и г. Пановъ, которому въ настоящій моментъ „ввѣрена“ первая часть. Истязаніе было вызвано, значитъ, не случайнымъ поводомъ, а совершено по заранѣе обдуманному намѣренію. Предположить можно только одно изъ двухъ: либо всѣхъ, присылаемыхъ въ часть для вытрезвленія (хоть бы и держащихъ себя вполнѣ прилично и спокойно), отправляютъ сначала въ солдатскую для „обученія“, либо Воздухова повели бить *именно за то, что онъ ѣздилъ къ губернатору жаловаться на полицію*. Газетные отчеты о дѣлѣ такъ кратки, что категорически высказаться за послѣднее предположеніе (которое ничуть не невѣроятно) трудно, но предварительное и судебное слѣдствіе, конечно, могли бы досконально выяснить этотъ вопросъ. Судъ, разумѣется, не обратилъ на этотъ вопросъ никакого вниманія. Говорю: „разумѣется“, ибо равнодушіе судей отражаетъ здѣсь не только чиновническій формализмъ, но и просто обывательскій взглядъ русскаго человѣка. „Нашли, чему удивляться! Убили пьянаго мужика въ части! То-ли еще у насъ бываетъ!“ И обыватель указываетъ вамъ десятки случаевъ, несравненно болѣе возмутительныхъ и притомъ проходящихъ для виновниковъ безнаказанно. Указанія обывателя совершенно справедливы, и тѣмъ не менѣе онъ совер-

шенно неправъ и обнаруживаетъ своимъ разсужденіемъ только крайнюю обывательскую близорукость. Не потому-ли у насъ возможны несравненно болѣе возмутительные случаи полицейскаго насилія, что это насиліе составляетъ повседневную и обычную практику любой полицейской части? И не потому-ли безсильно наше негодованіе противъ исключительныхъ случаевъ, что мы созерцаемъ съ привычнымъ равнодушіемъ „нормальные“ случаи? — что наше равнодушіе невозмутимо даже тогда, когда такое привычное и обычное явленіе, какъ битье пьянаго (якобы пьянаго) „мужика“ въ части вызываетъ протестъ со стороны самого этого (казалось бы, привычнаго) мужика, расплачивающагося жизнью за продерзостную попытку принести смиреннѣйшую жалобу губернатору?

Есть и другое основаніе, не позволяющее пройти мимо этого, самаго обычнаго, случая. Давно уже сказано, что предупредительное значеніе наказанія обусловливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступленіе было назначено тяжкое наказаніе, а то, чтобы *ни одинъ* случай преступленія не проходилъ нераскрытымъ. Съ этой стороны тоже не безинтересно данное дѣло. Противозаконное и дикое битье въ полиціи происходитъ въ Россійской Имперіи — безъ преувеличенія можно сказать — ежедневно и ежечасно.*) А до суда доходитъ оно

*) Эти строки были уже написаны, когда газеты принесли еще одно подтвержденіе правильности такого утвержденія. На другомъ концѣ Россіи, въ Одессѣ — городѣ, состоящемъ на столичномъ положеніи — мировой судья оправдалъ нѣкоего М. Клинкова, обвинявшагося, по протоколу околоточнаго надзирателя Садукова, въ буйствѣ во время ареста въ части. На судѣ обвиняемый, а также четыре свидѣтеля его показали слѣдующее: Садуковъ задержалъ въ пьяномъ видѣ и доставилъ въ участокъ М. Клинкова. Вытрезвившись, Клинковъ сталъ требовать, чтобы его освободили. Въ отвѣтъ на это одинъ городовой схватилъ его за шиворотъ и сталъ бить, потомъ явилось еще трое городовыхъ, и всѣ четверо стали истязать его, нанося удары въ лицо, голову, грудь и бока. Подъ градомъ сыпавшихся на него ударовъ Клинковъ, облитый кровью, свалился на полъ, и тогда его стали уже бить лежачаго съ еще большимъ остервенѣніемъ. Какъ показали Клинковъ и его свидѣтели, истязаніемъ его руководилъ Садуковъ, поощрявшій городовыхъ. Избитый Клинковъ потерялъ сознаніе, и когда пришелъ въ себя, то былъ выпущенъ изъ участка. Немедленно Клинковъ отправился къ врачу, которымъ былъ освидѣтельствованъ. Мировой судья посовѣтовалъ Клинкову подать жалобу на Садукова и городовыхъ прокурору, на что Клинковъ отвѣтилъ, что жалоба прокурору уже подана имъ, причемъ свидѣтелями истязанія его выступаютъ двадцать человѣкъ.

Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что М. Клинкову не удастся добиться преданія суду и осужденія городовыхъ за истязаніе. Били не до смерти, — и если, паче чаянія, отвѣтятъ, то пустяками.

въ совершенно исключительныхъ и крайне рѣдкихъ случаяхъ. Это нисколько не удивительно, ибо преступникомъ является та самая полиція, которой ввѣрено въ Россіи раскрытіе преступленій. Но это обязываетъ насъ съ тѣмъ бо́льшимъ, хотя бы и необычнымъ вниманіемъ останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда суду приходится приподнять завѣсу, прикрывающую обычное дѣло.

Обратите вниманіе, напримѣръ, на то, какъ бьютъ полицейскіе. Ихъ пятеро или шестеро, работаютъ они съ звѣрской жестокостью, многіе пьяны, у всѣхъ шашки. Но ни одинъ изъ нихъ ни разу не ударяетъ жертву шашкой. Они — люди опытные и прекрасно знаютъ, какъ надо бить. Ударъ шашкой — улика, а избить кулаками — поди, потомъ, докажи, что били въ полиціи. „Избитъ въ дракѣ, взяли избитаго“ — и все шито-крыто. Даже въ настоящемъ дѣлѣ, когда случайно избили до смерти („и дернула же его нелегкая умереть; мужикъ былъ здороввеннѣйшій, кто бы могъ этого ожидать?“), обвиненію приходилось свидѣтельскими показаніями доказывать, что „Воздуховъ до отправленія его въ часть былъ совершенно здоровъ“. Очевидно, убійцы, утверждавшіе все время, что они вовсе и не били, говорили, что привезли избитаго. А найти свидѣтелей въ подобномъ дѣлѣ — вещь невѣроятно трудная. По счастливой случайности оказалось еще, что окошечко изъ арестантской въ солдатскую несовсѣмъ задѣлано: правда, вмѣсто стекла вставленъ жестяной листъ съ наверченными дырами, и дыры изъ солдатской завѣшаны кожею, но когда просунешь палецъ, кожа поднимается, и изъ арестантской можно тогда видѣть, что дѣлается въ солдатской. Только поэтому на судѣ удалось вполнѣ возстановить картину „обученія“. Но такой безпорядокъ, какъ неплотно задѣланное окно, могъ быть, конечно, только въ прошломъ вѣкѣ; въ XX-мъ вѣкѣ, навѣрное уже, окошечко изъ арестантской въ солдатскую въ первой кремлевской части Нижняго Новгорода задѣлано наглухо. . . . А разъ нѣтъ свидѣтелей, то только бы попалъ человѣкъ въ солдатскую!

Ни въ одной странѣ нѣтъ такого обилія законовъ, какъ въ Россіи. У насъ на все есть законы. Есть и особый уставъ о содержаніи подъ стражею, въ которомъ обстоятельно расписано, что задержаніе законно только въ особыхъ помѣщеніяхъ, подчиненныхъ особому надзору. Законъ, какъ видите, соблюдается: при полиціи есть особая „арестантская“. Но *до* арестантской „принято“ „вталкивать“ въ „солдатскую“. И хотя роль солдатской какъ настоящаго застѣнка вполнѣ ясна

изъ данныхъ всего процесса, тѣмъ не менѣе судебная власть и не подумала остановить свое вниманіе на этомъ явленіи. Не отъ прокуроровъ же, въ самомъ дѣлѣ, ждать разоблаченія безобразій нашего полицейскаго самовластья и борьбы съ нимъ!

Мы коснулись вопроса о свидѣтеляхъ въ подобныхъ дѣлахъ. Въ лучшемъ случаѣ свидѣтелями могутъ быть только люди, находящіеся въ рукахъ полиціи; стороннему человѣку лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ удастся наблюдать полицейское „ученіе“ въ части. А на тѣхъ свидѣтелей, которые въ рукахъ полиціи, вовможно полицейское воздѣйствіе. Было оно и въ данномъ дѣлѣ. Свидѣтель Фроловъ, находившійся во время убійства въ арестантской, на предварительномъ слѣдствіи показалъ сначала, что Воздухова били и полицейскіе и околоточный; потомъ снялъ оговоръ съ околоточнаго Панова; на судѣ же заявилъ, что никто изъ полиціи Воздухова не билъ, что его наущали показать противъ полиціи Семахинъ и Бариновъ (другіе арестанты, бывшіе главными свидѣтелями обвиненія), что полиція его не наущала и не подучивала. Свидѣтели Фадѣевъ и Антонова показали, что никто въ солдатской до Воздухова и пальцемъ не дотрагивался: тамъ всѣ сидѣли смирно и тихо, и никакой ссоры не было.

Какъ видите, явленіе опять самое обычное. И судебная власть отнеслась къ нему опять таки съ привычнымъ равнодушіемъ. Есть законъ, карающій за ложное показаніе предъ судомъ довольно строго; возбужденіе преслѣдованія противъ этихъ двоихъ лжесвидѣтелей пролило бы еще побольше свѣта на полицейское безчинство, отъ котораго почти совершенно беззащитны тѣ, кто имѣетъ несчастье попадать въ полицейскія лапы (а несчастье это случается регулярно и постоянно съ сотнями тысячъ „простого“ народа), — но судъ думаетъ только о примѣненіи статьи такой-то, а вовсе не объ этой беззащитности. И эта деталь процесса, какъ и всѣ остальныя, показываетъ ясно, какая это всеохватывающая и крѣпкая сѣть, какая это застарѣлая язва, для избавленія отъ которой нужно избавленіе отъ всей системы полнаго самовластія полиціи и полной безправности народа.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ съ однимъ извѣстнымъ русскимъ писателемъ, Ѳ. М. Рѣшетниковымъ, случилась непріятная исторія. Отправился онъ въ С.-Петербургѣ въ дворянское собраніе, ошибочно воображая, что тамъ даютъ концертъ. Городовые не пустили его и прикрикнули: „Куда ты лѣзешь? кто ты такой?“ — „Мастеровой!“ грубо отвѣчалъ

разсердившійся Ѳ. М. Рѣшетниковъ. Результатомъ такого отвѣта — разсказываетъ Гл. Успенскій — было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый, безъ денегъ и кольца. „Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, — писалъ Рѣшетниковъ въ прошеніи СПБ. Оберъ-Полицмейстеру. — Я ничего не ищу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые *не били народъ* . . . Этому народу и такъ придется много получить всякой всячины."

Скромное желаніе, которымъ такъ давно уже осмѣливался утруждать русскій писатель начальника столичной полиціи, осталось и по сіе время невыполненнымъ, и остается *невыполнимымъ* при нашихъ политическихъ порядкахъ. Но въ настоящее время взоры всякаго честнаго человѣка, измученнаго созерцаніемъ звѣрства и насилія, привлекаетъ къ себѣ новое могучее движеніе въ народѣ, собирающее силы, чтобы смести съ лица русской земли всякое звѣрство и осуществить лучшіе идеалы человѣчества. За послѣднія десятилѣтія ненависть къ полиціи во много разъ возросла и окрѣпла въ массахъ простого народа. Развитіе городской жизни, ростъ промышленности, распространеніе грамотности, все это заронило и въ темныя массы стремленіе къ лучшей жизни и сознаніе человѣческаго достоинства, а полиція осталась такой же самоуправной и звѣрской. Къ ея звѣрству прибавилась только бо̀льшая утонченность сыска и травля новаго, самаго страшнаго врага: всего, что̀ несетъ въ народныя массы лучъ сознанія своихъ правъ и вѣру въ свои силы. Оплодотворенная такимъ сознаніемъ и такой вѣрой, народная ненависть найдетъ себѣ выходъ не въ дикой мести, а въ борьбѣ за свободу.

II. **Зачѣмъ ускорять превратность временъ?**

Интересный проектъ приняло Орловское губернское дворянское собраніе, и еще интереснѣе были пренія по поводу этого проекта.

Суть дѣла вотъ въ чемъ. Губернскій предводитель дворянства, М. А. Стаховичъ, внесъ докладъ, предлагая заключить договоръ съ финансовымъ вѣдомствомъ о предоставленіи орловскимъ дворянамъ должностей сборщиковъ. При введеніи винной монополіи открывается въ губерніи 40 должностей сборщиковъ денегъ съ казенныхъ винныхъ лавокъ. Вознагражденіе сборщикамъ — 2180 руб. въ годъ (900 руб. жало-

лованья, 600 руб. разъѣздныхъ и 680 руб. на стражника). Такъ вотъ хорошо бы дворянамъ эти мѣста занять, а для этого составить артель и войти въ договоръ съ казной. Вмѣсто требуемаго залога (3—5 тысячъ) дѣлать вычеты первое время по 300 руб. въ годъ съ каждаго сборщика и составить изъ этихъ денегъ дворянскій капиталъ въ обезпеченіе питейнаго вѣдомства.

Проектъ, какъ видите, отличается несомнѣнной практичностью и доказываетъ, что наше высшее сословіе въ совершенствѣ обладаетъ чутьемъ насчетъ того, гдѣ бы можно урвать казеннаго пирога. Но именно эта практичность и показалась многимъ благороднымъ помѣщикамъ чрезмѣрной, неприличной, недостойной дворянина. Разгорѣлись пренія, которыя съ особенной ясностью обнаружилъ три точки зрѣнія на вопросъ.

Первая — точка зрѣнія практицизма. Кормиться надо, сословіе нуждается, . . . все же заработокъ, . . . не отказать же бѣднымъ дворянамъ въ помощи? Да и притомъ вѣдь сборщики могутъ содѣйствовать отрезвленію народа! Вторая точка зрѣнія — романтиковъ. Служить по питейной части, чуть-чуть повыше цѣловальниковъ, въ подчиненіи у простыхъ управляющихъ складами, „часто лицъ низшихъ сословій“!? — и полились горячія рѣчи о великомъ призваніи дворянства. Мы намѣрены остановиться именно на этихъ рѣчахъ, но сначала укажемъ третью точку зрѣнія — мужей государственныхъ. Съ одной стороны, нельзя не сознаться, что какъ будто и зазорно, но съ другой стороны, надо признаться, что выгодно. Можно однако и капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти: управляющій акцизными сборами можетъ назначать и безъ залоговъ, и тѣ же 40 дворянъ могутъ получить мѣста по ходатайству губернскаго предводителя дворянства — безъ всякой артели и договора, а то вѣдь, пожалуй, „министръ внутреннихъ дѣлъ остановитъ постановленіе въ огражденіе правильности общаго государственнаго строя“. Это мудрое мнѣніе, вѣроятно, восторжествовало бы, если бы предводитель дворянства не сдѣлалъ два существенно важныхъ заявленія: во 1-хъ, что договоръ уже представлялся въ совѣтъ министра финансовъ, который призналъ его возможнымъ и въ принципѣ согласился на него. А во 2-хъ, что „добыть эти мѣста путемъ одного только ходатайства губернскаго предводителя дворянства нельзя“. И докладъ былъ принятъ.

Бѣдные романтики! Они потерпѣли пораженіе. А какъ они красиво говорили.

„До сихъ поръ дворянство выставляло только руководителей. Докладъ же предлагаетъ образовать какую-то артель. Соотвѣтствуетъ ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства? По закону о сборщикахъ въ случаѣ обнаруженной растраты со стороны сидѣльца дворянинъ долженъ стать за стойку. Лучше умереть, чѣмъ занять такую должность!“

Фу ты, Господи, сколько въ человѣкѣ благородства! Лучше умереть, чѣмъ торговать водкой! Вотъ торговать хлѣбомъ — это благородное занятіе, особенно въ неурожайные годы, когда можно нажиться насчетъ голодающихъ. А еще болѣе благородное занятіе — ростовщичествовать хлѣбомъ, ссужать его зимой голоднымъ крестьянамъ подъ лѣтнюю работу и разсчитывать эту работу втрое дешевле противъ вольныхъ цѣнъ. Именно въ той центрально-черноземной полосѣ, къ которой принадлежитъ Орловская губернія, наши помѣщики съ особеннымъ усердіемъ всегда занимались и занимаются этимъ благороднѣйшимъ видомъ ростовщичества. Ну, а для того, чтобы хорошенько отдѣлить благородное ростовщичество отъ неблагороднаго, надо, конечно, какъ можно громче кричать о недостойномъ дворянина занятіи цѣловальника.

„Нужно строго охранять наше призваніе, выраженное въ извѣстномъ Высочайшемъ манифестѣ, — безкорыстно служить народу. Корыстное служеніе этому противорѣчитъ.“.... „У сословія, имѣющаго въ прошломъ такія заслуги, какъ ратная служба его предковъ, вынесшаго на своихъ плечахъ великія реформы императора Александра II, есть почва для исполненія и въ будущемъ своихъ обязанностей передъ государствомъ.“

Да, безкорыстная служба! Раздача помѣстій, пожалованіе населенныхъ имѣній т. е. подарки тысячъ десятинъ земли и тысячъ крѣпостныхъ душъ, образованіе класса крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ сотни, тысячи и десятки тысячъ десятинъ земли и доводящихъ милліоны крестьянъ своей эксплуатаціей до полной нищеты, — вотъ проявленія этого безкорыстія. Но особенно мила ссылка на „великія“ реформы Александра II. Напримѣръ, освобожденіе крестьянъ — съ какимъ безкорыстіемъ наши благородные дворяне ободрали ихъ какъ липку: заставили выкупать ихъ собственную землю, заставили платить за нее втридорога противъ настоящей цѣны, награбили себѣ крестьянской земли въ видѣ всяческихъ отрѣзокъ, пообмѣнивали свои песочки, овраги и пустоши на хорошія крестьянскія земли, а теперь еще имѣютъ наглость хвастаться подобными подвигами!

„Патріотическаго сфера питейнаго дѣла ничего не представляетъ“... „Наши традиціи основаны не на рубляхъ, а на государственной службѣ. Дворянство не должно превращаться въ биржу.“

Зеленъ виноградъ! Превращаться въ биржу дворянство „не должно“, потому что на биржѣ требуются солидные капиталы, а господа вчерашніе рабовладѣльцы прожились въ пухъ и прахъ. Для широкой массы ихъ не превращеніе въ биржу, а подчиненіе биржѣ, подчиненіе рублю стало давно совершившимся фактомъ. И въ погонѣ за рублемъ „высшее сословіе“ давно уже занимается такими высоко-патріотическими дѣлами, какъ производство сивухи, устройство сахароваренныхъ и другихъ заводовъ, участіе во всяческихъ дутыхъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, обиваніе пороговъ у представителей высшихъ придворныхъ сферъ, у великихъ князей, министровъ и проч. и проч. ради добыванія концессій и правительственныхъ гарантій для такихъ предпріятій, ради выпрашиванія себѣ подачекъ въ видѣ льготъ дворянскому банку, премій за вывозъ сахара, кусочковъ (въ тысячи десятинъ!) какой-нибудь башкирской земли, выгодныхъ и теплыхъ „доходныхъ мѣстечекъ“ и т. п.

„Дворянская этика носитъ на себѣ слѣды исторіи, соціальнаго положенія“... — и слѣды конюшни, пріучившей дворянъ къ насиліямъ и надругательствамъ надъ мужикомъ. Впрочемъ вѣковая привычка властвовать выработала въ дворянахъ и нѣчто болѣе тонкое: умѣнье облекать свои эксплуататорскіе интересы въ пышныя фразы, разсчитанныя на одураченіе темнаго „простонародья“. Слушайте дальше:

„Зачѣмъ ускорять превратность временъ? Пусть это будетъ предразсудокъ, но старыя традиціи не позволяютъ помогать этой превратности“...

Въ этихъ словахъ г-на Нарышкина (одного изъ мужей совѣта, отстаивавшихъ государственную точку зрѣнія) видно вѣрное классовое чутье. Конечно, боязнь должности сборщика (или даже цѣловальника) есть, по нынѣшнимъ временамъ, предразсудокъ, но развѣ не благодаря предразсудкамъ темныхъ массъ крестьянства держится неслыханно-безстыдная эксплуатація крестьянъ помѣщиками въ нашей деревнѣ? Предразсудки вымираютъ и безъ того; зачѣмъ же ускорять ихъ вымираніе, открыто сближая дворянина съ цѣловальникомъ, облегчая для крестьянина посредствомъ этого сопоставленія процессъ (и безъ того уже начавшійся процессъ) усвоенія той простой истины, что благородный помѣщикъ такой же ростовщикъ, грабитель и хищникъ, какъ и любой дере-

венскій міроѣдъ, только неизмѣримо болѣе сильный, сильный своимъ землевладѣніемъ, своими, вѣками сложившимися, привилегіями, своей близостью къ царской власти, своей привычкой къ господству и умѣніемъ прикрывать свое нутро Іудушки цѣлой доктриной романтизма и великодушія?

Да, г. Нарышкинъ, несомнѣнно, мужъ совѣта, и его устами вѣщаетъ государственная мудрость. Я не удивляюсь, что „маршалъ“ орловскаго дворянства отвѣчалъ ему — съ такой изысканностью выраженій, которая сдѣлала бы честь англійскому лорду, — слѣдующее:

„Возражать противъ тѣхъ авторитетовъ, которые мы здѣсь слышали, было бы смѣлостью съ моей стороны, если бы я не былъ убѣжденъ, что, возражая противъ ихъ мнѣній, я не возражаю противъ ихъ убѣжденій.“

Вотъ это вѣрно, и притомъ въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ вѣрно, чѣмъ воображалъ г. Стаховичъ, который, по истинѣ, нечаянно правду сказалъ. Убѣжденія у господъ дворянъ одинаковы у всѣхъ — начиная отъ практиковъ и кончая романтиками. Всѣ твердо вѣрятъ въ свое „священное право“ на сотни или тысячи десятинъ земли, награбленной предками или пожалованной грабителями, въ право эксплуатировать крестьянъ и играть господствующую роль въ государствѣ, въ право на самые жирные (а при нуждѣ и нежирные) куски казеннаго пирога т. е. народныхъ денегъ. Расходятся же они только въ мнѣніяхъ о цѣлесообразности отдѣльныхъ мѣропріятій, и ихъ пренія при обсужденіи этихъ мнѣній такъ же поучительны для пролетаріата, какъ и всякій домашній споръ въ лагерѣ эксплуататоровъ. Въ такихъ спорахъ наглядно выступаетъ различіе между общими интересами всего класса капиталистовъ или землевладѣльцевъ и интересами отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ; въ такихъ спорахъ пробалтывается нерѣдко то, что, вообще говоря, тщательно скрывается.

Но помимо этого орловскій эпизодъ проливаетъ еще нѣкоторый свѣтъ и на характеръ пресловутой питейной монополіи. Какихъ только благъ ни ждала отъ нея наша оффиціальная и оффиціозная пресса: и увеличенія казенныхъ доходовъ и улучшенія продукта и уменьшенія пьянства! А на дѣлѣ вмѣсто увеличенія доходовъ до сихъ поръ получилось только удороженіе вина, запутанность бюджета, невозможность точно опредѣлить финансовые результаты всей операціи; вмѣсто улучшенія продукта — получилось ухудшеніе, и врядъ ли правительству удастся особенно импонировать публикѣ тѣмъ сообщеніемъ объ успѣшныхъ резуль-

татахъ „дегустаціи“ новой „казенки“, которое обошло недавно всѣ газеты. Вмѣсто уменьшенія пьянства — увеличеніе числа мѣстъ тайной продажи вина, увеличеніе полицейскихъ доходовъ съ этихъ мѣстъ, открытіе винныхъ лавокъ вопреки волѣ населенія, ходатайствующаго о противномъ*), усиленіе пьянства на улицахъ.**) А главное — какое новое гигантское поприще для чиновничьяго самодурства и произвола, подхалимства и хищенія открываетъ это созданіе новой отрасли многомилліоннаго казеннаго хозяйства, созданіе цѣлой арміи новыхъ чиновниковъ! Это настоящее нашествіе цѣлыхъ тучъ чиновнической саранчи, подлизывающейся, интригующей, грабящей, изводящей паки и паки моря чернилъ и горы бумаги. Орловскій проектъ — не что иное, какъ попытка облечь въ законныя формы то стремленіе урвать болѣе или менѣе жирные кусочки казеннаго пирога, которое охватываетъ нашу провинцію и неминуемо грозитъ странѣ — при условіи чиновническаго самовластія и общественной безгласности — дальнѣйшимъ усиленіемъ произвола и хищенія. Вотъ маленькій примѣрчикъ: еще осенью проскользнула въ газетахъ замѣтка о „строительномъ анекдотѣ въ области винной монополіи“. Въ Москвѣ сооружаются три винныхъ склада, которые должны обслуживать всю губернію. На постройку этихъ складовъ министерствомъ было ассигновано 1 637 000 руб. И вотъ оказывается, что „опредѣлилась потребность въ дополнительномъ кредитѣ въ размѣрѣ *двухъ съ половиной милліоновъ*“.***) Очевидно, здѣсь должностныя лица, которымъ ввѣрено было казенное имущество, хапнули немножко побольше, чѣмъ 50 шароваръ и нѣсколько штукъ сапожнаго товара!

*) Недавно, напримѣръ, газеты сообщали, что въ Архангельской губерніи нѣкоторыя селенія еще въ 1899 году составили приговоры, чтобы у нихъ не открывали винныхъ лавокъ. Правительство, вводящее тамъ именно теперь питейную монополію, отвѣтило, *конечно*, отказомъ: очевидно изъ попечительства о народной трезвости!

**) Мѣ уже не говоримъ о томъ, какую массу денегъ потеряли отъ казенной монополіи крестьянскія общества. Прежде они взимали плату съ содержателей винныхъ лавокъ. Казна отняла у нихъ этотъ источникъ дохода, не вознаградивъ ихъ ни единой копѣйкой! Въ своей интересной книгѣ „Das hungernde Russland“ (Reiseeindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Von C. Lehmann und Parvus. Stuttgart, Dietz Verlag 1900) Парвусъ справедливо называетъ это *ограбленіемъ мірскихъ кассъ*. Онъ сообщаетъ, что по разсчету самарскаго губернскаго земства потеря всѣхъ крестьянскихъ обществъ губерніи отъ введенія винной монополіи составила за три года (95—97) *3 150 000 рублей!*

***) Курсивъ автора. См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1900, № 239, отъ 1-го сентября.

III. Объективная статистика.

Наше правительство привыкло обвинять своихъ противниковъ въ тенденціозности — и не только революціонеровъ, но и либераловъ. Случалось-ли вамъ, напримѣръ, видѣть отзывы оффиціальной печати о либеральныхъ (легальныхъ, конечно) органахъ? Въ органѣ министерства финансовъ, „Вѣстникѣ Финансовъ", бывали иногда обзоры печати, и всякій разъ, когда ведшій эти обзоры чиновникъ говорилъ объ оцѣнкѣ бюджета или голода или какой-либо правительственной мѣры въ одномъ изъ нашихъ либеральныхъ (толстыхъ) журналовъ, онъ всегда съ негодованіемъ отмѣчалъ ихъ „тенденціозность", противопоставляя ей „объективное" указаніе не только на „темныя стороны", но и на „отрадныя явленія". Это, разумѣется, — не болѣе какъ маленькій примѣрчикъ, но онъ иллюстрируетъ обычное отношеніе правительства, обычное стремленіе его кичиться своей „объективностью".

Попробуемъ сдѣлать удовольствіе этимъ строгимъ и безпристрастнымъ судьямъ. Попробуемъ обратиться къ статистикѣ. Мы возьмемъ, конечно, не статистику тѣхъ или иныхъ фактовъ общественной жизни: извѣстно, что факты и регистрируются людьми пристрастными и обобщаются учрежденіями иногда рѣшительно „тенденціозными" — въ родѣ земства. Нѣтъ, мы возьмемъ статистику... законовъ. Смѣемъ думать, ни одинъ самый ярый сторонникъ правительства не рѣшится утверждать, что можетъ быть что-либо объективнѣе и безпристрастнѣе статистики законовъ — простого подсчета того, что̀ само правительство постановляетъ, совершенно независимо отъ всякихъ соображеній о расхожденіи между словомъ и дѣломъ, постановленіемъ и исполненіемъ и т. п.?

Итакъ, къ дѣлу.

При Правительствующемъ Сенатѣ издается, какъ извѣстно „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства", періодически вѣщающее о каждомъ мѣропріятіи правительства. Вотъ эти данныя мы и возьмемъ, и посмотримъ, *о чемъ* правительство узаконяетъ и распоряжается. Именно: о чемъ. Мы не позволимъ себѣ критики начальственныхъ велѣній, — мы только подсчитаемъ число „оныхъ", относящихся до той или другой области. Въ январьскихъ газетахъ перепечатано изъ названнаго правительственнаго изданія содержаніе № 2905 до 2929 за прошлый годъ и № 1—60 за текущій. Итого 91 узаконеніе и распоряженіе за періодъ отъ 29-го декабря 1900 г. до 12-го января 1901 г. — какъ разъ на рубежѣ

столѣтій. По своему характеру, эти 91 узаконеніе представляютъ особенное удобство для „статистической“ обработки: среди нихъ нѣтъ никакихъ особенно выдающихся законовъ, ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задній планъ все остальное и налагало особую печать на данный періодъ внутренняго управленія. Все — узаконенія сравнительно мелкія, удовлетворяющія текущимъ запросамъ, возникающимъ постоянно и регулярно. Мы застаемъ такимъ образомъ правительство въ его будничномъ видѣ, а это еще разъ гарантируетъ намъ объективность „статистики“.

Изъ 91-го узаконенія 34, т. е. болѣе трети, трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ: о продленіи сроковъ для оплаты капитала по акціямъ или для взноса денегъ за акціи различныхъ торгово-промышленныхъ акціонерныхъ обществъ. Чтеніе этихъ узаконеній можно рекомендовать читателямъ газетъ для освѣженія въ своей памяти списка производствъ въ нашей промышленности и названія различныхъ фирмъ. Совершенно аналогично содержаніе второй группы узаконеній: объ измѣненіи уставовъ торгово-промышленныхъ обществъ. Сюда относится 15 узаконеній, реформирующихъ статуты товарищества чайной торговли бр. К. и С. Поповыхъ, товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и Ко., товарищества кожевеннаго производства и торговли кожевенными, холщевыми и полотняными товарами подъ фирмою И. А. Осиповъ и Ко. и т. д. и т. д. Наконецъ къ этого же рода узаконеніямъ надо прибавить еще 11, изъ которыхъ шесть посвящены удовлетворенію тѣхъ или другихъ нуждъ торговли и промышленности (учрежденіе общественнаго банка и общества взаимнаго кредита, назначеніе цѣнъ процентнымъ бумагамъ, принимаемымъ въ залогъ при казенныхъ подрядахъ, правила обращенія по желѣзнымъ дорогамъ вагоновъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, инструкція для маклеровъ Борисоглѣбской хлѣбной биржи), и пять — учреждаютъ при четырехъ заводахъ и одномъ рудникѣ шесть новыхъ должностей городовыхъ и двѣ должности конно-полицейскаго урядника.

Итакъ, 60 узаконеній изъ 91, т. е. двѣ трети, посвящены самому непосредственному удовлетворенію различныхъ практическихъ нуждъ нашихъ капиталистовъ и (отчасти) охранѣ ихъ отъ рабочихъ возмущеній. Безстрастный языкъ цифръ свидѣтельствуетъ, что по преобладающему характеру своихъ будничныхъ узаконеній и распоряженій наше правительство — вѣрный слуга капиталистовъ, играющій по отношенію ко всему классу капиталистовъ совершенно ту же роль, какую

играетъ какая-нибудь, скажемъ, постоянная контора съѣзда желѣзозаводчиковъ или канцелярія синдиката сахарозаводчиковъ по отношенію къ капиталистамъ отдѣльныхъ отраслей производства. Конечно, то обстоятельство, что пустяшное измѣненіе устава какого-нибудь товарищества или продленіе срока для оплаты его акцій составляютъ предметъ особыхъ узаконеній, зависитъ просто отъ тяжеловѣсности нашей государственной машины; достаточно маленькаго „усовершенствованія механизма", и все это отойдетъ въ область вѣдѣнія мѣстныхъ учрежденій. Но, съ другой стороны, тяжеловѣсность механизма, чрезмѣрная централизація, необходимость самому правительству сунуть во все свой носъ — все это явленія общія, распространяющіяся на всю нашу общественную жизнь, а вовсе не на одну только сферу торговли и промышленности. Поэтому сопоставленіе числа узаконеній того или другого рода можетъ вполнѣ служить приблизительнымъ показателемъ того, о чемъ наше правительство думаетъ и заботится, чѣмъ интересуется.

Вотъ, напримѣръ, частными обществами, если они не преслѣдуютъ нравственно столь почтенной и политически столь безопасной цѣли наживы, наше правительство интересуется уже несравненно менѣе (если не считать проявленіемъ интереса стремленіе затормозить, запретить, закрыть и пр.). За „отчетный" періодъ — пишущій эти строки состоитъ на службѣ и потому надѣется, что читатель проститъ ему употребленіе бюрократическихъ терминовъ — утверждены уставы двухъ обществъ (общества вспомоществованія нуждающимся учащимся владикавказской мужской гимназіи и Владикавказскаго о-ва учебно-воспитательныхъ прогулокъ и путешествій) и всемилостивѣйше разрѣшено измѣнить уставы трехъ (ссудосберегательной и вспомогательной кассъ служащихъ и рабочихъ на Людиновскомъ и Сукременскомъ заводахъ и на Мальцевской желѣзной дорогѣ; перваго общества хмѣлеводства; благотворительнаго общества поощренія женскаго труда). 55 узаконеній о торгово-промышленныхъ обществахъ и 5 — о всякихъ другихъ. Въ сферѣ торгово-промышленныхъ интересовъ „мы" стремимся стоять на высотѣ задачи, стремимся дѣлать все возможное для облегченія союзовъ между купцами и промышленниками (стремимся, но не дѣлаемъ, ибо тяжеловѣсность машины и безграничная волокита ставятъ очень тѣсные предѣлы „возможному" въ полицейскомъ государствѣ). Въ сферѣ же некоммерческихъ союзовъ мы принципіально стоимъ за гомеопатію. Ну, общество хмѣлеводства или поощренія женскаго труда — это еще ничего себѣ. А

вотъ учебно-воспитательныя прогулки... Господь ихъ знаетъ, о чемъ они на прогулкахъ говорить будутъ и не будетъ ли затрудненъ неослабный надзоръ со стороны инспекціи? Нѣтъ уже, знаете-ли, съ огнемъ надо обращаться осторожнѣе.

Школы. Учреждены цѣлыхъ три школы. И притомъ какія школы! Низшая школа скотниковъ въ имѣніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича, при селѣ Благодатномъ. Что села великихъ князей всѣ должны быть благодатныя, — въ этомъ я давно уже не сомнѣвался. Но теперь я не сомнѣваюсь и въ томъ, что просвѣщеніемъ младшаго брата могутъ искренно и отъ всей души интересоваться и увлекаться даже самыя высокія персоны. Далѣе: утверждены уставы Дергачевской сельской ремесленной учебной мастерской и Асановской низшей сельскохозяйственной школы. Жаль, что у насъ нѣтъ подъ руками никакого справочника, чтобы посмотрѣть, не принадлежатъ-ли какимъ-нибудь высокимъ персонамъ и эти благодатныя села, въ которыхъ съ такой энергіей культивируется народное образованіе и помѣщичье хозяйство. Впрочемъ я утѣшаю себя тѣмъ, что подобныя справки не входятъ въ число обязанностей статистика.

Вотъ и всѣ узаконенія, выражающія „попеченія правительства о народѣ“. Группировку я производилъ, какъ видите, по самымъ льготнымъ принципамъ. Почему, наприм., общество хмѣлеводства не есть коммерческое общество? Только развѣ потому, что тамъ иногда, можетъ быть, говорятъ не объ одной коммерціи? Или школа скотниковъ — кто ее, собственно говоря, разберетъ, дѣйствительно ли это школа или только усовершенствованный скотный дворъ?

Остается послѣдняя группа узаконеній, выражающихъ попеченіе правительства о самомъ себѣ. Сюда относится втрое большее число узаконеній (22), чѣмъ то, которое мы отнесли къ двумъ предыдущимъ рубрикамъ. Здѣсь — рядъ административныхъ реформъ, одна другой радикальнѣе: переименованіе селенія Платоновскаго въ селеніе Николаевское; измѣненіе уставовъ, штатовъ, правилъ, списковъ, времени открытія засѣданія (нѣкоторыхъ уѣздныхъ съѣздовъ) и проч.; увеличеніе содержанія повивальнымъ бабкамъ, состоящимъ при частяхъ войскъ Кавказскаго военнаго округа; опредѣленіе размѣра денежнаго отпуска на ковку и лѣченіе строевыхъ казачьихъ лошадей; измѣненіе устава частной торговой школы въ Москвѣ, правила о стипендіи имени надворнаго совѣтника Даніила Самуиловича Полякова въ Козловскомъ коммерческомъ училищѣ. Я не знаю впрочемъ, правильно ли я клас-

сифицировалъ сіи послѣднія узаконенія: дѣйствительно ли они выражаютъ попеченіе правительства о самомъ себѣ, а не о торгово-промышленныхъ интересахъ? Прошу снисхожденія у читателя — вѣдь это первый опытъ статистики узаконеній; до сихъ поръ никто не пытался еще возвести эту область знанія на степень строгой науки, — никто, не исключая даже профессоровъ русскаго государственнаго права.

Наконецъ, одно узаконеніе должно быть выдѣлено въ особую самостоятельную группу какъ по своему содержанію, такъ и по тому, что это — первое мѣропріятіе правительства въ новомъ столѣтіи: „объ увеличеніи площади лѣсовъ, предназначенныхъ для развитія и улучшенія Императорской охоты“. Великій дебютъ, достойный великой державы!

Теперь надо подвести повѣрочный итогъ. Статистика безъ этого не обходится.

Полсотни узаконеній и распоряженій, посвященныхъ отдѣльнымъ торгово-промышленнымъ компаніямъ и предпріятіямъ; два десятка административныхъ переименованій и преобразованій; два вновь созданныхъ и три реформированныхъ частныхъ общества; три школы, приготовляющія помѣщичьихъ служащихъ; шесть городовыхъ и два конно-полицейскихъ урядника при заводахъ. Можно-ли сомнѣваться, что столь богатая и разносторонняя законодательно-административная дѣятельность гарантируетъ нашему отечеству быстрый и неуклонный прогрессъ въ XX-мъ вѣкѣ?

Т. Х.

Библіографія.

Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу — Масарика, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Москва 1900.

Вотъ книга, которую непремѣнно должны прочитать всѣ, интересующіеся *„критикой марксизма"*. Правда, книга эта переведена ужаснымъ языкомъ и переводчикъ нерѣдко *совсѣмъ не понималъ* автора, а потому лучше ознакомиться съ нею въ нѣмецкомъ подлинникѣ, Но даже и въ ужасномъ русскомъ переводѣ она все таки будетъ очень полезна читателямъ: она имъ откроетъ *психологію гг. „критиковъ"*, скрывающуюся за избитыми фразами о вредѣ ортодоксіи, о необходимости идти впередъ . . . pardon — *вернуться назадъ* и т. п. и т. п.

Г. Масарикъ — критикъ ученый, внимательный, безпощадный, хотя и не лишенный при этомъ нѣкоего снисходительнаго добродушія. Онъ по косточкамъ разобралъ марксизмъ и — горе намъ, „ортодоксальнымъ" марксистамъ! — окончательно повалилъ все это ученіе. Онъ доказалъ, что Марксъ и Энгельсъ . . . но такъ нельзя, надо по порядку.

„Такимъ образомъ матеріализмъ Маркса есть построеніе довольно сложное. Совершенно очевидно, что Марксъ пытался дать синтезъ различныхъ созрѣвшихъ въ его время воззрѣній. Объективный критикъ врядъ-ли можетъ признать этотъ синтезъ удачнымъ. Философія Маркса и Энгельса имѣетъ всѣ признаки эклектизма. Несмотря на всю ихъ охоту къ критикѣ, у нихъ обоихъ недостаетъ ни критицизма, ни творческой силы, чтобы слить разнородные элементы современныхъ направленій въ одно гармоническое цѣлое" (стр. 82).

Марксъ и Энгельсъ оказываются *эклектиками*. Когда мы ознакомились съ этимъ строгимъ приговоромъ г. „объективнаго критика", мы вспомнили товарища предсѣдателя уголовной палаты, который фигурируетъ въ отрывкѣ Герцена *„Мимоѣздомъ"* и который говоритъ: „да что я, батюшка, въ вашихъ глазахъ турка или якобинецъ какой, что изъ лѣни стану усугублять участь несчастнаго" и т. д. Герценъ говоритъ по этому поводу: „Замѣтьте, якобинцевъ во всемъ обвиняли прежде, но исключительно Владиміру Яковлевичу принадлежитъ честь обвиненія ихъ въ лѣни." Совершенно также и г. Масарику исключительно принадлежитъ честь обвиненія Маркса и Энгельса *въ философскомъ эклектизмѣ*. Поздравляемъ г. профессора чешскаго университета: онъ во всякомъ случаѣ не лишенъ *оригинальности*.

Но на чемъ же основывается выдвинутое г. Масарикомъ *оригинальное* обвиненіе? Оно основывается на многихъ уликахъ, иногда столь же *оригинальныхъ*, какъ и самое обвиненіе,

Марксъ былъ сначала гегельянцемъ, а потомъ перешелъ на точку зрѣнія Фейербаха. Отъ Гегеля онъ заимствовалъ *діалектическій методъ*, а отъ Фейербаха — *матеріализмъ*. Но діалектика и матеріализмъ несовмѣстимы: „матеріалистическая діалектика есть contradictio in adjecto", говоритъ г. объективный критикъ (стр. 45). И если онъ правъ, то мы, скрѣпя сердце, должны сознаться, что философія Маркса (и Энгельса), дѣйствительно, насквозь пропитана эклектизмомъ. Но правъ-ли онъ? That is the question. Что именно говоритъ онъ?

Онъ говоритъ вотъ что; „По теоріи познанія Маркса-Энгельса понятіе есть отраженіе вещей въ мозгу; что такое это отраженіе и какъ вообще оно возможно, это мы пока оставимъ въ сторонѣ, но очевидно, что при подобной точкѣ зрѣнія діалектика понятій невозможна“ (стр. 45—46). Мы тоже оставляемъ *„пока въ сторонѣ“* вопросъ объ отраженіи вещей въ мозгу, но за то хотимъ немедленно узнать, — *почему же діалектика понятій невозможна „при подобной точкѣ зрѣнія“?* Тутъ весь вопросъ, очевидно, въ томъ, *какъ происходитъ дѣло въ природѣ:* если въ ней все совершается, — какъ говоритъ Энгельсъ, — *діалектически*, то само собою ясно, что *и понятія, представляющія собой „отраженіе вещей въ мозгу“*, должны имѣть діалектическую природу. Странно, что г. Масарику не пришло въ голову такое простое и, можно сказать, *неизбѣжное* соображеніе: очевидно, онъ былъ разсѣянъ.

„Марксъ вѣдь не признаетъ, подобно Гегелю, двойного познанія — продолжаетъ г. Масарикъ: высшаго, діалектическаго, и просто познанія разумомъ (въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: verstandesmässige, а это значитъ — *познаніе съ помощью разсудка,* а не *разума,* какъ перевелъ г. П. Николаевъ. Г. П.), разумомъ, не преодолѣвающимъ противорѣчій.“ (стр. 46).

C'est selon, г. объективный критикъ! Если бы вы внимательно прочитали „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“ Энгельса или хотя бы только его *„Развитіе научнаго соціализма“*, то вы не забыли бы, что говорится тамъ объ отношеніи *діалектическаго* мышленія къ метафизическому. Энгельсъ ставитъ *діалектическое мышленіе выше метафизическаго,* но ему и въ голову не приходитъ отрицать относительную *правомѣрность этого послѣдняго.* Въ извѣстныхъ предѣлахъ метафизическое (иначе: *разсудочное*) мышленіе совершенно необходимо. Но оно далеко недостаточно для правильнаго пониманія процессовъ природы и общественной жизни. *Его надо дополнить діалектическимъ мышленіемъ.* Такова мысль Энгельса, разумѣется, говорившаго въ этомъ случаѣ не только отъ своего лица, но и отъ имени Маркса. А г. объективный критикъ приравниваетъ эту мысль къ *полному отрицанію* метафизическаго (разсудочнаго) мышленія, и это, *выдуманное имъ,* отрицаніе онъ приводитъ *какъ доводъ противъ* діалектическаго матеріализма. Что же это за критика?

„Марксъ не признаетъ никакого апріорнаго познанія, — читаемъ мы далѣе ... Для него не существуетъ никакихъ апріорныхъ понятій о времени и пространствѣ ... Вообще Марксъ не субъективистъ, т. е. не идеалистъ, и потому онъ совершенно послѣдовательно отвергаетъ діалектику Гегеля. Энгельсъ и Марксъ хвалятъ Фейербаха, какъ преодолѣвшаго діалектику Гегеля, и вдругъ потомъ они принимаютъ эту діалектику въ полномъ ея объемѣ“ (стр. 46).

Тутъ необходимо разобраться. Когда Марксъ и Энгельсъ хвалили Фейербаха за то, что онъ „преодолѣлъ“ діалектику Гегеля, они имѣли въ виду *идеалистическую* діалектику, къ которой они съ тѣхъ поръ не переставали относиться отрицательно. А когда они защищали и рекомендовали діалектическій методъ, они имѣли въ виду (и всегда ставили на видъ читателямъ) *матеріалистическую* діалектику, оказавшую имъ такія огромныя услуги въ дѣлѣ научнаго обоснованія соціализма. Въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого противорѣчія.

Что они признавали діалектику Гегеля *не въ „полномъ объемѣ“* (какъ утверждаетъ г. „объективный критикъ“), это видно уже изъ того, что они критиковали ее именно какъ *идеалистическую*. Зачѣмъ же говорить то, чего не было?

Г. Масарикъ взялся доказать намъ, что *матеріалистическая* діалектика есть contradictio in adjecto. А теперь онъ уже не отличаетъ этой діалектики

отъ *идеалистической* и утверждаетъ, что Марксъ и Энгельсъ, сначала отказавшись отъ этой послѣдней, „вдругъ потомъ“ ее приняли во всемъ объемѣ. Чтобы дѣлать такіе неожиданные и ничѣмъ не оправдываемые логическіе скачки, нужно очень запутаться въ доводахъ.

Но послушаемъ опять г. „объективнаго критика“. „Во всякомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ искали обоснованія діалектики только въ природѣ ... Но вѣдь изъ природы діалектика попадаетъ въ мозгъ (мозгъ, вѣдь, тоже природа) и въ концѣ концовъ у матеріализма оказывается такой же методъ, какъ и у идеализма“ (стр. 46. Въ русскомъ переводѣ здѣсь стоитъ: „діалектика такой же методъ, какъ и идеализмъ.“ Это безсмыслица).

То, что говоритъ теперь нашъ критикъ, показываетъ, какъ легкомысленно и преждевременно сталъ онъ утверждать, что діалектика понятій невозможна: въ самомъ дѣлѣ, если процессы природы — діалектическіе процессы, и если „изъ природы діалектика попадаетъ въ мозгъ“ (удивительный стиль!), то ясно, что діалектика понятій *и возможна, и необходима*. Мы уже указывали на это обстоятельство. Теперь его признаетъ и г. „объективный критикъ“, ранѣе не обратившій на него вниманія. Мы очень рады и за себя, и за Маркса, и за г. критика.

„Матеріализмъ Маркса имѣетъ для своей діалектики тотъ же источникъ, какъ и Гегель (еще разъ: удивительный стиль!); онъ также отвергаетъ логическій законъ противорѣчія (въ русскомъ переводѣ г. П. Николаева: *положеніе о противорѣчіи*); Энгельсъ настолько же сильно восхваляетъ Гераклита, какъ и Гегель. Марксъ видитъ въ движеніи источникъ всякой жизни; мы живемъ среди постояннаго движенія; неподвижна только наша абстракція движенія — mors immortalis.“

Тутъ опять непостижимая путаница понятій.

Мы уже знаемъ, что Энгельсъ признавалъ *относительную правомѣрность* метафизическаго мышленія. А признавать относительную правомѣрность метафизическаго мышленія значитъ то же самое, что признавать *относительное* (хотя, конечно, не *абсолютное*) *значеніе логическаго закона противорѣчія*. А признавать относительное значеніе этого закона вовсе *не значитъ отрицать его*. Гегель такъ же мало отрицалъ его относительное значеніе, какъ и Энгельсъ съ Марксомъ. Если бы ученый критикъ далъ себѣ трудъ проштудировать *„Логику“* Гегеля, то онъ и самъ понялъ бы, какіе пустяки навязываетъ онъ этимъ мыслителямъ. Но по всему видно, что ученый критикъ *совсѣмъ не знакомъ съ Гегелемъ*, и говоря о немъ, довольствуется повтореніемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго истинно-критическаго содержанія.

Далѣе. Что же изъ того, что Марксъ видитъ источникъ всякой жизни въ движеніи? Развѣ это доказываетъ, что „источникъ діалектики“ въ его матеріализмѣ тотъ же, что и въ идеализмѣ Гегеля? Въ системѣ Гегеля „источникомъ діалектики“ является *движеніе идеи*, а вовсе не то *движеніе матеріи*, которое, — по Марксу, да и не только по Марксу, — есть источникъ всякой жизни. Какъ же можно сваливать въ одну кучу эти два, совершенно различные „источника“?

О *сильномъ восхваленіи* Гераклита мы говорить много не станемъ. Само собою ясно, что оно вовсе не доказываетъ того, что хотѣлось бы доказать г. Масарику.

„Потому насъ не должно удивлять, что Энгельсъ иногда (по-нѣмецки: unter der Hand, — тайкомъ, незамѣтно) совершенно ясно принимаетъ субъективную діалектику“ (стр. 46).

Мы думаемъ, что Энгельсъ признавалъ субъективную діалектику не только unter der Hand, а совершенно прямо и открыто. „Удивлять“ это можетъ только тѣхъ, которые ничего не понимаютъ въ міросозерцаніи

Энгельса. Къ ихъ числу несомнѣнно принадлежитъ г. Масарикъ. Если онъ приписываетъ Энгельсу лишь скрытное (unter der Hand) признаніе субъективной діалектики, то именно потому, что онъ самъ находитъ *всякое* ея признаніе *удивительнымъ*. А между тѣмъ, что можетъ быть проще и естественнѣе? Если наши понятія представляютъ собою *„отраженія“* процессовъ, совершающихся въ природѣ, то они *не могутъ быть лишены діалектическаго элемента.**) Кто признаетъ существованіе въ природѣ діалектическихъ процессовъ, *тотъ вынужденъ признавать субъективную діалектику.* Кому это можетъ быть „удивительно“?

„Марксъ и Энгельсъ не поняли, что діалектика Гегеля для нихъ непригодна, — упрямо твердитъ г. Масарикъ. Это очень важное обстоятельство; въ подробностяхъ мы встрѣчаемъ у нихъ множество противорѣчій — и это объясняется противорѣчіемъ въ теоретико-познавательномъ обоснованіи всей системы.“ (стр. 46).

Какъ же не поняли, г. критикъ? Вѣдь Марксъ и Энгельсъ отказались отъ *идеалистической* діалектики Гегеля. Зачѣмъ вы дѣлаете видъ, будто позабыли объ этомъ *„очень важномъ обстоятельствѣ“?* Мы знаемъ — зачѣмъ. Вамъ извѣстно, что противъ *идеалистической* діалектики сдѣлано было много серьезныхъ возраженій, а противъ *матеріалистической* діалектики вы *ни одного* серьезнаго возраженія придумать не въ состояніи! Чтобы выпутаться изъ затрудненія, вы и сваливаете съ больной головы на здоровую, приписавъ Марксу и Энгельсу идеалистическую діалектику Гегеля. Это, конечно, очень удобный пріемъ. Но насколько онъ убѣдителенъ?

На слѣдующей страницѣ г. Масарикъ опять измѣняетъ себѣ, говоря: „Вѣрно то, что Марксъ и Энгельсъ возстаютъ противъ Гегеля и осуждаютъ его методъ.“ Спрашивается, какъ же быть съ тѣмъ „очень важнымъ обстоятельствомъ“, что они не поняли непригодности для нихъ Гегелевской діалектики? Вѣдь это „обстоятельство“ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ ошибокъ. Г. Масарикъ самъ сознаетъ „непригодность“ для него подобнаго противорѣчія и старается смягчить („притупить“, какъ сказали бы мы съ г. П. Струве) его такими Redensarten: „Но можно говорить противъ Гегеля еще болѣе и горячѣе, какъ говоритъ, напримѣръ, Шопенгауеръ, и однако тотъ же Шопенгауеръ, сознававшій ошибки Гегеля, пользовался методомъ не менѣе фантастическимъ и субъективнымъ. Точно также Марксъ и Энгельсъ тщетно боролись съ давленіемъ, которое производилъ на нихъ Гегель“ (стр. 47).

Тщетно боролись съ давленіемъ! Согласитесь, г. профессоръ, что это очень неопредѣленно. И если это все, что вы можете сказать о методѣ Маркса, то ваши „критическія“ претензіи далеко превосходятъ вашу критическую силу.

Впрочемъ, г. профессоръ еще не закончилъ своего изслѣдованія о методѣ Маркса. Выслушаемъ его до конца.

„Объективной діалектики просто таки не существуетъ.“ Это мы слышали, но просимъ васъ доказать намъ это, г. профессоръ. „Въ самой природѣ не существуетъ никакого діалектическаго противорѣчія.“ Это опять не *доказательство,* а новое *повтореніе* того, *о доказательствѣ чего* мы и ходатайствовали передъ г. критикомъ. „Мы можемъ говорить о притяженіи и отталкиваніи въ естественно-научномъ смыслѣ слова, о любви и ненависти, о войнѣ и мирѣ въ человѣческомъ обществѣ, но все

---

*) Мы не можемъ говорить здѣсь о томъ, какъ надо понимать терминъ *„отраженіе“*. Но мы подробно объяснимъ это въ другомъ мѣстѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что г. г. „критики“ очень напираютъ на него, изображая его, какъ чистую нелѣпость.

это не есть ни діалектика Гегеля, ни діалектика Маркса." Стало быть, есть двѣ діалектики: *Гегеля и Маркса*. А г. профессоръ не только не объяснилъ намъ ихъ различія, но изобразилъ дѣло такъ, какъ будто Марксова діалектика совсѣмъ не отличается отъ Гегелевой. И это онъ назвалъ *критикой*. Странная терминологія! Вся остальная часть выписанной нами фразы представляетъ собою *опять не доказательство, а повтореніе того, что требуется доказать*. Удивительная острота критической мысли!

Далѣе г. профессоръ дѣлаетъ видъ, что хочетъ „внимательно анализировать" одинъ изъ приводимыхъ Энгельсомъ примѣровъ діалектики природы и утверждаетъ, что примѣръ этотъ заключаетъ въ себѣ „нѣчто отличное отъ того, что хочетъ доказать Энгельсъ" (стр.47—48). Рѣчь идетъ у него объ извѣстномъ примѣрѣ овсянаго зерна. „Я не буду особенно распространяться объ этомъ примѣрѣ; сразу очевидно, что онъ не годится — во всякомъ случаѣ оплодотвореніе, ростъ, развитіе и увеличеніе (по-нѣмецки: Vermehrung — размноженіе) есть нѣчто иное, а не гегелевская тезa — антитеза — синтезъ. Это дѣйствительно процессъ развитія и своею непрерывностью и безконечно малыми измѣненіями онъ отличается существенно отъ трехъ-членной діалектики" (стр. 47). *Вотъ и все*. Дальше г. профессоръ прибавляетъ лишь слѣдующее лаконическое замѣчаніе: „Остальные примѣры изъ различныхъ сферъ знанія тоже представляютъ картину недіалектическаго развитія".

Что оплодотвореніе, ростъ, развитіе и размноженіе представляютъ собою нѣчто иное, чѣмъ *тезисъ, антитезисъ и синтезисъ*, это въ самомъ дѣлѣ *„сразу очевидно"*, но *сразу же очевидно*, что это ровно ничего не доказываетъ. Вѣдь *паденіе* тѣла и его *отраженіе* есть тоже нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, чѣмъ *теорема механики*, гласящая, что *уголъ паденія равняется углу отраженія*. Но развѣ это „очень важное обстоятельство" доказываетъ ошибочность теоремы? И развѣ кому нибудь придетъ въ голову мысль оспаривать эту *двухъ-членную* теорему указаніемъ на то, что движеніе есть непрерывный процессъ, сопровождающійся безконечно-малыми измѣненіями? Побойтесь бога, г. критикъ! Вѣдь недаромъ же вы, по собственному вашему заявленію, представляете себѣ міръ *„теистически"*!

Теперь мы измѣрили всю глубину „критики", направленной г. профессоромъ противъ Марксовой діалектики. Далѣе у г. Масарика идетъ такое разсужденіе о Гегелѣ:

„Уже у Гегеля есть понятіе о развитіи и прогрессѣ, но это понятіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ ... Онъ представляетъ себѣ развитіе посредствомъ катастрофъ, посредствомъ крупныхъ переворотовъ и противорѣчій. Въ этомъ ему слѣдуетъ Фейербахъ, а послѣдователемъ ихъ обоихъ былъ и Марксъ" (стр. 48).

Здѣсь г. профессоръ опять разсказываетъ *„то, чего не было"*. Гегель никогда не говорилъ, что развитіе совершется *только* „посредствомъ катастрофъ, крупныхъ переворотовъ и противорѣчій". Онъ прекрасно зналъ, что процессъ развитія состоитъ также изъ *безконечно-малыхъ измѣненій и противорѣчій*. Но онъ прибавлялъ, что эти безконечно-малыя измѣненія и противорѣчія *не только не исключаютъ „крупныхъ переворотовъ и противорѣчій", но иногда неизбѣжно ведутъ къ нимъ*. Онъ оспаривалъ правильность извѣстнаго положенія: *природа скачковъ не дѣлаетъ*. Если г. профессоръ чешскаго университета находитъ, что доводы Гегеля неосновательны, то пусть онъ опровергнетъ ихъ. Но онъ даже не пытается сдѣлать это. *Онъ ограничивается искаженіемъ мысли Гегеля*. Вотъ такъ „критикъ"!

Но это искаженіе чрезвычайно характерно само по себѣ. Оно обнаруживаетъ психологическую подкладку всѣхъ нынѣшнихъ нападокъ на

Гегелену діалектику. Эта діалектика не нравится филистерамъ тѣмъ, что она оправдываетъ *„крупные перевороты“*. Das ist des Pudels Kern. И, разумѣется, тотъ же самый мотивъ обусловливаетъ собою еще болѣе отрицательное отношеніе тѣхъ же филистеровъ къ матеріалистической діалектикѣ Маркса. Это „важное обстоятельство“ есть одно изъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ глубокаго упадка философской мысли въ средѣ образованной буржуазіи нашего времени.

Теперь вы поняли, читатель, почему философія Маркса и Энгельса страдаетъ *„эклектизмомъ“*? Потому что эта философія есть настоящая *алгебра революціи*. Если бы можно было удалить изъ нея ея революціонное содержаніе, то „критики“ въ родѣ г. Масарика сразу же прекратили бы свои нападки на нее, и она нашла бы себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ тѣхъ образованныхъ элементовъ мелкой буржуазіи, которые готовы отстаивать *соціальныя реформы*, но приходятъ въ ужасъ при одной мысли о *соціальной революціи*.

„Reformation, nicht Revolution!“ восклицаетъ г. Масарикъ въ 147-мъ параграфѣ своей книги, почему-то совершенно выпущенномъ русскимъ переводчикомъ (неужели цензура запретила это противопоставленіе реформы революціи?). Это многозначительное восклицаніе сопровождается у него высоко-нравственной проповѣдью на тему о томъ, что „безъ дѣйствительной реформы нашего мышленія и нашихъ нравовъ мы посредствомъ революціи прогонимъ черта лишь затѣмъ, чтобы замѣнить его Вельзевуломъ“ и т. д. (стр. 551—552 нѣмецкаго подлинника). И эта проповѣдь тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на чувство читателя, что проповѣдникъ благочестиво поднимаетъ глаза къ небу.

„У Маркса, — говоритъ онъ по поводу роста числа самоубійствъ въ цивилизованныхъ странахъ — мы особенно ясно видимъ, откуда у него явилось такое настроеніе, и самъ онъ говоритъ объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Фейербахъ уничтожилъ небо, философіи ничего другого не оставалось, какъ революціонизировать землю. Фаустъ, Каинъ, Макфредъ, Ролла, Иванъ (въ *„Братьяхъ Карамазовыхъ“* Г. П.) — всѣ эти современные титаны начинаютъ борьбой съ Высшимъ и кончаютъ революціей или смертью (какія страсти! Боже, милостивый буди мнѣ грѣшному! Г. П.). Шопенгауеръ тоже устранилъ Бога и объявилъ міровой субстанціей слѣпую, ни къ чему не стремящуюся волю. Марксъ и Энгельсъ тоже на мѣсто Бога поставили матерію (рѣче безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ! Г. П.) и отдались во власть слѣпого случая. Энгельсъ вполнѣ послѣдовательно видитъ въ слѣпомъ злѣ движущую міровую силу, исторія дѣлается слѣпыми страстями хищности и жажды власти. Въ слѣпомъ и ничтожномъ мірѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени для радости и для любви. Когда Христосъ испустилъ духъ свой, разсказываетъ евангелистъ, стало темно на землѣ, и солнце потускнѣло, — такъ же затемняется и внутренній міръ (das Innere; г. П. Николаевъ переводитъ: *„внутреннее“*) человѣка, когда въ немъ умираетъ божество или когда человѣкъ убиваетъ его. Гегелевская лѣвая убила Бога такъ же, какъ Шопенгауеръ. Дѣло Гегеля докончили Фейербахъ, Штраусъ, Штирнеръ и Марксъ. И стало темно, и солнце потускнѣло“ (стр. 505).

Надо прямо говорить: хорошо пишетъ о богѣ г. Масарикъ! У насъ гг. Струве и Бердяевъ тоже недурно пишутъ теперь объ этой „субстанціи“, но до г. Масарика имъ далеко: у нихъ нѣтъ той возвышенности и той чувствительности, которыя отличаютъ божественныя проповѣди г. профессора чешскаго университета. Правда, гг. Струве и Бердяевъ недавно начали писать о „Высшемъ“. У нихъ еще нѣтъ надлежащаго навыка; но современемъ, вѣроятно, усовершенствуются и они.

Нужно ли прибавлять, что г. Масарикъ на всѣ лады эксплуатируетъ для своихъ антиреволюціонныхъ цѣлей извѣстное предисловіе Энгельса къ сочиненію Маркса о борьбѣ классовъ во Франціи? Онъ увидѣлъ въ немъ полное „отреченіе отъ революціи". Выходитъ, будто Энгельсъ, подобно г. Тихомірову, *„пересталъ быть революціонеромъ"*. Въ предисловіи къ новому изданію *„Манифеста Коммунистической партіи"* мы старались показать, что Энгельсъ, объявляя нецѣлесообразнымъ революціонный способъ дѣйствій, имѣлъ въ виду собственно *только* современную Германію и вовсе не придавалъ своимъ доводамъ и выводамъ того общаго значенія, какое приписали имъ „критики". Не знаемъ, насколько *убѣдительны* были наши разсужденія; но что они были *вѣрны*, это показали недавно опубликованныя въ парижскомъ „Socialiste" письма Энгельса къ П. Лафаргу. Послѣ опубликованія этихъ писемъ всѣ разглагольствованія о томъ, что самъ Энгельсъ подъ конецъ своей жизни *„поумнѣлъ"* и *„пересталъ быть революціонеромъ"*, лишаются всякаго смысла, и остается лишь вопросъ о томъ, *зачѣмъ Энгельсъ, умѣвшій такъ ярко и ясно выражать свои мысли, выразился на этотъ разъ довольно темно и сбивчиво*. А на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: Энгельсъ уступилъ настояніямъ *„практическихъ* политиковъ" своей партіи. Принявъ въ соображеніе ту путаницу понятій, которую вызвала уступчивость Энгельса, приходится признать, что она была неумѣстна, и что вообще не слѣдуетъ приносить интересы теоріи въ жертву практическимъ интересамъ минуты. *Это прежде всего очень непрактично.*

Но довольно объ этой сторонѣ вопроса. Кромѣ указаннаго элемента *„эклектизма"*, г. Масарикъ открылъ въ теоріи Маркса-Энгельса еще другіе. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на *дарвинизмъ*, на который эти мыслители смотрѣли, какъ на торжество діалектики въ біологической наукѣ. По мнѣнію г. Масарика, дарвинизмъ совершенно несогласуется съ марксизмомъ. Это обосновывается вотъ на чемъ. „Марксъ и Энгельсъ цѣнятъ въ дарвинизмѣ прежде всего идею эволюціи, но они не замѣчаютъ того, что эта идея противорѣчитъ ихъ діалектикѣ и ихъ историческому матеріализму". Здѣсь мы встрѣчаемся, съ тѣмъ самымъ пріемомъ аргументаціи, съ которымъ мы очень хорошо ознакомились выше: г. Масарикъ *повторяетъ то положеніе, которое ему нужно доказать*, наивно считая повтореніе доказательствомъ. Впрочемъ, будемъ справедливы. За *повтореніемъ* у него плетется нѣчто похожее на *доказательство*. „Не говоря уже о томъ, что Дарвинъ признаетъ совершенно иныя силы развитія, чѣмъ Марксъ, въ дарвинизмѣ дѣло идетъ не просто о фактѣ развитія міра и общества, а главнымъ образомъ о томъ, чѣмъ и какъ они развиваются" (стр. 49).

Дарвинъ признавалъ извѣстныя „силы развитія" животныхъ и растительныхъ видовъ. Это такъ, но въ чемъ его взглядъ на эти силы отличается отъ взгляда Маркса? Г. Масарикъ ничего не говоритъ на этотъ счетъ, а мы почти ничего не знаемъ, ибо Марксъ совсѣмъ ничего не писалъ объ этомъ, а Энгельсъ въ общемъ *соглашался* со взглядами Дарвина. Г. Масарикъ хочетъ сказать, можетъ быть, что Дарвинъ, даже въ *соціологическихъ* своихъ отступленіяхъ отъ *біологической темы*, продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія, не имѣющей ничего общаго съ историческимъ матеріализмомъ? Въ такомъ случаѣ его заявленіе пріобрѣтаетъ смыслъ и не противорѣчитъ истинѣ: Дарвинъ, дѣйствительно, не додумался до историческаго матеріализма. Онъ, дѣйствительно, склоненъ былъ примѣнять свою *біологическую* теорію къ объясненію *соціальныхъ* явленій. Но это ошибка его, *Дарвина*, а *не Маркса*. Если Дарвинъ смѣшалъ двѣ категоріи явленій, смѣшиванію вовсе не подлежащихъ, то можно ли на этомъ основаніи упрекать въ *эклектизмѣ* Маркса и Энгельса, стоявшихъ *въ*

біологіи на точкѣ зрѣнія дарвинизма, а въ соціологіи на точкѣ зрѣнія *историческаго матеріализма*? Такой упрекъ только тогда могъ бы быть оправданъ, когда мы признали бы, что нельзя быть одновременно *дарвинистомъ* въ біологіи и *марксистомъ* (сторонникомъ историческаго матеріализма) въ соціологіи. Но вѣдь *это еще не доказано; это именно нужно доказать.* А нашъ критикъ вовсе не доказываетъ этого. Онъ постоянно попадаетъ въ ту же логическую ошибку. Petitio principii есть главное оружіе его „критики".

„Эклектизмъ" Маркса состоитъ еще и въ томъ, что Марксъ (равно какъ и Энгельсъ) былъ не только *матеріалистомъ*, но также и *позитивистомъ*, самъ того не подозрѣвая (стр. 59).

Что же такое *позитивизмъ*? Г. Масарикъ не опредѣляетъ этого философскаго понятія, такъ что намъ остается лишь строить на этотъ счетъ *догадки.* Вотъ, напримѣръ, Энгельсъ оказывается у него *позитивистомъ*, когда говоритъ: „Понимать дѣйствительный міръ, — природу и исторію, — такъ, какъ онъ представляется каждому приступающему къ нему безъ предвзятыхъ идеалистическихъ бредней ... безъ всякаго милосердія жертвовать всякими предвзятыми идеалистическими бреднями, несогласующимися съ фактами, понимаемыми въ ихъ дѣйствительной, а не фиктивной связи. Матеріализмъ ничего болѣе этого и не представляетъ." Очевидно, г. профессоръ думаетъ, что матеріалистъ такъ говорить не можетъ. Онъ думаетъ такъ только потому, что не знакомъ съ матеріализмомъ. У французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка можно найти сколько угодно такого „позитивизма" (ср., напримѣръ, конецъ шестой главы во второй части „Système de la nature"). Но какое дѣло до того г. профессору? Онъ знать не хочетъ матеріализма. И онъ дѣйствительно его не знаетъ. Онъ говоритъ: „Фейербахъ мыслилъ настолько критически, что не могъ принять матеріализма цѣликомъ, со всѣми его послѣдствіями" (стр, 55). Это г. профессоръ слышалъ отъ Энгельса, но Энгельсъ *зналъ*, что значатъ эти слова, когда онъ *писалъ* ихъ, а г. Масерикъ *не зналъ*, что они значатъ, когда ихъ *списывалъ*. Вслѣдствіе этого онъ подтверждаетъ ихъ такими соображеніями: „Потому-то мы и встрѣчаемъ у него (у Фейербаха. Г. П.) такія оригинальныя отговорки, когда онъ на вопросъ, откуда же происходитъ духъ, отвѣчаетъ, что онъ происхдитъ оттуда, откуда происходитъ и тѣло, что онъ развивается съ тѣломъ и т. д." (стр. 55). Что же тутъ *„оригинальнаго"*? Вѣдь такъ говорилъ, напримѣръ, и *Ламеттри*, который ужъ конечно принималъ матеріализмъ *„со всѣми его послѣдствіями"*. И почему это *„отговорки"*? Развѣ факты показываютъ противное тому, что говорилъ Фейербахъ о взаимномъ отношеніи „духа" и матеріи?

Кстати о матеріализмѣ. Г. „объективный критикъ" вѣщаетъ: „Понятно, что тутъ весь вопросъ въ томъ, можетъ-ли современная наука и спеціально біологія рѣшиться предложить ученіе, будто духъ есть высшій продуктъ матеріи, какъ выражается Энгельсъ. Я думаю, что мнѣ незачѣмъ говорить о томъ, что уже давно ни одинъ серьезный изслѣдователь не рѣшается утверждать этого. Но Энгельсъ не допускаетъ никакого сомнѣнія въ своей матеріалистичеекой догматикѣ" (стр. 56). Очень хорошо! Но вотъ мы открываемъ французскій переводъ книги *Гекели* объ *Юмѣ* и тамъ, на страницѣ 108, находимъ такое мѣсто: *„Въ настоящее время никто изъ стоящихъ на высотѣ современной науки и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что основы психологіи надо искать въ физіологіи нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функцій, и матеріалы нашего сознанія являются продуктомъ дѣятельности мозга"* (курсивъ нашъ). Ну развѣ же это не то самое, что говорилъ въ указанномъ мѣстѣ Фридрихъ Энгельсъ? Вѣдь Энгельсъ называетъ тамъ *духомъ* какъ разъ то,

что Гексли назвалъ *элементами нашего сознанія*. Или, можетъ быть, знаменитый англійскій натуралистъ не былъ *серьезнымъ изслѣдователемъ природы*?

Г. Масарикъ ехидно спрашиваетъ Энгельса: „Откуда происходитъ все, и матеріальное, и человѣческая голова?“ (стр. 55). Этотъ, трогательный по своей наивности, вопросъ показываетъ снова, что г. профессоръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о матеріализмѣ. Матеріалисты никогда не утверждали, что ихъ ученіе можетъ отвѣтить на *такіе* вопросы. Они всегда говорили, что *эти вопросы лежатъ за предѣлами знанія*. На этотъ счетъ ученый профессоръ могъ найти очень поучительныя страницы въ сочиненіяхъ совершенно неизвѣстнаго ему матеріалиста („со всѣми послѣдствіями“) Ламеттри. Но если матеріалисты всегда отказывались отвѣчать, *откуда* происходитъ „*матеріальное и все*“, то это не мѣшаетъ имъ думать, что ихъ ученіе гораздо лучше отвѣчаетъ на доступные намъ вопросы, чѣмъ всѣ другія философскія системы. Съ этимъ, разумѣется, можно не соглашаться (мало-ли съ чѣмъ можно не соглашаться!), но кто несогласенъ съ этимъ, тому надо *опровергать* матеріалистовъ, а не *надоѣдать имъ съ вопросами, одна постановка которыхъ указываетъ на то, что надоѣдающій лишенъ всякаго истинно-критическаго развитія*.

Въ нашей краткой (и кроткой) замѣткѣ мы рѣшительно не въ состояніи исчерпать *всѣ* перлы философскаго мышленія, разсыпанные въ книгѣ г. Масарика. А философіи посвящена только одна часть его книги. За этой частью слѣдуютъ другія, столь же богатыя перлами. Пусть читатель самъ собираетъ ихъ. Мы съ своей стороны отмѣтимъ, по недостатку мѣста, только одинъ перлъ, относящійся къ *матеріалистическому пониманію исторіи*.

„Вопросъ остается такимъ: составляютъ-ли отношенія производства, животныя потребности, или какъ бы тамъ ни формулировали эти отношенія, конечныя движущія силы исторіи? Главныя-ли они силы? Настоящія-ли они творческія силы?“ (стр. 116).

Вы слышите, читатель! Г. Масарикъ считаетъ возможнымъ „*формулировать*“ *производственныя отношенія какъ „животныя потребности“*. Это ужъ изъ перловъ перлъ! Съ человѣкомъ, способнымъ къ *такимъ* „формулировкамъ“, спорить далѣе и невозможно, и ненужно.

Когда мы читали отдѣлъ, посвященный г. Масарикомъ историческому матеріализму, мы часто вспоминали нашего добраго, стараго г. Карѣева. Г. Масарикъ, знающій по-русски и часто ссылающійся на русскихъ писателей, очевидно многимъ обязанъ г. Карѣеву. Онъ заимствовалъ у него многія изъ его замѣчательныхъ „формулировокъ“. Только онъ исправилъ и дополнилъ ихъ, сдѣлавъ ихъ тяжеловѣсными и педантичными. Кое-что заимствовалъ онъ также изъ „формулировокъ“ г. Ник. Михайловскаго и другихъ русскихъ „критиковъ“ историческаго матеріализма. Но, разумѣется, и ко всѣмъ этимъ заимствованіямъ онъ прибавилъ очень значительный элементъ многословія и педантизма.

Со всѣми этими заимствованіями, многословіемъ и педантизмомъ г. Масарикъ, въ своей „критикѣ“ историческихъ взглядовъ Маркса, оказался очень похожимъ на . . . г. Эдуарда Бернштейна. Les beaux esprits se rencontrent!

Послѣ всего сказаннаго читатель понимаетъ, что г. Масарику очень не нравится ученіе Маркса о стоимости и *особенно о прибавочной стоимости*. Иначе, конечно, и быть не могло.

Въ заключеніе мы еще разъ скажемъ всѣмъ, интересующимся „критикой“ марксизма: прочтите, непремѣнно прочтите скверно переведенную на русскій языкъ книгу г. Масарика. Она обнаружитъ передъ вами психологическую подкладку этой, модной теперь, будто бы критики.

La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde, Paris 1900.

Эта книга талантливаго и ученаго бельгійскаго соціалиста состоитъ изъ трехъ частей. Первыя двѣ знакомятъ насъ съ самостоятельными изслѣдованіями, которыя онъ сдѣлалъ, съ помощью нѣкоторыхъ своихъ друзей, въ области бельгійскихъ поземельныхъ отношеній, а въ третьей части Э. Вандервельдъ излагаетъ выводы, добытые въ той же области оффиціальной бельгійской статистикой. Всѣ три части какъ нельзя болѣе интересны, и книга представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу аграрнаго вопроса. Мы настоятельно рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ.

Первая часть, посвященная описанію деревень La Hulpe, Rixensart и Genval, лежащихъ недалеко отъ Брюсселя и совершенно подчинившихся его вліянію, даетъ новый матеріалъ для подтвержденія и поясненія той, впрочемъ, уже не новой мысли, что дробленіе поземельной собственности и увеличеніе числа мелкихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій далеко не означаетъ торжества *крестьянскаго* землевладѣнія и земледѣлія. Въ изслѣдованныхъ Вандервельдомъ деревняхъ промежутокъ времени между 1831 и 1898 гг. ознаменовался *значительнымъ ростомъ числа мелкихъ участковъ ниже двухъ гектаровъ*. Но кому принадлежатъ и кѣмъ воздѣлываются эти мелкіе участки? Принадлежатъ они *рабочимъ*, ежедневно отправляющимся на работу въ Брюссель, а воздѣлываются *женами и дочерьми этихъ рабочихъ*. „Такъ какъ легкость сообщеній привлекаетъ въ городъ большую часть лицъ мужскаго пола, — говоритъ Вандервельдъ, — то полевыя работы падаютъ почти исключительно на женщинъ, ведя за собой всѣ тѣ дурныя послѣдствія, которыя могутъ происходить отсюда для домашняго хозяйства и воспитанія дѣтей“ (стр 67). Эти полевыя работы болѣе или менѣе облегчаютъ рабочей семьѣ трудное дѣло сведенія концовъ съ концами, но о хозяйственной самостоятельности такой семьи не можетъ быть и рѣчи. Господство капитализма такъ же безгранично въ этихъ деревняхъ, какъ и въ самыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Разница лишь въ томъ, что, — по мѣткому замѣчанію Вандервельда, — капитализмъ завладѣлъ здѣсь *не земледѣліемъ, а земледѣльцами*, превративъ ихъ въ *промышленныхъ* рабочихъ (стр. 33). Эта разница не измѣняетъ, конечно, сущности отношеній наемнаго труда къ капиталу; однако, она не остается безъ вліянія *на развитіе рабочаго движенія*. „Земледѣльцы, превращенные въ промышленныхъ рабочихъ“, все еще связаны съ деревней многими нитями и все еще не раздѣлались съ *деревенской отсталостью*. Они мало читаютъ и плохо разбираются въ окружающемъ. Ихъ сознаніе развивается *лишь въ той мѣрѣ, въ какой они испытываютъ на себѣ просвѣтительное дѣйствіе города*. Къ счастью, это просвѣтительное дѣйствіе постоянно возрастаетъ. „Отвязанные отъ земли деревенскіе жители, — говоритъ Вандервельдъ, — ежедневно приносятъ къ себѣ домой новыя идеи и новыя чувства; развивается организація рабочихъ; въ каждой деревнѣ возникаетъ своя вѣтвь профессіональнаго союза и непосредственно вслѣдъ за капитализмомъ туда проникаетъ соціализмъ“ (стр. 73).

Во второй части, изслѣдующей движеніе поземельной собственности *по провинціямъ*, Вандервельдъ спрашиваетъ себя, въ какой мѣрѣ предсказанія соціалистовъ на счетъ концентраціи поземельной собственности подтверждаются опытомъ его страны. Данныя, терпѣливо собранныя имъ и его друзьями въ 2,609 бельгійскихъ общинахъ и охватывающія промежутокъ времени отъ 1834 г. (въ Лимбургской и Люксембургской провинціяхъ отъ 1845 г.) до 1898 г., привели его къ тому заключенію, что „крупное землевладѣніе прогрессировало въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя испытали на себѣ непосредственное вліяніе главныхъ городовъ, и, наоборотъ,

регрессировало въ тѣхъ, которыя остались внѣ сферы этого вліянія, благодаря большимъ разстояніемъ или трудности сообщенія“ (стр. 78). Но пріобрѣтенія, сдѣланныя крупнымъ землевладѣніемъ, были во всякомъ случаѣ значительнѣе его потерь, такъ что *„принадлежащіе частнымъ лицамъ* поземельные участки во 100 гектаровъ занимаютъ теперь большее пространство, чѣмъ въ 1834—45 годахъ“ (стр. 77—78).

Но даже и въ отсталыхъ провинціяхъ, гдѣ поземельная собственность, въ общемъ, не концентрируется, а раздробляется, крупное землевладѣніе прогрессируетъ *во всѣхъ тѣхъ дистрикгахъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ подчиняются вліянію большихъ городовъ* съ ихъ капиталистическими отношеніями. Это мы видимъ, напримѣръ, въ провинціяхъ Намюрской и Лимбургской. Къ тому же, само дробленіе поземельной собственности знаменуетъ побѣду капитализма, потому что по большей части его вызываетъ совершающійся подъ вліяніемъ промышленнаго развитія переходъ отъ экстенсивныхъ формъ хозяйства къ болѣе или менѣе интенсивнымъ.

Если припять въ соображеніе, что ростъ крупнаго землевладѣнія въ Бельгіи сопровождался быстрымъ увеличеніемъ тѣхъ *микроскопическихъ участковъ („косыхъ платковъ“)*, которые, какъ мы уже знаемъ, обрабатываются женами и дочерьми *промышленныхъ* рабочихъ, то станетъ ясно, что собственно *крестьянское хозяйство Бельгіи быстро клонится къ упадку.*

А къ этому нужно прибавить еще и то, заботливо отмѣченное Вандервельдомъ, обстоятельство, что число участковъ, сдаваемыхъ въ аренду, *быстро растетъ*, между тѣмъ какъ участки, воздѣлываемые своими собственниками, *уменьшаются въ числѣ*. Это во всякомъ случаѣ показываетъ, что *эксплуатація земледѣльца принимаетъ болѣе широкіе размѣры.*

Всѣ эти выводы какъ нельзя лучше подтверждаются новѣйшими данными оффиціальной земледѣльческой статистики Бельгіи, анализируемыми въ третьей части книги Вандервельда. Мы находимъ въ этой части, между прочимъ, слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

Въ 1834 году приходилось 29 поземельныхъ участка (cote) на 100 жителей; въ 1897 году ихъ приходится на то же число жителей только 18 (стр. 271).

Эти цифры указываютъ — по справедливому замѣчанію Вандервельда, на то, что во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка значительно увеличилось число лицъ, не имѣющихъ ровно никакой поземельной собственности. Но, взятыя сами по себѣ, цифры эти далеко не даютъ надлежащаго понятія объ истинномъ положеніи дѣлъ. Ихъ необходимо дополнить нѣкоторыми другими.

Вандервельдъ полагаетъ, что для Бельгіи можно признать *въ среднемъ* такую классификацію хозяйствъ, допускающую, однако, довольно значительныя колебанія въ противоположныя стороны:

	Гектары
Крупныя хозяйства	50 и выше
среднія	отъ 10 до 50
мелкія	„ 2 „ 10
парцеллярныя . .	„ 0 „ 2

Запомнивъ эту классификацію, обратите вниманіе на тотъ поразительный фактъ, что, *по переписи 1895 года*, въ Бельгіи на 829 625 земледѣльческихъ хозяйствъ приходилось 634 358 *парцеллярныхъ*, т. е. такихъ, которыя занимаютъ *менѣе двухъ гектаровъ.*

Изъ 634 358 парцеллярныхъ хозяйствъ, *469 486* обрабатываются *арендаторами*, и только остальныя *164 867* составляютъ *собственность* семей, ихъ обрабатывающихъ.

За исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ преобладаетъ огородная культура, всѣ эти хозяйства служитъ лишь *подспорьемъ* для своихъ обладателей *и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельныя крестьянскія хозяйства.*

Интересно, что въ промежутокъ времени отъ 1846 г. до 1880 г. число парцеллярныхъ, — т. е. *не-крестьянскихъ* хозяйствъ — возросло съ 400 514 до 710 563. Но съ 1880 года начинается обратное движеніе: по переписи 1895 года число хозяйствъ этого рода, какъ мы видѣли, доходило уже только до 634 353. По словамъ бельгійскаго министра земледѣлія, это — чисто фиктивное уменьшеніе, объясняемое неточностью пріемовъ переписи 1880 года. Но Вандервельдъ допускаетъ, что число парцеллярныхъ хозяйствъ въ самомъ дѣлѣ уменьшилось, и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ *земледѣльческихъ* мѣстностяхъ (въ *промышленныхъ* число парцеллярныхъ хозяйствъ не перестаетъ расти) по различнымъ причинамъ уменьшилось число сельско-хозяйственныхъ *рабочихъ*. Въ самомъ дѣлѣ, за время отъ 1880 до 1895 года число это понизилось:

Годы	Мужчинъ	Женщинъ	Всего
1880	141 762	75 433	217 195
1895	128 277	58 829	187 106

Этотъ параллелизмъ между сокращеніемъ числа земледѣльческихъ рабочихъ и уменьшеніемъ числа парцеллярныхъ хозяйствъ лишній разъ показываетъ намъ, *какъ несамостоятельны* хозяйства этой, самой многочисленной въ Бельгіи, категоріи.

Мелкія крестьянскія хозяйства, т. е. хозяйства, воздѣлывающія отъ 2 до 10 гектаровъ, увеличивались въ числѣ въ періодъ времени отъ 1846 года, — когда ихъ было 126 120, — до 1880 года, — когда ихъ число поднялось до 158 261. Но съ 1880 года и здѣсь замѣчается обратное явленіе: *число хозяйствъ этого рода упало до 150 586.*

Уменьшеніе числа мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ сопровождается еще болѣе быстрымъ уменьшеніемъ числа крестьянъ, воздѣлывающихъ свою собственную землю.

Въ 1880 году ихъ было 60 298 (не очень много, какъ видитъ читатель), а въ 1895 году ихъ осталось только 51 298.

Среднія хозяйства, (отъ 10 до 50 гектаровъ) наоборотъ, *стали многочисленнѣе:*

	Собств.	Арендат.	Всего
1880	13 767	24 402	38 619
1895	14 237	26 865	41 102

„Но ошибочно было бы заключить изъ этого, — говоритъ Вандервельдъ, — что средняя крестьянская собственность или среднія хозяйства прогрессируютъ во всѣхъ мѣстностяхъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ развивается крупная промышленность, они, повидимому, идутъ назадъ, вслѣдствіе вздорожанія наемнаго труда“ (стр. 288).

Промышленные центры привлекаютъ къ себѣ рабочихъ изъ деревень и тѣмъ вызываютъ въ этихъ послѣднихъ *повышеніе заработной платы.* Это обстоятельство, уменьшая доходы среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ, — *эксплуатирующихъ наемный трудъ*, — задерживаетъ развитіе или даже причиняетъ упадокъ этихъ хозяйствъ. Тутъ мы видимъ передъ собой конкуренцію *промышленнаго* капитала съ *сельско-хозяйственнымъ*. Сельскохозяйственный капиталъ *уступаетъ* промышленному въ борьбѣ за *объектъ эксплуатаціи, т. е. за рабочую силу.* Это можетъ быть *дурно;* это можетъ быть *хорошо* съ извѣстной точки зрѣнія. Но что этотъ упадокъ среднихъ

хозяйствъ не знаменуетъ собою побѣды *самостоятельнаго крестьянства*, доказывается цифрами, приведенными нѣсколько выше.

Успѣхи капитализма — говоритъ Вандервельдъ — не непремѣнно ведутъ къ концентраціи хозяйствъ. Довольно часто случается, напротивъ, что тѣ же самыя причины, которыя уменьшаютъ число хозяйствъ, воздѣлываемыхъ ихъ собственниками, вызываютъ въ то же время раздробленіе крупныхъ имѣній, развитіе огородничества, воздѣлываніе промышленныхъ растеній и умноженіе арендуемыхъ рабочими крошечныхъ участковъ, приносящихъ своимъ собственникамъ большій доходъ, чѣмъ крупныя фермы. Для того, чтобы дѣло приняло другой оборотъ, крупная интенсивная культура должна пріобрѣсти рѣшительное превосходство надъ мелкими хозяйствами (стр. 290).

Это безспорно. Но въ современной Бельгіи превосходство крупной интенсивной культуры надъ мелкой не можетъ уже подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. *Съ 1880 года начинается увеличеніе числа крупныхъ хозяйствъ*, (обрабатывающихъ болѣе 50 гектаровъ), ясно обнаруженное оффиціальной статистикой. „Уменьшились въ числѣ именно мелкія хозяйства, занимающія менѣе 5 гектаровъ — говоритъ цитируемый Вандервельдомъ „Annuaire statistique de la Belgique“ за 1899 годъ. — Напротивъ, число хозяйствъ, занимающихъ больше 10 гектаровъ, увеличилось на *3789*. Концентрація поземельной собственности, соотвѣтствующая развитію крупнаго земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства, обнаруживается здѣсь самымъ яснымъ образомъ. Начиная съ 1880 года происходитъ движеніе, обратное движенію замѣченному въ періодъ 1866—1880, въ продолженіе котораго мелкія хозяйства значительно возросли въ числѣ, между тѣмъ какъ крупныя уменьшились. Въ настоящее время исчезаетъ мелкая поземельная собственность передъ крупной.“ *)

Мы очень рекомендуемъ это свидѣтельство оффиціальной бельгійской статистики вниманію той разновидности „критиковъ“ Маркса, которые любятъ отвести душу въ бесѣдахъ о торжествѣ мелкаго земледѣлія и землевладѣнія на западѣ.

Вниманію той же разновидности „критиковъ“ рекомендуемъ мы и соображенія Вандервельда о *„соціализаціи земли“* (socialisation du sol).

Вандервельдъ принадлежитъ къ числу соціалистовъ, думающихъ, что уже въ современномъ (капиталистическомъ) обществѣ до извѣстной степени возможно сдѣлать землю *общественной собственностью*. Поэтому на него не разъ съ любовью обращали свои взоры русскіе сторонники *общиннаго землевладѣлія*. Но какъ же именно представляетъ себѣ Вандервельдъ соціализацію земли въ капиталистическомъ обществѣ?

Онъ очень пессимистично смотритъ на будущую судьбу тѣхъ общинныхъ земель („communaux“), которыя мѣстами до сихъ поръ существуютъ въ Бельгіи. Въ своемъ нынѣшнемъ видѣ общинное землевладѣніе несовмѣстимо съ интенсивнымъ землевладѣліемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно должно если не исчезнуть окончательно, то водоизмѣниться самымъ существеннымъ образомъ („de fond en comble“, стр. 318). Но въ дѣлѣ такого видоизмѣненія совсѣмъ нельзя разсчитывать на *починъ сельскихъ общинъ*, проникнутыхъ духомъ рутины и враждебныхъ

*) Это мѣсто цитировано на страницѣ 291 книги Вандервельда. Но тамъ сказано, что оно взято съ 44 страницы бельгійскаго статистическаго Ежегодника. Это описка. На самомъ дѣлѣ оно находится на страницѣ XLI перваго отдѣла: „Resumé comparatif des principales données de l'annuaire“. Отмѣчаемъ это для тѣхъ читателей, которые захотѣли бы обратиться къ первому источнику.

всему новому (та же страница). Починъ соціализаціи земли долженъ исходить, по мнѣнію Вандервельда, *изъ городовъ:* „Прямо или косвенно города повліяютъ на деревню въ смыслѣ обобществленія, распространяя духъ ассоціаціи, развивая кооперативныя товарищества и порождая высшія формы производства и присвоенія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно города всегда были дѣятельнымъ элементомъ въ революціяхъ, пережитыхъ собственностью и культурой" (стр. 319).

Это, конечно, неопредѣленно. Но въ данномъ случаѣ эта неопредѣленность не имѣетъ для насъ значенія. Рѣчь идетъ у насъ не о томъ, въ какой мѣрѣ опредѣленны взгляды Вандервельда на соціализацію земли въ капиталистическомъ обществѣ, а о томъ, похожи ли они на взгляды русскихъ людей, доказывающихъ возможность перехода нашей сельской общины *„въ высшую форму общежитія"*. На этотъ же вопросъ приходится отвѣтить совершенно отрицательно: взгляды Вандервельда не похожи на взгляды нашихъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія уже по одной той причинѣ, что у него соціализація земли пріурочивается къ „соціализирующему" вліянію *города, т. е. значитъ и капитализма.*

А есть еще и другая причина, по которой разсматриваемые здѣсь взгляды Вандервельда не могутъ быть признаны похожими на взгляды нашихъ защитниковъ общины. Причина эта сдѣлается совершенно ясной для нашихъ читателей, когда они прочтутъ слѣдующія строки:

„Конечно, мы совершенно согласны съ Каутскимъ въ томъ, что въ бюрократическихъ и военныхъ монархіяхъ у соціальной демократіи нѣтъ никакого разумнаго основанія для того, чтобы увеличивать число фермеровъ капиталистическаго государства и дѣлать центральную власть болѣе независимой въ своихъ финансовыхъ средствахъ отъ представителей націи" (стр. 319).

Видите, какъ обстоитъ дѣло: въ военныхъ и бюрократическихъ монархіяхъ увеличеніе числа зависящихъ отъ государства фермеровъ сдѣлало бы центральную власть болѣе независимой отъ народныхъ представителей. Ну, а какъ же обстоитъ дѣло въ тѣхъ, еще болѣе бюрократическихъ и военныхъ монархіяхъ, гдѣ совсѣмъ уже нѣтъ никакого народнаго представительства? Ясно, что тамъ увеличеніе числа фермеровъ государства еще болѣе укрѣпило бы центральную власть, *поставивъ производителей въ крѣпостную отъ нея зависимость.* А это значитъ, что въ такихъ монархіяхъ соціаль-демократія поступала бы совсѣмъ уже не разумно и не цѣлесообразно, если бы она стремилась расширять или хотя бы только поддерживать общинное землевладѣніе, которое означаетъ тамъ *не то, что земля принадлежитъ земледѣльцу, а то, что земледѣлецъ составляетъ, вмѣстѣ съ землею, собственность полицейскаго государства.*

Bibliothèque socialiste. № 1, **Manuel du coopérateur socialiste,** par Maurice Lauzel, Paris 1900. — № 2—4, **Le collectivisme et l'évolution industrielle,** par Emile Vandervelde, Paris 1900. — № 5, **Proudhon,** par Hubert Bourgin, Paris 1900.

„Новое общество книжной торговли и издательства" (Société Nouvelle de Librairie et d'édition) издаетъ *„Соціалистическую Библіотеку"*, вышедшіе „номера" которой лежатъ передъ нами. Литературныя достоинства этихъ номеровъ далеко не одинаковы. Брошюра *Мориса Лозэля: „Руководство для кооператора-соціалиста"* представляетъ собою посредственное произведеніе; большая брошюра (скорѣе-книга) *Вандервельда „Коллективизмъ и промышленное развитіе"* очень хороша; а брошюра *Г. Буржэна „Прудонъ"* положительно слаба. Она интересна развѣ только какъ *„знаменіе*

времени". Буржэнъ старается реабилитировать Прудона, видя въ его ученіяхъ полезный противовѣсъ извѣстнымъ *„догмамъ"* (т. е. положеніямъ современнаго соціализма), неудобнымъ и непріятнымъ для сторонниковъ министра Милльрана и его адвоката Жорэса. Реакція, рѣзко обнаружившаяся въ области *практической* дѣятельности, не могла не вызвать реакціи и въ области *теоретической* мысли. Неудачная брошюрка Буржэна не первое и не послѣднее произведеніе, написанное въ этомъ будто бы *критическомъ* духѣ. „Ортодоксальнымъ" марксистамъ, можетъ быть, не совсѣмъ пріятно (потому что *скучно*), но во всякомъ случаѣ необходимо знакомиться съ подобными „трудами", чтобы изучить на нихъ слабыя стороны позиціи своихъ противниковъ.

Эти слабыя стороны замѣтны также и въ брошюрѣ Лозэля. Лозэль горячій сторонникъ потребительныхъ товариществъ. Онъ настойчиво рекомендуетъ ихъ устройство и старается всесторонне выяснить ихъ значеніе французскимъ соціалистамъ. Это было бы, разумѣется, очень не дурно, если бы Лозэль не впадалъ при этомъ въ промахи, способные внести немалую путаницу въ головы рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что уже въ настоящее время нужно добиваться непосредственныхъ улучшеній въ бытѣ рабочаго класса. Это безусловно вѣрно. Доказываетъ онъ также, что потребительныя товарищества являются надежнымъ средствомъ такого улучшенія. Это вѣрно по крайней мѣрѣ до извѣстной степени и въ примѣненіи къ нѣкоторымъ слоямъ рабочихъ. Но, высказавъ эти болѣе или менѣе вѣрныя мысли, Лозэль совершенно неожиданно вспоминаетъ „великое изрѣченіе Маркса": *освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ* и, опираясь на это дѣйствительно великое изрѣченіе, утверждаетъ, что потребительныя товарищества лучше всего *„рѣшаютъ вопросъ о реформахъ"*, такъ какъ они представляютъ собой реформу осуществляемую собственными силами народа въ отличіе отъ реформъ „уступаемыхъ" буржуазіей (стр. 38—39). Это что-то очень неясно и, — воля ваша, читатель! — напоминаетъ то ученіе, по которому рабочіе должны улучшить свой бытъ путемъ собственныхъ усилій, не требуя вмѣшательства государства въ отношеніи труда къ капиталу. Но это ученіе насквозь пропитано *буржуазнымъ* духомъ, и было бы очень жаль, если бы французскіе соціалистическіе кооператоры сдѣлались его послѣдователями. Кооперативное движеніе, несомнѣнно, можетъ оказать французскимъ соціалистамъ *часть* тѣхъ огромныхъ услугъ, которыя оно оказало бельгійскимъ. Но само собою понятно, что эта часть будетъ *тѣмъ больше, чѣмъ менѣе* будутъ кооператоры поддаваться вліянію буржуазныхъ доктринъ.

О пользѣ кооперацiи громче всѣхъ кричатъ во Франціи сторонники Милльрана-Жорэса. Мы потому говоримъ: *кричатъ*, что и въ этомъ отношеніи *дѣлаютъ* болѣе *„гэдисты"*. На первомъ *„національномъ и интернаціональномъ конгрессѣ соціалистической кооперацiи"*, происходившемъ въ Парижѣ 7, 8, 9 и 10-го іюля прошлаго года, гэдистъ *Дэлори* представлялъ кооперативное товарищество „L'union de Lille", имѣющее 5100 членовъ, между тѣмъ какъ Жорэсъ фигурировалъ въ качествѣ представителя отъ парижской „Cooperation Socialiste", число членовъ которой доходило лишь . . . до 38. Но апостолъ *„новой методы"* не перестаетъ расточать похвалы кооператорамъ, — руководствуясь при этомъ совершенно опредѣленнымъ и вполнѣ понятнымъ политическимъ разсчетомъ, — и эти непрестанныя похвалы даютъ многимъ поводъ думать, что успѣхъ кооперативнаго движенія во Франціи зависитъ отъ торжества Жорэса и другихъ „независимыхъ" соціалистовъ. Но „независимые" французскіе соціалисты въ большинствѣ случаевъ совершенно *независимы отъ опредѣленныхъ соціалистическихъ взглядовъ*, и потому ихъ вліяніе на коопера-

торовъ врядъ-ли способно предохранить этихъ послѣднихъ отъ увлеченія буржуазными доктринами въ родѣ той, которую напоминаютъ разсужденія Лозэля о реформахъ. Сознательные французскіе соціалисты должны очень строго относиться къ такимъ разсужденіямъ.

Брошюра Вандервельда, какъ мы уже сказали, очень хороша. Она заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ о ходѣ промышленнаго развитія въ цивилизованныхъ странахъ. Мѣстами авторъ побѣдоносно отвѣчаетъ въ ней на возраженія, дѣлаемыя противъ „Марксовой догмы" критиками въ родѣ г. Бернштейна. Но . . намъ кажется, что Вандервельдъ все таки не вполнѣ *критически* отнесся къ критикомъ. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 29-ой свой брошюры онъ допускаетъ, что въ *„Манифестѣ коммунистической партіи"* есть „слѣды" *„катастрофическихъ"* утопій (des utopies catastrophiques) и „переживанія" (des survivances) той теоріи, по которой революціи приходятъ „яко тать въ нощи". По нашему мнѣнію, Вандервельдъ не имѣлъ рѣшительно никакого основанія для того, чтобы допускать это. Если бы онъ съ надлежащей *критикой* отнесся къ нападкамъ критиковъ à la Бернштейнъ и Струве на ученіе Маркса о *соціальной революціи*, то онъ ясно увидѣлъ бы, какъ несостоятельны, легкомысленны и отчасти прямо смѣшны эти нападки.

Но вопросъ объ отношеніи *революціи къ эволюціи* есть большой вопросъ. *„Заря"* должна посвятить ему особую статью.

Не совсѣмъ согласны мы и съ тѣмъ, что говорится у Вандервельда о собственности въ соціалистическомъ обществѣ. Но и этого вопроса нельзя рѣшать въ небольшой рецензіи. Въ общемъ брошюра Вандервельда — хорошее пріобрѣтеніе для соціалистовъ.

Г. П.

Штундистъ Павелъ Руденко. Романъ С. Степняка (С. М. Кравчинскаго).

Издательница этого романа г-жа Степнякъ сообщаетъ намъ въ своемъ предисловіи тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ возникъ. Степнякъ взялся доставить одной англійской писательницѣ историческія и бытовыя данныя для произведенія имѣющаго своимъ сюжетомъ жизнь русскихъ сектантовъ. „Однакоже, когда онъ засѣлъ за работу, то скоро почувствовалъ, что не въ состояніи ограничиться сухимъ изложеніемъ фактовъ и историческихъ данныхъ, какъ-то само собою „матеріалъ" вылился у него въ форму стройнаго разсказа съ опредѣленной фабулой, характерами и бытовыми сценами."

Изъ самаго разсказа видно, чѣмъ именно увлекъ Степняка этотъ матеріалъ, состоявшій, конечно, главнымъ образомъ изъ результатовъ разслѣдованій и преслѣдованій разнаго рода „оказательствъ" распространенія новой ереси. Онъ встрѣтился тутъ съ знакомымъ ему явленіемъ нравственнаго подъема, охватывающаго цѣлыя группы людей, вызывая въ нихъ потребность дѣятельности, „оказательства", чего бы это ни стоило, и горячее братство преслѣдуемыхъ за то, что они считаютъ самымъ высшимъ, лучшимъ, должнымъ.

Тотъ же массовой подъемъ душевнаго строя, но въ другой средѣ и съ совершенно инымъ идейнымъ содержаніемъ, составляетъ существенную особенность также перваго и пожалуй единственнаго значительнаго беллетристическаго произведенія Степняка — его романа „Андрей Кожуховъ". Степнякъ могъ бы и про себя сказать извѣстную фразу „mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre". Онъ не только не великъ, онъ плохо отшлифованъ, недодѣланъ и все таки въ немъ есть кое что, чего вы не найдете ни у кого другаго. Его первый романъ — это картина,

въ которой замѣчательно только выраженіе лицъ изображенной на ней группы людей; выраженіе, у однихъ проявляющееся сильнѣе у другихъ слабѣе, но очевидно вызванное одной общей причиной, дѣйствующей на всѣхъ. Только это и замѣчательно въ картинѣ, но безъ этого та же группа, изображенная другими живописцами, оставалась непонятной, нелѣпой, а за ея изображенія брались, между прочимъ, наши величайшіе мастера; но и у нихъ, не смотря на все совершенство второстепенныхъ деталей и постороннихъ лицъ, центральная группа оставилась невѣроятной, каррикатурной, иногда неумышленно (во всякомъ случаѣ въ Нови Тургенева) каррикатурной. О многочисленныхъ каррикатурахъ (подчасъ тоже не умышленныхъ: „Знаменіе Времени“ напр.) третьестепенныхъ писателей и говорить нечего. Чтобы стать естественнымъ и понятнымъ, изображенію не доставало именно того, что смогъ показать одинъ Степнякъ. Чтобы придать, хотя бы только внѣшнее, механическое, такъ сказать, вѣроподобіе своимъ произведеніямъ, всѣмъ приходилось рисовать исключительныя или обманутыя существа.

Герои Степняка обыкновенные люди, ихъ героизмъ — ихъ преступность съ административной точки зрѣнія — вытекали не изъ ихъ личныхъ, необычайныхъ, исключительныхъ свойствъ, а изъ общаго подъема, охватившаго цѣлый слой населенія въ его молодыхъ представителяхъ. Въ революціонерахъ этотъ подъемъ только выразился съ наибольшей интенсивностью и устойчивостью, они были гребнемъ общественной волны, которая поднималась все выше благодаря ихъ же сознательнымъ усиліямъ, но въ тоже время создала и ихъ самихъ и ихъ усилія, превратила въ безстрашныхъ борцовъ хорошихъ людей, которымъ, во время общественнаго отлива, предстояло бы, при русскихъ условіяхъ, пропасть однимъ изъ тѣхъ прозаическихъ, медленныхъ и тоскливыхъ способовъ, которые такъ обстоятельно, и подъ часъ, художественно изображены въ безчисленныхъ произведеніяхъ русской беллетристики.

Вотъ этотъ-то массовой, независимый какъ отъ исключительныхъ свойствъ отдѣльныхъ личностей, такъ и отъ чего бы то ни было случайнаго или искусственнаго, характеръ революціоннаго движенія отразился, какъ намъ кажется, въ романѣ Степняка и навѣрное не отразился ни въ одномъ изъ беллетристическихъ произведеній на ту же тему. Быть можетъ эту одностороннюю силу таланту Степняка дало то самое обстоятельство, которое помѣшало его развитію. Революціонеръ Степнякъ, долго и сильно переживалъ самъ тотъ душевный подъемъ, который выразился въ его романѣ; но если „служеніе музъ не терпитъ суеты“, то еще нетерпимѣе, быть можетъ, относятся музы къ продолжительному и сильному сосредоточенію душевной энергіи своего служителя на чемъ бы то ни было внѣ этого служенія, а Степняку „борьба мѣшала быть поэтомъ“, и онъ никогда не допускалъ, чтобы „пѣсни мѣшали“ ему „быть борцомъ“. Орудія же борьбы онъ въ беллетристикѣ никогда не видѣлъ, работа надъ ней была для него наслажденьемъ, но когда нужно было изобличать, разъяснять, доказывать, онъ писалъ статьи.

Въ посмертномъ романѣ Степняка, заглавіе котораго мы выписали, революціонеръ является лишь эпизодически, главныя же дѣйствующія лица — крестьяне штундисты.

Трудно теперь гдѣ бы то ни было пострадать за проповѣдь евангелія, но въ Россіи еще можно принять за нее даже мученическую смерть; не на кострѣ, правда, а просто въ острогѣ, отъ побоевъ сторожей, или отъ продолжительнаго пребыванія въ тюремномъ карцерѣ за упорство. Не „ревность о Господѣ“, конечно, тому причиной. Едва ли когда бывало на свѣтѣ духовенство болѣе формально относящееся къ религіи, болѣе равно-

душное по всему на свѣтѣ, кромѣ собственнаго хозяйства, чѣмъ православные батюшки. Сектантство можетъ безпокоить ихъ единственно съ точки зрѣнія уменьшенія доходовъ. Но при нашемъ общемъ беззаконіи и безправіи устроить гоненіе слишкомъ легко, чтобы этой легкостью не соблазнялись люди, которымъ гоненіе выгодно. А съ другой стороны, всякое движеніе, одушевленіе, объединеніе, хотя бы и подъ знаменемъ евангелія, дѣйствительно вредно для нашего государственнаго строя, держащагося разъединеніемъ обывателей, ихъ апатіей по всему не чисто личному.

Романъ рисуетъ первое гоненіе, выдержанное небольшой штундистской общиной, недавно образовавшейся среди православнаго населенія. Живо обрисовано пробужденіе чувства и мысли крестьянъ при переходѣ отъ формальнаго, казеннаго христіанства къ евангелію, съ которымъ они впервые знакомятся лишь становясь врагами поповскаго, обрядоваго православія.

Чувствуется мѣстами, что романъ не додѣланъ, что если бы авторъ самъ готовилъ его къ печати, онъ кое что выбросилъ бы, кое что развилъ. Но то, что составляетъ главный мотивъ произведенія, что увлекало въ немъ самаго автора, заражаетъ и чувство читателя. Въ особенности удачно обрисована личность перваго распространителя секты нехозяйственнаго мужика Лукьяна, у котораго въ обыкновенныхъ дѣлахъ слишкомъ много „простоты“ и не хватаетъ ловкости, но есть даръ „ловца людей“, даръ убѣдительной, полной чувства рѣчи, обращающей ихъ въ его вѣру. Его героизмъ на слѣдствіи и его мученичество глубоко трогательны именно по своей безграничной простотѣ и безпритязательности. Мы указывали рядомъ съ достоинствами романовъ Степняка и на ихъ несовершенство въ художественномъ отношеніи. Но мѣркой для сравненія мы брали при этомъ тѣ истинно художественныя произведенія, которыхъ не такъ ужъ много на свѣтѣ. Беря же другую мѣрку, мы скажемъ, что русскіе журналы переполнены несравненно слабѣйшими беллетристическими произведеніями, которыя забываются тотчасъ по прочтеніи, не заражая читателя никакимъ чувствомъ, никакимъ настроеніемъ, потому именно, что въ нихъ не вложено ничего подобнаго. Этого съ читателемъ романовъ Степняка случиться не можетъ. А, впрочемъ, смотря по читателю! Это чтенье не для сонныхъ, довольныхъ людей — ничего они въ немъ не поймутъ; не для эстетовъ, не для поклонниковъ „злой красоты“ и вычурныхъ героевъ Минскаго или Гиппіусъ, — красота героевъ Степняка для нихъ слишкомъ проста и „добра“. Не такихъ читателей желали бы мы романамъ Степняка.

Теперь, когда Россія снова переживаетъ общественный подъемъ, захватившій болѣе глубокій и широкій слой чѣмъ предыдущій, въ которомъ участвовалъ Степнякъ, мы желали бы его романамъ — какъ „Андрею Кожухову“, слишкомъ мало проникшему въ Россіи, такъ и „Штундисту“ — побольше читателей именно изъ этого новаго слоя. Рабочіе, „на психологію“ которыхъ „указываетъ“ авторъ письма, помѣщеннаго въ № 8 Рабочей Мысли, „зачитывавшіе до дыръ“ „Подполную Россію“ Степняка, „жившіе вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго“, съ наслажденіемъ прочтутъ и эти романы. Ни террористами, ни штундистами они отъ нихъ не сдѣлаются, но переживутъ вмѣстѣ съ ихъ героями, зарождающіяся уже и въ нихъ самихъ чувства людей, отдавшихся великому, общему дѣлу, отъ котораго не могутъ отказаться ни подъ какой грозой.

В. З.